

*70-летию со дня рождения
профессора Р.Г. Скрынникова
посвящается*

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

РОССИЯ XV—XVIII СТОЛЕТИЙ

Сборник научных статей

Юбилейное издание

Волгоград — Санкт-Петербург
2001

ББК 63.3(2)42
Р76

Составитель и редактор д-р ист. наук *И. О. Тюменцев*

Редколлегия:

О. В. Иншаков, д.э.н., проф., акад. МАН ВШ (председатель);
Б. Н. Сипливый, д.т.н., проф., акад. АИН (зам. председателя);
А. А. Воронин, д.ф.-м.н., проф., чл.-кор. МАИ; М. М. Загоруйко, д.э.н.,
проф., акад. МАН ВШ; Иванов А. Н., д.ф.-м.н., проф. чл.-кор. АИН;
С. П. Лопушанская, д.филол.н., проф., акад. АГИ; Д. С. Львов, д.э.н.,
проф., акад. РАН; В. Г. Костомаров, д.филол.н., проф., акад. РАО;
В. М. Миклюков, д.ф.-м.н., проф.; Н. В. Омельченко, д.филол.н., проф.;
А. С. Скрипкин, д.и.н., проф., акад. АИП, АГИ; Д. И. Трубецков,
д.ф.-м.н., проф., чл.-кор. РАН; В. Е. Шукшунов, д.т.н., проф., акад.
МАН ВШ; А. Л. Стризов, д.филол.н., проф.

Рецензенты:

д-р ист. наук *С. И. Рябов*; канд. ист. наук *Н. Д. Барabanов*

Издание осуществлено при финансовой поддержке Волгоградского государственного университета и Российского гуманитарного научного фонда

Россия XV—XVIII столетий: Сборник научных статей. Юбилейное издание. — Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2001. — 292 с.
ISBN 5-85534-378-2

В сборник вошли исследования коллег, учеников Р. Г. Скрынникова и их учеников, посвященные актуальным проблемам истории России XV—XVIII столетий. Предназначен исследователям, преподавателям, аспирантам, студентам, учащимся высших и средних учебных заведений, всем интересующимся отечественной историей.

This collection of articles includes the works by colleagues, disciples of R. G. Skrynnikov and their disciples. It covers the problems of the Russian History of the XV—XVIII centuries and meant for historians, post-graduate students, students and for everyone interested in the History of Russia.

ISBN 5-85534-378-2

© Волгоградский государственный университет, 2001

К ЮБИЛЕЮ РУСЛАНА ГРИГОРЬЕВИЧА СКРЫННИКОВА

8 января 2001 г. выдающемуся русскому историку, доктору исторических наук, профессору Руслану Григорьевичу Скрынникову исполняется 70 лет.

Руслан Григорьевич родился в г. Кутаиси в семье служащих. Его отец Григорий Иванович Скрынников, инженер-гидротехник, работал в то время на строительстве Рионской ГЭС, мать Серафима Александровна преподавала химию в средней школе.

В школьные годы будущий историк с удовольствием занимался физикой и математикой, сделал доклад о ядерных исследованиях по материалам зарубежных изданий. Мечтал о профессии физика. До сих пор Руслан Григорьевич не может дать сам себе ответ на вопрос, что заставило его свернуть с «естественно-научного» пути. В 1948 г. Руслан Григорьевич поступил на исторический факультет Ленинградского государственного университета, где специализировался по истории средневековой России. Большой удачей для него было то, что его учителями были Д.С. Лихачев, Б.А. Романов, С.Н. Валк. Учеба в университете открыла перед будущим исследователем широкие горизонты. В семинаре Б.А. Романова Р.Г. Скрынников сделал свой первый научный доклад, посвященный одной из статей царского Судебника 1550 г. Б.А. Романов предложил ученику составить карту опричнины, установив ее территориальный состав. Р.Г. Скрынников прилежно взялся за дело. Но работа завершена была много лет спустя. Студенческие доклады, написанные под руководством проф. Б.А. Романова, положили начало знаменитым исследованиям Руслана Григорьевича по истории опричнины Ивана Грозного.

В год смерти И.В. Сталина Р.Г. Скрынников с отличием окончил исторический факультет ЛГУ и тогда же поступил в

аспирантуру при кафедре истории СССР Ленинградского государственного педагогического института им. А.И. Герцена. Он взялся за разработку экономической истории новгородского поместья конца XV — XVI в. В 1957—1958 гг. в печати появились первые научные статьи исследователя, в которых четко проявились особенности его творческого стиля¹. Проанализировав древнейшие писцовые книги России, Р.Г. Скрынников выявил основные тенденции развития новгородского поместья в конце XV — XVI в. Итогом разысканий явилась кандидатская диссертация «Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV — XVI в.». Диссертация была успешно защищена в 1958 г.

Будучи аспирантом, Р.Г. Скрынников поступил на работу в Главную редакцию Морского атласа при Главном штабе Военно-Морского флота. В 1960 г. он был приглашен преподавателем на кафедру истории СССР ЛГПИ им. А.И. Герцена.

Преподавательскую деятельность Руслан Григорьевич успешно сочетал с научными разысканиями. Главным предметом его исследований в этот период стала опричнина Ивана Грозного. От этой эпохи сохранилось совсем мало источников. Архивы с опричной документацией погибли. Историки вынуждены судить об опричнине по немногим летописям, а также запискам иностранцев, которые, по меткому замечанию Р.Г. Скрынникова, можно сравнить с кривыми зеркалами.

Первой крупной удачей историка явилось отыскание в писцовых книгах Казанского края данных о ссылке примерно сотни княжеских семей на восточную окраину государства в первый год опричнины. Выяснилось, что опричнина была учреждена Иваном Грозным с целью сокрушить могущество княжеской аристократии.

Вскоре внимание исследователя привлек синодик опальных Ивана Грозного. В конце жизни Иван IV объявил о прощении всех казненных им бояр и прочих лиц и пожертвовал на помин их душ огромные суммы. Перечни казненных были разосланы в десятки монастырей в качестве поминальных списков, или синодиков. Со времен Н.М. Карамзина² историки охотно обращались к синодикам, но их использование затруднялось тем, что подлинники их не сохранились. Судить о синодиках можно было лишь по поздним, до неузнаваемости искаженным монастырским копиям. Известный русский историк

С.Б. Веселовский первым высказал предположение, что дьяки составили приказной список казненных на основе подлинных документов опричного архива. Он пришел к выводу, что синодик заключает в себе неполный перечень опальных, который был составлен в спешке, задним числом, по разным источникам, без учета порядка событий³

Р.Г. Скрынников поставил перед собой задачу реконструировать путем текстологического анализа утраченный оригинал царского синодика. Главная трудность заключалась в том, что поздние монастырские копии очень мало походили друг на друга. В разных обителях были утеряны различные страницы синодика, а уцелевшие были перемешаны самым причудливым образом. К тому же монахи в ходе переписки произвольно сокращали текст протографа, исключали незнакомые имена и пр. Ключ к реконструкции синодика дало несложное текстуральное наблюдение: оказалось, что опальные с необычными именами записаны в разных списках в окружении одних и тех же лиц. Последующая работа позволила установить, что совпадавшие куски текста являются осколками оригинала. Понадобилось немало времени, чтобы выявить сходные отрывки текста в двадцати известных ранее и вновь выявленных списках синодика. Самым важным оказался вопрос: в каком порядке располагались выявленные «осколки» в протографе? Решить задачу помог синодик нижегородского Печерского монастыря — единственный полный список памятника, составленный еще при жизни Грозного. Ему не придавали значения потому, что в нем были записаны одни имена (без фамилий). Сопоставление перечня имен печерского синодика с выявленными в других списках фрагментами протографа позволило завершить реконструкцию первоначального текста синодика. Удалось расшифровать фамилии всех опальных (кроме трех лиц), а также установить множество сведений о месте и обстоятельствах их гибели. Проверка данных обнаружила, что содержащийся в синодике полный хронологический перечень всех казненных за три года террора (1567—1570) был составлен царскими дьяками по материалам погибшего опричного архива, который заключал в себе дела основных судебных процессов того времени. Составители синодика старательно законспектировали документацию этих процессов, сохранив язык опричных судебных

отчетов, цифровые данные и пр. Восстановление оригинала синодика явилось не только одним из немногих признанных удачных опытов научных реконструкций, казалось бы, утраченного источника ⁴, но и помогло решить важную источниковедческую задачу — воскресить опричный архив, погибший после смерти Грозного.

Сделанное Русланом Григорьевичем открытие позволило полностью пересмотреть концепцию политического развития России в XVI в. и доказать, что опричнина никогда не была цельной политикой с едиными принципами. На первом этапе опричнина обрушила удар на княжескую знать, но эту направленность она сохраняла на протяжении всего лишь года. В 1567—1572 гг. Грозный подверг террору новгородское дворянство, верхи приказной бюрократии, горожан, то есть те слои, которые составляли опору монархии. В этот период террор был политической бессмыслицей.

Свои наблюдения и выводы Р.Г. Скрынников изложил в цикле монографий (Начало опричнины. Л., 1966; Опричный террор. Л., 1969; Россия после опричнины. Л., 1975. Общий объем 64,6 п. л.). В 1967 г. он с успехом защитил докторскую диссертацию «Опричнина Ивана Грозного», став самым молодым доктором исторических наук в СССР.

В 1973 г. профессор Р.Г. Скрынников был приглашен на исторический факультет Ленинградского государственного университета. Продолжая исследование эпохи Ивана Грозного, ученый вступил в полемику с профессором Э. Кинаном из Гарвардского университета. Американский историк выступил с тезисом о подложности переписки Грозного и Курбского. Проведенный Р.Г. Скрынниковым анализ обнаружил исходную ошибку в текстологическом построении Кинана и убедительно опроверг выдвинутую оппонентом гипотезу.

Дискуссия об аутентичности переписки Грозного продолжалась около десяти лет. В ней приняли участие ученые из ведущих университетов США, Англии, Германии, Польши, Японии, Канады, Венгрии. В конце 70-х годов один из учителей Э. Кинана профессор Оксфордского университета Д. Феннелл признал в своей рецензии на книгу Скрынникова невероятным, «чтобы кто-нибудь, внимательно изучивший труд Р.Г. Скрынникова, мог стать теперь сторонником гипотезы

Э. Кинана»⁵. Слависты Западной Германии посвятили дискуссии специальный выпуск «Ежегодника по истории Восточной Европы» (Т. 22. 1974). В этом выпуске профессор А. Каппелер признал, что советская реакция на «еретический вызов» Э. Кинана подорвала построение американского исследователя. Споры об аутентичности переписки Ивана Грозного явились одной из крупнейших мировых научных дискуссий последних десятилетий, которая привлекла пристальное внимание научного мира к далеким для Запада сюжетам российской истории XVI века. Его имя стало широко известно в научном мире как в СССР, так и за рубежом. Цикл исследований Р.Г. Скрынникова по истории опричнины был отмечен первой университетской премией за 1978 год.

Продолжая разрабатывать историю царствования Ивана Грозного, Р.Г. Скрынников обратился к изучению проблемы присоединения Сибири к России (Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982; 2-е изд. Новосибирск, 1986)⁶. Критически проанализировав тексты сибирских летописей, историк сделал важное открытие. Он обнаружил, что автор одной из летописей использовал в своей работе документы архива казаков-ермаковцев, значительные фрагменты которых исследователь смог выделить путем текстологического анализа. В результате в его распоряжении оказались считавшиеся утраченными многие данные архива казаков-ермаковцев. Дальнейший анализ сохранившихся документальных материалов обнаружил, что сибирский поход Ермака имел место не в 1580—1581 гг., а в 1582 г. Отвергнув представление о двухлетнем кровавом походе казаков из Приуралья на Иртыш, Р.Г. Скрынников пришел к выводу, что отряду казаков на подвижных стругах понадобилось два месяца, чтобы пройти 1200 верст вниз по течению сибирских рек. Кучум не имел сил оборонять свою столицу, так как его войска заняты были грабежом строгановских земель на Каме. Поход завершился обращением отряда вольных казаков за помощью к царю в Москву.

Итоги многолетних исследований царствования Ивана Грозного Р.Г. Скрынников подвел в большой монографии «Царство террора» (СПб., 1992), в которой концепция опричнины развита и подкреплена новыми материалами.

В 80-х годах круг научных интересов Р.Г. Скрынникова значительно расширился. Предметами его исследования, наряду с

эпохой Ивана Грозного, стали основные события правления, а затем царствования Бориса Годунова, Смутное время. В цикле монографий (Россия накануне Смутного времени. М., 1981; М., 1985; Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985; Россия в начале XVII в. Смута. М., 1988; Смута в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988)⁷ и статей историк подверг критике общепринятую в историографии схему, согласно которой Иван Грозный учредил крепостной строй отменой Юрьева дня в 1581 г., а ответом на закрепощение явилась первая крестьянская война начала XVII в. Гипотетический указ об отмене Юрьева дня 1581 г., по мнению Р.Г. Скрынникова, никогда не издавался. Нормы заповеди появились в годы правления Бориса Годунова и распространялись на тяглое население города и деревни поначалу как меры временные, имевшие узкофинансовые цели. В обстановке разрухи власти пытались обеспечить сбор податей с городского и сельского населения. В городе эти меры из-за городских восстаний XVI—XVII в. не привились. В деревне дворянство, оценив выгоды крепостного строя, смогло добиться от Бориса Годунова издания в 1597 г. указа «Об урочных летах» — первого законодательного акта, положившего начало юридическому оформлению крепостного права.

Анализируя лихолетье начала XVII столетия в России, Р.Г. Скрынников выдвинул серьезные аргументы, подрывающие принятую в советской литературе трактовку этих событий как первой крестьянской войны в России. Он пришел к выводу, что главной причиной Смуты был раскол российского дворянства, подготовленный опричниной и террором Грозного. Историк одним из первых вернулся к рассмотрению Смуты начала XVII столетия как единого комплекса событий, охарактеризовав ее как первую гражданскую войну в России⁸.

Одновременно с изучением событий русской истории, последовавших после смерти Ивана Грозного, Р.Г. Скрынников обратился к некоторым сюжетам предшествующих его царствованию времен (Куликовская битва: проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. М., 1983; Где и когда было составлено «Сказание о Мамаевом побоище»? // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987; Третий Рим. СПб., 1994). Плодотворное изучение событий рус-

ской истории середины XVI — начала XVII в. позволило вернуться к начатым еще в начале пути разработкам проблем зарождения поместной системы в России. В «Трагедии Новгорода» (М., 1994) Р.Г. Скрынников пришел к заключению, что присоединение Новгорода к Москве, вопреки сложившимся представлениям, в действительности было жестоким завоеванием, уничтожившим древнюю политическую культуру Новгорода с его вечевыми традициями. После падения Новгорода все местные землевладельцы были не только экспроприированы, но и уничтожены. Поздние тенденциозные сообщения официальных московских летописей о наделении высланных новгородцев поместьями в Московской земле не соответствуют действительности.

На рубеже 80—90-х годов Р.Г. Скрынников написал несколько крупных работ, посвященных отношениям государства и церкви в России IX—XVII вв. (Митрополит Алексей и Сергей Радонежский. М., 1990; Святители и власти. Л., 1990; Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв.: подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991). В центре этих трудов стоит проблема взаимоотношений церкви и государства на Руси. Особое внимание историк уделил таким фигурам, как митрополит Алексей, Сергей Радонежский, Филипп Кольчез, Гермоген. Итогом многолетних исследований стала недавно вышедшая из печати монография «Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX—XVII вв.» (СПб., 2000). В ней дана цельная концепция развития русской церкви — от принятия христианства до реформ Никона. Новый цикл работ Р.Г. Скрынникова по истории средневековой России был удостоен первой университетской премии за 1995 год.

Многолетние научные исследования, усилия по разработке и чтению курса лекций по древней и средневековой истории России помогли Р.Г. Скрынникову создать оригинальные учебные пособия по русской истории: «История российская. IX—XVII вв.» (М., 1997) и «Русь IX—XVII вв.» (М., 1999)⁹. Они стали итогом многолетних раздумий автора над историческими судьбами нашей Родины. Критическое переосмысление источников, и в первую очередь «Повести временных лет», комплексный анализ всей совокупности дошедших до нас сведений о начальной истории Руси позволили Р.Г. Скрынникову нарисовать яркую картину эволюции Древнерусского государства и предложить оригинальную трактовку событий русской

истории IX—XIII вв. Историк показал, что норманны, вопреки сложившимся в советской историографии представлениям, сыграли значительную роль на начальном этапе становления и развития древнерусской государственности. Киевская Русь, согласно концепции Р.Г. Скрынникова, по своему типу ничем не отличалась от аналогичных западноевропейских королевств. Именно поэтому, полагает ученый, попытки некоторых современных историков найти истоки московского деспотического самодержавия в Древней Руси — абсолютно несостоятельны.

Новый исторический цикл, по мнению Р.Г. Скрынникова, начался в 1478 г. с завоевания Новгорода Москвой и закончился при Петре I в 1714 г. Древнее новгородское боярство обладало наибольшими земельными богатствами. Благодаря республиканской форме правления Новгородская земля избежала дробления. Ее территория превосходила территорию собственно Московского княжества. Иван III, захватив Новгород Великий, не имел иного способа разрушить республиканские порядки, кроме как экспроприировать и выселить из пределов земли всех землевладельцев. Конфискация новгородских боярщин привела к тому, что государственная собственность почти мгновенно стала ведущей формой землевладения на Руси.

Образование всеобъемлющего фонда государственной земельной собственности ускорило формирование самодержавных порядков. Наделение государственными поместьями (на условиях обязательной службы) знати, дворян и детей боярских Московской земли превратило старое московское боярство в военно-служилое дворянское сословие XVI века. Годы опричнины были временем высшего расцвета государственной собственности. Иван Грозный конфисковал родовые наследственные вотчины у многих десятков княжеских семей, принадлежавших к коренной суздальской знати, что привело к новому расширению государственного фонда земель в центральных уездах страны. Покушение на вотчинную собственность вызвало глубокое возмущение в обществе. Натолкнувшись на сопротивление боярской аристократии, Иван IV вынужден был признать крушение своей земельной политики и объявил о возврате вотчин их прежним владельцам. Итогом принудительного вторжения государства в сферу земельной собственности были политические потрясения и террор XVI в. Опричные конфис-

кации расширили до предела фонд государственных земель и, по мнению Р.Г. Скрынникова, на столетие приостановили процесс сближения поместья с вотчиной.

Последствия террора и экспроприаций в конце концов оказались катастрофическими для страны. Крепостнические законы конца XVI в. были не чем иным, как попыткой приостановить запустение государственного фонда земель с помощью мер внеэкономического принуждения. Военно-служилая система, возникшая в конце XV — XVI в. не могла существовать без сильной центральной власти. Однако Смута начала XVII столетия ослабила эту власть до предела. Властям приходилось тратить много усилий и средств на то, чтобы приостановить разорение земель, конфискованных в разных уездах, у разных землевладельцев. Усилия государства были безрезультатны. Новгородские земли, до того процветавшие, превратились к концу XVI в. в огромный пустырь. Значительная часть государственного земельного фонда пришла в запустение.

Государственная земельная собственность, по мнению Р.Г. Скрынникова, господствовала примерно на протяжении столетия. В XVII в. общество постепенно стало освобождаться от груза государственной земельной собственности, который оказался непосильным для страны. К концу века процесс превращения поместья в частные владения дворян был близок к своему завершению. Возродить государственную собственность без террора в то время уже было невозможно. Для поддержания государственного фонда требовались огромные затраты.

Кризис московского дворянства подготовил почву для реформ начала XVIII в. Петр I создал русскую регулярную армию, что привело к упразднению дворянского поместного ополчения. Указом о единонаследии 1714 г. Петр I закрепил за дворянами поместья, приравняв их к вотчинам. Тем самым он упразднил огромный фонд государственной поместной земельной собственности. Власти, наконец, избавились от расходов, связанных с необходимостью постоянно пополнять государственный фонд, не допускать выхода земли из службы, обеспечивать поместьями служилых людей и «новиков». Именно поэтому указ «О единонаследии» оказался выгодным не только дворянству, но и казне.

Принцип обязательной службы дворян, не подкрепленный государственной собственностью, уже при первых преем-

никах Петра стал приобретать формальный характер (запись младенцев в полки, длительные отпуска со службы и т. п.), а затем, при Екатерине II, был упразднен законодательным путем. Военно-служилое сословие окончательно превратилось в XVIII в. в благородное российское шляхетское сословие.

Ликвидация государственной земельной собственности была в действительности одной из крупнейших реформ Петровской эпохи. Эта реформа благоприятствовала успеху преобразований начала XVIII в. и ускорила историческое развитие русского общества.

В настоящее время перу Р.Г. Скрынникова принадлежат более 50 монографий и книг, свыше сотни статей по русской истории в ведущих научных, общественно-политических и литературных журналах, многие из которых переведены в США (4 монографии), Польше (2 монографии), Германии, Венгрии, Италии, Японии и Китае. Наиболее важные результаты научных исследований были изложены Р.Г. Скрынниковым в научных докладах на мировых конгрессах в Харрогейте (Англия) в 1990 г., в Варшаве в 1995 г., на международных конференциях и семинарах в Сорбонне, в университетах Венеции, Токио, Будапешта, Кракова, университетах Санкт-Петербурга, Москвы, Новосибирска, Ростова-на-Дону, Великого Новгорода, Гамбурга, Мюнхена, Гейдельберга, Киля, Мюнстера, Гессена и др.

Интенсивные научные разыскания помогли Р.Г. Скрынникову сделать учебную работу со студентами, аспирантами и докторантами увлекательной и плодотворной. О его семинаре можно говорить как о сложившейся научной школе, которая является частью петербургской научной школы. Среди учеников Р.Г. Скрынникова четыре доктора, четырнадцать кандидатов наук, научные сотрудники, преподаватели, архивные и музейные работники. Под его руководством проходили обучение и стажировку специалисты из Венгрии, Италии, США, Германии, Польши и других стран.

Будучи профессором Ленинградского (Санкт-Петербургского) университета, Р.Г. Скрынников много сделал для развития исторического образования в нашей стране и за рубежом. Он неоднократно читал курсы лекций в Волгоградском, Ростовском, Новосибирском, Новгородском, Псковском, Калининградском университетах (Россия), в Днепропетровском (Украина), Вроцлавском, Краковском (Польша), Будапештском

(Венгрия) университетах. В 1977 г. он был приглашен в ранге почетного профессора во Францию, но не смог воспользоваться приглашением из-за противодействия властей. В 1988 г. Р.Г. Скрынников был гостем Академии наук Великобритании, выступал с лекциями и научными докладами в Оксфорде, Кембридже, Лондоне, Бирмингеме, Абердине, в 1991 г. читал лекции в Сорбонне, в 1994 г. — Венецианском университете. В качестве гостя-профессора он преподавал в 1994—1995 гг. в Кельнском университете.

Опираясь на материалы своих научных монографий и статей, Р.Г. Скрынников написал ряд научно-популярных работ. Наибольшую известность в нашей стране и за рубежом приобрели его книги «Иван Грозный» и «Борис Годунов», опубликованные необычным для издательства «Наука» тиражом — около 1 млн экземпляров. В 1983 г. историк был принят в члены Союза писателей СССР.

Книги историка, давно завоевавшие широкую читательскую аудиторию, циклы публичных лекций, прочитанные им в различных аудиториях Санкт-Петербурга, Москвы и других городов, выдвинули Р.Г. Скрынникова в число наиболее известных популяризаторов исторических знаний в нашей стране и за рубежом. Он консультировал постановку трилогии А.К. Толстого в театре им. Комиссаржевской (режиссер Р.С. Агамирзян), опер «Борис Годунов» Мусоргского в авторской редакции (режиссер Покровский, дирижер Темирканов) и «Псковитянка» в Мариинском театре, трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» во МХАТе (режиссер О. Ефремов), консультировал режиссера С. Бондарчука в работе над фильмом «Борис Годунов». В начале 90-х годов историк был избран членом правления Санкт-Петербургского отделения фонда культуры.

Признанием научных и общественных заслуг Руслана Григорьевича явилось присвоение ему почетного звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

На протяжении всей жизни верным помощником и другом ученого была Лидия Николаевна Семенова, его жена, первый читатель всех его книг. Она обладала талантом историка-исследователя и редким тактом. Ее критические суждения, безупречный вкус и жизненные ориентиры неизменно помогали историку во всех его начинаниях и трудах.

Сын ученого — доктор физико-математических наук Николай Русланович Скрынников пошел по пути, о котором в школьные годы мечтал отец. Он один из известных в стране и за рубежом физиков-ядерщиков.

Сегодня Руслан Григорьевич полон новых творческих замыслов. Отточенное в результате многолетних трудов мастерство историка позволяет ему успешно разрабатывать, казалось бы, далекие от его прежних исследований темы и сюжеты. Пример тому — недавняя работа, посвященная последним годам жизни А.С. Пушкина (*Дуэль Пушкина*. СПб., 1999). Книга выдержала два издания в течение года. В лаборатории исследователя новые книги, статьи, наброски. Растет молодое поколение учеников.

Настоящий сборник научных статей — скромный подарок Руслану Григорьевичу к его славному юбилею от коллег, учеников и учеников его учеников.

д-р ист. наук, проф. И.О. Тюменцев

Примечания

¹ См.: Список научных трудов Р.Г. Скрынникова.

² *Карамзин Н.М.* История государства Российского. М., 1989. Кн. 3. Т. 9. Прим. 3.

³ *Веселовский С.Б.* Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 345.

⁴ *Буганов В.И.* К изучению синодика опальных царя Ивана Грозного 1583 г. // Архив русской истории. М., 1993. С. 146—147.

⁵ Fennell J.L.I. *Russia mediaevalis*. Vol. 2. Munchen, 1975. P. 188—198.

⁶ *Прошительн А.П.* [Рецензия] // История СССР. 1984. № 1. С. 195—198. Рец. на кн.: Скрынников Р.Г. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982.

⁷ Шаскольский И.П. [Рецензия] // История СССР. 1984. № 1. С. 189—193. Рец. на кн.: Скрынников Р.Г. Россия накануне Смутного времени. М., 1980; Абрамович В.Г. [Рецензия] // История СССР. 1986. № 5. Рец. на кн.: Скрынников Р.Г. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л., 1985.

⁸ Даннинг Ч. Была ли в России в начале XVII в. крестьянская война? // Вопросы истории. 1994. № 9. С. 21—33.

⁹ Володихин Д.М. [Рецензия] // Вопросы истории. 1999. № 7. Рец. на кн.: Р.Г. Скрынников. История российская, IX—XVII вв. М., 1997.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПЕЧАТНЫХ ТРУДОВ ПРОФЕССОРА Р.Г. СКРЫННИКОВА

1957

1. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV и первой половине XVI в // Учен. зап. ЛГПИ им. Герцена. 1957. Т. 150. Вып. 1. С. 3—37. (Далее — УЗЛГПИ).

1958

2. Рост барской запашки и развитие барщины на новгородских поместных землях в 50—70-х гг. XVI в. // УЗЛГПИ. 1958. Т. 188. С. 279 —295.

3. Экономическое развитие новгородского поместья в конце XV — XVI в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1958. 24 с.

1959

4. Войны в России эпохи феодализма (IX—XIV вв.): описание к картам // Морской атлас. Т. 3. Военно-исторический. Ч. 1. Л., 1959. С. 49—70. (Далее — МА).

5. Войны с иноземными захватчиками в период образования Русского централизованного государства в XVI в.: описание к картам // МА. Т. 3. Военно-исторический. Ч. 1. Л., 1959. С. 72—78.

6. Войны в России в середине XVI в. Казанская война. Ливонская война 1558—1583 гг.: описание к картам // МА. Т. 3. Военно-исторический. Ч. 1. Л., 1959. С. 78—90.

1961

7. Опричная земельная реформа Грозного 1565 г. // Исторические записки. Т. 70. М., 1961. С. 223—250. (Далее — ИЗ).

1962

8. Курбский и его письма в Псково-Печерский монастырь // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1962. Т. 18. С. 99—116. (Далее — ТОДРЛ).

1965

9. Введение опричнины и организация опричного войска в 1565 году // УЗЛГПИ. 1965. Т. 278. С. 3—86.

10. Духовное завещание царя Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.; Л., 1965. Т. 21. С. 309—318.

11. Опричнина и последние удельные княжения на Руси // ИЗ. М., 1965. Т. 76. С. 152—174.

12. Синодик опальных царя Ивана Грозного как исторический источник // УЗЛГПИ. 1965. Т. 278. С. 22—65.

13. Публикация источника. Реконструированный текст синодика опальных Ивана Грозного // УЗЛГПИ. 1965. Т. 278. С. 66—86.

1966

14. Начало опричнины. Л., 1966. 418 с.

1967

15. Опричнина Ивана Грозного: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Л., 1967. 48 с.

16. Опричный Новгород (1571—1572) // XX Герценовские чтения. Л., 1967. С. 40—43.

17. Самодержавие и опричнина (некоторые итоги политического развития России в период опричнины) // Труды ЛОИИ АН СССР. Вып. 8. Внутренняя политика царизма (середина XVI — начало XX в.). Л., 1967. С. 69—99.

18. Опричный разгром Новгорода // Труды ЛОИИ АН СССР. Вып. 9. Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Л., 1967. С. 157—171.

1969

19. «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575—1576 гг. // XXII Герценовские чтения. Л., 1969. С. 15—20.

20. Опричный террор. Л., 1969. 341 с.

21. Синодик опальных Грозного // Советская историческая энциклопедия. Т. 12. М., 1969. С. 883.

22. Опричнина и проблемы аграрной эволюции России в XVI в. // Симпозиум по аграрной истории Восточной Европы: Тезисы докладов и сообщений. Одесса, ноябрь 1969 г. М., 1969. С. 27—29.

1971

23. Борис Годунов и царевич Дмитрий // Труды ЛОИИ АН СССР. Вып. 12. Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 182—197.

24. Над древними манускриптами // Неделя. 1971. № 8.

25. Борис Годунов и царевич Дмитрий // Неделя. 1971. № 16.

26. Иван Грозный и его сын Иван // Наука и жизнь. 1971. № 8. С. 142—145. (Далее — НЖ).

27. «Княжение» Симеона Бекбулатовича и возрождение опричнины в 1575—1576 гг. // ИЗ. М., 1971. Т. 87. С. 174—218.

1972

28. Василиса Прекрасная — историческое лицо или легенда? // НЖ. 1972. № 9. С. 57.

29. Предвестники первой крестьянской войны в России // XXV Герценовские чтения. Л., 1972. С. 54—56.

1973

30. Заповедные и урочные годы царя Федора Ивановича (XVI—XVII вв.) // История СССР. 1973. № 1. С. 155—165. (Далее — ИСССР).

31. Московская семибоярщина // Вопросы истории. 1973. № 2. С. 209—213. (Далее — ВИ).

32. Эдвард Кинан против... Ивана Грозного: как американский ученый искажает русскую историю // Ленинградская правда. 1973. 16 февр.

33. Татарский хан на московском троне // Знание — сила. 1973. № 2. С. 40—42. (Далее — ЗС).

34. Кто был убит в Угличе? // ЗС. № 7. С. 21—23.

35. Свидетели показали // ЗС. 1973. № 8. С. 35—37.

36. Подложна ли переписка Грозного и Курбского // ВИ. 1973. № 6. С. 53—63.

37. Переписка Грозного и Курбского: парадоксы Эдварда Кинана Л., 1973. 136 с.

38. Род Пушкиных мятежный // Вечерний Ленинград. 1973. 6 июня.

1974

39. Борис Годунов и предки Пушкина // Русская литература. 1974. № 2. С. 131—133. (Далее — РЛ).

40. Жизнь и приключения Григория Отрепьева // ЗС. 1974. № 3. С. 20—23.

41. Мифы и действительность Московии XVI—XVII веков: ответ профессору Эдварду Л. Кинану // РЛ. 1974. № 3. С. 114—129.

1975

42. Борис Годунов: начало пути // ЗС. 1975. № 3. С. 34—36.

43. Иван Грозный. М., 1975. 247 с.

44. Политическая борьба в начале правления Бориса Годунова // ИСССР. 1975. № 2. С. 48—68.

45. Россия после опричнины. Л., 1975. 223 с.

1976

46. Крепостничество и становление барщинной системы в России в XVI веке // ВИ. 1976. № 1. С. 33—50.

47. Reply to Keenan Review // Critika. 1976. Vol. 12. № 1.

48. Опричная трагедия (из истории России XVI в.). Новые факты и новые интерпретации // НЖ. 1976. № 3. С. 112—115.

49. Рабство и кабала в XVI веке // ИСССР. 1976. № 3. С. 156—169.

50. Борис Годунов: пора испытаний // ЗС. 1976. № 5. С. 30—32, 45.

51. О времени работы Ивана Грозного над лицевым сводом // Культурное наследие Древней Руси. М., 1976. С. 154—161.

52. Бегство Андрея Курбского // Прометей. 1976. № 11. С. 232—301.

53. Учреждение патриаршества в России // Наука и религия. 1976. № 11. С. 44—47. (Далее — НР).

1977

54. Материалы для биографии Григория Отрепьева: к истории России конца XVI — начала XVII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 3. Л., 1977. С. 73—79.

55. Борьба Бориса Годунова за трон // Canadian-American Slavic Studies. 1977. Vol. 11. № 3.

56. Земский собор 1598 г. и избрание Бориса Годунова на трон // ИСССР. 1977. № 3. С. 141—157.

57. К вопросу о происхождении сходных мест в первом послании Курбского царю Ивану IV и сочинениях Исаяи // РЛ. 1977. № 3. С. 65—76.

58. Борис Годунов: избрание на трон // ЗС. 1977. № 4. С. 37—40; № 5. С. 55—57.

59. Загадка древнего автографа // ВИ. 1977. № 9. С. 98—112.

60. Последнее завещание Ивана IV // Osteuropa in Geschichte und Gegenwart. Bohlau, 1977.

1978

61. Борис Годунов. М., 1978. 191 с.

62. Иван Грозный. 2-е изд. М., 1978. 247 с.

63. Борис Годунов и падение бояр Романовых // Из истории феодальной России. Л., 1978. С. 116—124.

64. Об аутентичности переписки Грозного: итоги дискуссии // *Slavic Review*. 1978. Vol. 37. № 1.

65. Трагедия опричнины // *Rassegna Sovietica*. 1978. № 3.

1979

66. Борис Годунов. 2-е изд. М., 1979. 191 с.

67. «Вот тебе, бабушка, и Юрьев день!» // *НЖ*. 1979. № 6. С. 39—43.

68. История земли русской // Октябрь. 1979. № 11. С. 222—224. Рец. на кн.: Мавродин В.В. Происхождение русского народа.

69. О заголовке первого послания Ивана IV Курбскому и характере их переписки // *ТОДРЛ*. СПб., 1979. Т. 33. С. 219—227.

70. Подготовка и начало сибирской экспедиции Ермака // *ВИ*. 1979. № 8. С. 44—56.

71. Ранние сибирские летописи // *ИСССР*. 1979. № 4. С. 82—99.

72. *Ivan Grozny*. Warszawa, 1979. 276 s.

73. Who was the Editor of the Sixteen Century Illuminated Codex? // *Canadian-American Slavic Studies*. 1979. Vol. 13. P. 163—166.

1980

74. Куликовская битва // *Звезда*. 1980. № 9. С. 9—20.

75. Первая экспедиция: к 400-летию похода Ермака // *Тагильский рабочий*. 1980. 24 нояб.

76. Россия накануне Смутного времени. М., 1980. 205 с.

77. Сибирская одиссея Ермака (1582—1585) // *ВИ*. 1980. № 3. С. 38—54.

78. Сибирская одиссея Ермака // *На суше и на море*. М., 1980.

79. Учреждение патриаршества в России // *Вопросы научного атеизма*. Вып. 25. М., 1980. С. 80—98.

1981

80. Минин и Пожарский: хроника Смутного времени. М., 1981. 352 с.

81. *Ivan the Terrible*. New York, 1981.

1982

82. В поисках «архива» Ермака // *НЖ*. 1982. № 6. С. 49—51.

83. Поход Ермака на Сибирь // *Ślaski kwart. Historyczny*, 1982.

84. Сибирская экспедиция Ермака. Новосибирск, 1982. 254 с.
85. Экспедиция в Сибирь отряда Ермака. Л., 1982. 32 с.
86. Borys Godunov. New York, 1982.
87. Borys Godunov. Warszawa, 1982.

1983

88. Борис Годунов. 3-е изд. М., 1983. 191 с.
89. Иван Грозный. 3-е изд. М., 1983. 247 с.
90. Как царевич Дмитрий стал «святым» // НР. 1983. № 4. С. 34—36.
91. Куликовская битва: проблемы изучения // Куликовская битва в истории и культуре нашей родины. М., 1983. С. 43—70.
92. Предисловие // Стояти заодно: век XVII. М., 1983. С. 5—26.
93. Текстологический опыт реконструкции несохранившегося архива XVI в. // Актуальные проблемы источниковедения и специальных исторических дисциплин: Тезисы докл. IV Всес. конф. Днепропетровск, 31 октября — 2 ноября 1983 г. М., 1983. С. 147—154.
94. Как дружина Ермака царя Кучума с вои его победиша: Открытое письмо д. и. н. Р.Г Скрынникова историкам и краеведам Ленинградского дворца пионеров // Костер. 1983. № 9. С. 2—5.

1984

95. Народные выступления в 1602—1603 гг. // ИСССР. 1984. № 2. С. 57—70.

1985

96. Грозный и Курбский // *Studia Slavica Hungaria*. 1985. № 31.
97. «Земская» политика Бориса Годунова и борьба с голодом в начале XVII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 9. Генезис и развитие феодализма в России. Л., 1985. С. 164—184.
98. Критика концепций современной буржуазной историографии в области отечественной и всеобщей истории // ВИ. 1985. № 2. С. 149—151.
99. Россия накануне Смутного времени. 2-е изд. М., 1985. 206 с.
100. Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. 327 с.
101. Problems in Russian Medieval History XIV—XVI Centuries // *Soviet Studies in History* / Ed. M.E. Sharp. 1985. Vol. XXIV. № 1—2.

1986

102. Ермак: Книга для учащихся. М., 1986. 158 с.
103. Ермак Тимофеевич // Хочу все знать: Науч.-худож. сб. Л., 1986 С. 222—229.
104. На страже московских рубежей. М., 1986. 334 с.
105. Иван Грозный. Нанкин, 1986. (На китайском языке).
106. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд. Новосибирск, 1986. 317 с.
107. Ermaks Siberian Expedition // Russian History. 1986. Vol. XIII. № 1. P. 1—40.
108. Три низложенных патриарха // НР. 1986. № 8. С. 31—33.
109. Холоп на царском троне // Нева. 1986. № 10. С. 191—197; № 11. С. 195—202; № 12. С. 193—197.
110. Der Begriff Selbstherrschaft (Samoderzavie) und die Entwicklung standischrepräsentativer Einrichtungen im Russland des 16 Jahrhunderts // Geschichte Altrusslands in der Begriffswelt ihrer Quellen. Stuttgart, 1986. S. 15—31.

1987

111. Историографические итоги дискуссий с Русским центром в Гарварде // Критика концепций буржуазной историографии. Л., 1987. С. 49—71.
112. Ермак Тимофеевич // Встречи с историей: Научно-популярные очерки. М., 1987. С. 59—65.
113. Обзор правления Ивана IV // Russian History. Irvine, 1987. Vol. 14. Pt. 1/4. P. 361—375.
114. Россия и страны Западной Европы в начале XVII в. // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 10. Генезис феодализма в России. Л., 1987. С. 185—202.
115. Самозванцы в России в начале XVII века: Григорий Отрепьев. Новосибирск, 1987. 220 с.
116. Где и когда было составлено «Сказание о Мамаевом побоище»? // Исследования по древней и новой литературе. Л., 1987. С. 205—210.
117. Критика концепций современной буржуазной историографии // Отечественная и зарубежная история: Межвузовский сборник. Л., 1987. 230 с.

1988

118. В то Смутное время... // НР. 1988. № 1. С. 44—48.

119. Предисловие [к публикации сочинения В.О. Ключевского «Сказания иностранцев о Московском государстве»] // Наше наследие. 1988. № 1. С. 96—97.
120. Лихолетье: Москва в XVI—XVII вв. М., 1988. 540 с.
121. Патриарх Гермоген // НР. 1988. № 4. С. 31—35; № 5. С. 59—62; № 11. С. 51—53.
122. Россия в начале XVII века: «Смута». М., 1988. 284 с.
123. Смута в России в начале XVII века: Иван Болотников. Л., 1988. 256 с.
124. Смута в Русском государстве // Нева. 1988. № 6. С. 185—203; № 8. С. 198—207; № 11. С. 195—204.
125. [Рецензия] // ВИ. 1988. № 1. С. 136. Рец. на кн.: Материалы по истории СССР: Для семинарских и практических занятий. Вып. 1. М., 1985. 303 с.
126. Rozwoj państwowości w XVI w. i Iwan Groźny // Acta Univ. wrocławensis. Wrocław, 1988. № 71. Historia. № 1059. S. 5—24.
127. Posłowie do apokryfu o Groźnym i Kurbsim // Acta Univ. wrocławensis. Wrocław, 1988. № 71. Historia. № 1059. S. 41—56.
128. Powstanie w Moskwie i upadek Godunowych // Acta Univ. wrocławensis. Wrocław, 1988. № 71. Historia. № 1059. S. 67—80.
129. Time of Troubles: Russia in Crisis, 1604—1618. Gulf Breeze, 1988. Vol. XV. 336 p.

1989

130. Далекий век: Иван Грозный. Борис Годунов. Сибирская одиссея Ермака: Исторические повествования. Л., 1989. 636 с.
131. Земельная политика опричнины // Древнейшие государства на территории СССР. М., 1989. С. 137—144.
132. Патриарх Гермоген // НР. 1989. № 2. С. 29—32.
133. Спорные проблемы восстания Болотникова // ИСССР. 1989. № 5. С. 92—110.
134. [Рецензия] // ВИ. 1989. № 7. С. 157—159. Рец. на кн.: Альшиц Д.Н. Начало самодержавия в России: государство Ивана Грозного. Л., 1988.
135. Народная борьба за трезвость в русской истории: Материалы семинара, проведенного обществами борьбы за трезвость БАН СССР, ЛГУ, ЛОИИ АН СССР 18 декабря 1987 г. Л., 1989. 48 с.

1990

136. Митрополит Алексей и Сергей Радонежский. М., 1990. 63 с.

137. Освобождение Руси от ордынского ига // Преподавание истории в школе. 1990. № 5. С. 41—48.

138. Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск, 1990. 235 с.

139. Святители и власти. Л., 1990. 349 с.

140. Rec.: Davies B. // Russian Review. Syracuse (New York), 1990. Vol. 49. № 2. P. 199—200.

141. An Afterword to the Kurbskii — Groznyi Apocrypha // Imperial Power and Development: Papers on Pre-Revolutionary Russian History. Columbus, 1990. P. 175—187.

1991

142. Государство и церковь на Руси XIV—XVI вв.: подвижники русской церкви. Новосибирск, 1991. 393 с.

143. Иван Грозный и его время. М., 1991. 64 с.

144. [Рецензия] // ИСССР. 1991. № 3. С. 208—211. Рец. на кн.: Алексеев Ю.Г. Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989. 219 с.

1992

145. Борис Годунов. М., 1992. 64 с.

146. Царство террора. СПб., 1992. 574 с.

147. Ivan der Schreckliche und seine Zeit. München, 1992.

148. Ермак: Книга для учащихся старших классов. 2-е изд., испр. и доп. М., 1992. 158 с.

149. Ecclesiastical Thought in Russia and the Church Councils of 1503 and 1504 // Oxford Slavonic Papers. New Series. Vol. XXV. Oxford, 1992. P. 34—60.

1993

150. The Civil War in Russia at the Beginning of the XVII Century (1603—1607): Its Character and Motive Forces // New Perspectives on Muscovite History: Selected Papers from the Forth World Congress for Soviet and East European Studies. Harrogate, 1990. / Ed. L. Hughes. New York, 1993. P. 61—79.

151. Главные вехи развития русского дворянства в XVI — начале XVII в. // Cahiers du monde russe of Soviétique. Vol. XXXIV. (1—2), Janvier— Juli. Paris, 1993.

1994

152. Третий Рим. СПб., 1994. 192 с.

153. Трагедия Новгорода. М., 1994. 188 с.

154. Иван Грозный. Саппоро, 1994. (На японском языке).

1995

155. От Московской Руси до Российской империи. XV—XVII вв. // Великая Русь. Том 3. М., 1995. С. 317—488.
156. От Московской Руси до Российской империи. XV—XVII вв. // Великая Русь. Том 3. Милан, 1995. С. 317—488. (На итальянском языке).
157. Крушение царства. М., 1995. 491 с.
158. Войны Древней Руси // ВИ. 1995. № 11—12.

1996

159. Великий государь Иоанн Васильевич: В 2 т. Смоленск, 1996. 830 с.
160. На пороге опричнины // Средневековая и новая Россия. К 60-летию проф. И.Я. Фроянова: Сб. науч. ст. СПб., 1996. С. 368—424.
161. Дуэль Пушкина // The New Review. 1996. № 205. 2 п. л.
162. Die Normannen und die Rus // Zwischen Lubek und Novgorod. Luneburg, 1996. 1 п. л.

1997

163. История российская, IX—XVII вв. М., 1997. 496 с.
164. Царь Борис и Дмитрий Самозванец. Смоленск, 1997. 622 с.
165. Рождение самодержавия в России. Будапешт, 1997. 322 с. (На венгерском языке).
166. Исторический факт и летопись // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. 1 п. л.
167. Первые типографии в России // Harvard Ukrainien Studies. Cambridge (Mass.), 1997. 1,2 п. л.
168. Нестяжатели и осифляне на соборе 1503 г. // Средневековое православие. От прихода до патриархата. Волгоград, 1997. С. 126—142.
169. Дуэль Пушкина // Университет. 1997. № 14, 15, 22, 24, 25. 3 п. л.
170. Древняя Русь. Летописные мифы и действительность // ВИ. 1997. № 8.
171. [Рецензия] // Отечественная история. 1997. № 2. С. 201—203. (Далее — ОИ). Рец. на кн.: Джираудо Дж., Бадиале Дж. Юридические, политические и церковные термины России XVI в.
172. [Рецензия] // ОИ. 1997. № 2. Рец. на кн.: Штейндорф Л. (В соавторстве с А.И. Алексеевым).

1998

173. Kirchliches Denken und Kirchlicher Besitz zu Beginn des XVI Jahrhundert // Zwischen Christianisierung und Europaisierung. Stuttgart, 1998. S. 163—178.

174. Staatliches Eigentum und sozialpolitische Entwicklung im Russland des 15 und 16 Jahrhunderts // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas. 1998. № 46. S. 481—494.

1999

175. Русь, IX—XVII вв. СПб., 1999. 338 с.

176. Забытый источник о России эпохи Ивана Грозного // ОИ. 1999. № 1. С. 132—144. (В соавторстве с А. Каппелером).

177. Земельная собственность и становление самодержавия в России // Место России в Европе. Будапешт, 1999. С. 18—29.

178. Дуэль Пушкина. СПб., 1999. 368 с.

179. Дуэль Пушкина. 2-е изд. СПб., 1999. 495 с.

180. Two duel // The New Review. New York, 1999. P. 87—114.

181. Nouvelle datation de l'expédition d'Ermak en Sibérie. Sibérie II. Questions sibériennes. Histoire, Cultures, Littérature. Paris, 1999. P. 59—67.

182. Москва и Новгород // Adalekok Moczka felemelkedesenek tortenetehez. Szombathely, 1999. P. 22—32. (На венгерском языке).

183. Mitoz es valosag Puskin halalarol // Adalekok Moczka felemelkedesenek tortenetehez. Szombathely, 1999. 74 p. (На венгерском языке).

2000

184. Крест и корона. Церковь и государство на Руси IX—XVII вв. СПб., 2000. 463 с.

185. Пушкин. Навстречу гибели. Будапешт, 2000. 243 с. (На венгерском языке).

Составители: *В.И. Ульяновский,*
С.В. Лобачев, Н.Е. Тюменцева

НАУЧНЫЕ СТАТЬИ

Б.Н. Флоря

ПОДАТНЫЕ ПРИВИЛЕГИИ СВЕТСКИХ ФЕОДАЛОВ В ПЕРИОД ОБРАЗОВАНИЯ ЕДИНОГО РУССКОГО ГОСУДАРСТВА

Вопрос о судьбе привилегий светских феодалов в период, когда на смену раздробленности приходили крупные национальные и многонациональные государства, имеет значение не только при исследовании такого сюжета, как история государственных финансов. Сам характер политического строя в той или иной стране в значительной мере зависел от того, утвердилось ли в ней прочно представление о свободе владений феодалов от уплаты налогов или нет. В целом ряде стран именно утверждение такого представления стало важнейшей предпосылкой для формирования органов сословного представительства, важнейшей функцией которых с самого начала стало принятие решений о сборе налогов.

Все это объясняет, почему вопрос о податных привилегиях светских феодалов стал предметом специального исследования¹. Выводы, сделанные в нем, опирались на тот комплекс грамот светским землевладельцам, который был введен в научный оборот к началу 70-х гг. В настоящее время, благодаря систематическим разысканиям молодых исследователей А.В. Антонова и К.В. Баранова в различных фондах Российского государственного архива древних актов, круг источников по теме существенно расширился, отсюда — необходимость нового обращения к как-будто уже изученной теме.

Исследование около двух десятков грамот 40—70-х гг. XV в., выданных великими и удельными князьями московского дома, позволило установить, что в этих документах устойчиво повторяется один и тот же комплекс установлений, который есть основания рассматривать как некоторую общую норму, определявшую характер иммунитета светских феодалов в Великом княжестве Московском. Население владений светских феодалов в общем порядке освобождалось от обязанности «тянуть в проторы и разметы» к дворским и сотским — низшим чинам государственной администрации, в руках которых сосредоточивалось управление «черными» волостными землями, и от ухода за княжескими конскими стадами («ни коня моего не кормят, ни сен моих не косят»).

Одновременно население владений светских феодалов освобождалось от уплаты кормов наместникам и волостелям и поборов праведникам и доводчикам. Особенно важным было освобождение этих владений от транспортных повинностей и ямской гоньбы (формула «ни ям, ни подвода»)². Кроме того, грамотчики получали право сбора на своей территории главных торговых пошлин — мыта и тамги³. Это были существенные и важные привилегии, но они не означали получения светскими феодалами полного податного иммунитета. Их владения не освобождались от обязанности «строить» дворы наместников и волостелей, от «дел» в княжеском хозяйстве, не связанных с уходом за конями, а главное — они не освобождались от главных государственных налогов и повинностей. Так, крайне редко предоставлялись освобождения от «городного дела» (участия в укреплении крепостей), а освобождения от главного поземельного налога — дани — предоставлялись лишь временно⁴. В таком ограниченном объеме получил в 1462 г. податные освобождения для своих владимирских вотчин известный политический деятель времени правления Василия II и Ивана III боярин князь Дмитрий Иванович Рязполовский⁵.

А.В. Антонову и К.В. Баранову удалось обнаружить тексты 5 жалованных грамот, относящихся к интересующему нас периоду⁶. В четырех из них воспроизводится уже знакомый комплекс прав, предоставлявшийся населению владений светских феодалов. В одной из грамот пожалование расширено за счет

добавления «осмьничего», в другой добавлены «осмьничее» и «кости», о третьей специально речь пойдет ниже. Новый материал, таким образом, подтверждает вывод о наличии довольно устойчивых норм, определявших привилегированный статус светского феодального землевладения.

Вместе с тем, несмотря на малочисленность этих документов и в определенной мере стандартный характер некоторых из них, их изучение дает новый материал для ответа на некоторые вопросы, возникающие при изучении жалованных грамот светским феодалам. В частности, речь должна идти о том, в какой мере нормы, сложившиеся в Великом княжестве Московском, были характерны для других княжеств Северо-Восточной Руси и как относилась к ним великокняжеская власть после присоединения этих княжеств к своим владениям.

Большой интерес в этом отношении представляет давно известная грамота, выданная Иваном Молодым как новым великим князем тверским после присоединения Твери в 1486 г. местному боярину Афанасию Шетневу⁷. По этой грамоте великий князь освободил все владения боярина в Тверской земле от дани и яма и вообще всяких «пошлин», «тягот» и «дел». Такой, по существу, неограниченный иммунитет восходил, по видимому к порядкам, существовавшим ранее в Тверском княжестве, с которыми новая власть должна была считаться.

С этим документом есть все основания сопоставить обнаруженную А.В. Антоновым и К.В. Барановым грамоту Василия Темного ростовскому боярину Илье Борисовичу⁸. Фигурирующее в грамоте село Никольское в Ростове, «за озером», было куплено отцом боярина за 300 рублей у одного из ростовских князей и, как сказано в документе, «к городу Ростову не тягивало ни судом, ни иными которыми пошлинами». Великий князь подтверждает такой статус владения, предоставляя Илье Борисовичу, в частности, неограниченную судебную власть над его жителями («судит тех своих людей сам... во всем»). Грамота затем подтверждалась Иваном III и его матерью, в уделе которой до ее смерти находился Ростов. И здесь мы сталкиваемся с необычными для Великого княжества Московского нормами отношений, которые великокняжеская власть санкционировала.

Интересный материал об отношении великокняжеской власти к податным привилегиям местных феодалов содержит и

грамота Ивана III Леонтию и Василию Алексеевым на села в волости Черемха от 23 марта 1464 г., выданная вскоре после присоединения Ярославского княжества⁹. По этой грамоте местные феодалы не только получили все податные привилегии, которыми традиционно обладали московские дети боярские, но приобрели и ряд дополнительных: их подданные были освобождены от уплаты «повоженной куницы», «явки», от пошлины, взимавшейся при клеймении лошадей, а сами села освобождены от постоев.

Изучение жалованных грамот конца XV — первой половины XVI в. позволило в свое время автору данной статьи, развивая более ранние наблюдения С.Б. Веселовского¹⁰, сделать вывод, что на рубеже XV—XVI вв. в отношении государственной власти к податным привилегиям светских феодалов произошел резкий перелом. Если современник Ивана III великий князь литовский Казимир привилеем 1447 г. освободил литовских магнатов и шляхту от главного поземельного налога — «серебщины», от оброка — дякла, «подвод», «сенокошения и иных несправедливых работ»¹¹, то в Русском государстве развитие пошло в ином направлении. Как показало исследование формуляра жалованных грамот светским феодалам (к началу 70-х гг. их было известно 57), с конца 90-х гг. из великокняжеской канцелярии на владения разного правового статуса, и на поместные, и на вотчинные земли, стали выдаваться лишь «несудимые» грамоты, не содержавшие освобождения от каких-либо налогов и повинностей (единственным исключением была грамота боярину кн. М.И. Кубенскому, выданная в годы «боярского правления»). Выданные грамоты касались владений в 24 уездах страны. Среди их получателей были не только обычные дети боярские, но и целый ряд лиц, записанных в «Дворовой тетради», то есть принадлежавших к верхним слоям дворянского сословия. Все это позволило сделать вывод о том, что большая часть дворянского сословия в конце XV — первой половине XVI в. не обладала податными привилегиями¹².

В двух томах новой публикации введены в оборот неизвестные ранее тексты 30 жалованных и льготных грамот детям боярским, что означает увеличение на треть количества известных документов. За двумя исключениями, эти грамоты не со-

держат освобождения от государственных налогов и повинностей. Грамоты эти касаются земель, расположенных в 16 уездах. Среди них есть и такие земли, на которые жалованные грамоты светским феодалам ранее не были известны, как, например, грамота С. Волжину с сыном на село в Новгород-Северском уезде¹³. Из 30 этих документов 23 — грамоты на поместные земли, что является еще одним косвенным, но убедительным свидетельством распространения поместного землевладения в Русском государстве конца XV — первой половины XVI в. Владения эти были в значительной мере новыми, взятыми для пожалования детей боярских из фонда «черных земель». Новых жалованных грамот на вотчины немного, но они позволяют пролить свет на некоторые аспекты правительственной политики, которые не нашли достаточного отражения в ранее известном материале. Так, удастся выяснить, каков в XVI в. был статус владений, которые в предшествующем столетии пользовались податными привилегиями. Так, в первые десятилетия своего правления Иван III освободил юрьевскую вотчину Дмитрия Лазаревича от яма и подводы, торговых пошлин и дворцовых повинностей, и грамота эта была подтверждена на имя его жены и внуков в конце его правления, но в 1526 г. правнукам Дмитрия Лазаревича на то же владение была выдана обычная несудимая грамота¹⁴.

В 1464 г., сразу после присоединения Ярославского княжества, Иван III пожаловал аналогичные привилегии ярославским вотчинникам Леонтию и Василию Алексеевым, освободив их владения, кроме того, от «явки», «новоженной куницы» и постоев «ездок». В таком объеме грамота дважды подтверждалась на протяжении правления Ивана III. Часть этих владений унаследовал их родственник Д.И. Ярославов, и в 1545 г. он получил на них обычную несудимую грамоту¹⁵. Таким образом, есть основания полагать, что частью правительственной политики была ликвидация податных привилегий тех владений, которые пользовались ими в XV столетии, и новый правительственный курс действительно определился лишь к началу XVI столетия.

Хотелось бы также обратить внимание на те сведения новонайденных документов, которые показывают, что отсутствие в жалованной грамоте освобождения от податей действительно

означало, что владение грамотчика должно было выплачивать налоги и нести соответствующие службы. Так, в грамоте об освобождении от налогов запустевших земель Угрюма Войтина в Костромском уезде указывалось, что по истечении «урочных лет» «и им давать мне, великому князю, дань и всякие пошлины, чем их опишет мой великого князя писец»¹⁶. В указной грамоте волостелям Чухломы 1522 г. устанавливалось, по какой норме следовало уплачивать ямские деньги с владения сына боярского Третьяка Котенина, не имевшего освобождения от этого налога¹⁷.

Из этого последнего документа можно также извлечь сведения о том, что при использовании разного рода служб грамотчики имели право «тянуть с детьми боярскими», особо от черных людей. Эти минимальные льготы светским феодалам на типовом формуляре жалованных грамот не отразились.

Анализ жалованных грамот привел в свое время к выводу, что удельные князья московского дома в первой половине XVI в. также перестали предоставлять освобождения от налогов и повинностей владениям своих вассалов. А.В. Антонову и К.В. Баранову удалось найти еще две грамоты удельных князей¹⁸. Обе они не содержат никакого освобождения от обязанностей по отношению ко княжеской власти. Представляет определенный интерес и вопрос о социальном статусе новых грамотчиков. Большая часть их — рядовые дети боярские, но среди них встречаются и лица более высокого общественного положения. Правда, галицкие землевладельцы Котенины¹⁹ отсутствуют в «Дворовой тетради», составленном в начале 50-х гг. XVI в. и затем пополнявшемся списке «дворовых» детей боярских, но наличие в родовом архиве грамот на кормления в Галицком и Вологодском уездах²⁰ ясно говорит об их принадлежности к верхнему слою дворянского сословия. К семьям, члены которых входили в состав «двора», принадлежали ярославец Дмитрий Ив. Ярославов и Михаил, один из членов рода князей Козекиных. В «Дворовой тетради» в перечне «дворовой Литвы» по Можайскому уезду, отыскивается имя грамотчика Петра Павлова Маринина²¹. Но особенно важно, что имена грамотчиков обнаруживаются в тексте «Тысячной книги» — списке 1000 «лучших» детей боярских, выбранных из состава «двора» для наделения подмосковными поместьями. Так, грамотчики Иван

и Владимир Тимофеевы Хметевские записаны здесь среди детей боярских III статьи по Дмитрову²². Здесь же в списке детей боярских III статьи по Юрьеву записаны грамотчики Юмшан и Федор Андреевы, дети Лазаревы²³. Таким образом, новый материал дает дополнительные доводы в пользу того, что далеко не все представители дворянской верхушки обладали податными привилегиями на свои владения.

Хотя во второй половине правления Ивана III (в особенности начиная с 80-х гг.) из великокняжеской канцелярии все чаще стали выходить грамоты, не дававшие владениям грамотчиков освобождения от государственных налогов и повинностей, общей нормой оставалось освобождение владений светских феодалов от кормов наместникам и волостелям и поборов праведчикам и доводчикам. С конца 90-х гг. XVI в. и в этом отношении произошли большие перемены: государственная власть, хотя и недостаточно последовательно, перестала выдавать такие освобождения. В 9 из 50 грамот конца XV — первой половины XVI в. обнаруживаются освобождения населения владений грамотчика от всех (или части) этих поборов²⁴. Такие же освобождения встречаются и в 3 из 30 новых грамот²⁵. Все это позволяет сделать вывод, что отдельные освобождения имели место, но были сравнительно редким явлением. Характерно, что приставленный сторожить сыновей углицкого кн. Андрея Прокофий Акинфов получил освобождение от кормов наместнику и его тиуну и поборов в пользу праведчика и доводчика лишь на время исполнения своей службы²⁶. К этому следует добавить, что если во второй половине XV в., как правило, предоставлялось освобождение от кормов наместников (или волостелей) и их тиунов, а также от поборов в пользу праведчиков и доводчиков, то в грамотах XVI в. такого единообразия не обнаруживается. Если в некоторых случаях освобождение предоставлялось в такой форме²⁷, то в иных случаях освобождение давали только от кормов наместников и их тиунов, без какого-либо упоминания праведчиков и доводчиков²⁸. Тексты сохранившихся льготных грамот показывают, что грамотчики, не получившие соответствующего освобождения, должны были вносить все кормы и поборы по истечении льготного срока²⁹.

Вместе с тем светские грамотчики обладали определенными привилегиями при сборе кормов. В целой группе жало-

ванных грамот начала второго десятилетия XVI в. на поместья в Ярославском уезде³⁰ указывается, что «кормов черных на них не емлют, а емлют на них корм посошной». Очевидно, в данном случае размер корма зависел от измеренного в сохах размера владения грамотчика. Такие порядки были характерны не только для Ярославского уезда. В грамоте 1522 г. волостелям Чухломы указывается размер в долях сохи владения местного помещика Третьяка Котенина, в соответствии с которым с него должен взиматься посошный корм³¹. По-видимому, этот побор носил в более поздних документах название «наместничьего белого корма»³².

Предоставление грамотчикам определенных льгот (не получивших отражения в типовом формуляре жалованных грамот) не может, однако, ослабить значение того факта, что на рубеже XV—XVI вв. были в общем порядке отменены освобождения владений светских феодалов не только от государственных налогов, но и от кормов и поборов в пользу представителей государственной власти на местах. Такое положение было выгодно прежде всего верхним слоям дворянского сословия. Проигрывая как землевладельцы, они определенно выигрывали как кормленщики — обладатели административных должностей.

Примеру великокняжеской власти не следовали удельные князья московского дома, продолжавшие в первых десятилетиях XVI в. освобождать светских грамотчиков от кормов и поборов в пользу своего аппарата на местах³³. Помещенные в новой публикации две жалованные грамоты удельных князей подтверждают этот вывод: Андрей Ив. Старицкий освободил владения Г.В. Грязного от поборов доводчикам и праведчикам, а Юрий Ив. Дмитревский освободил одного из дмитровских детей боярских и от кормов в пользу наместников и волостелей, и от поборов доводчикам и праведчикам³⁴. С постепенным исчезновением удельных княжеств светские феодалы постепенно утрачивали и эту привилегию.

Все произошедшее означало кардинальное разрушение еще существовавших в XV в. представлений, что владение лица, принадлежащего к дворянскому сословию, должно пользоваться свободой, по крайней мере, от части обязанностей по отношению к государству. Тем самым возникала одна из важных пред-

посылок к тому, чтобы политический строй России второй половины XVI в. отлился в те формы, которые так ярко охарактеризованы на страницах трудов Р.Г. Скрынникова.

Примечания

¹ *Флоря Б.Н.* Эволюция податного иммунитета светских феодалов России второй половины XV — первой половины XVI в. // История СССР. 1972. № 1.

² «Ям» мог быть в это время и налогом [см. «ям дадут городу» — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси. М., 1952. Т. 1. № 117. (Далее — АСЭИ)].

³ См. об этом: *Флоря Б.Н.* Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств // Польша и Русь. Черты общности и своеобразия в историческом развитии Руси и Польши XII—XIV вв. М., 1974. С. 329. Достаточно часто грамотчикам мог передаваться сбор и других торговых пошлин — «косток», «восмничего» и еще некоторых.

⁴ См. подробнее: *Флоря Б.Н.* Эволюция иммунитета... С. 51—53.

⁵ *Назаров В.Д.* Акты XV века из архива суздальского Спасо-Евфимьева монастыря // Русский дипломатарий. М., 1998. Вып. 4. С. 18.

⁶ Акты служилых землевладельцев XV — начала XVII века: Сб. док. / Сост. А.В. Антонов, К.В. Баранов. М., 1997. Т. 1. № 66, 118, 137, 312, 254.

⁷ АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 180.

⁸ Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 66.

⁹ Там же. № 312.

¹⁰ *Веселовский С.Б.* К вопросу о происхождении вотчинного режима. М., 1926. С. 68—69.

¹¹ Законодательные акты Великого княжества Литовского XV—XVI вв. / Подг. к печати И.И. Яковкина. Л., 1936. С. 8.

¹² *Флоря Б.Н.* Эволюция иммунитета... С. 59—61.

¹³ Акты служилых землевладельцев... М., 1998. Т. 2. № 83. С. 89.

¹⁴ Там же. Т. 1. № 137, 140.

¹⁵ Там же. № 312—313.

¹⁶ Там же. № 115.

¹⁷ Там же. № 120.

¹⁸ Там же. № 75, 106.

¹⁹ Несудимые грамоты членам рода. См.: Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 119, 125, 126.

²⁰ Там же. № 121, 123—124.

²¹ Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х годов XVI в. / Подг. к печати А.А. Зимин. М.; Л., 1950. С. 187. (Далее ТК и ДТ); Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 152.

- ²² Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 286; ТК и ДТ. С. 67.
- ²³ Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 140; ТК и ДТ. С. 70.
- ²⁴ *Флоря Б.Н.* Эволюция иммунитета... С. 68.
- ²⁵ Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 1, 171, 151.
- ²⁶ Там же. № 1.
- ²⁷ См., например: Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 171.
- ²⁸ Там же. № 115.
- ²⁹ Там же. № 50; Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898. № 114, 116. (Далее — Акты Юшкова).
- ³⁰ Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 37—38. Ср.: Там же. № 274; Акты Юшкова. № 81—83.
- ³¹ Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 120.
- ³² *Веселовский С.Б.* Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси. М.; Л., 1947. Т. 1. С. 110—111.
- ³³ *Флоря Б.Н.* Эволюция иммунитета... С. 80.
- ³⁴ Акты служилых землевладельцев... Т. 1. № 75, 106.

Summary

The article studies the problem of privileges of the feudal lords in Russia at the end of the XVth century and at the beginning of the XVIth century. The data of the new found official papers are given. The author concludes that during the studied period the earlier existed notions about the freedom of owners' properties toward the State were completely destroyed. This led to the origin of one of the major preconditions for new forms of the Russian political system in the second half of the XVIth century. These forms were studied by R.G. Skrynnikov in his works.

А.И. Алексеев

**ЦАРЬ ИОАНН ВАСИЛЬЕВИЧ ГРОЗНЫЙ
И ИМПЕРАТОР ФЕОДОР II ЛАСКАРИС
(ОБ УМЕСТНОСТИ ОДНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ АНАЛОГИИ)**

Жанр параллельных жизнеописаний пользуется у читателей широкой популярностью со времен Плутарха. Главная причина этой популярности в нравственной философии, которая столь эффектно вскрывается при сравнении двух хоть сколько-нибудь сопоставимых между собой героев. Для историка подобное сопоставление тоже может оказаться небесполезным, разумеется, в том случае, если объекты сопоставления выбраны в соответствии с правилами исторической аналогии. Не надеясь сказать принципиально новое слово в истории изучения личности и эпохи Иоанна Грозного, хочется обратить внимание исследователей на одну любопытную историческую параллель, которая до сих пор оставалась незамеченной. С кем только не сравнивали Грозного царя! Уже набили оскомину многочисленные уподобления его Сталину и другим тиранам XX столетия. Все эти сравнения далеки от науки, а их авторы, несмотря порой на ученые степени и звания, сильно злоупотребляли доверием публики. Между тем историческая аналогия является одним из самых действенных приемов исторической науки. В этой связи хотелось бы обратить внимание на одну историческую аналогю, которая может оказаться плодотворной для понимания образа Иоанна IV.

Одной из наиболее ярких личностей на престоле Византийской империи являлся, без сомнения, император Феодор II Ласкарис. Он был сыном императора Иоанна Ватаци и занимал престол Никейской империи в 1254—1258 гг. Выдающийся византист Ф.И. Успенский метко охарактеризовал его правление как «лебединую песнь Никейского царства». Разумеется,

следует учитывать разницу во внутри- и внешнеполитическом положении Никейской империи середины XII в. и Московского царства второй половины XVI в., существенное различие политических и культурных традиций. Нельзя также игнорировать и тот факт, что самостоятельное правление Иоанна IV продолжалось, по меньшей мере, тридцать три года, а Феодор II Ласкарис занимал императорский трон всего лишь менее четырех лет. Нет сомнения, что существовала огромная разница между воспитанием и образованием Феодора Ласкариса, впитавшего высшие достижения эллинской культуры и византийского богословия, и Иоанна Грозного, остававшегося, по сути, гениальным самоучкой на троне. Для нас важным представляется отметить не столько сходство личностей двух самодержцев (а о нем, как увидим, все-таки можно говорить), сколько типологическое сходство исторических ситуаций, в которых им пришлось действовать в периоды правления.

Феодор II вступил на престол своего отца в возрасте 33 лет, причем последние годы правления Иоанна Ватаци дали ему бесценный опыт участия в государственной деятельности. Детство каждого из сопоставляемых царей проходило по-разному. Иоанн лишился родителей в раннем детстве: отец умер, когда ему было три года, мать он потерял в семь лет. Феодор остался без матери гораздо позднее, в 1241 г. в возрасте 20 лет, а отец, несмотря на обременявшие его государственные обязанности, давал Феодору прекрасный образец правителя¹. В отличие от Феодора II Ласкариса, Иоанн вплоть до 1547 г. являлся правителем лишь номинально, а первые годы своего самостоятельного правления был вынужден руководствоваться мнениями советников (Избранная рада). Уже в юности современниками Феодора были отмечены такие его черты, как энергичность, неутомимость, работоспособность, преданность царскому долгу, обаятельный ум, незаурядная образованность. Исследователи отмечают, что «Феодор, воспитанный на философии Аристотеля, видел назначение правителя в служении своему народу и нации, ради счастья и славы которых он должен, как и каждый подданный, жертвовать даже своей жизнью»². Все эти качества у царя Ивана выработались, по-видимому, позднее — в 1550-е годы³. Негативными чертами обоих царей считались неуравновешенность, надменность, вспыльчивость, гнев-

ливость, насмешливость, способность к увлечениям. Ф.И. Успенский пишет: «О себе Феодор был высокого мнения и осуждал придворных иногда весьма грубо, между прочим собственных учителей. Когда Феодор получил полноту власти на престоле, недостаток сдержанности перешел в проявления деспотизма, в бешеные вспышки гнева»⁴. О порочных наклонностях молодого Ивана IV более чем достаточно сведений в летописях, «Главах поучительных» Максима Грека и в других источниках. Склонность к участию в играх, не считавшихся достойными в придворной среде, отличает обоих самодержцев. Феодор II приглашал к себе скоморохов и даже самого почтенного Акрополита заставил участвовать в развлечениях против его воли и дал ему какое-то новое прозвище⁵. Об играх «с скоморохами в машкерах», которыми Грозный стремился «аки в дружбе себе присвоити» некоторых бояр, заставляя их играть с ним, сообщает Курбский в известном рассказе о гибели боярина князя Репнина⁶. Оба монарха сравнительно рано потеряли любимых жен и очень тяжело переживали утрату. Ф.И. Успенский отмечает, что «по смерти юной супруги Феодор не мылся, не стригся долгое время, его приходилось уговаривать знать меру и в скорби»⁷. Царь Иван даже в остроподемическом послании к Курбскому не забыл поставить в вину Адашеву и Сильвестру «ненависть вельну», которую они испытывали к царице Анастасии⁸. Целый ряд исследователей связывают перемену в характере царя, произошедшую после 1560 г., со смертью первой жены.

В обоих самодержцах рано развились преувеличенные понятия о царской власти, как в отношении прав, так и в отношении обязанностей самодержца. В отличие от своего отца Иоанна Ватаци, стремившегося проводить осторожную внешнюю политику, Феодор признавал свою императорскую власть главенствующей над властью римского престола и высоко оценивал боровшегося с Римом императора Фридриха II Гогенштауфена⁹. По словам Ф.И. Успенского, «Феодор чувствовал себя главою эллинизма, о чем напоминал при всяком удобном случае; православие для него было национально»¹⁰. Осознание исключительного положения России как единственной православной державы продиктовало Ивану IV знаменитые строки о Литве и Ливонии в первом послании к Курбскому: «В тех странах несть

христиан, разве малейших служителей церковных и сокровенных раб Господних»¹¹.

Перед обоими самодержцами стояли крупные внешнеполитические задачи, для неотложного решения которых требовалось вести тяжелые войны, разорительные для населения обеих стран. Обоим пришлось пережить крушение своих замыслов (точнее, для Феодора это крушение совпало с его смертью), оба «во цвете лет состарились душою». Феодор, став царем переменился настолько, что вызвал упреки в свой адрес авторитетнейшего в Никейской империи церковного иерарха и ученого Никифора Влеммида, обвинившего императора в корыстолюбии и равнодушии к беднякам. В своем ответном послании Феодор построил замечательную апологию царской власти, в которой убедительно продемонстрировал необходимость для монарха, искренне пекущегося о благе страны, выбирать между интересами государства и разумной справедливостью, с одной стороны, и мотивами человеколюбия — с другой. В ярких красках описывая угрожаемое положение Никейской империи, со всех сторон окруженной врагами, Феодор восклицал: «Что праздно мы делаем? За что бранят нас? Мы бодрствуем и благодарим Бога, поставившего нас не по заслугам опекать многих. Вражья сила бушует, и народы ополчаются на нас. А кто нам поможет?.. Решимся ли мы урезать войско или средства на его содержание? В обоих случаях мы поможем только врагам»¹². Слова Ласкариса не расходились с делом: он провел в походах большую часть своего царствования, зачислил в строй войска всех служивших при дворе и в царской охоте, приложил много усилий для организации национального войска, в нем, а не в отрядах наемников видел он единственную силу, способную сохранить империю¹³. Идеал царской власти Иоанна Грозного представляется очень близким к тому, который исповедовал Феодор II. В своем первом послании Курбскому Грозный совершает обширный экскурс в историю Византии с целью показать, «како управление составляется в разных началех и властех, понеже убо тамо быша царие послушны епархом и сигклитом, и в какову гибель приидоша». С огромной доказательной силой Иоанн IV показывает, что царское правление с необходимостью требует — «страха и запрещения, и обуздания, и конечнейшаго запрещения по безумию злей-

ших человек лукавых»¹⁴. Известно, сколько усилий приложил Грозный для завоевания Казани, Астрахани, высока была степень его личного участия в организации и военных действий, и дипломатических переговоров в ходе Ливонской войны¹⁵.

Для обоих царей свойственно было сознательное предпочтение менее знатных слуг представителям высшей аристократии. Феодор II следующим образом выразил свой взгляд на права происхождения и службы: «Знатным — довольно их славы и знатности. Слуги должны быть послушными и верными; они должны любить лишь своего господина»¹⁶. По свидетельству Георгия Пахимера, император Феодор «для своих сановников казался, однако ж, властелином тяжелым, потому что назначал людям должности и достаивал их надлежащих почестей, смотря не на благородство происхождения и родственные связи с царским домом, а на отличные качества». Согласно тому же историку, «раздавать царские награды правитель положил не за беспечность, а за подвиги, за готовность служить ему и возбуждать к служению других»¹⁷. Учитель Феодора, философ и великий логофет Георгий Акрополит, отражая мировоззрение родовитой аристократии, оппозиционной режиму Феодора II, подвергал насмешке незнатных избранников императора¹⁸. Грозный сознательно предпочитал суздальским княжатам литовских выходцев Гедиминовичей и неоднократно на уровне деклараций противопоставлял родовитым аристократам служилую мелкоту. Обоим монархам приходилось водить полки, и оба имели случаи горько жаловаться на измены и нерадение своих воевод. Ласкарис II в письме друзьям сообщал о бегстве своих полководцев Стратигопула и Торника с поля сражения: «А мы вынуждены идти на Филиппополь и испытывать столько тягот и бессонных ночей... Ослушание этих преступников погубило наше войско и позволило собакам-болгарам опустошать нашу страну»¹⁹. Вспомним и упреки Грозного, адресованные его воеводам: «И тако ли прегордые царства разоряете, еже народ безумными глаголы наушати и от брани отвращати, подобно Янушу Угорскому?.. И повсегда не хотесте во мнозе бо пребывания подобна времени ждати, ниже главы свои шадяще, ниже бранныя победы смотряюще, точию: или победив наскоре или побежденным бывшим, и скорейши во своя возвратитися»²⁰. Уже став во главе государства (Феодор сразу, а Иоанн с рube-

жа 1550—1560-х гг.), оба чувствовали себя окруженными врагами, о собственных полководцах отзывались как об изменниках, оба готовы были видеть измену в каждом, и, по-видимому, оба сгущали краски, представляя себе положение мрачнее, нежели оно было на самом деле. Обоим пришлось вступить и выдерживать борьбу со служилой знатью, оба встали на путь жестоких казней и террора. Многие представители аристократических фамилий Никейской империи — Торники, Палеологи, Раули, Стратигопулы, Филесы, Тарханиоты, занимавшие при Ватаци высшие государственные должности, при Феодоре подверглись жестокому гонениям²¹. Причины и обстоятельства опричных репрессий и казней первоисточником русской знати детально исследованы Р.Г. Скрынниковым²². Налицо любопытные исторические параллели.

Спасаясь от гнева Феодора II, бежал в пределы Иконийского султаната правитель Вифинии Михаил Палеолог, носивший титул великого контоставла (конюшего). Ласкарис, выясняя причины бегства Палеолога, в разговоре с Акрополитом выразил удивление, что Михаил не остался в его державе, «хотя бы и пришлось ему претерпеть все эти несчастья»²³. Как мы помним, для Ивана IV тяжелейшим ударом стало бегство князя А.М. Курбского. В возникшей затем между Грозным и Курбским переписке Иван сурово упрекал беглеца в том, что тот не пожелал претерпеть гонение за правду: «Могут разуметь и тамо сущии и разум имуще, твой злобный яд, яко славы ради сея маловременныя жизни скоротекущаго веку и богатства ради, сие сотворил еси, а не от смерти бегая. Аще праведен и благочестив еси, по твоему глаголу, почто убоялся еси неповинныя смерти, еже несть смерть, но приобретение?»²⁴

И император Феодор II Ласкарис, и царь Иоанн IV оставили глубокий след в истории, являясь также прирожденными писателями на троне. Оба самодержца обладали блестящими способностями, любили книги, имели вкус к литературному творчеству и заметно выделялись среди других авторов своей эпохи. Феодору II принадлежит целый ряд богословских и философских сочинений и огромное эпистолярное наследие²⁵. Следует отметить особое пристрастие императора к жанру посланий, роднящее его с Грозным²⁶. В церковную службу православной церкви прочно вошел написанный Феодором II пре-

красный канон Богоматери с тропарями и стихирами об утолении бед²⁷. Списки этого канона в древнерусской книжности надписаны как творение Дуки Ласкаря, и они могли быть известны Грозному. Об Иоанне IV как о писателе более всего написано на материале его посланий. В качестве черты, объединяющей послания обоих самодержцев, стоит отметить огромную эрудицию их авторов, напряженность повествования, острую отточенность мысли, едкую иронию, порою сарказм. Лишь в последние годы царь Иоанн стал известен и как гимнограф. К числу его творений принадлежат: тропари преп. Даниилу и преп. Никите Переяславским, стихиры на Сретение Владимирской иконы Божией Матери и на преставление чудотворца Петра, митрополита Московского, тропарь и кондак на перенесение честных мощей святых мучеников благоверного князя Михаила Черниговского и боярина его Феодора, канон Ангелу Грозному, надписанный именем Парфения Уродивого²⁸.

Стоит упомянуть еще об одной черте, по-видимому, общей для характеров обоих царей — о боязни демонских чар, которая причудливо сочеталась с искренней верой и их исключительной образованностью. Как сообщает Пахимер, Ласкарис под влиянием тяжелой болезни все более склонялся к тому, чтобы приписывать ее происхождение враждебной ему магии, и даже Михаил Палеолог был арестован по обвинению в колдовстве²⁹. К помощи волхвов и чародеев прибегал в последний период жизни и Грозный. Об этом пишет Курбский в своем третьем послании: «Не вем, есть ли правда, чаровников и волхвов от далечайших стран собираешь, пытающе их о счастливых днях, ако скверный и богомерзкий Саул творил»³⁰.

Остается сказать еще о кончине обоих монархов. Известно, что Феодор долго и тяжело страдал от своей болезни, принес покаяние о невинно погубленных и принял на смертном одре монашеский сан³¹. Смерть царя Ивана наступила внезапно, хотя в последние годы он тяжело страдал от тяжелой болезни, семейных трагедий и внешнеполитических неудач. Как свидетельствует Синодик опальных, царя тяжело мучила совесть за души погубленных им людей. На смертном одре Иоанн принял имя Ионы и был покрыт монашеским платьем.

Здесь впору задаться вопросом: являются ли отмеченные параллели случайными, искусно подобранными по внешней

схожести или за ними кроется нечто большее? Приведенные выше примеры позволяют, на наш взгляд, сделать заключение об определенном сходстве личных черт обоих монархов. Но существовало и сходство ситуаций, в которых им пришлось действовать. Никейская империя, возникнув из обломков проникнутой западными влияниями Комниновской Византии, стремилась найти новые начала государственной организации. На этом пути при императоре Иоанне Ватаци были достигнуты грандиозные внутри- и внешнеполитические успехи: организовано эффективное в экономическом отношении государственное хозяйство, обуздана родовитая аристократия, на основе условного землевладения (зевгелатий и проний) началось формирование военно-служилого сословия, благодаря искусному сочетанию дипломатических и военных мер Никея стала единственной наследницей Византии. Опираясь на достижения отца, Феодор II стремился продолжать, уже гораздо более крутыми мерами, политику подавления родовитой аристократии, процесс формирования зависимого от императора служилого сословия. В области внешней политики Ласкарис умело отвел угрозу монгольского нашествия на Никею, продолжал активно укреплять восточную границу империи, подчинил своему влиянию балканские области империи, но не стремился ценою безмерных уступок Риму, Генуе и венецианцам присоединить Константинополь³². Тяжелая болезнь безвременно свела Феодора II в могилу, но весь дальнейший ход византийской истории показал правоту его «безнадежного» дела. Как отметил Ф.И. Успенский, «преобразование государства на новых началах было мыслимо лишь на почве крупных перемен в социально-политическом строе, но на пути стояла земельная и служилая аристократия, с которой Феодор не справился»³³. Торжество Михаила Палеолога привело к тому, что пронии стали наследственным имуществом, по сути, приближались к вотчинам, а принцип обязательной службы стремительно ослабевал. Восстание воинов-акритов в поддержку законной династии Ласкарей было утоплено Палеологом в крови, и как следствие — открылась восточная граница империи натиску турецких орд³⁴. Уже при преемнике Михаила, Андронике, военная беспомощность империи стала хронической, а последние сто лет ее существования объясняются лишь стечением благоприятных об-

стоятельств. По выражению Ф.И. Успенского, «катастрофа 1258 г. могла не быть непредвиденной или случайной, но она была пагубной для позднейших судеб Византии и сказалась горькими последствиями для самого Палеолога, когда он был поставлен лицом к лицу с труднейшими национальными задачами»³⁵.

Не приходится надеяться, что приведенная аналогия заставит задуматься многочисленных либерально настроенных, истеричных в своей «смелости» (или исторической безответственности?) обличителей Грозного царя. Но читатель, знакомый с работами Р.Г. Скрынникова и некоторых других исследователей, может (и должен) понять, сколь легковесны попытки представить Грозного всеильным тираном, исключительно по прихоти губящим тысячи людей ³⁶. К настоящему времени исследователями установлено, что опричные переселения Грозного затрагивали сотни и тысячи помещиков, они глубоко нарушали устоявшуюся структуру дворянского землевладения, но результатом этого (без сомнения, страшного и жестокого) «перебора людишек» стало утверждение принципа обязательной службы. Благодаря этому оказалось возможным «направить весь сословный организм на путь государственного служения»³⁷. Таким образом, на наш взгляд, история дает нам возможность путем исторической аналогии глубже оценить альтернативы опричной политике, более взвешенно судить об одной из самых дискуссионных проблем отечественной истории.

В заключение настоящей статьи нельзя оставить без внимания один вопрос: знал ли царь Иоанн Васильевич о своем неудачливом предшественнике? Прямых ссылок на историю Феодора II в посланиях Ивана Грозного не найдено. Известно, что Палеологи, посредством брака деспины Софьи породнившиеся с домом московских князей, всячески стремились истребить память о Феодоре II Ласкарисе. В древнерусской книжности пока не известны переводы историй Акрополита и Пахимера. В перечне византийских императоров, включавшемся в Хронограф, имя Феодора пропущено. Тем не менее нельзя исключать возможность того, что Грозный мог знать историю или сочинения Ласкариса, хотя бы потому, что некоторые его сочинения явно не случайно были напечатаны в Европе в 1571 г.³⁸ Косвенно это подтверждает венецианец Фоскарини, утверждая, что Иоанн IV читал «много историю Римского и других

государств... и взял себе в образец великих римлян». Книги и отдельные сочинения присылали по заказам Грозного из Англии, Константинополя, Рима. Архидиакон Геннадий, отправленный царем на Ближний Восток, получил указание «обычай в странах тех писати ему»³⁹. Все эти обстоятельства оставляют шанс на существование гипотезы о сознательном подражании Иоанна Грозного личности и деяниям Никейского императора Феодора II Ласкариса.

Примечания

¹ См.: *Георгий Пахимер*. История о Михаиле и Андронике Палеологах // Византийские историки, переведенные с греческого при Санкт-Петербургской духовной академии. Т. 8. СПб., 1862. С. 30—32.

² *Жаворонков П.И.* Никейская империя и Запад // Византийский временник. Т. 36. 1974. С. 116. (Далее — ВВ).

³ См.: *Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999. С. 103.

⁴ *Успенский Ф.И.* История Византийской империи. М., 1997. Т. III. С. 463.

⁵ См.: *Андреева М.А.* Очерки по культуре византийского двора в XIII в. Прага, 1927. С. 172.

⁶ Сочинения князя Курбского. Т. 1. Сочинения оригинальные // Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией. СПб., 1914. Т. XXXI. Стб. 279. (Далее — РИБ). См. также: Третье послание Курбского // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. М., 1993. С. 117.

⁷ *Успенский Ф.И.* Указ. соч. С. 463.

⁸ Переписка... С. 32.

⁹ Draseke. Theodoros II Lascaris // *Bysantinische Zeitschrift*. 1894. 3. S. 510—514. См. также: Культура Византии, XIII — первая половина XV в. М., 1991. С. 67.

¹⁰ *Успенский Ф.И.* Указ. соч. С. 468.

¹¹ Переписка... С. 13—14.

¹² *Успенский Ф.И.* Указ. соч. С. 466.

¹³ См.: *Георгий Акрополит*. Летопись великого логофета // Византийские историки, переведенные при Санкт-Петербургской духовной академии. СПб., 1863. С. 141—143.

¹⁴ Переписка... С. 24.

¹⁵ См.: *Флоря Б.Н.* Указ. соч. С. 42—43, 134—135, 354—378 и др.

¹⁶ *Успенский Ф.И.* Указ. соч. С. 465.

¹⁷ *Георгий Пахимер*. История... С. 30—31.

¹⁸ См.: *Жаворонков П.И.* Некоторые аспекты мировоззрения Георгия Акрополита // ВВ. 1986. Т. 47. С. 132—133.

¹⁹ *Успенский Ф.И.* Указ. соч. С. 464.

- ²⁰ Переписка... С. 37.
- ²¹ См.: *Георгий Пахимер. История...* С. 15—16.
- ²² См.: *Скрынников Р.Г. Царство террора.* СПб., 1992.
- ²³ *Георгий Акрополит. Летопись...* С. 155.
- ²⁴ Переписка... С. 14.
- ²⁵ Анализ философских взглядов Ласкариса см.: *Hunger H. Die hochsprachliche profane Literatur der Byzantiner.* Bd. 1. München, 1978.
- ²⁶ Большая часть эпистолярного послания Ласкариса издана: *Theodori Ducae Lascari imperatoris in laudem Nicaeae urbis oratio / Ed. L. Bachmann.* Rostock, 1847; *Theodori Ducae Lascaris Epistulae CCCXVII / Nunc primum ed. N. Festa.* Firenze, 1898.
- ²⁷ См.: *Филарет (Гумилевский). Исторический обзор песнопевцев и песнопения греческой церкви.* Репринтное воспроизведение издания 1902 г. Свято-Троицкая Лавра, 1995. С. 340—341.
- ²⁸ См. издание всех гимнографических творений Иоанна IV: *Царь Иван Васильевич Грозный. Духовные песнопения и молитвословия.* М., 1999.
- ²⁹ *Георгий Пахимер. История...* С. 24—25.
- ³⁰ Переписка... С. 117.
- ³¹ *Георгий Акрополит. Летопись...* С. 177.
- ³² См.: *Жворонков П.И. Никейская империя и Запад.* С. 116—120; *Его же. Никейская империя и Восток // ВВ.* 1978. Т. 39. С. 98—100.
- ³³ *Успенский Ф.И.* Указ. соч. С. 476.
- ³⁴ См.: *История Византии.* М., 1967. Т. 3. С. 76.
- ³⁵ *Успенский Ф.И.* Указ. соч. С. 486.
- ³⁶ См. принципиально новую, интересную попытку разобраться в мотивах деяний Грозного: *Шапшиник В.В. Религиозно-психологические основания действий Ивана Грозного // Историческая психология и ментальность. Эпохи, социумы, этносы, люди.* СПб., 1999. С. 279—298.
- ³⁷ См.: *Павлов А.П. Судьбы самодержавия и земства в России XVI в. (опричнина Ивана Грозного) // История России. Народ и власть.* СПб., 1997. С. 240.
- ³⁸ См.: *De communicatione naturali.* Basileae, 1571.
- ³⁹ См.: *Лихачев Д.С. Великое наследие.* М., 1980. С. 308—309.

Summary

Having compared the biographies of Emperor Feodor II Laskaris and Tsar Ivan the Terrible the author found much similarity in their fates. The author believes that this similarity was not fortuitous. As the historian suggests, Ivan the Terrible knew well the work and fate of his predecessor and quite deliberately imitated his deeds.

А.В. Дубаков

АСТРАХАНСКАЯ ЕПАРХИЯ В XVI—XVII ВВ.: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ

В современной общественной мысли четко просматривается течение, которое предлагает преодолеть духовный кризис путем восстановления той роли, которую играла Русская Православная Церковь в царской России. Проблема заключается в том, что многие представления о российской церковной истории основываются не на данных научных исследований, а на репринтных изданиях популярной литературы XIX — начала XX в., что часто приводит к искажению прошлого и возрождению давно отживших схем и догм. Все это делает исследование истории Русской Православной Церкви, отдельных ее епархий весьма актуальным.

Астраханская епархия, спорным вопросам истории которой посвящена эта статья, была образована в самом начале XVII в. на Нижней Волге. Здесь не было авторитетных христианских центров, святых мучеников, святынь, которые в православии традиционно считались основным условием для создания самостоятельных епархий. Проникновение в этот недавно завоеванный и колонизируемый край православного населения, создание местных церковных структур происходили в условиях постоянной военной опасности, вызванной набегами степняков и разбоями воровских казаков. Тем не менее в течение XVII столетия епархия быстро достигла расцвета, а в конце века была преобразована в митрополию.

Специальные исследования по истории Астраханской епархии поначалу выполнялись в основном силами местных историков и краеведов, которые собирали легенды, предания, сохранившиеся письменные источники и попытались изложить их в жанре древних русских летописей или статистических опи-

саний. Так возникли Царицынская (кон. XVIII в.), Черноярская (XVIII в.), Ключаревская (ок. 1825 г.) и Камышинская (ок. 1867 г.) летописи¹. Некритический подход к собранным материалам привел к тому, что летописцы-краеведы положили начало многим ошибкам и неточностям в историографии.

Ценные сведения по истории Астраханской епархии были собраны в XIX в. в связи с изучением местной иерархии Н. Туркиным, П. Любарским, А. Орнатским, П.М. Строевым². В первой половине XIX в. в краеведческой литературе произошел переход от летописного жанра к историческим сочинениям. Весомый вклад в изучение прошлого Астраханской епархии внесли М. Рыбушкин, С. Матвеев, Н. Каменский, М. Благоврахов³. Важной вехой в дореволюционной историографии стало сочинение протоиерея И. Саввинского⁴. В отличие от предшественников, в основу периодизации автор положил поворотные события в истории епархии, а не периоды правления ее архиереев. Его работа явилась последним в дореволюционной литературе серьезным исследованием, которое подвело первые итоги изучению истории епархии.

В советское время интерес к изучению истории Русской Православной Церкви в целом и Астраханской епархии в частности снизился. Тем не менее именно в это время обстоятельно были рассмотрены вопросы истории монастырского хозяйства Центральной и Северной России, отношение церкви к народным движениям XVI—XVIII вв. В связи с изучением истории городов России Н.Б. Голиковой были затронуты вопросы экономической жизни Астраханской епархии⁵. В последние десятилетия отдельные вопросы истории Астраханской епархии поднимались исследователями А.С. Марковым, Н.М. Васькиным, В.П. Никитиным (Астрахань)⁶; В.М. Водолагиным, В.И. Томаревым, Б.С. Абалихиным, С.И. Рябовым, Л.С. Орловым (Волгоград)⁷; Е.К. Максимовым, В.А. Осиповым, М.В. Булычевым (Саратов)⁸.

Анализ литературы свидетельствует, что история Астраханской епархии остается недостаточно изученной. Многие вопросы разрабатывались только в дореволюционной литературе, главным образом местными историками. Необходимы новые разработки, чтобы актуализировать проблематику и, исследовав спорные вопросы, уточнить сложившиеся представления о состоянии епархии в рассматриваемый период.

В Астрахани бытует легенда, согласно которой создателем первых церквей и монастыря в Астрахани был игумен Троицкого монастыря Кирилл (1568—1576 гг.), который в городе почитается как местный святой⁹. Поздним свидетельствам не следует особенно доверять. Старая Астрахань не имела мощных городских укреплений и была открыта для нападений врагов, поэтому по инициативе московских властей в 1558 г. город был перенесен с доступного нападению правого берега р. Волги в более безопасное место, на остров Долгий¹⁰. В то время строительство новых городов обязательно сопровождалось закладкой церковью, и их появление следует отнести именно к этому времени, а не к 1568 г.

В литературе установилось мнение, что строителем нового города был воевода И.С. Черемисинов, которому можно было бы приписать честь закладки первых храмов города¹¹. Однако исследование биографических данных И.С. Черемисинова и его преемника И.Г. Выродкова дает основание сделать важные наблюдения. И.С. Черемисинов находился в Астрахани с момента изгнания хана Дервиш-Али в 1556 г. до начала 1558 г. В марте 1558 г. в Астрахани был уже другой воевода — видный деятель периода правления Избранной рады И.Г. Выродков¹². Он имел, как показывают данные его биографии, богатый опыт строительства крепостей. Во время взятия Казани дьяк отличился тем, что возвел напротив главных крепостных ворот осадную башню. Незадолго до назначения в Астрахань он по приказу царя построил город в устье Наровы, который должен был стать первым российским портом на Балтике¹³. Вполне вероятно, что, блестяще выполнив поручение на севере, И.Г. Выродков получил приказ построить порт на юге¹⁴.

В 1558 г. в Астрахани побывал английский путешественник А. Дженкинсон и подробно описал строящийся город. В своих записках он ничего не сообщил о наличии в городе церквей¹⁵. Скорее всего, православные храмы еще не успели возвести. Во время строительства крепостей гарнизоны и рабочие люди обычно пользовались походными церквями. Краевед П. Юдин без указания на источник информации отметил, что такая походная церковь была и у астраханцев. В ней находилась икона Николая Чудотворца, принесенная русскими войсками во время завоевания Астрахани¹⁶. Вместе с тем тот же

П. Юдин, вновь без ссылок на источник информации, утверждал, что первая астраханская деревянная церковь Николая Чудотворца была построена воеводой при перенесении города и названа в честь иконы походной церкви¹⁷. В жалованной грамоте царя Федора Ивановича Троицкому монастырю 1588 г. цитируется несохранившийся наказ Ивана Грозного игумену Кириллу, в котором церковь Николая Чудотворца в 1568 г. упоминается как уже давно существующая¹⁸. Это наблюдение подтверждает данные П. Юдина и дает основание высказать предположение, что строителем первой церкви в Астрахани, как и кремля, был дьяк И.Г. Выродков, а не игумен Кирилл. Ее создание следует отнести к 1558—1560 гг.

Автор поздней Ключаревской летописи — К. Васильев сообщил, что во время перенесения города воевода построил еще одну церковь, Рождества Божьей Матери, в 400 саженьях на восток от своего стана, т. е. кремля¹⁹. П. Юдин, вновь без ссылки на источник информации, указал, что церковь была возведена в 1560 г.²⁰ Более близких по времени свидетельств о строительстве церкви в источниках обнаружить не удалось. Но утверждения К. Васильева и П. Юдина вызывают сомнения. Церковь Рождества Божьей Матери находилась на углу Московской (Екатерининской) и Рождественской улиц на территории Белого города, который возник только во второй четверти XVII века²¹. Маловероятно, чтобы воевода и астраханцы в условиях постоянной военной угрозы решились построить церковь не на защищенной территории, а в 400 саженьях от кремля. Свидетельство П. Юдина о строительстве церкви Рождества Богородицы в 1560 г. представляется недостоверным.

Игумен Кирилл, как следует из жалованной грамоты царя Федора Ивановича Троицкому монастырю 1588 г., приехал в Астрахань в 1568 г. с поручением построить при Никольской церкви общий мужской монастырь²². Новая обитель, как видно из приведенных данных, создавалась при непосредственной государственной поддержке. На ее содержание царь установил ругу²³ — «по девятинадцати рублев денег, да по пятидесять по одной чети муки да по пятидесять по одной чети овса»²⁴. По тем временам это пожалование было небольшим. В центральных и северных районах страны власти в таких случаях обычно отводили монастырям земельные владения. В Нижнем Повол-

жье земля не имела ценности, так как в силу постоянной военной опасности на ней нельзя было заниматься земледелием. Главным богатством края была рыба. Именно поэтому на содержание монастыря власти выделили рыбные угодья «на Волге, на Бузане острове Чюрка с бугры и с протоки, от Перекопи до Ахтубского устья, вниз к Синему морю, с илмени со всеми угодья Колмановской учюг... да им же на Волге, под городом, дано три связки плавные ловли, да частичком по болдам ловити белая всякая рыба для временных погодей». Одновременно Иван Грозный дал братии право беспошлинной торговли, для чего «велел им держати судно, белозерку или дощеник, в длину от кормы до носа тридцати сажень, а в том им судне соль или рыба и всякой товар продавати из Асторохани вверх Волгою до Ярославля, а Окою рекою до Колуги, и назад в Асторохань»²⁵.

Кирилл, по-видимому, активно взялся за дело и добился значительных успехов. В пользу этого предположения свидетельствуют данные документальных источников. В 1569 г. турки и крымцы, как следует из донесения посла С. Мальцева, во время похода на Астрахань захватили в плен троницкого келаря Арсения и службу игумена²⁶. Как видно, уже через год после начала строительства монастыря для управления его хозяйством понадобился келарь-управитель. В царской грамоте от 5 марта 1573 г. был подведен своеобразный итог деятельности игумена за пять лет. В документе говорится, что игумен «храм Живоначальной Троицы поставил новый, да прирубил трапезу шести сажень, да келарскую шести сажень, да поставил двенадцать келий, да две погребницы с сушилы, да хлебню, да поварню, да ограду вокруг монастыря огородил сверх двух сажень, да он же богомолец наш сооружает два храма, храм Пречистые Введения, да храм Николы Чудотворца»²⁷. Из грамоты следует, что все постройки были деревянными. Братьев в монастыре набралось 25 человек «да слуг и детенышев человек с 20 и больше»²⁸.

Кирилл, несомненно, был выдающейся личностью и добился значительных успехов в создании первого астраханского монастыря, но ему не удалось получить у местных властей царских пожалований в полном объеме. В 1588 г. игумен Иосиф в челобитной к царю писал, что воеводы в 1568 г. отказались передать монастырю Колмановской учуг²⁹ на Бузане, «а за хлеб-

ную ругу и за денги дали ему два учюжка, ниже города, в Хмелевой протоке, Иванчюк Караков да Бурнатыевской бутор Иктубей-Карасу, с морскими устьи и с угоды; а оброку де с тех учюжков шло в казну, на год, по семи рублев и по четыре алтыны»³⁰. Два учюжка приносили всего семь рублей и четыре алтына вместо полагавшейся царской руги — 19 рублей, 51 чети муки и 51 чети овса³¹. Кирилл, утратив, вероятно, надежду получить помощь из столицы, подал челобитную царю, в которой попросил закрепить за монастырем данные воеводами взамен руги учуги. В 1575 г. царь удовлетворил просьбу Кирилла³². Местные условия не позволили реализовать пожалования в полном объеме, с чем в конце концов вынужден был согласиться игумен Кирилл.

Последние упоминания об игумене Кирилле относятся к 1575 г.³³ П. Строев полагает, что примерно в это время игумен умер³⁴. Преемником Кирилла стал Ферапонт. О его деятельности почти ничего не известно. И. Саввинский, опираясь, вероятно, на данные летописи Троицкого монастыря, смог выяснить только дату смерти этого игумена — 25 августа 1584 г.³⁵ Третьим игуменом Троицкого монастыря был Иосиф³⁶. Сохранившаяся челобитная Иосифа к царю позволяет проследить дальнейшее становление хозяйства монастыря.

Игумен в своей челобитной поднял вопрос о пожалованиях монастырю, сделанных в 1568 г. Он просил царя возобновить хлебное и денежное жалованье, так как братии, по его словам, для торговли солью и рыбой не хватало сил и средств и они не могли прокормиться. Федор Иванович решил вопрос в пользу братии. Он сохранил за ней право владения учужками и возобновил денежную (19 руб.) и хлебную (51 чет. муки и 51 чет. овса) ругу. Дополнительно царь разрешил беспошлинно грести соль (по 1 тыс. пуд.). Взамен монастырю была запрещена любая беспошлинная торговля³⁷. Вероятно, данные царем распоряжения на этот раз были полностью реализованы местными властями. Вопрос о пожалованиях 1568 г. настоятелями монастыря больше не поднимался, о чем свидетельствует приписка, сделанная на обороте грамоты в 1616 г.³⁸ Примечательно, что в грамоте 1588 г. допускалась возможность назначения в монастырь «игумена или строителя»³⁹. Это свидетельствует о том, что монастырь все еще находился в стадии становления.

В 80-е годы XVI в. в освоении окраин Московского государства наступил новый этап. Правительство Бориса Годунова смогло прочно утвердиться в Сибири. Для этого русские выстроили в 1586 г. крепость Тюмень, в 1587 г. — Тобольск, ставший главным административным центром региона, и несколько укрепленных острогов в бассейнах рек Оби и Иртыша⁴⁰. После многочисленных татарских и турецких вторжений и мощного восстания поволжских народов XVI в. началось укрепление волжской оборонительной системы. В 1588 г. воевода М.И. Вельяминов и дьяк Д. Губастов построили в Астрахани каменный кремль взамен обветшавшего деревянного⁴¹. В этом же году была восстановлена разрушенная ранее крепость на Тереке. В 1589 г., вероятно на месте находившегося ранее караула, была построена деревянная Царицынская крепость, а в 1590 г. — Саратовская⁴². Новые крепости по замыслу властей должны были не только обезопасить южные границы страны от степняков, но одновременно стать опорными пунктами правительственного влияния на умножившиеся казачьи станицы на Волге и Дону, которые начали объединяться в Донское войско⁴³.

В 1589 г. в Московском государстве была начата церковная реформа. В ходе ее проведения статус астраханских церковных структур был изменен. Об этом свидетельствует тот факт, что архиепископ Казанский и Свияжский Гермоген стал именоваться митрополитом Казанским и Астраханским⁴⁴. Источники не содержат каких-либо указаний на причину этих перемен. Скорее всего, это было связано с ростом Астрахани, способствовавшим укреплению авторитета местных церковных структур.

Повышение статуса астраханских церковных структур дало новый импульс их развитию. Между 1588 и 1592 гг. на должность игумена астраханского Троицкого монастыря переведен Феодосий, который прежде был настоятелем в ярославском монастыре Пресвятой Богородицы на Толге⁴⁵. Затем, в 1592 г., он получил у царя Федора Ивановича жалованную грамоту, согласно которой монастырь дополнительно к уже имевшимся получил на оброк в 80 рублей учуг Коклуй и разрешение беспошлинно грести 12 тыс. пудов соли⁴⁶. Примечательно, что об увеличении руги в грамоте уже не было и речи. Братия, по всей видимости, пошла по пути расширения монастырского хозяйства. Доходы монастыря возросли, что позволило Феодосию в

конце 90-х годов построить каменную соборную Троицкую церковь взамен обветшавшей деревянной⁴⁷. Власти заметили энергичного игумена и, как свидетельствует автор Жития Феодосия, поручили ему руководить строительством нового городского храма — собора Успения Божьей Матери⁴⁸. С 1597 г. в источниках начинает упоминаться еще один астраханский монастырь — Спасский мужской. Сведения о нем находились в жалованной грамоте царя Михаила Романова 1615 г., которая хранилась в архиве Духовной консистории. Сама грамота не сохранилась, но о ее содержании можно судить по «Описанию Астраханского Спасо-Преображенского мужского монастыря», которое составил в 1851 году его архимандрит Вассиан⁴⁹. Настоятель со ссылкой на грамоту пишет, что для обустройства монастыря получил годовой руги по 60 четвертей муки и овса, право рыбной ловли четырьмя связками и неводом в «Кизанских водах» и право беспошлинно грести 12 000 пудов соли⁵⁰.

Общие представления о церковной жизни в Астрахани можно почерпнуть из свидетельств, сделанных после Смутного времени. В 1616 г., вскоре после освобождения Астрахани от отрядов И.М. Заруцкого, был произведен обыск и подробное описание города и его жителей. И.И. Смирнов составил на основании его данных таблицу, которую использовал для анализа социальной структуры Астрахани накануне восстания И.И. Болотникова⁵¹. Данные таблицы позволяют прийти к выводу, что на рубеже XVI—XVII вв. постоянных жителей города было менее половины. Представителей духовенства в городе было очень мало: попов, дьяконов и монахов всего 18 человек, что подтверждает сделанные ранее наблюдения о небольшом количестве церквей и слабости местных монастырей⁵². Выявленные данные свидетельствуют, что, в отличие от северных епархий, социально-экономические условия для создания самостоятельной епархии в Нижнем Поволжье к рубежу XVI—XVII вв. явно не вызрели. По-прежнему не было и традиционных условий для ее образования: Астрахань не являлась давним центром христианства, не было здесь ни святынь, ни святых. Первый астраханский игумен Кирилл и первый архиерей Феодосий стали почитаться как местные святые только во второй половине XVII — XVIII в. Канонизированный святой появился в Астраханской епархии только в начале XX в.

Анализ ранней истории церквей и монастырей Астрахани показывает, что они создавались по инициативе государства. Оно же, по всей видимости, санкционировало образование самостоятельной Астраханской епархии. В пользу этого предположения говорит общая ситуация, которая сложилась в Нижнем Поволжье в конце XVI в. Ногайцы, потерпев ряд сокрушительных поражений от казаков, увязли во внутренних смутах⁵³. Правительству Бориса Годунова удалось ослабить Крым и прикрыть южные границы государства. Россия начала активно продвигаться на Северный Кавказ, пытаясь включить в сферу своего влияния православную Грузию⁵⁴. В этих условиях значение астраханской церковной организации резко возросло. Она должна была играть роль важного связующего звена между православной Россией и христианами Кавказа. Ту роль, которую епархия с успехом будет играть во второй половине XVII — XVIII в. В правление Бориса Годунова отношение московского руководства к вольному казачеству изменилось. С конца 80-х гг. XVI в. правительство явно взяло курс на установление контроля над казачьей вольницей⁵⁵. Особую роль в этом власти, по всей видимости, отводили астраханской церковной организации. Она должна была стать важным проводником правительственного влияния на духовную жизнь казачества. Материалы Астраханской Приказной палаты и монастырских архивов, в которых могли отразиться какие-либо данные на этот счет, погибли во время Смуты. Отчасти их утрату дают возможность восстановить документальные материалы XVII в. о казачьих богомольях в Астрахани, которые свидетельствуют о давних и устойчивых связях астраханского духовенства и вольных казаков⁵⁶.

Описывая обстоятельства образования Астраханской епархии, историки сосредоточили свое внимание на установлении времени основания епархии. С. Матвеев, Н. Каменский, М. Благонравов, И. Саввинский, П. Юдин, опираясь на данные Жития Феодосия, считали, что епархия была учреждена в 1602 г.⁵⁷ М. Рыбушкин отнес ее создание к 1589 г.⁵⁸, а известный археограф П. Строев — к 1606 г.⁵⁹ Разобраться в этом вопросе позволяют документальные источники. Царская жалованная грамота Троицкому монастырю 1600 г. свидетельствует, что в это время Феодосий был еще его настоятелем^{60–61}. В документах 1604—1605 гг.: архиерейской грамоте 1604 г., росписи духов-

ных и светских чинов 1605 г.⁶² и царской грамоте в Троицкий монастырь 1604 г.⁶³ — говорится о нем уже как об архиерее. Следовательно, Феодосий был поставлен на астраханскую кафедру между 1600 и 1604 годами. Данные документов подтверждают версию автора Жития Феодосия о том, что «первопрестольник града Астарахани» был поставлен в 7110 г. (1602 г.)⁶⁴. После открытия самостоятельной епархии южные территории Казанской епархии перешли под духовное управление астраханских владык. Местные иереи стали именоваться Астраханскими и Терскими, а Казанские митрополиты вновь — Казанскими и Свияжскими⁶⁵.

Спорным представляется и вопрос о позиции первого астраханского архиерея Феодосия в Смутное время. В литературе утвердилось мнение, что со сдачей Астрахани восставшим борьбу в городе с Лжедмитрием I и его приверженцами возглавил астраханский архиерей Феодосий⁶⁶. Источником легенды, по всей видимости, является Житие Феодосия. В памятнике сообщается, что епископ якобы сильно пострадал за свое «крепкостоятельство»: «Народи же града того хотяще его убити и не убища, и двор его на расхищение преда, и многих его людей смерти предаша, и устремишася на его святопомазанную голову, отведоша его из дому владычня в Троецкой монастырь, а с Троицкого монастыря отпустиша его в царствующий град Москву со многим бесчестием, и поставиша его пред нечастиваго царя Ростригу»⁶⁷. Данные Жития были заимствованы Петром Золотаревым и ключарем Кириллом Васильевым⁶⁸. Повествуя о пребывании Феодосия в Москве, автор Жития сообщил, что владыка, живя на дворе у патриарха Гермогена, будто бы продолжал избличать Самозванца⁶⁹. Необходимо отметить, что автор Жития допустил ошибку, назвав Гермогена патриархом, тогда как в 1605—1606 гг. он еще был митрополитом казанским. Исследователи, указав на допущенную ошибку, согласились с утверждением, что Феодосий не признал в Самозванце законного царя. Н. Каменский писал, что Лжедмитрий I после встречи с Феодосием отослал его «на патриарший двор под присмотр»⁷⁰. По мнению И. Саввинского, Феодосий, представ перед Самозванцем, «не устрасился обличить его в глаза»⁷¹. Об обличениях Феодосием Лжедмитрия I писали П. Строев, А.В. Карташев и И.И. Смирнов⁷².

Обращение к документальным источникам, написанным по горячим следам событий, позволяет усомниться в устоявшемся мнении о борьбе Феодосия с Самозванцем. По данным грамоты Лжедмитрия I астраханскому Троицкому монастырю от 12 апреля 1606 г., Феодосий оказал значительную финансовую помощь Самозванцу, передав ему значительную сумму денег — 1700 руб. За это Лжедмитрий I пожаловал епископа учугом Коклуй, который он отобрал у астраханского Троицкого монастыря. Братия, взамен учуга получила денежную ругу — 80 руб. в год. Примечательно, что в грамоте Феодосий назван архиепископом, а не епископом⁷³. В этом же сане он упомянут в Списке сенаторов Лжедмитрия I 1605 г.⁷⁴ Это наблюдение наводит на мысль, что Самозванец помог астраханскому владыке получить более высокий сан. Не случайно в мае 1606 г. Феодосий принял самое активное участие в свадьбе Самозванца. Именно ему было поручено поднести корону Марине Мнишек⁷⁵. Все эти факты не укладываются в традиционное мнение об активной роли епископа Феодосия в борьбе с Самозванцем.

После свержения Самозванца Василий Шуйский поначалу не признал за Феодосием сана архиепископа. В первых грамотах царя он упоминается в прежнем сане — епископа⁷⁶. Власти отправили его вместе с «нареченным патриархом» Филаретом Романовым и боярином П.И. Шереметевым в Углич за мощами нового чудотворца — царевича Дмитрия⁷⁷. Канонизацией истинного сына Ивана Грозного царь и его советники пытались уверить русских людей в том, что на престоле сидел Самозванец, слуга дьявола. Историки давно заметили, что руководители комиссии Освященного собора и Боярской думы принадлежали к группировкам, оппозиционным Шуйскому, и их таким образом удалили из Москвы⁷⁸. После выполнения поручения П.И. Шереметев был арестован и сослан в опале на воеводство в Псков. Филарет Романов лишился сана «нареченного патриарха» и вернулся на Ростовскую митрополию. Василий Шуйский, судя по грамоте августа 1606 г., вернул Феодосию сан архиепископа, но, как и Филарета, отправил обратно на свою кафедру, в Астрахань⁷⁹. В этом сане Феодосий упоминается во всех последующих грамотах⁸⁰. Владыка, как видно из приведенных данных, был близок к Филарету, достаточно лояльным к Самозванцу, в годы его правления, а не к Гермогену и Василию Шуйскому.

Возвращаясь на свою кафедру, архиепископ Феодосий умер в Царицыне. Среди исследователей нет единого мнения о дате его смерти. А. Орнатский, С. Матвеев, Н. Каменский, К. Васильев считали, что владыка скончался 18 декабря 1607 г.⁸¹, П. Строев и И. Саввинский — 18 декабря 1606 г.⁸² По мнению авторов «Иерархических каталогов российских древних епархий...», ошибка произошла по вине астраханского архиепископа Платона Любарского, который неправильно перевел дату из юлианского в григорианское летоисчисление, ошибочно указав год от Рождества Христова 1607-й, тогда как в действительности это был 1606 г.⁸³ В последующие годы Смуты епархия, как и все Нижнее Поволжье, сильно пострадала. Вместе с Царицыном и Саратовом погибли все местные церкви. Астраханские и терские монастыри и церкви были разорены. Многое после Смуты пришлось начинать с начала.

В первой половине XVII в. Астраханская епархия, как свидетельствуют источники, не только восстановилась, но и быстро развивалась. Здесь действовало восемь небольших монастырей и около двадцати церквей, которые содержались, главным образом, за счет руги. В епархии по-прежнему не было местных святых, святынь и многочисленной паствы. Незаметны какие-либо существенные изменения в той роли, какую епархия играла в сношениях между Москвой и православными в Закавказье. В отношении вольного казачества, наоборот, произошли большие перемены. Документы указывают, что на Дону появились свои церкви⁸⁴. В начале второй половины XVII в. донские казаки, как установил В.Г. Дружинин, в церковном отношении стали управляться патриархом⁸⁵. Условия для преобразования епархии в митрополию явно не вызрели. Тем не менее в конце XVII в. была учреждена Астраханская митрополия.

Разобраться в причинах происшедших преобразований позволяет анализ обстоятельств учреждения митрополии. В конце 50-х годов XVII в. между царем Алексеем Михайловичем и патриархом Никоном вспыхнул острый конфликт. Астраханский архиепископ Иосиф решительно встал на сторону Алексея Михайловича и оказал ему неоценимые услуги. Он участвовал в работе комиссии кн. Н.И. Одоевского, которая от имени царя ездила к Никону в Воскресенский Ново-Иерусалимский монастырь⁸⁶. В эту комиссию помимо Иосифа входили только два

духовных лица: Газский митрополит Паисий и архимандрит московского Богоявленского монастыря. Никон наотрез отказался разговаривать с Паисием, и переговоры от духовных лиц пришлось вести Иосифу⁸⁷.

Для участия в суде над Никоном в Москву были приглашены вселенские патриархи. В апреле 1666 г. Иосиф встретил их в Астрахани и сопровождал в Москву. С ними из Астрахани отбыл и архимандрит Троицкого монастыря Никифор⁸⁸. Как свидетельствует «Настольная грамота Патриархов, Александрийского Паисия, Антиохийского Макария и Московского Иосафа, Астраханскому архиепископу Иосифу, на митрополию», восточные патриархи отзывались об Астрахани как о «царственном» городе. Статус Астрахани — в прошлом государственного центра — стал, вероятно, одним из важнейших аргументов в открытии митрополии. Это подтверждают употребляемые патриархами обороты: «преименитый град», «возвысися убо и почтесе град Астараханский саном митрополым, ибо и прежде бяше царствующий град Скифов»⁸⁹. Дорога заняла почти три месяца. За время путешествия Иосиф оказывал патриархам всевозможные почести, заботу, попечение и произвел на них хорошее впечатление. Они писали о нем, используя такие обороты, как «преблагой сей архиереови», «аки светлейшая звезда», «всякая служения любочеловечества и странноприимства являя, утешения в скорбех, в бедствах пособствия, в неудобопроходимых местех руководства, словом и делом явствуяся доброслужен рачитель теплый и во всяких нуждных вещех, творя велие попечение и прилежность»⁹⁰. Находясь в Москве, Иосиф вместе с другими русскими иерархами присутствовал при низложении Никона, о чем свидетельствует «Известительная Грамота Патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского и прочих Российских и Греческих Властей: о низвержении Московского Патриарха Никона с Святительского престола». Под грамотой Иосиф поставил свою подпись четвертым среди архиепископов⁹¹.

В мае 1667 г. на соборе обсуждался вопрос «об учреждении в российской церкви» митрополичьих округов и увеличении числа епископий в России. Его инициатором был царь. Согласно царскому проекту предполагалось назначить ко всем митрополитам вспомогательных архиереев. Особое внимание уделя-

лось Астраханской епархии. Ее архиерей здесь же был возведен в сан митрополита⁹². Царь, как следует из грамоты на поставление митрополита, использовал для решения этого вопроса авторитет присутствовавших на соборе восточных патриархов. Их сильное влияние прослеживается в выражениях грамоты об учреждении митрополии: «Иосиф, аки светлейшая звезда показася нам Вселенским Патриархом», «в память и подражание: да и прочии наставятся верно последовати и покоритися Вселенским Патриархам». В качестве причины учреждения в Астрахани митрополии патриархи называют в первую очередь заслуги Иосифа: «...за те и тем подобные его труды и истиннаго усердия теплейшая показания, достойно быти судихом должное сотворити его благодетельству воздаяние, во еже бы и прочим подражати»⁹³. Нетрудно заметить, что не симпатии восточных иерархов, а активная позиция Иосифа в деле Никона явилась главной причиной его возвышения. Царь щедро отблагодарил одного из немногих русских иерархов, поддержавших его в тяжелую минуту. Важным было, вероятно, желание царя поднять статус Астрахани — бывшей столицы царства. Восточным иерархам отводилась лишь почетная роль ходатаев за отличившегося владыку.

Глава одной из самых бедных и необустроенных епархий занял одно из первых мест среди российских митрополитов. Под соборным постановлением он подписался третьим, после митрополитов Новгородского и Казанского. Он стал именоваться митрополитом Астраханским и Терским.

Суровым испытанием для астраханского духовенства и его владыки стало восстание Степана Разина. Вернувшись из Персидского похода, С. Разин остановился в Астрахани. Казаки беспрепятственно разгуливали по городу и возбуждали местное население. Они наотрез отказались выполнить главное требование властей: сдать оружие, корабли и награбленное добро. В городе явно назревало восстание.

В историографии под влиянием житийной литературы сложилось мнение, что астраханское духовенство решительно выступило против разбоя разинцев. Документальные источники рисуют иную картину. Действительно, как только разинцы захватили митрополичий учуг, митрополит Иосиф тут же пожаловался царю, что 7 августа 1669 г. казаки были на учуге и все,

что там было, разграбили. В это время на учуге находились черный поп Иосиф и церковный дьячок Федька Еремеев, которые и сообщили о произошедшем. Уезжая, казаки бросили церковную утварь. Митрополит обратился к светским властям с просьбой послать на учуг людей и привезти утварь в Приказную палату для описи⁹⁴. Любопытные данные об отношении духовенства к разинцам содержит челобитная братии Спасо-Преображенского монастыря митрополиту Иосифу⁹⁵. В ней сообщается о нападении на рыболовов астраханского патриаршего Спасо-Преображенского монастыря 5 июня 1669 г. рабочих людей Троицкого монастыря *во главе со старцем Ионой*. Это нападение явно носило характер разбоя: патриаршие люди были избиты, у них были отняты «две сети плавных, две лодки плавных, три бердыша, четыре топорка, да с тех же рабочих людей старец Иона с рабочими людьми сняли три кафтана, сермяжных, шесть крестов серебряных, пять поясов шелковых, семь шапок»⁹⁶. Провинился и сам настоятель Троицкого монастыря — архимандрит Никифор. Спустя несколько месяцев он был уличен в краже из домово́й казны 1100 руб., за что был отстранен от должности⁹⁷. Таким образом, отношение астраханского духовенства к разинцам было неоднозначным. Если митрополит и братия Спасо-Преображенского монастыря восприняли их появление в городе отрицательно, то монахи Троицкого монастыря использовали ситуацию для решения своих проблем. В сложившихся условиях воеводы сочли за благо побыстрее выпроводить казаков из города, и они беспрепятственно ушли на Дон⁹⁸.

В октябре 1669 г. Разин подошел к Царицыну. Казак Н. Самбуленко позже в расспросных речах рассказывал, что из Царицына к разинцам вышли поп и «градские люди». Они говорили с казаками, «что им дратца с ними, казаками, не за что; и хто ково знает, из города х казаком приносили вино и пиво»⁹⁹. Воевода А. Унковский был вынужден открыть ворота и терпеть от казаков «всякое озорство»¹⁰⁰. На Дон С. Разин и его казаки вернулись героями. Примечательно, что уже на начальном этапе движения С. Разина рядовое духовенство Царицына выказывало явные симпатии к восставшим.

Весной 1670 г. С. Разин поднял открытое восстание против правительства, объявив, что вместе с «царевичем Алексе-

ем Алексеевичем и патриархом Никоном» идет наводить порядок в России. В мае 1670 г. повстанцы захватили Царицын. В литературе, часто без ссылки на источник информации, указывается, что инициаторами сдачи города были монахи местного Троицкого монастыря, что Разин был принят с почетом некоторыми духовными лицами, а казначей монастыря старец Аарон дал восставшим благословение¹⁰¹. Нам удалось отыскать источники этой информации. Астраханский воевода Я.Н. Одоевский в челобитной к царю сообщал, что в июне 1672 г. он был в Царицыне, где слушал Дмитрия Свищева. Тот рассказал воеводе, что, будучи в Царицыне на службе, слышал от донских казаков и от царицынских жителей, что, когда Разин находился в крепости, «Стеньке был любимой приход в монастыре у казначея Аарона, и пил и ел тот вор Стенька с тем Аароном заодно». Как пишет далее воевода, там же, в Царицыне, в Троицком монастыре был сыскан старец Иосиф, который был в Астрахани «в воровстве»¹⁰². В расспросных речах московского стрельца Г. Свешникова в Тамбовской Приказной палате о взятии Разиным Царицына сказано, что, когда в 1670 г. шел под Царицын голова Иван Лопатин, Разин, их «поймав», привез в Царицын. Местный соборный поп Андрей именовал Разина батюшкой и советовал стрельцов посадить в воду, называя их мясниками и сетуя на то, что им «от тех мясников, от московских стрельцов, житья не стало». Стрельцов, которые умирали от ран и болезней, по приказу С. Разина и попа Андрея у церкви не хоронили, и больных при смерти не исповедовали¹⁰³. Саратовский исследователь И.С. Соколов объясняет позицию, занятую царицынским духовенством, тем, что местные попы и монахи примкнули к расколу¹⁰⁴. Источники не содержат информации, которая могла бы подтвердить предположение исследователя. Ясно одно: местное духовенство встало на путь сотрудничества с разинцами, будучи недовольным правительственной политикой в Нижнем Поволжье.

Из Царицына С. Разин и казаки пошли на Астрахань. Очевидец событий митрополичий стряпчий Петр Золотарев вспоминал, как в июне 1670 г. из-за действий С. Разина в Астрахани «стало беспокойно». Местные служилые люди пришли на двор воеводы кн. И.С. Прозоровского и просили у него денежное жалованье за прошлой год. В казне денег не было, поэтому

воевода обратился за помощью к митрополиту. В критической ситуации Иосиф выручил кн. И.С. Прозоровского: выдал ему займы «келейных денег» шестьсот рублей и еще две тысячи рублей, которые изъясил из казны Троицкого монастыря¹⁰⁵. Однако выплата жалованья служилым людям лишь на время разрядила обстановку. Через несколько дней С. Разин подошел к Астрахани. Чтобы склонить жителей на свою сторону, он послал в город «воздвиженского попа Василья Маленкого да князя Семенова человека Ивановича Львова». По утверждению Петра Золотарева, поп Василий был из астраханцев. Он прежде служил в одной из местных церквей, откуда был послан в Нижний Новгород за иконами. По дороге он пристал к восставшим. Кн. И.С. Прозоровский, поймав их, допрашивал, после чего одному «велел у Никольских ворот за городом против их воровских стругов голову отсечь, а попу Василию велел кляп в рот вложить и посадить в каменную тюрьму до указа великого государя»¹⁰⁶. Описывая взятие Астрахани разинцами, П. Золотарев ограничился лишь сообщением, что крепость была взята из-за измены местных жителей. К. Васильев, автор более поздней Ключаревской летописи, указал, что открыли ворота и впустили бунтовщиков в город именно монахи астраханского Троицкого монастыря¹⁰⁷. Эти сведения находят подтверждение в некоторых документальных источниках. К примеру, келарь астраханского Троицкого монастыря Авраамий, по свидетельству очевидцев, «пил и ел и ведал его <С. Разина> мысли»¹⁰⁸. И. Саввинский, без ссылки на источник, также указывал, что монахи Троицкого монастыря, особенно проживавшие на учуге Иванчуг, давно были проникнуты «крамольным духом» и приняли сторону С. Разина¹⁰⁹.

Благосклонно к С. Разину отнеслось и духовенство Саратова. Непосредственный участник событий — голова казанских стрельцов Тимофей Давыдов в расспросе сказал, что, когда жители сдали крепость, игумен местного Богородицкого монастыря вышел встречать С. Разина с хлебом¹¹⁰.

По рассказу К. Васильева, митрополит Иосиф в момент взятия города спасся от казаков в соборной церкви, а архиерейский дом был разграблен. Владыка якобы не смирился с происшедшим и встал во главе сопротивления разинцам, за что был вскоре схвачен и замучен. В данном случае мы не мо-

жем полностью полагаться на сообщения К. Васильева, как это сделали краеведы ¹¹¹. Документальные источники говорят о том, что до пленения С. Разина владыка воздерживался от активного выступления против «воровских казаков». Голова московских стрельцов В. Лаговчин сообщал в своей отписке из Саратова в приказ Тайных дел, что С. Разин, взяв Астрахань, оставил Иосифа «в целости, и никакова де ему, государь, дурна не учинил»¹¹². Кроме того, митрополит «боярина и воеводы князь Ивана Семеновича Прозоровского детей ево, князь Бориса да князь Бориса ж, от смерти у него, богоотступного вора, отпросал, и живут де, государь, они, князь Борис да князь Борис же, у него, митрополита»¹¹³. Один из вождей восставших, атаман Федька Шелудяк, в расспросе во время следствия сказал, что митрополичья домовая казна была ими разграблена только после казни Иосифа ¹¹⁴. С. Матвеев, использовавший в своем сочинении документы соборной ризницы, пришел к заключению, что мятежники не тронули митрополита и не препятствовали ему отправлять богослужения и управлять духовными делами ¹¹⁵. Интересно, что ни один из очевидцев не мог припомнить каких-либо действий митрополита, направленных против восставших, после взятия ими города. Близкий к владыке стряпчий Петр Золотарев ничего не сообщает об Иосифе с момента взятия Астрахани и вспоминает о нем только после пленения С. Разина ¹¹⁶. Н. Каменский, без указания на источник, пишет, что митрополит, в надежде смягчить Разина и его ближайших сподвижников, в день именин царевича Федора Алексеевича приглашал их к себе на обед ¹¹⁷.

Отношения между Иосифом и повстанцами, по данным документальных источников и по рассказу стряпчего П. Золотарева, изменились после пленения С. Разина, когда владыка, получив грамоты царя к астраханцам с призывом покаяться и принести повинную московским властям, зачитал их при большом стечении народа ¹¹⁸. Владыка был вызван на круг, куда явился с протопопом, соборными священниками и со своими попами крестовым Ефремом и учужным Иосифом Оселком. Позже подошли приходские священники: Рождества Христова поп Иван Костюрин, поп Кузма; Даниловской церкви поп Иван, поп Иродион, поп Мокей; Рождества Богородицы поп Василий ¹¹⁹. П. Золотарев сообщает, что другие приходские священ-

ники не были, а архимандрит Спасского монастыря Антоний в то время находился на монастырском учуге, троицкий архимандрит Никифор, вознесенский игумен Селивестр, митрополичьи дети боярские, подьячие Приказной палаты, люди боярские и посадские люди скрылись в степи у юртовских татар¹²⁰. Разинцы обвинили Иосифа в подлоге и в переписке с Москвой, Доном и Терками, из-за чего от них якобы Дон и Терки «отложились»¹²¹. Из расспросных речей очевидцев известно, что казаки написали «приговор», в котором клялись стоять друг за друга насмерть и потребовали, чтобы митрополит его утвердил, но Иосиф наотрез отказался. Казаки отнесли «приговор» в Троицкий монастырь келарю Авраамиию. Куда он делся потом — неизвестно¹²². Строптивость владыки решила его судьбу. Он был схвачен, подвергнут жестоким пыткам и сброшен с раската¹²³.

После казни митрополита казаки, по свидетельству П. Золотарева, написали новый «приговор» и заставили скрепить его протопопа Ивана Андреева, соборных попов Кирилла и Петра, попа Конона, дьяконов Ивана и Василия, приходских попов, архимандрита Спасского, игумена Вознесенского, келаря Троицкого монастырей и московского войскового попа Тихона. Казначей митрополичьего двора старец Серапион Стародуб, черный поп Ефрем, чашник старец Ефрем, хлебный старец Нифонт, пономарь старец Сергей к приговору руки не прикладывали, так как находились на митрополичьем дворе, который грабили разинцы¹²⁴. Материалы следственного дела показывают, что некоторые бунтовщики перед приходом в Астрахань воеводы И.Б. Милославского, собрав награбленное имущество, какое хранилось в Троицком монастыре, и забрав с собой единомышленников-монахов, бежали вверх по Волге¹²⁵.

Расправа с митрополитом была жестом отчаяния разинцев. Крупные силы правительственных войск во главе с боярином И.Б. Милославским заняли Астрахань 27 ноября 1671 г.¹²⁶ Правительственные чиновники произвели тщательный сыск недавней «измены», в ходе которого было допрошено 84 представителя местного духовенства¹²⁷. В 1672 г. в Астрахань приехал новый митрополит.

Проведенный анализ истории Астраханской епархии в XVI—XVII вв. позволяет прийти к заключению, что создание епископии, а затем ее преобразование в митрополию не были

вызваны ни местными церковными, ни социально-экономическими причинами. Инициатива преобразований целиком и полностью принадлежала государству, которое стремилось использовать церковь для закрепления своей власти в крае, развития связей с православными в Закавказье и подчинения своему влиянию духовной жизни вольного казачества. Не случайно астраханское, саратовское, царицынское духовенство неизменно пользовалось значительной экономической поддержкой со стороны властей. Вместе с тем бесцеремонное вмешательство государства в дела церкви иногда вызывало острое недовольство у духовенства и приводило к значительным издержкам в развитии епархии.

В отличие от русского севера, астраханское духовенство не играло заметной роли в освоении нижневолжских земель. Постоянная военная угроза, исходившая из степи, привела к тому, что собственное достаточно скромное монастырское хозяйство имели лишь архиереи и немногие астраханские монастыри. Их главным богатством были не пахотные земли и пастбища, а рыбные угодья, которые в любой момент могли оскудеть из-за изменения течения реки и за которые постоянно шла борьба между различными собственниками.

В положении церковной иерархии и рядового духовенства имелись существенные имущественные различия и социальные антагонизмы. Именно они явились главной причиной раскола среди духовенства в Смуту и во время восстания Степана Разина, когда часть монахов и священников приняла участие в выступлении низов и в расправах над воеводами, владыкой и их приближенными. Вопреки мнению некоторых исследователей, это противостояние было порождено чисто социальными причинами, а отнюдь не церковным расколом между никонианами и староверами. В результате епархиальное духовенство ни в Смуту, ни во время бунта Стеньки Разина не смогло выполнить своего предназначения — удержать и уберечь мирян от братоубийства, более того, иногда само провоцировало мятежи.

Примечания

¹ *Лугарев П.* О начале заведения города Царицына и о древних случайностях оного по устному уверению старожиллов, получивших сведения от их отцов и дедов. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки. F. V. 789 (1). Л. 1—15. (Далее — ОР РНБ); Описа-

ние о начатии Черного Яра на месте сем и о погорении первого города, которое место ныне называется городищем. ОР РНБ. Q. XVII. 53 (2). Л. 49—59; *Васильев К* Ключаревская летопись. Астрахань, 1887; Камышинская летопись. Библиотека Камышинского краеведческого музея. Б. н.

² Рукопись Никифора Туркина // Сборник Астраханского Петровского общества. Вып. 1. Астрахань, 1896. С. 43—56; *Любарский П.* Иерархия Астраханской епархии // Сборник разных исторических статей. М., 1848. С. 21—38; *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. М., 1807. Т. 1. С. 20, 104—105; *Строев П.М.* Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877.

³ *Рыбушкин М* Записки об Астрахани. М., 1841; *Матвеев С.* Епархия Астраханская и Терская // Журнал Министерства народного просвещения. Ч. XXXIV. 1842. Отд. 2. С. 1—16; *Каменский Н.Т.* Краткая история Астраханской епархии. Астрахань, 1886; *Благоправов М.* Архиепископы Астраханской епархии за 300 лет ее существования с 1602 до 1902 г. Астрахань, 1902.

⁴ *Саввинский И.* Историческая записка об Астраханской епархии за 300 лет ее существования (с 1602 г. по 1902 г.). Астрахань, 1903. С. 3; *Его же.* Астраханская епархия (1602—1902 гг.). Вып. 1—2. Астрахань, 1905.

⁵ *Голикова Н.Б.* Очерки по истории городов России. Конец XVII — нач. XVIII в. М., 1982.

⁶ *Марков А.С.* Были Астраханского края. Волгоград, 1976; *Его же.* Забытые страницы. М., 1984; *Его же.* Петр Первый и Астрахань. Астрахань, 1994; *Его же.* История Астрахани в событиях и фактах. Астрахань, 1996; *Васькин Н.М.* Заселение Астраханского края. Волгоград, 1973; *Никитин В.П.* Астрахань и ее окрестности. М., 1981.

⁷ *Водолагин В.М.* Очерки истории Волгограда, 1589—1967. М., 1969; *Рябов С.И.* История родного края. Волгоград, 1988; *Томарев В.И., Абалихин В.С., Орлов Л.С.* Волгоград. Четыре века истории. Волгоград, 1989.

⁸ Очерки по истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993.

⁹ *Матвеев С.* Указ. соч. С. 2; *Саввинский И.* Историческая записка... С. 22—23.

¹⁰ *Голикова Н.Б.* Указ. соч. С. 7.

¹¹ *Каменский Н.Т.* Указ. соч. С. 18; *Саввинский И.* Историческая записка... С. 11—12; *Юдин П.* 300-летие Астраханской епархии // АЕВ. 1902. № 22. С. 956; Астраханский кремль. Астрахань, 2000. С. 9.

¹² *Карамзин Н.М.* История государства Российского: В 4 кн. М., 1989. Т. VIII. Гл. IV. Прим. 412.

¹³ Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. 13. С. 284 (Далее — ПСРЛ); *Лихачев Н.П.* Разрядные дьяки XVI в. СПб., 1888. С. 281; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XVI—XVII вв. М., 1975. С. 111—112; *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 130.

¹⁴ Разрядная книга, 1475—1605 гг. М., 1978. Т. 2. Ч. 1. С. 115; *Скряинников Р.Г.* Царство террора. С. 331.

¹⁵ *Дженкинсон А.* Путешествие в Среднюю Азию // Английские путешествия в Московском государстве в XVI в. Л., 1938. С. 171—172.

¹⁶ *Юдин П.* Указ. соч. С. 958.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Царская жалованная грамота астраханскому Троицкому монастырю. 1588 г. // Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. № 223. С. 423—426. (Далее — АИ).

¹⁹ *Васильев К.* Указ. соч. С. 8.

²⁰ *Юдин П.* Указ. соч. С. 958.

²¹ Там же.

²² Царская жалованная грамота астраханскому Троицкому монастырю. 1588 г. С. 424.

²³ Руга — хлеб и деньги, дававшиеся в виде жалованья духовенству. Монастыри и церкви, получавшие ее, назывались ружными (Малый энциклопедический словарь. М., 1997. Т. 4. С. 1274—1275).

²⁴ Царская жалованная грамота астраханскому Троицкому монастырю. 1588 г. С. 424.

²⁵ Там же.

²⁶ *Садиков П.А.* Поход татар и турок на Астрахань // Исторические записки. М., 1947. Т. 22. С. 155. (Далее — ИЗ).

²⁷ Царская грамота игумену Кириллу. 5 марта 1573 г. ГААО. Ф. 294. Оп. 2. Д. 2. Л. 15.

²⁸ Там же.

²⁹ Учуги представляли собой сооружения из бревен, перегораживающие протоки реки, чаще всего расположенные параллельно урезу воды. Посередине сооружения имелись ловушки-избы, дворики в виде заборов, в которых задерживались осетровые рыбы. По мере необходимости рыбу из дворики вынимали баграми, выбирая наиболее крупные экземпляры, и увозили потребителю или высаживали в садки (*Струбакина Н.К.* Из истории освоения рыбных богатств Каспия и Астраханского края. Волгоград, 1989. С. 6—8).

³⁰ Царская жалованная грамота астраханскому Троицкому монастырю. 1588 г. С. 424.

³¹ Там же.

³² Грамота государя царя и великого князя Ивана Васильевича всея России по челобитью Троицкого монастыря игумена Кирилы с братией о рыбных ловлях учуга Иванчуга. 1575 г. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2447. Л. 42.

³³ Дело по отношению астраханского преосвященного о тамошнем Троицком монастыре. 1806 г. РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3223. Л. 3; Описание астраханского Троицкого монастыря. 1768 г. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2447. Л. 42.

- ³⁴ *Строев П.* Указ. соч. С. 316
- ³⁵ *Саввинский И.* Историческая записка... С. 17.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Царская жалованная грамота астраханскому Троицкому монастырю. 1588 г. С. 424—425.
- ³⁸ Там же. С. 425—426.
- ³⁹ Там же. С. 425.
- ⁴⁰ *Преображенский А.А.* Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. М., 1972. С. 44—54.
- ⁴¹ Летописный отрывок о постройке городов в Московском государстве // *Тихомиров М.Н.* Русское летописание. М., 1973. С. 231; Пискаревский летописец // ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 196.
- ⁴² *Тюменцев И.О.* Рождение Царицына // Вопросы краеведения. Вып. 3. Волгоград, 1994. С. 60—62. (Далее — ВК).
- ⁴³ *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России в начале XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 9—10; *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII века. Л., 1985. С. 142.
- ⁴⁴ Запись кн. И.Д. Бельского. 1562 г. // СГД. М., 1813. Ч. I. № 177. С. 484; Запись кн. М.И. Воротынского. 1566 г. // Там же. № 189. С. 534; Грамота приговорная всего духовного чина. 1584 г. // Там же. С. 593; Грамота уложенная об учреждении в России патриаршеского престола. 1589 г. // Там же. М., 1819. Ч. 2. № 59. С. 94, 98, 102; Иерархических каталогов российских древних епархий проверка с летописями и актами. 1853 г. РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1768. Л. 57.
- ⁴⁵ *Саввинский И.* Астраханская епархия... Вып. 1. С. 392.
- ⁴⁶ Жалованная грамота Лжедмитрия астраханскому Троицкому монастырю. 1606 г. // АИ. СПб., 1841. Т. 2. № 64; Опись астраханского Троицкого монастыря. 1768 г. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2447. Л. 42.
- ⁴⁷ Опись астраханского Троицкого монастыря. 1768 г. РГИА. Ф. 834. Оп. 3. Д. 2447. Л. 42—42 об.; Дело по отношению астраханского преосвященного о тамошнем монастыре. 1806 г. // РГИА. Ф. 797. Оп. 1. Д. 3223. Л. 3; Царская жалованная грамота астраханскому Троицкому монастырю. 1600 г. // АИ. Т. 2. № 33. С. 29—30.
- ⁴⁸ *Саввинский И.* Астраханская епархия... Вып. 1. С. 393.
- ⁴⁹ *Архим. Вассиан.* Описание Астраханского второклассного Спасо-Преображенского мужского монастыря, составленное в 1851-м году настоятелем сего монастыря // АЕВ. 1893. № 14/15. С. 410.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ *Смирнов И.И.* Восстание Болотникова, 1606—1607. М., 1951. С. 231—232.
- ⁵² Челобитная сергиевского попа Бориса. 1624 г. Архив СПб. ФИРИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 792; Челобитная богословского попа Акима.

1625 г. Там же. Д. 887; Дело по челобитным духовенства соборной церкви и ружных храмов. 1628 г. Там же. Д. 1030.

⁵³ *Кусаинова Е.В.* Ногайская Орда в XV—XVII вв. // Вопросы краеведения. Волгоград, 1994. Вып. 3. С. 53.

⁵⁴ *Боцадзе Т.Б.* Роль России в грузино-северокавказских взаимоотношениях XV—XVIII вв. // Вопросы истории народов Кавказа. Тбилиси, 1988. С. 200—210.

⁵⁵ *Скрынников Р.Г.* Социально-политическая борьба... С. 129.

⁵⁶ Царская грамота царюшскому воеводе А.С. Львову // РИБ. Т. XXIX. СПб., 1913. Кн. 4. С. 674—675; Челобитная донских казаков г. Черкаска. 1661 г. Архив СПб. ФИРИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 3887; Челобитная донских казаков «Кременного городка». 1661 г. Там же. Д. 4039; Отписка донского атамана Корнила Яковлева. 1661 г. Там же. Д. 4109.

⁵⁷ *Матвеев С.* Указ. соч. С. 2; *Каменский Н.Т.* Указ. соч. С. 39; *Благоурагов М.* Указ. соч. С. 4; *Саввинский И.* Историческая записка... С. 22; *Юдин П.* Указ. соч. // АЕВ. 1902. № 23. С. 1014.

⁵⁸ *Рыбушкин М.* Указ. соч. С. 23.

⁵⁹ *Строев П.М.* Указ. соч. С. 309.

^{60—61} Царская жалованная грамота астраханскому Троицкому монастырю. 1600 г. // АИ. Т. 2. № 33. С. 29.

⁶² Поименная роспись духовным и светским чинам, составлявшим государственный совет в правление Лжедмитрия Отрепьева. 1605 г. // СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 93. С. 208.

⁶³ *Саввинский И.* Историческая записка... С. 25.

⁶⁴ Житие Феодосия, архиепископа Астраханского и Терского // *Саввинский И.* Астраханская епархия... Вып. 1. С. 393.

⁶⁵ Поименная роспись духовным и светским чинам, составлявшим государственный совет в правление Лжедмитрия Отрепьева. 1605 г. С. 207—210.

⁶⁶ *Каменский Н.Т.* Указ. соч. С. 40; *Саввинский И.* Историческая записка... С. 117; Астраханский кремль. С. 9.

⁶⁷ Житие Феодосия... С. 393.

⁶⁸ *Золотарев П.* Летописное сказание // ПСРЛ. Т. 31. М., 1968. С. 232; *Васильев К.* Указ. соч. С. 10.

⁶⁹ *Саввинский И.* Астраханская епархия. Вып. 1. С. 394.

⁷⁰ *Каменский Н.Т.* Указ. соч. С. 40.

⁷¹ *Саввинский И.* Историческая записка... С. 37.

⁷² *Строев П.* Указ. соч. С. 308—309; *Карташев А.В.* Очерки истории русской церкви. М., 1992. Т. 2. С. 55, 64; *Смирнов И.И.* Указ. соч. С. 218—221.

⁷³ Жалованная грамота Лжедмитрия астраханскому Троицкому монастырю. 1606 г. // АИ. Т. 2. № 64. С. 79—80.

⁷⁴ Поименная роспись духовным и светским чинам, составлявшим государственный совет в правление Лжедмитрия Отрепьева. 1605 г. С. 207—208.

⁷⁵ *Ульяновский В.И.* Православная церковь и Лжедмитрий I // Архив русской истории. М., 1993. Вып. 3. С. 35; *Юдин П.* Указ. соч. // АЕВ. 1902. № 23. С. 1019.

⁷⁶ Царская грамота в Пермь Великую. 1606 г. // Памятники истории Смутного времени. М., 1909. № 8. С. 26.

⁷⁷ Там же.

⁷⁸ *Скрынников Р.Г.* История российская IX—XVII вв. М., 1997. С. 415—417.

⁷⁹ Отрывок грамоты вдовствующей царицы Марфы Федоровны к жителям города Ельца. 1606 г. // СГГД. Ч. 2. № 149. С. 316.

⁸⁰ Каталог Астраханской духовной консистории. 1778 г. РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1861. Л. 63 об.—64; Чины архиереев российских. Сборник XVIII в. Там же. Оп. 3. Д. 3991. Л. 97.

⁸¹ *Каменский Н.Т.* Указ. соч. С. 40; *Матвеев С.* Указ. соч. С. 3; *Амвросий (Орнатский).* История российской иерархии. Т. 1. С. 104; *Васильев К.* Указ. соч. С. 10.

⁸² *Строев П.* Указ. соч. С. 309; *Саввинский И.* Историческая записка... С. 37.

⁸³ Иерархические каталоги российских древних епархий. РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1768. Л. 8 об.; *Любарский П.* Иерархия Астраханской епархии // Сборник разных исторических статей. М., 1848. С. 21.

⁸⁴ Акты, относящиеся к истории донских казаков и к расколу на Дону // ДАИ. СПб., 1846. Т. 12. № 17. С. 122—284; Дело о бунте Разина и его сообщниках // АИ. СПб., 1841. Т. 4. № 202. С. 374—435; *Дружинин В.Г.* Раскол на Дону в конце XVII в. СПб., 1889. С. 46—47.

⁸⁵ Там же. С. 54—55.

⁸⁶ Н.Т. Каменский отметил, что в соборном архиве в XIX в. хранилась переписка Иосифа с казначеем о высылке ему в Москву продуктов (*Каменский Н.Т.* Указ. соч. С. 47).

⁸⁷ Отписки царю Алексею Михайловичу кн. Н.И. Одоевского // СГГД. М., 1828. Ч. 4. № 34—35. С. 126—127.

⁸⁸ Росписи стрельцов. 1666 г. Архив СПб. ФИРИ РАН. Ф. 178. Оп. 1. Д. 5060. Став 17—18.

⁸⁹ Настольная грамота вселенских патриархов. 1667 г. // АИ. Т. 4. № 196. С. 367—369.

⁹⁰ Там же.

⁹¹ Известительная Грамота Патриархов Паисия Александрийского и Макария Антиохийского и прочих Российских и Греческих Властей: о низвержении Московского Патриарха Никона с Святительского престола. 1666 г. // СГГД. Ч. 4. № 53. С. 182—186.

⁹² Настольная грамота вселенских патриархов. 1667 г. С. 367—369; Сборник копий с документов о степенях епаршеских. 1745 г. РГИА. Ф. 834. Оп. 2. Д. 1859. Л. 20—20 об.

⁹³ Настольная грамота вселенских патриархов. 1667 г. С. 367.

- ⁹⁴ Дело о бунте Разина и его сообщниках. С. 397.
- ⁹⁵ Челобитная митрополиту Иосифу промышленников патриаршего насадного промысла. 1669 г. // АЕВ. 1912. № 27. С. 704—705. Подлинник челобитной см.: ГААО. Ф. 1011. Оп. 2. Д. 6.
- ⁹⁶ Там же. С. 704.
- ⁹⁷ На это, со ссылкой на показания троицкого келаря старца Авраамия, указывает Н. Пальмов в примечаниях к челобитной митрополиту Иосифа 1669 г. // АЕВ. 1912. № 27. С. 705.
- ⁹⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 290—292.
- ⁹⁹ Крестьянская война под предводительством Степана Разина / Сост. Е.А. Швецова. М., 1954. Т. 1. С. 254.
- ¹⁰⁰ Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. С. 290—293.
- ¹⁰¹ См., например: Россия: полное географическое описание. Т. 6. СПб., 1901. С. 520.
- ¹⁰² Дело о бунте Разина и его сообщниках. С. 399—400.
- ¹⁰³ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 30.
- ¹⁰⁴ *Соколов И С.* Раскол в Саратовском крае. Саратов, 1888. С. 15—16.
- ¹⁰⁵ *Золотарев П.* Летописное сказание // ПСРЛ. Т. 31. С. 211—212.
- ¹⁰⁶ Там же. С. 212, 228.
- ¹⁰⁷ *Васильев К.* Указ. соч. С. 21, 23.
- ¹⁰⁸ Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 551.
- ¹⁰⁹ *Саввинский И.* К историко-статистическому описанию приходов Астраханской епархии // АЕВ. 1909. № 3. С. 87.
- ¹¹⁰ Крестьянство и националы в революционном движении. М.; Л., 1931. № 7. С. 14.
- ¹¹¹ *Саввинский И.* Историческая записка... С. 118—119.
- ¹¹² Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. 1. С. 226.
- ¹¹³ Там же.
- ¹¹⁴ Дело о бунте Разина и его сообщниках. С. 403.
- ¹¹⁵ *Матвеев С.* Указ. соч. С. 10.
- ¹¹⁶ *Золотарев П.* Указ. соч. С. 185, 227.
- ¹¹⁷ *Каменский Н.Т.* Указ. соч. С. 51.
- ¹¹⁸ Акты, относящиеся к истории бунта Стеньки Разина. 1670 г. // ДАИ. СПб., 1846. Т. 6. № 12. С. 72; *Золотарев П.* Указ. соч. С. 220.
- ¹¹⁹ *Золотарев П.* Указ. соч. С. 223—224, 229.
- ¹²⁰ Там же.
- ¹²¹ Акты, относящиеся к истории бунта Стеньки Разина. 1670 г. С. 72; *Золотарев П.* Указ. соч. С. 220.
- ¹²² Дело о бунте Разина и его сообщниках. С. 427—435.

¹²³ *Золотарев П.* Указ. соч. С. 223—224.

¹²⁴ Там же. С. 229.

¹²⁵ Дело о бунте Разина и его сообщниках. С. 427—435.

¹²⁶ Акты, относящиеся к истории бунта Стеньки Разина. 1670 г. С. 73.

¹²⁷ Царская грамота в Вологду. 1671 г. // *Летопись занятий императорской Археографической комиссии.* СПб., 1907. Вып. 18. № 638. С. 268.

Summary

The article studies the process of origin and development of the Astrakhan Eparchy in XVI—XVII centuries. Having analyzed both the new found and earlier known documents and other sources the author concludes that the origin of episcopacy and its transformation into mitropolitany was due to the role of the State which tried to use a Church for strengthening its power in the region, for developing its relations with Orthodox Christians in Transcaucasia and also for distributing its influence among free Cossacks.

В.И. Ульяновский

ЦАРСКОЕ ВЕНЧАНИЕ ЛЖЕДМИТРИЯ I: МЕЖДУ ЗАПАДОМ И ВОСТОКОМ?

В череде событий и лиц Смутного времени XVII в. Лжедмитрий I и его деятельность занимают особое место. Его биографии, борьбе за престол, царствованию и краху посвящены сотни научных трудов и публикаций. Однако если внешнее «течение жизни» Самозванца более или менее реконструировано исследованиями многих выдающихся историков, то внутренний мир данного исторического персонажа остается вне сферы научного дискурса. Не вполне объясненными остаются также символы и жесты (как в широком, так и в узком смысле), сама поведенческая модель Лжедмитрия I.

Одному из таких «жестов» Самозванца, совершенному для «города и мира», равно как и для получения сакрума, божественной харизмы, и посвящена данная работа. Речь идет об акте венчания Лжедмитрия I на царство и попытке его новой описательной интерпретации. При этом мы намереемся показать данное событие как бы со стороны самого Самозванца: возвращение на престол «отца» представлялось им самим как восстановление «Правды» через возобновление «старой династии» Рюриковичей, торжество «Добра» над «Злом» Годуновых.

До совершения данной акции Самозванец уже имел свой разноплановый опыт двух культурно-идеологических типов власти. В России он непосредственно в Боярской думе был свидетелем властодержавия царя Бориса Годунова, продолжавшего «типаж» монарха с элементами восточной деспотии; тут же он видел раболепство правящей элиты. На Украине Самозванец поначалу познакомился с бытом и системой власти и управления магнатских дворов (князей Острожских, Вишневецких, Мнишков), а затем и королевского двора, а также системой

представительной власти (сенатом)¹. Весь этот опыт «осел» в сознании Лжедмитрия I и очень интересно проявился в попытке развития «синтетической» модели собственной власти, первым программным моментом которой стало царское венчание.

Прелюдией «жеста» царского венчания, собственно, стал торжественный въезд Лжедмитрия I 20 июня 1605 г. в Москву и пышная встреча «чудом спасенного царевича». Московское «всенародное множество» и «священство» приняли (возможно, внешне, «церемониально») смысл символической акции и фактически стали ее непосредственными участниками, принося и обеспечивая «сакрум» в церемонию. Один из главных участников процессии — архиепископ Арсений писал в мемуарах: «Все архиереи и священники со всем народом вышли к нему навстречу с честными и святыми крестами и иконами, со множеством свечей и кадильниц на Лобное место. Там после великой литии, архиереи, благословивши, поднесли ему святые иконы»². Подчеркнем публичность первой столичной сакральной акции при участии Лжедмитрия I: лития перед «всей Москвой» на Лобном месте и архиерейское благословение иконами (по-видимому, чудотворными, из кремлевских соборов, должно быть и Владимирской; при Самозванце несли взятую в Путивле Коренную икону Богородицы). Публичная «манифестация» принятия нового, «истинного» царя всей Церковью в лице иерархов начинала «процесс» восстановления «Священного закона», «Порядка» и «Правды». В целом это указывало на возобновление традиции, нерушимость которой — залог существования государства, Церкви и народа.

Восприятие данной акции русскими современниками, хоть и в поздней идеологической «редакции», отразилось, например, в «Повести» бывшего фаворита Самозванца кн. Ивана Хворостинина: «Святительский чин и ерейский собор с сущими жители благолепно почтоша беззаконнаго со святыми иконами, псалмы и песньми духовными ублажиша его все роды граде того, и вся страна преклонися к похвалению того»³. Таким образом, «всенародное множество» весьма адекватно восприняло акцию Лжедмитрия и церемонию, осуществленную «священством» именно как возвращение «Священного закона», традиции и «Правды». Не говорим здесь об «искренности», но о «жесте», причем «жесте» взаимном и трехчленном: Самозванец — «священство» — «народ».

«Жест» «священства» воспринимающе-благославляющий позже у публицистов Смутного времени вызывал особое осуждение, но вместе с тем подчеркивалась его *всеобщность*, внешнее единодушие иерархов в принятии нового царя «старой династии» (восстановление «старого царства»). «Сказание еже содеяся» акцентирует: «И встретюша его в царствующем граде Москве вси власти Российского государства, митрополиты и архиепископы, и епископы, и весь освященный собор с живописными кресты и иконами на Лобном месте»⁴. Еще резче небывалый и беспримерный почет, всенародно оказанный Самозванцу, подчеркнул автор «Повести кн. И.М. Катырева-Ростовского»: «И сретюша его вси людие от мала даже и до велика с пречестными и чудотворными иконами и со многими дражайшими дарми; и *радостны* быша вси людие, мня его суща царевича Дмитрея быти, глаголюще в себе: *яко мертв бе, и оживе, и изгibl бе, и обретяся*. И таковое же сретение не бысть никому же многолюдно и честно никогда же (курсив наш. — В.У.)»⁵. Автор повести, как видим, объяснял всеобщее ликование и радость встречи Самозванца верой в *воскресение (обретение)* царевича Дмитрия, то есть в *чудо*. Это «чудо» было тем более убедительным, что Лжедмитрий I очень быстро и без видимых усилий победил Годуновых, завоевал расположение царской армии и покори́л элиту. Летописец говорил о *вере* московского народа в *чудо* и, соответственно, об отношении к Самозванцу и его победе как к «сакральному субъекту и действию».

Позже данная церемония встречи «священством» Самозванца была осмыслена как *акт покорности силе*: «покоршеся ему вси митрополиты, архиепископы, и епископы, архимандриты и игумены» («Морозовский летописец») ⁶, «с *радостью* вси главы своя приклониша и единогласно вси его царем себе нарекоша» («Латухинская степенная книга») ⁷.

Еще раз подчеркнем, «жест» восприятия «Правды», воплощенной в «царе Рюриковиче», был всеобщим. «Двусторонняя игра» продолжалась развитием «сакрального мотива»: с Лобного места Самозванец с духовенством и свитой отправился в Успенский собор для *поклонения святыне* (лобызал иконы «по чину»). Затем вся процессия побывала в Архангельском соборе, где Лжедмитрий I *поклонился святыне* (иконам) и «*предкам*». Возле гробниц «отца» (Ивана Грозного) и «брата» (Федора

Ивановича) в приделе Иоанна Лествичника Самозванец прослезился и произнес краткую речь. Все это описал непосредственный участник церемонии архиепископ Арсений⁸.

Глубоко символическое начало возвращения традиции Лжедмитрием I было замыслено и осуществлено не без участия «священства». Еще из тульского лагеря он сообщал 13—15(23—25) июня 1605 г. Юрию Мнишку, что к нему из Москвы прибыл с челобитьем «весь сенат как *духовный*, так и светский»⁹. Тут находился и приехавший ранее Рязанский архиепископ Игнатий. Церемониал встречи и первых действий Самозванца в Москве явно был выработан заранее при непосредственном участии духовенства. Можно даже сказать, что был создан «чин» встречи (возвращения) «законного царя», где важное место отводилось сакральному моменту подтверждения «законности» через «святыню», поклонению «предкам», благословению «священством».

Традиционная чинность русской православной церемонии была несколько нарушена поляками, которые громко играли на трубах, били в литавры во время пения псалмов, они же (католики и протестанты) вошли вслед за царем в кремлевские соборы¹⁰. Это фактически стало первым «знаком» «двойственности» «законного царя»: его следования русским православным традициям и склонности к новаторству западного пошиба. Позже «новшества» царя станут камнем преткновения и усугубленные действиями поляков будут важной причиной свержения Самозванца при молчаливом согласии «священства».

«Законному царю» должен был следовать «праведный» первосвященник — гарант Закона, традиции, Правды. Не случайно первым важным делом Лжедмитрия I было наречение нового патриарха. Им стал 30 июня 1605 г. Рязанский архиепископ грек Игнатий.

Наконец, окончательное утверждение «Закона» завершилось коронацией и сакральной акцией помазания на царство Лжедмитрия I. Данную церемонию подробно описал архиепископ Арсений Елассонский. Б.А. Успенский показал, что эволюция чина царского поставления идет методом последующего «поглощения» и расширения от чина поставления Димитрия-внука, 1498 г., через чин Ивана IV и Федора Ивановича к чину Бориса Годунова. Последний соединил в своем чине по-

ставления на царство предыдущую основу с элементами византийского чина, в частности, вторичное возложение венца (шапки Мономаха) и провозглашение «аксиос» после миропомазания и причащения (между двумя возложениями венца)¹¹.

Во время поставления на царство Лжедмитрия I также была совершена двойная коронация. В Успенском соборе, где традиционно всегда происходило венчание, патриарх Игнатий возложил на него «царский венец», диадему, а затем корону, присланную Ивану IV австрийским императором (по сообщению Арсения). Затем Самозванец прошествовал в Архангельский собор и над гробами Ивана IV и Федора Ивановича в приделе Иоанна Лествичника архиепископ Арсений возложил ему на голову шапку Мономаха, то есть тот же «царский венец»¹².

Б.А. Успенский считает, что Лжедмитрий I «венчается в первую очередь императорской короной и уже затем, дополнительно, — царским венцом» (шапкой Мономаха)¹³. Однако если строго следовать мемуарам Арсения Елассонского, то в Успенском соборе Самозванец *венчался сначала традиционными русскими символами* — «царским венцом» (шапкой Мономаха) и царской диадемой (бармами). В этом и *состояла традиция*: Лжедмитрий I полностью нарушил бы ее, если бы *сначала* принял *австрийскую корону*, которой *никто ранее* не пользовался при венчании. Зачем же вообще понадобился этот «чужой» атрибут власти? Б.А. Успенский предполагает, что это «обнаруживает претензии Лжедмитрия I на императорский титул и свидетельствует вообще о его западной культурной ориентации»¹⁴. С этим можно согласиться, но говорить в данном случае приходится только об ориентации Самозванца на увиденный в Речи Посполитой и знакомый по западным книгам *статус* королевской/императорской/цесарской власти, которую сам он поначалу выводил от Августа Цесаря, что соответствовало русской традиции. Это было, скорее, «внешнее» стремление к равновеликости по отношению к западным властителям, символически выраженное в возложении короны «западной» по форме и происхождению, в титуле императора при переписке с «Западом», в монетах и оформлении дворца¹⁵. По-видимому, собственно *коронация* была рассчитана на наблюдателей, поляков и других «людей запада», присутствовавших на церемонии. При этом Лжедмитрий I явно не отдавал себе отчета в том, что

коронация посланной австрийским императором короной делает его не равновеликим, а «подчиненным», «формальным вассалом» власти, которая дала корону. Ведь присланная Ивану IV корона не была короной австрийских императоров, которой они венчались. Символ их власти не передавался. А силой *своей власти*, они *подавали* специально изготовленные короны для венчания других (например, великого литовского князя Витаутаса) и этим автоматически занимали позицию *сеньора*. В момент коронации Самозванец не имел об этом представления. Лишь позже в борьбе за императорский титул с европейской дипломатией он изменит воззрения: Лжедмитрий I вновь подтвердит самостоятельное значение царского венчания и разовьет теорию о «простом» происхождении императорской власти. Говоря польским послам, что получил власть и титул от самого Бога, Лжедмитрий I утверждал: «...ни ассирийские, ни индийские, ни самые цесари римские не имели на него (цесарский титул. — В.У.) более нас прав и преимущества. Нам нет равного в краях полночных, никто нами не управляет, кроме Бога, но мы еще другим раздаем права являемся высшим законодателем и даже самим законом в обширнейшей нашей империи». Лжедмитрий рассуждал о происхождении императорского титула: первоначально императорами в Риме солдаты называли тех, кто хорошо вел дела. Польский король же получил титул и корону от германского императора Оттона, то есть взял «от равного себе то, что имел от Бога». Самозванец заявил, что не желает принимать титул от равных, что он сам присваивает его себе, и это европейские монархи должны признать как факт¹⁶. Однако все эти идеи возникнут и будут развиты Лжедмитрием I значительно позже его венчания, а тогда он еще находился под влиянием «королевской власти» Речи Посполитой, символом которой была корона. Так или иначе, австрийской короной он короновался *после* возложения «царского венца».

Затем Лжедмитрий I отправился в Архангельский собор, где *вторично* на него *возлагали шапку Мономаха*. Можно согласиться с мнением А.А. Дмитриевского, развитым Б.А. Успенским, что данная акция подчеркивала наследственность его прав на царство¹⁷. Это поклонение «предкам», в отличие от предшественников, проходило до литургии в Успенском соборе.

Таким образом, Лжедмитрий I не дважды, а **трижды** принимал возложение на голову символа власти — шапки Мономаха (дважды, традиционный русский символ) и австрийской короны. Последнее было наибольшим новшеством обряда коронации. Но так как все это были светские символы власти и возлагались вне «литургийного времени», то есть вне времени присутствия Святого Духа, то сакральный аспект возведения на царство *не нарушался*.

Из Архангельского собора Лжедмитрий I возвратился в Успенский, где была отслужена торжественная литургия *во время которой* он был помазан на царство и причастился¹⁸. Таким образом, помазание Самозванца на царство *традиционно* было составной частью литургийного действия и именно здесь был строго соблюден древний чин, что обеспечивало «правильность» и «законность» приобретения сакрума власти новым царем.

Концепцию харизмы царской власти в России подробно разработал Б.А. Успенский. Исследователь показал, что новый царь «приобретает» указанную харизму через обряд миропомазания во время литургии. При этом отличие московского обряда миропомазания царя от западного и константинопольского состояло в точном повторении обряда, совершаемого при крещении. Монарху помазывали чело, уши, перси, плечи, обе стороны рук с провозглашением формулы «Печать дара Духа Святаго» (константинопольский чин: «Свят, Свят, Свят»); ему запрещалось в течение семи дней снимать белую крещальную одежду и умываться (дабы не смыть миро). По мнению ученого, возгласение «Печать дара Духа Святаго» уподобляло царя Христу, которого «помазал Бог Духом Святым» (Деян. X. 38), и однозначно соотносилось с новозаветной традицией [в отличие от возгласения «Свят, Свят, Свят», происходившего от ветхозаветной традиции (Исайя VI. 3)]. И если в Византии, а также на Западе монарх при миропомазании уподоблялся царям Израиля, то в России — самому Христу; поэтому на Западе неправедных монархов сравнивали с нечестивыми библейскими царями, а в России — с Антихристом. Миропомазание в России совершалось после венчания: образ венчания построен как сокращенная утренняя, а помазание ассоциировалось с обедней, было кульминационным итогом всей церемонии возведения на царство. Царское миропомазание включалось в литурги-

ческое действо. Оно совершалось во время литургии после возгласа «Святая Святым», и после помазания совершалось причащение (отличное от причастия мирян и близкое к причащению священнослужителей; оно совершается в том месте литургии, когда принято причащать священнослужителей, сразу после причастия первосвященителя) — царь приобщался Святым Тайнам как помазанник, уподобившийся Христу. При этом царь именуется «святым» уже в формуле приглашения его к помазанию¹⁹. Соотнесение царя с Христом подчеркивалось также корреляцией «царского места» в храме с «царскими воротами», ведущими в алтарь, перед которыми совершалось помазание («царские ворота» соотносимы с Христом как Царем Славы): небесный Царь и земной царь пространственно противостоят на одной оси в храме («находятся в пространственном распределении»); «царское место» со времен Ивана IV также называется «престолом» (это корреляция со святым престолом в алтаре).

Мысль о символике царского венчания возле «царских врат» нашла иное осмысление в докладе М. Гордзаници: «Венчание русских царей у «царских врат», как символ входа в царство небесное, представляет для православного народа возможность восстановить историческую непрерывность посредничества между царством небесным и земным»²⁰.

Б.А. Успенский констатировал, что помещение царского помазания в литургический контекст придавало ему «вообще специфический сакральный статус, особую харизму» — харизму власти²¹.

Уже Филон Александрийский выдвигал формулу, принятую в христианском учении: «Царь по природе своей сходен с другими людьми. Но по власти своей он подобен Богу». С другой стороны, Вальсамон указывал на священнические функции: право монархов входить в алтарь, кадить, воскуривать фимиам, знаменовать с трикирием (как архиерей), даже учить вере. Обе эти идеи принесены на Русь через византийских авторов.

Присутствие и «осуществление» передачи власти и божественного благословения (через помазание и причащение) Лжедмитрия I патриархом (уже имеющим сакрум) и всеми высшими иерархами (получившими сакрум из рук первого патриарха Иова) как бы «гарантировало» чистоту (правильность), священность всего обряда^{21a}.

По-видимому, именно так понимал всю церемонию и сам Лжедмитрий I. В письме к Юрию Мнишку от 16 августа 1605 г. он писал о своей коронации и миропомазании «по древнему обычаю нашему»²². То же самое должен был говорить Петр Чубаров, посланный 22 сентября 1605 г. к Юрию Мнишку: «Божиим праведным судом и его крепкою десницею и *по степени* великих государей царей Росийских в. г. нашего ц. и в. к. Ивана Васильевича в. Р. с., и в. г. нашего ц. и в. к. Федора Ивановича, в. Р. с. государь наш великий государь цесарь и великий князь Дмитрий Иванович, в. Р. с., учинился на великих государствах на Владимирском, и Московском, и Ноугородцком, и на царствах на Казанском, и Астороханском, и Сибирском, и на всех великих и преславных государствах Росийского царствия *цесарем* и *великим князем*, всеа Русии *самодержцем*, и, прося у Бога милости и *по благоденствию матери* его великие государыни наши царицы и великие княгини иноки Марфы Федоровны всеа Русии *венчался от святейшаго патрарха царским венцом и диадимом по древнему их цесарскому обычаю, как издавна бывает цесарское венчание* от прародителей их великих государей, цесарей Росийских (курсив наш. — В.У.)»²³. Фактически это была *официальная версия* Самозванца и Боярской думы, в которой подчеркивалось три момента: титул (цесарь, вел. князь, самодержец), благословение матери, соблюдение традиционного обряда (церемонии венчания). Все указанные моменты действительно были «провозглашены» публично через обряд (жест). Излагая их в наказе Чубарову, Лжедмитрий I *доказывал* Юрию Мнишку истинность, законность, правильность своего воцарения. В сообщении же королю Сигизмунду III от 5 сентября 1605 г. он делал упор на равнозначности (равновеликости) своего венчания власти западных императоров и королей: «*император* обширной державы Московской и *король* всех королевств татарских»²⁴. Впрочем, титул «цесарь» присутствует также и в упомянутом письме к Юрию Мнишку и призван был подчеркнуть значимость власти Лжедмитрия I перед будущим тестем.

Б.А. Успенский, говоря о вторичном возложении венца на Бориса Годунова и Самозванца, указывает, что в первом случае это объясняется византийской ориентацией, а во втором — западной, хотя в обоих случаях «чин» основывался на

русской традиции с некоторыми модификациями в ее рамках²⁵. Как было показано выше, Лжедмитрий I прибег к *тройному венчанию*, при этом австрийская корона «одевалась» после «царского венца», и факт ее «использования» как-бы прикрывался двумя возложениями шапки Мономаха. Это «прикрывало» проявление «западной ориентации», но вместе с тем создавало совсем новый прецедент обряда венчания на царство.

С царским помазанием завершилось легитимное восстание «Священного закона» и «Порядка» через символические акции сакрализации нового главы «царства» и предводителя «священства», которые единственные должны были стоять на страже Закона — Порядка — Правды.

Наконец, следует выяснить вопрос о дате венчания на царство Лжедмитрия I. По-видимому, наиболее вероятной датой следует считать 21 июля 1605 г.: ее сообщает единственный синхронный событиям источник — письмо иезуита Андрея Лавицкого (автор называет 31 июля, то есть 21 июля по юлианскому календарю)²⁶. Это подтверждается указанием Якова Маржерета на конец июля²⁷. Ошибочными следует признать даты, названные Арсением Елассонским (7 июля) и Исааком Массой²⁸, так как венчание происходило после возвращения в Москву Марфы Нагой, то есть после 18 июля. Ближайшее воскресенье после 18 июля — именно 21 июля.

Возникает вопрос: почему все же 21 июля состоялось венчание на царство? Известно, что Борис Годунов, избранный 21 февраля 1598 г., отложил свое венчание до 1 сентября — начала нового года, и это было «очень значимо»²⁹. По сведениям Жака Огюста де Ту, Лжедмитрий I тоже хотел короноваться 1 сентября, но «под давлением обстоятельств должен был перенести коронацию на более ранний срок»³⁰. Если давлением обстоятельств (то есть заговорами знати, в частности Шуйских, требованием Мнишковых, дипломатической борьбой за титул и т. д.) можно объяснить *перенесение* даты с 1 сентября, то этим невозможно объяснить *установление* новой даты венчания. Ведь патриарх, который должен был совершать «чин венчания», был интронизирован еще 30 июня. С 21 июля не связывался никакой важный религиозный праздник, этот день не выделялся ничем в биографии царевича Дмитрия, его отца и брата. Остается предположить, что Лжедмитрий I ожидал при-

езда «матери» Марфы Нагой, публичного признания ею (женой Ивана Грозного) его царственного происхождения.

Заметим, что первоначально коронация была назначена на 3(13) июля. Об этом сообщал Юрий Мнишек королю Сигизмунду III, повторяя информацию из письма Лжедмитрия I (сведения из письма Мнишка пересказал в послании к епископу С. Рудницкому Гославский — именно этот документ от 20(30) июня и сохранился)³¹. Но к этому времени Марфа Нагая еще не приехала. Интересно, что «спешили» с венчанием московские бояре, возможно, боясь «конкуренции».

В ответе польских послов боярам в 1608 г. однозначно указывается, что бояре «к тому есте его (Самозванца. — В.У.) вели, штоб як наборзей венчался: але он *не скванился* до того своего венчанья, *хотел перво послать по кнегиню Марью* (курсив наш. — В.У.), жону великого князя Ивана Васильевича, которую он маткою своею менил. И послал по нее князя Михаила Васильевича Шуйского-Скопина и инших зацных людей, и ждал приезду ее на Москве И як тая кнегиня к Москве приезджала, он сам, и вы бояре думные, и люди лутшие вси выезждали против нее; которую он яко матку з великою честью, а она его яко сына з радостью приняла... Але он перед венчаньем хотел то первой показать, што сын ее был...»³². Действительно, как только 18 июня Марфа прибыла в Москву и произошла акция «узнавания», в следующее же воскресенье состоялось венчание Самозванца на царство.

Констатация свершившегося факта восстановления гаранта Закона — Порядка — Правды получила всеобщее распространение в государстве через известительные грамоты патриарха Игнатия, в которых сообщалось о восшествии на престол царя Димитрия Ивановича и давались наставления о поминаниях на литургиях и молитве «не по один день со звоном» за царя и его «мать» Марфу Нагую с прошением: благосостояния Церкви, мира и тишины, долголетия и здоровья царю; благоденствия христоробивому воинству, победы над врагами — «латинством и над бесерменством», избавления от лихолетий, напастей, стихийных бедствий и пр.³³ Современник свидетельствовал: «Во всех церквях совершались публичные моления о Димитрии, а имя Бориса презиралось всеми»³⁴. Это означало сакральное «принятие» (восприятие) новой власти, признание ее легитимности и соблюдения древних традиций. Моление за царя равно-

сильно признанию не только его мирской власти, но и воплощения в нем «сакрального закона», следования традиции «правдивой» царской династии Рюриковичей.

Сохранился первоначальный (до смерти Марии и Федора Годуновых) текст «подкрестной записи» за «царя Дмитрия Ивановича»³⁵. Подчеркнем, что и здесь на первом месте стояла «царица и великая княгиня инока Марфа Федоровна всея Руси». Подданные обязывались: «служити... прямити и добра хотети во всем вправду, безо всякия хитрости», «лихане хотети никакого», «в естве, и в питье, ни в платье, ни в ином ни в чем, лиха никакого не чинити и не испортити, ни зелья лихого, ни коренья не давати», «на Московское государство иногo государя не искати, и не хотети, и не мыслити, и не изменить им государем ни в чем», сообщать о всех заговорщиках и замыслах против царя и «с изменники их битися до смерти», не отъезжать в другие государства (к султану, королям польскому, испанскому, французскому, английскому, датскому, шведскому, в Крым и Ногаи). Повторив в нескольких вариациях указанные положения, каждый присягавший, поцеловав крест в присутствии духовенства, должен был дать клятву, что, если нарушит присягу — «и не буди на мне милость Божия и Пречистыя Богородицы и великих чудотворцов московских и благословение и прощение всех вселенских седми Собор».

Традиционный «набор» клятв и обещаний содержал только один «специальный» момент: «и с изменники... с Федкою Борисовым сыном Годуновым, и с его матерью, и с их родством, и с советники, не ссылатися письмом и никакими мерами». После убийства Марии и Федора Годуновых эта клятва утратила актуальность.

Главная мысль новой присяги, как и всегда в русской традиции, заключалась в беззаветном служении Правде, Закону, Порядку, которые олицетворяли царь Дмитрий Иванович и «связующее звено» с его предками («отцом» Иваном IV) — царица Марфа Нагая.

Интересными сентенциями заканчивает свое донесение (от 4 июля 1605 г.) о крахе Годуновых и воцарении «императора Дмитрия Ивановича» агент тосканского герцога: «Как высочайший правитель вселенной своим божественным промыслом может неожиданно изменять дела человеческие, направляя их

так, что никакая тирания не смеет рассчитывать на продолжительность; как он употребляет горсть людей, чтобы обратить такую великую страну к своему законному господину и чтобы продолжить в прямой линии обладание надо всей землей! Достойно замечания, что в течение трех месяцев видели трех императоров в Москве, из которых последний живет и благоденствует теперь на своем новом царстве. Дай Бог, чтобы этот новый император Дмитрий Иванович и великий князь всея России был здоров и счастлив и процветал в мире и в правде, и чтобы прежде всего он имел перед глазами страх Божий и истинное почтение к Его святому слову, дабы люди, совратившиеся с пути истины, очистились от своих заблуждений (идолослужения) и пришли к познанию святого благовестия о спасении их»³⁶.

Совсем иначе интерпретировали акт воцарения Самозванца российские публицисты и летописцы 1606—1630 гг. Автор «Иного сказания» ограничился кратким «ругательством», указав даже неверную дату: «И вскоре *треклятый* (курсив наш. — В.У.) воцарися того же 113 году, июля в 1 день недельный, и нача многия пакости в царствующем граде творити, православному христианству содевати»³⁷. Это предложение дословно повторило текст «Повести как восхити...», назвав лишь правильную дату — 21 июля³⁸. Теми же словами «описали» событие хронографы, изменяя лишь даты (1 июля, 30 июля, 21 июля)³⁹. Так называемая «Повесть кн. И.М. Катырева-Ростовского» подчеркнула момент венчания и моропомазания в Успенском соборе, что сделало Лжедмитрия I властителем всего государства («седе Рострига на царствующем граде и возложи на ся царский венец, и помазаша его миром в пречестнем храме Пречистые Богородицы честнаго и славнаго Ея Успения, и вся грады Российскаго царствия подручны бысть ему, яко и прежним великим государем»⁴⁰). Автор «Нового летописца» также указал на венчание Лжедмитрия I царским венцом в Успенском соборе, но подчеркнул, что эту акцию осуществил несправедливо возведенный в патриархи Игнатий⁴¹.

Верхом публицистичности в оценке воцарения Самозванца как дьявольского наваждения могут быть слова одного из хронографов: «Аки лютыи зверь, иже спяй в горах, восхити с великим бо стремлением сеи розстрига, пламень ярости испусти, и аки вепрь из дубровы многодревныя на Московское го-

сударство со многими людьми польскими и литовскими, и клятвопреступниками русьскими борзыми ногами наскочи, и вся грады руськия страны и места, ово убо лестию, ово же и озлоблением тяжким поработи»⁴².

Все эти позднейшие оценки и описания отражают идеологию послесамозванцевой эпохи. Однако даже в некоторых из поздних текстов, там, где упоминаются события, все же констатируется факт царского венчания Лжедмитрия. Желание авторов объяснить данный факт как козни дьявола и подчеркнуть незаконность венчания еретика тем, что акцию совершал патриарх Игнатий, понятно, оно отвечает официальной идеологии, начиная со времен Василия Шуйского.

В момент же венчания все *выглядело и воспринималось* иначе. В «сакральном действе» принимал участие весь Освященный собор, цвет «священства» и вся светская элита государства. Все подданные принесли присягу царю Дмитрию Ивановичу и Марфе Федоровне. Обряд *признания и подчинения* новому царю был совершен *полностью и в соответствии с традицией*.

«Царство» перешло (было передано) вместе с харизмой царственности Лжедмитрию I. Новый государь вступил в управление государством по «чину». С этого момента началась «эра» царя Дмитрия Ивановича, всецело поддерживаемая Церковью (имя нового царя ежедневно поминалось на ектениях во всех церквях).

Современный событиям казанский летописец зафиксировал: «В лето 7113, июля в 21 день венчался царьским венцем *государь наш* (курсив наш. — В.У.) царь и великий князь Дмитрией Иванович всеа Русии в день неделный»⁴³.

Венчание на царство не завершало, а лишь начинало процесс «развития власти». Лжедмитрий I затеял борьбу за международное признание своего императорского титула, изготовил для себя новый венец (корону), трон по типу библейского Соломонова трона и начал реальные приготовления для войны с Турцией — за освобождение христианских народов и святынь. Однако все это — сюжеты другого исследования.

Собственно же царское венчание Самозванца было попыткой, используя традиционный российский обряд и символику как «базовые», внести в них элементы Запада. Лжедмитрий I, имевший достаточный опыт жизни в Речи Посполитой, в том числе на Украине, ориентировался во многом на запад-

ные «стандарты»; но российское общество не принимало западной культуры, и Самозванцу приходилось как бы пребывать одновременно на Западе и Востоке, а вернее, между Западом и Востоком, в «конгломератной личностной культуре» неустоявшегося «симбиоза». Как человек публичный и монарх, Лжедмитрий I должен был демонстрировать российским подданным верность Востоку (в смысле православия, российской традиционной культуры и восточного типа власти), а своему иностранному окружению (где было много выходцев из Речи Посполитой, в частности с Украины) — склонность к Западу. Однако человек двух культур не мог прижиться в России начала XVII века, тем более не мог управлять страной. Это оказалось под силу и ко времени только Петру I.

Примечания

¹ См. подробнее: *Ульяновский В.И.* Лжедмитрий I и Украина // *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты: очерки социально-политической истории и источниковедения. Киев, 1993. Ч. 1. С. 64—105; *Его же.* Лжедмитрий I и Украина (политичні аспекти) // *Україна і Польща в період феодалізму.* К., 1991. С. 73—85; *Его же.* Острожская и дерманская библиотеки в судьбе Лжедмитрия I // *Книга: исследования и материалы.* М., 1994. Т. 69. С. 163—170.

² *Дмитриевский А.А.* Архиепископ Елассонский Арсений и мемуары его из русской истории по рукописи трапезунтского Сумелийского монастыря. К., 1899. С. 100—101.

³ РИБ. СПб., 1909. Т. XIII. Стб. 536.

⁴ ЧОИДР. 1847. № 9. С. 16.

⁵ РИБ. Т. XIII. Стб. 651—652, 578; *Попов А.* Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 292.

⁶ РНБ. ОР. Ед. хр. Ф. IV. 228. Л. 110.

⁷ РГБ. ОР. Музейное собр. Ед. хр. 2900. Л. 24 об.

⁸ *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. С. 100—101.

⁹ ЛНБ НАНУ. ОР. Собр. Оссолинских. Ед. хр. 2284. Л. 155; *Hirschberg A.* Dumitr Samozwanec. Lwów, 1898. S. 124; *Шенкин Е.Н.* Краткие известия о Лже-Димитрии: Венеция, Вена, Кенигсберг, Москва. Одесса, 1900.

¹⁰ ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 14. С. 66; РИБ. Т. XIII. Стб. 733; Старина и новизна. 1911. Т. 14. С. 535. См.: «...его встречу чисто всякие люди, со кресты ж его дожидахуся на Лобном месте. Он же Рострига сиде со коня и прииде ко крестом и начат пети молебная, а те латыне Литва сидяху и трубяху в трубы и бияху в бубны» (Новый летописец // ПСРЛ. Т. 14. С. 66).

¹¹ *Успенский Б.А.* Царь и патриарх. Харизма власти в России (византийская модель и ее русское переосмысление). М., 1998. С. 136—143.

¹² *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. С. 104—105.

¹³ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 139—140.

¹⁴ Там же. С. 140.

¹⁵ См.: *Ульяновский В.И.* Российские Самозванцы: Лжедмитрий I. К., 1993. С. 248.

¹⁶ *Устрялов Н.Г.* Сказания современников о Дмитрии Самозванце. СПб., 1859. Ч. 1. С. 182; Ч. 2. С. 150; РИБ. СПб., 1972. Т. 1. Стб. 412; *Pierling P.* Rome et Demetrius... Paris, 1878.

¹⁷ *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. С. 124; *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 140.

¹⁸ *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. С. 107.

¹⁹ См.: Чин венчания Федора Ивановича (СГГД. М., 1819. Ч. 2. № 51. С. 83). В чине венчания Бориса Годунова его нет (ДАИ. СПб., 1846. Т. 1. № 145. С. 247).

²⁰ *Гардзанини М.* Библейские слова и образы в «чине венчания на царство Ивана IV» // Римско-константинопольское наследие на Руси: идея власти и политическая практика. М., 1995. С. 229.

²¹ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 24.

^{21a} Б.А. Успенский указывает, что венчание на царство не требовало наличия патриарха: Василий Шуйский (1606 г.) и Михаил Федорович (1613 г.) были венчаны на царство митрополитами. Интронизация же патриарха обязательно происходила в присутствии царя. Только поставление патриарха Игнатия (30 июня 1605 г.) предшествовало коронации Лжедмитрия I (21 июля 1605 г.). Византийская традиция соответствовала этому: царя обязательно миропомазывал патриарх. Б.А. Успенский считает, что в российской традиции проявилась практика начального периода Византийской империи, когда по решению IV Вселенского (Халкидонского) собора 451 г. в Константинополе при императоре появился патриарх. Это отвечало самосознанию Москвы как Нового Константинополя, а царя — как Нового Константина (*Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 512—514, 517).

²² СГГД. Ч. 2. № 95. С. 212; РГАДА. Ф. 149. Оп. 1. Д. 10.

²³ Сб. РИО. М., 1912. Т. 137. С. 188—189.

²⁴ РИБ. Т. I. Стб. 41.

²⁵ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 143.

²⁶ *Пирлинг П.* Из Смутного времени: Статьи и заметки. СПб., 1902. С. 142.

²⁷ Россия начала XVII века. Записки капитана Маржерета. М., 1982. С. 110, 197.

²⁸ *Дмитриевский А.А.* Указ. соч. С. 104; *Масса И.* Краткое известие о Московии в начале XVII века. М., 1937. С. 113, 199. Ср.: БРАН. ОР. Ед. хр. 24.5.32. Л. 50 об.—51; Ед. хр. 34.8.25. Л. 495 об.; РИБ. Т. XIII.

Стб. 136; *Белозерская Н.* Царское венчание в России. СПб., 1896. С. 20; *Корецкий В.И.* Успенский собор как памятник идейно-политической жизни Москвы конца XV — начала XVII века // Уникальному памятнику русской культуры Успенскому собору Московского кремля 500 лет. М., 1979. С. 37.

²⁹ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 139.

³⁰ Там же.

³¹ Материалы для эпохи Смутного времени, извлеченные из разных архивов. Хроника Пясецкого / Пер. В.Н. Александренко. Варшава, 1909. С. 8 (ссылка на Фрайбургский архив. № 41. Ф. 69).

³² АЗР. Т. IV. СПб., 1851. № 177. С. 283.

³³ РГАДА. Ф. 184. Оп. 1. Ед. хр. 137. Л. 68, 75; Архив СПб. ФИРИ РАН. К. 115. Оп. 1. Ед. хр. 431Ф. Л. 10—13 об.; СПб. ОА РАН. Ф. 21. Оп. 4. Ед. хр. 8. Л. 32—34; Ед. хр. 2. Л. 58—62; СГГД. Ч. 2. № 92. С. 204—207.

³⁴ Историческое и правдивое известование о том, как московский князь Димитрий Иоаннович достиг отцовского престола. Чешский текст 1606 г. Прага, 1908. С. 25.

³⁵ ААЭ. СПб., 1836. Т. 2. № 38. С. 94—95 (датируется 12 июня 1605 г. — грамота была отправлена в Сольвычегодск).

³⁶ РИБ. Т. XVIII. СПб., 1884. № 8. Стб. 76.

³⁷ РИБ. Т. XVIII. Стб. 55.

³⁸ Там же. Стб. 163.

³⁹ *Попов А.* Изборник... С. 236, 272, 416.

⁴⁰ Там же. С. 292; РИБ. Т. XIII. Стб. 578.

⁴¹ ПСРЛ. Т. 14. С. 67.

⁴² *Попов А.* Изборник... С. 191.

⁴³ БРАН. ОР. Ед. хр. 24.5.32. Л. 50 об.—51; *Ульяновский В.И.* Россия в начале Смуты... Ч. 2. С. 124.

Summary

For the first time the author analyzes in details the ceremony of Lzhedmitry I coronation. As it turned out the False Demitrius while using the traditional Russian ceremony and symbolism as «basic» tried to introduce Western elements in it. Having a big experience of living in Lithuania, Poland and Ukraine Lzhedmitry oriented himself to the Western «standards». But the Russian society didn't accept Western culture. That is why the False Demitrius had to live «between East and West». The author concludes that a person of two cultures could not get accustomed to Russia at the beginning of the XVIIth century. It began possible only by the times of Peter the Great.

И. О. Тюменцев

К ИСТОРИИ КАЛУЖСКОГО ПЕРИОДА ДВИЖЕНИЯ ЛЖЕДМИТРИЯ II *

Лихолетье, которое Россия пережила в начале XVII столетия, стоило русскому народу многих жертв, лишений и утрат и оказало значительное влияние на его исторические судьбы. Современники метко называли это время **Смутным**, а все происшедшее — **Смутой**, написав для потомков яркие поучительные сочинения, предостерегавшие от повторения грехов и ошибок предков. В последующие столетия русские люди неизменно проявляли живой интерес к событиям того времени и любую переживаемую «переломную» или «кризисную» пору постоянно сравнивали со Смутным временем и по аналогии часто называли **Новой Смутой**.

События начала XVII в. изучены крайне неравномерно и с разной степенью глубины проработки. Наибольшей популярностью у историков пользовались царствования Бориса Годунова, Лжедмитрия I, восстание И.И. Болотникова, тогда как многие явления и сюжеты последующих периодов Смуты до недавнего времени остаются недостаточно изученными. Анализируя события 1610 г., историки совершенно справедливо сосредоточились на главном: на изучении истории земских ополчений, которые нанесли поражение иноземным захватчикам и спасли страну от гибели. Движение Лжедмитрия II, ставшее одним из главных явлений русской Смуты до распада Гушинского лагеря в конце 1609 — начале 1610 г., в феврале—декабре 1610 г. оказалось в тени главных событий и поэтому специально не изучалось¹.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (гранты № 98-02-00023а и № 00-01-00044а).

В литературе, в основном в общих работах по истории России и Смуты, затрагивались лишь отдельные проблемы и аспекты калужского периода движения самозванца: утверждение Лжедмитрия II в Калуге и обстоятельства появления там М. Мнишек, попытка самозванца захватить Москву летом 1610 г. и его гибель в Калуге. С.М. Соловьев считал, что в Калуге вся власть принадлежала казакам, которых привел туда кн. Г.П. Шаховский. Бояре и москвичи, по мнению историка, несмотря на явную опасность захвата страны иноземцами, не захотели присягнуть Вору летом 1610 г., боясь казачьих грабежей и бесчинств черни, и по этой причине предпочли ему королевича Владислава. Гибель самозванца и распад его движения исследователь объяснял исключительно местью кн. П. Урусова². Н.И. Костомаров ввел в научный оборот много интересных польских документов 1610 г., которые проливают свет на взаимоотношения царика и сапежинцев, но вольно пересказал их почти без ссылок. Он полагал, что инициатива второго похода на Москву целиком принадлежала Я. Сапеге и наемникам. Приверженцы Вора, по мнению историка, обманули москвичей, предложив одновременно низложить В. Шуйского и Лжедмитрия II, за что и заплатились, подтолкнув их к избранию королевича Владислава. Исход дела решил переход Я. Сапеге на сторону С. Жолкевского. Историк согласился с мнением С.М. Соловьева, что царик погиб вследствие мести П. Урусова³. С.Ф. Платонов пришел к выводу, что Вор не случайно избрал местом своего пребывания Калугу, имевшую важное стратегическое значение в борьбе между правительственными силами, приверженцами самозванца и поляками. Он согласился с мнением С.М. Соловьева, что в Калуге вокруг царика держалось в основном казачество. Бояре и дворяне Вора, особенно дьяки, по мнению исследователя, за редким исключением пошли на заключение договора с Сигизмундом III и отказались вернуться к Вору. Историк согласился с выводом, что второй поход царика на Москву явился одной из причин падения Василия Шуйского и подтолкнул москвичей к присяге королевичу Владиславу. Он впервые проанализировал дело московских бояр, будто бы сославшихся с Вором в октябре 1610 г., и высказал мысль, что смерть царика развязала руки русским повстанцам⁴.

Советские историки, отвергнув термин «Смута» как буржуазный, перестали рассматривать лихолетье начала XVII в. как единый комплекс событий, разделив ее на крестьянскую войну и иностранную интервенцию. Проанализировав исследования предшественников, пришли к заключению, что в результате распада Тушинского лагеря иноземцы и их приспешники бояре и дворяне утратили контроль над движением самозванца. Лжедмитрий II, освободившись от их опеки, будто бы пытался «заигрывать с народными низами, используя в своих целях классовое недовольство. Калужский период движения самозванца исследователи были склонны рассматривать как отголоски крестьянской войны»⁵.

В результате многолетних исследований Р.Г. Скрынников пришел к обоснованному выводу, что лихолетье начала XVII в. необходимо исследовать как единый комплекс событий. Исследователь подверг аргументированной критике и опроверг господствующую в советской литературе концепцию крестьянской войны. Он первым сформулировал гипотезу, согласно которой в начале XVII столетия Россия пережила первую в своей истории гражданскую войну, которую, вслед за русскими учеными дореволюционной поры, вновь стал называть **Смутой**. Аргументируя свои выводы и наблюдения, исследователь основное внимание уделил критике взглядов и оценок оппонентов событий и фактов начальных периодов Смуты. Калужский этап движения самозванца в его работах вновь остался в тени⁶. Его специальное изучение по-прежнему остается актуальным и весьма важным для понимания процессов, протекавших в движении самозванца в течение всего времени его существования.

Выполненная нами реконструкция архива Я. Сапеги 1607—1611 гг. открывает возможность по-новому подойти к анализу калужского периода самозванца. Она позволяет положить в основу исследования массив гетманских документов 1610 г. и использовать их данные для критики поздних мемуарных, летописных и литературных сочинений, на которых главным образом базируются современные представления о событиях тех дней⁷.

Анализ биографических данных членов Тушинской Воровской думы обнаруживает, что Сигизмунду III взялась служить «первее всех» лишь четверть думцев Лжедмитрия II: бояре

М.Г. Салтыков, кн. В.М. Рубец-Мосальский, И.М. Заруцкий, Н.Д. Вельяминов, Ю.Д. Хворостинин, окольные М.А. Молчанов, кн. Ф.Ф. Мещерский, И.Н. Безобразов-Шарапов, Т.В. Грязной, кравчий Л.А. Плещеев, думные дворяне А.Ф. Андронов, И. Зубов, думные дьяки И.Т. Грамотин, С.И. Линева, И.И. Чичерин⁸. Умерли естественной смертью или погибли в боях с правительственными войсками и отрядами земских ополчений «бояре» М.И. Вельяминов, кн. Р.Ф. Троекуров-Ярославский, окольный Д.В. Горбатый-Мосальский. Боярин И.И. Годунов был казнен М.М. Бутурлиным при попытке отъехать в Москву. Думный дворянин Г.М. Веревкин погиб «в измене» во время разгрома П. Руцкого у Иосифо-Волоколамского монастыря весной 1610 г.⁹ «Бояре» кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский, кн. А.Ф. Жировой-Засекин бежали к В. Шуйскому во время развала Тушина¹⁰. Более половины тушинских думцев приехали к самозванцу в Калугу или сохранили ему верность: бояре кн. Ф.П. Барятинский, М.М. Бутурлин, И.И. Волынский (?), кн. И.П. и С.П. Засекины, кн. С.Г. Звенигородский, А.А. Нагой, И.Ф. Наумов-Хрулев, М.И. Колодкин-Плещеев, Ф.М. Плещеев, А.Н. Ржевский (?), кн. А.Ю. Сицкий, кн. Д.Т. Трубецкой, кн. И.Д. Хворостинин, кн. Д.М. Черкасский, кн. Г.П. Шаховский, окольные кн. Д.И. Долгорукий, кн. Ф.П. Засекин, Г.Ф. Сумбулов, Б.И. Сутупов, кравчий кн. А.Ф. Литвинов-Мосальский, думные дворяне И.Г. Бегичев, И.И. Загряжский, думные дьяки И.Л. Луговской, Д.Т. Рындин, Д.И. Сафронов, П.А. Третьяков¹¹. В результате происшедших изменений из Воровской думы выбыли в основном люди, близкие к Филарету Романову, М.Г. Салтыкову, кн. В.М. Рубец-Мосальскому, а также попавшие в нее не по своей воле, такие, как кн. В.И. Бахтеяров-Ростовский. Кое-кто из близких к Романовым, как, например, кн. А.Ю. Сицкий, кн. А.Ф. Литвинов-Мосальский, все же остались, но сделали это, видимо, не по своей воле. М. Мархоцкий сообщил, что у многих бояр в Калуге при дворе М. Мнишек находились их семьи, которые фактически превратились в заложников¹². Не случайно поэтому в дальнейшем при малейшей появившейся возможности кн. А.Ф. Литвинов-Мосальский и кн. А.Ю. Сицкий покинули самозванца¹³. Появились в «Боярской» думе новые лица: «боярин» И.В. Глазун-Плещеев, пожалованный за доставку в Калугу М. Мнишек, и некий М.К. Юшков¹⁴.

Весьма осведомленный в делах Калужского двора К. Буссов свидетельствует, что ключевой фигурой в новой Воровской думе стал «боярин и слуга» кн. Г.П. Шаховский¹⁵. «Боярин» Д.Т. Трубецкой с «думным дьяком и печатником» Д.И. Софроновым, по-видимому, вновь руководили Разрядным приказом¹⁶. С.Г. Звенигородский сохранил за собой должность боярина и дворецкого. «Боярин» А.А. Нагой с «думным дьяком» П.А. Третьяковым возглавили Поместный приказ вместо погибшего Р.Ф. Троекурова¹⁷. «Боярин» М.М. Бутурлин и «думный дьяк» Д.Т. Рындин, по-видимому, ведали Сыскным приказом¹⁸, «окольничий» Б.И. Сутупов с дьяком М. Сомовым — Казанским и Астраханским дворцами¹⁹. Н.В. Лопухин, несмотря на выдвинутые против него самозванцем обвинения в «измене», сохранил за собой должность думного дьяка Посольского приказа²⁰. В Калуге при особе «государя» постоянно находились, помимо уже указанных лиц, бояре кн. И.П. Засекин, С.Г. Звенигородский, И.Ф. Наумов-Хрулев, И.В. Глазун-Плещеев, А.Н. Ржевский (?), кн. А.Ю. Сицкий, кн. Д.М. Черкасский, окольничие кн. Д.И. Долгорукий, М.И. Колодкин-Плещеев, Ф.К. Плещеев, С.Ф. Сумбулов²¹. В штате калужских приказов работали дьяки С. Зборовский, П.И. Микулин, М. Сомов, А. Подсосенский²². Нетрудно заметить, что при дворе самозванца усилились позиции боярских и дворянских родов, хранивших традиции опричной среды.

К. Буссов свидетельствует, что довольно быстро в Калуге стал создаваться новый Воровской государев двор. В источниках имеются отдельные упоминания дворовых чинов самозванца того времени. Спальниками у него служили ветеран повстанческого движения Иг.И. Михнев, П.Ф. Отяев, а также шут Н. Кошелев; стольниками — И.А. Боучаров, В.Ф. и Ф.Ф. Киревы, А.З. и И.З. Посовецкие, Ю.И. Татишев, Я.В. Толбузин, кн. П.Я. Урусов, кн. В.П. Черкасский, В.П. и И.П. Шереметевы, кн. П.Ч. Юсупов, стряпчим — И.А. Киреев²³. После воссоединения «царской» семьи в Калуге был воссоздан и двор М. Мнишек²⁴.

Воровским «боярам» довольно быстро удалось восстановить управление на местах. Воеводами различных городов Вора в 1610 г. служили: боярин кн. И.Д. Хворостинин (Астрахань), боярин С.П. Засекин, Ф.П. Дементьев, Г.И. Кашкаров (Арза-

мас), дворянин московский кн. И.М. Барятинский (Воронеж), боярин кн. Ф.П. Барятинский и выборный дворянин М.М. Карпов (Новгород-Северский), выборный дворянин Д. Гушин (Стародуб-Северский), выборный дворянин И.Ф. Строкин (Рославль), выборные дворяне А.Ф. Тютчев и Л. Челюсткин (Почеп), выборный дворянин Ф.Г. Желябужский (Белев), боярин Ф.М. Плещеев, выборные дворяне П. Горяинов и кн. В.А. Шаховский (Великие Луки), боярин Ф.М. Плещеев, думный дьяк И.Л. Луговской и дьяк Ф. Андронников (Псков), дворянин московский кн. И.Ф. Хованский и дьяк М.И. Милославский²⁵.

География воеводских назначений показывает, что Лжедмитрий II и его бояре сохранили контроль не только над старыми центрами повстанческого движения: Северщиной, Польскими, Украинными городами, частью Заокских и Низовых городов, Астраханью, но и над новыми: Великими Луками, Псковщиной с близлежащими новгородскими пригородами Ивангородом, Гдовом, Ямом и Копорьем. В отличие от населения центральных уездов, где местные власти находились под полным контролем наемников, жители этих мест не подверглись прямым насилиям и бесчинствам иноземных солдат, а лишь испытали на себе всю тяжесть налогов, собираемых тушинской администрацией на содержание наемного и казачьих войск. Здесь не было наемных отрядов, и земским силам удавалось оказывать значительное влияние на дела местного управления через авторитетных воровских воевод. В результате тушинский режим в центрах повстанческого движения оказался более мягким для местного населения по сравнению с тем, который существовал ранее или сложился в центре страны. Именно поэтому оно поддержало беглого самозванца в трудную для него минуту²⁶.

Сразу же по водворении в Калуге Лжедмитрий II и его окружение стали набирать новое войско. Его основу, как видно из данных документальных источников, составили отряды русских служилых людей, а не только казаки. В январе 1610 г. их привели к Вору кн. Г.П. Шаховский, Я. Кернозицкий и, возможно, Ю. Беззубцев²⁷. В начале февраля 1610 г. бояре Д.Т. Трубецкой, И.П. Засекин, М.И. Колодкин-Плещеев, П. Урусов прибыли в Калугу с остатками русского войска, брошенного самозванцем в Тушине²⁸. Довольно крупный отряд удалось со-

брать к февралю 1610 г. в Великих Луках и на Псковщине боярину Ф.М. Плещееву²⁹.

Приведенные данные не подтверждают гипотезы С.М. Соловьева и С.Ф. Платонова, что главной силой движения самозванца в Калуге являлось казачество³⁰. Они показывают, что по-прежнему основную роль в Калужском лагере играли служилые люди южных, юго-западных и западных уездов России и казаки. Созданные в Калуге институты государственной власти, как и в Тушине, являлись точной копией существовавших в Москве. Здесь действовали царик, Воровские дума, государев двор, приказы, войско, в городах сидели воеводы и дьяки. В отличие от Москвы и Тушина, не было разве что структур по управлению церковью. Ветераны повстанческого движения, спасшие царика, еще быстрее, чем в Орле и Тушине, были вынуждены отойти в тень. «Бояре» самозванца — приверженцы крутых мер в борьбе с врагами, — по свидетельству К. Буссова, обрушили репрессии на иноземцев, заподозренных в измене «царю Дмитрию». Запущенное ими колесо террора начало уничтожать и правых и виноватых. Весьма показателен в этом отношении случай с ветераном повстанческого движения калужским воеводой Скотницким, которого не спасли от надуманных обвинений и казни многочисленные заслуги³¹. Повстанческое движение в Калуге переродилось, не успев возродиться.

К весне 1610 г. отряды самозванца настолько окрепли, что смогли нанести несколько серьезных контрударов по правительственным отрядам. Кн. Д.М. Черкасский разгромил в феврале 1610 г. у Шацка правительственный отряд кн. В.Ф. Мосальского и отбил у него недавно захваченный у приверженцев самозванца Арзамас³². Боярин Ф.М. Плещеев, по данным, полученным Я. Сапегой, в феврале 1610 г. во главе 6-тысячного войска совершил поход на Новгород Великий и занял Старую Руссу³³. Однако воевать на два фронта отряды самозванца не могли. Новая партия шведских наемников, которыми командовали Э. Горн и Ж. Делавилль, заставили Ф.М. Плещеева отступить³⁴. Приверженцы самозванца потеряли Старицу, Ржев, были отброшены к Пскову и Великим Лукам³⁵. А. Гонсевский 3 (13) апреля 1610 г. захватил Белую³⁶. Между правительственными и польскими войсками вспыхнули упорные бои за Иосифо-Волоколамский монастырь и Белую. Тушинские отряды в

Великих Луках и Пскове оказались отрезанными от Калуги. Они попытались заручиться помощью отрядов А. Лисовского и А.З. Посовецкого, пробившимся из Замосковья в Великие Луки³⁷. По просьбе псковитян, лисовчики и казаки направились к Ивангороду и разгромили шведское войско, осаждавшее город. Но по возвращении между ними и местными приверженцами самозванца произошел конфликт. А. Лисовский и А. Посовецкий хотели вновь остановиться в Пскове, но посадские, напуганные недавними грабежами и бесчинствами лисовчиков, на этот раз не пустили их в город. Обозленные лисовчики и казаки захватили псковский пригород Воронач. Здесь пути А. Лисовского и казаков разошлись. Русские воины отряда лисовчиков, соединившись с отрядом А. Посовецкого, ушли к Великим Лукам. Здесь бывшие тушинцы присоединились к правительственному отряду Г. Валуева и помогли ему «высечь» Великие Луки. Тем временем А. Лисовский, пополнив свой отряд иноземцами, занялся грабежом сел и деревень на Псковщине. Жители Пскова, Ивангорода, Гдова, Яма и Копорья, все еще державшиеся самозванца, оказались в окружении врагов: поляков, литовцев, шведов, правительственных отрядов и мародеров-лисовчиков, которые, по словам местного летописца, «Псковщину всю пусту сдулавшу»³⁸.

Не лучше для Лжедмитрия II и его приверженцев складывалась ситуация на Северщине. В марте 1610 г. служившие королю запорожские казаки штурмом овладели Стародубом Северским, пленив местного воеводу самозванца кн. А.А. Хованского³⁹. В конце марта отряд королевских войск Запорского штурмом овладел Почепом⁴⁰, а киевский подкормий Горностай захватил Чернигов⁴¹. В апреле 1610 г. запорожцы Богушевский и Ганченко убедили жителей Новгорода-Северского целовать крест королевичу Владиславу⁴². В начале мая 1610 г. принесли присягу королевичу жители Рославля⁴³. К лету 1610 г. Лжедмитрий II утратил главную базу своего движения — Северщину. Подконтрольными ему остались только Польские города, часть Украинных, Заокских, Низовых и Астрахань.

Водворившись в Калуге, Лжедмитрий II, по данным мемуаристов-наемников, разослал повсюду грамоты, в которых призывал своих воевод и русских людей арестовывать иноземцев и конфисковывать их имущество. В кратчайшие сроки само-

званец и его бояре смогли собрать значительные суммы денег и наполнить темницы иностранными заложниками ⁴⁴. Несмотря на репрессии против иноземцев, царик и его бояре и не думали отказаться от мысли вернуть под свои знамена иноземных солдат. Деньги и пленники понадобились им как веский аргумент в переговорах с тушинским «рыцарством» о возвращении на службу. Уже в начале февраля 1609 г. в ответе «рыцарству», который привез Тышкевич, самозванец заявил, что готов заплатить войску по 20 злотых на всадника сразу же после прибытия в Калугу. Но при условии, что «рыцарство» само накажет «изменников» и приведет к нему «царицу». Все остальные долги он обязался выплатить, согласно прежним записям, «при первой возможности». Помимо этого саозванец обещал немедленно выпустить всех пленных поляков и со временем возместить им все убытки. Он также согласился вступить в переговоры с королем ⁴⁵. В результате этого демарша самозванцу удалось вернуть под свои знамена воинов Хруслинского и Яниковского ⁴⁶. Посланная Лжедмитрием II в Волоколамск 7 (17) апреля 1610 г. грамота помогла ему заполучить солдат Каменского и Быховца ⁴⁷.

Ситуация коренным образом изменилась в мае 1610 г., когда Сигизмунд III принял на службу наиболее боеспособные полки и роты гусар А. Зборовского, А. Млоцкого, С. Копычинского, Бобовского, М. Мархоцкого, Б. Ланцкоронского, М. Вилямовского, Ружинского и казаков Рудницкого, Котовского, Ошанского ⁴⁸. Несравненно большая и «худородная» часть бывшего наемного войска самозванца осталась ни с чем. Им было предложено начать служить королю без всяких условий ⁴⁹. Солдаты, как видно из показаний И. Будилы, сразу же по получении ответа короля 16 (26) мая 1610 г. отправили посольство к царю ⁵⁰. Вскоре был получен ответ. Лжедмитрий II настаивал на том, чтобы войско составило полный перечень солдат и приняло новую конфедерацию, в которой обязалось служить ему верой и правдой до тех пор, пока их не отпустят. В свою очередь царик обещал прислать солдатам в Прудки или в Медынь по 30 злотых на каждого конного, за исключением молодых «товарищей», а в дальнейшем оплатить все свои старые долги, в том числе и первые месяцы 1610 г., когда войско фактически ему не служило. Он также обещался обеспечивать

солдат провиантом и фуражом без задержки и выпустить всех пленных поляков⁵¹. Привлекает внимание тот факт, что в предложениях Вора не говорилось ничего конкретного об оплате прежних долгов войску после взятия Москвы и не было и речи о передаче им Рязанской и Северной земель в случае задержки выплат. Обязательство своевременно обеспечивать солдат провиантом и фуражом свидетельствует, что руководители движения Лжедмитрия II учли печальный опыт прошлого и стремились не допустить в дальнейшем воссоздания системы приставств.

Предложения царика, по-видимому, вызвали взрыв энтузиазма у солдат. Остатки тушинского «рыцарства» потянулись в лагерь Хруслинского, Яниковского, Каменского, Быховца в Прудках и в Медыни⁵². Бывший гетман самозванца Я.П. Сапега, побывав у короля под Смоленском и ничего у него не добившись, откликнулся на предложение самозванца вернуться к нему на службу. В своем письме 21 (31) мая 1610 г. Лжедмитрий II обещал щедро наградить своего бывшего гетмана, но при этом проявил осторожность в вопросах выплаты жалованья солдатам. Изъявляя готовность платить тем, «кто... сейчас поднялся», он счел необходимым уведомить, что «за все давние издержки и заслуги жаловать» не будет⁵³. Я. Сапега прибыл к солдатам на Угру 6 (16) июня 1610 г. с полком в 1000 солдат⁵⁴.

Современники свидетельствуют, что в течение 1608—1609 гг., когда основной ареной боев гражданской войны были центральные и северо-восточные уезды России, местное население смогло частично восстановить разоренное хозяйство. Переход позволил решить проблему снабжения наемного войска⁵⁵. Помимо этого, заняв устье Угры, наемники разделили основные силы Лжедмитрия II и Сигизмунда III и получили возможность спокойно торговаться и с тем, и с другим.

Буквально накануне появления отряда Я. Сапеги на Угре в наемном войске, по свидетельству Й. Будилы, побывал Лжедмитрий II, который привез деньги для выплаты жалованья, но их оказалось недостаточно. Солдаты взбунтовались, и самозванец вернулся в Калугу, оставив в качестве заложников некоторых своих «бояр» и пообещав, что скоро привезет оставшуюся сумму⁵⁶. Узнав о прибытии Я. Сапеги, М. Мнишек тотчас при-

слала ему письмо, в котором не скрывала своей радости по поводу возвращения бывшего гетмана к ним на службу и изливала потоки благодарности⁵⁷. Царик в своем письме был более сдержан. Он благодарил Я. Сапегу за принятое решение, но при этом спросил: правильно ли он понял, что бывший гетман собирается вновь ему служить? Тут же он счел необходимым предупредить, что в нынешней ситуации не может оплатить солдатский труд из-за «недостатка скарба»⁵⁸. Я. Сапеге довольно быстро удалось стать новым гетманом наемного войска самозванца: 15 (25) июня за него проголосовало войсковое собрание, а 18 (28) июня 1610 г. царик утвердил его в должности⁵⁹. Сложнее оказалось уговорить солдат служить без выплаты обещанных самозванцем подъемных по 30 злотых на каждого конника. В письме 19 (29) июня 1610 г. Лжедмитрий II умолял своего новоиспеченного гетмана успокоить бунт солдат. Он писал, что уже отправил часть денег, а остальные клялся прислать «через некоторое время в будущем»⁶⁰. Наученные опытом солдаты не поддавались на уговоры. В разгар всех этих смут из стана самозванца к В. Шуйскому бежал некий кн. Мосальский, который сообщил московским властям о том, что творится в лагере на Угре. По нашему предположению, это был кн. А.Ф. Литвинов-Мосальский, который вскоре получил пожалования у Сигизмунда III⁶¹.

24 июня (4 июля) 1610 г. гетман С. Жолкевский в сражении у Клушина разгромил союзническое русско-шведское войско, а через несколько дней заставил капитулировать в Царевом Займище правительственный отряд Г. Валуева. Ситуация в стране радикально изменилась. В один день бездарный брат царя Василия кн. Д. Шуйский потерял с таким трудом воссозданную кн. М.В. Скопиным-Шуйским и Ф.И. Шереметевым правительственную армию и утратил плоды их побед. Дорога на Москву для польского войска и отрядов самозванца была открыта. В отчаянии Василий Шуйский звал на помощь шведов и крымцев, но все понимали, что его уже ничто не может спасти. 24 июня (4 июля) 1610 г. Лжедмитрий II прибыл в стан на Угре. В ходе пятидневных переговоров выяснилось, что царик не может дать солдатам свыше тех 50 тыс. злотых, которые он уже раздал. Самозванец умолял солдат довольствоваться полученными от него по 6 злотых на конного и обещал рассчитаться,

как только сможет собрать необходимую сумму⁶². В разгар этих увещеваний Лжедмитрий II, по данным дневника Я. Сапеги, получил грамоты «патриарха» и бояр из Москвы, в которых сообщалось, что жители столицы готовы целовать ему крест⁶³. Нет сомнений, что этим «патрирхом» и боярами являлись Филарет Романов и бывшие тушинские бояре. Перспектива получить наконец царскую казну и сокровищницу произвела на солдат магическое действие. Все споры вокруг жалованья завершились, и 30 июня (10 июля) 1610 г. царик и его солдаты отправились в поход на Москву⁶⁴.

Наемное войско самозванца, по данным Й. Будилы, было уряжено на четыре полка: гетманский — 300 казаков, 600 пятигорцев и 100 гусар⁶⁵; А. Хруслинского — 200 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; С. Тышкевича — 100 казаков, 600 пятигорцев, 200 гусар; Й. Будилы — 400 казаков, 600 пятигорцев и 200 гусар⁶⁶. В дневнике Я. Сапеги упоминаются также два полка запорожцев Костенецкого и Дуршлака, по каким-то причинам не учтенные мозырским хорунжим⁶⁷. Выявленные данные полностью подтверждают наблюдение С. Маскевича, который, характеризуя войско, собравшееся на реке Угре, написал в своих записках: «Все сброд: шляхты мало, только была она в гусарских хоругвях, коих считалось также немного, а именно две хоругви самого пана Сапеги, хоругви Каминского, Будилы, Стравинского и Тальяфуса. Зато казаков было без числа»⁶⁸. Учитывая, что средняя численность запорожских полков составляла примерно 600 человек⁶⁹, можно предположить, что в наемном войске самозванца служило около 5 тыс. воинов. Вместе с отрядами русских приверженцев самозванца оно представляло серьезную силу.

Источники не подтверждают гипотезу Н.И. Костомарова, что инициатива похода на Москву принадлежала Я. Сапеге⁷⁰. Во время похода русское и наемное войска самозванца двигались отдельно друг от друга⁷¹. Царик и его бояре, как видно, не желали повторять ошибок прошлого и становиться заложниками иноземных солдат. Калужский режим отличался от тушинского тем, что созданные здесь институты государственной власти пока не были подконтрольны иноземным солдатам. В действиях калужского руководства четко просматривалось стремление установить государственный порядок в традиционных для России формах, который бы являлся альтернативой московс-

кому. Вместе с тем нельзя не видеть, что появление под знаменами самозванца наемного войска создало те же проблемы, что и ранее в Тушине и у М.В. Скопина-Шуйского. Содержание наемного войска требовало огромных сумм, которые невозможно было собрать в разоренной стране на территориях, контролируемых самозванцем. В ожидании «заслуженного» солдаты были готовы грабить и убивать без всякой жалости жителей захватываемых ими городов и сел, несмотря на все просьбы и увещевания царика «беречь» его подданных.

Жители Медыни целовали крест Лжедмитрию II сразу после Клушинской битвы 27 июня (7 июля) 1610 г., еще до выступления войска самозванца в поход, поэтому оно миновало город без особых осложнений как для солдат, так и для горожан. Здесь войско пополнилось отрядом донских казаков, которые были освобождены С. Жолкевским из тюрьмы в Можайске⁷². Боровчане, в отличие от медынцев, отказались присягнуть царю и жестоко за это поплатились. Они вместе с воеводой кн. М.К. Волконским сели в осаду в боровском Пафнутиево монастыре. Волею случая игуменом монастыря являлся «старый знакомый» Я. Сапеги по троицкой осаде бывший архимандрит Троице-Сергиева монастыря Иоасаф, недавно переведенный Василием Шуйским на эту должность. Иоасаф, как прежде в Троице-Сергиевом монастыре, убедил братию, дворян и стрельцов сесть в осаду и дать отпор врагу. Казалось, история повторяется, но на этот раз исход борьбы оказался иным. После трех неудачных попыток захватить монастырь сапежинцы предприняли решительный ночной штурм крепости 5 (15) июля 1610 г. В критический момент боя второй и третий воеводы Яков Змеев и Афанасий Челищев допустили оплошность. Они не успели вовремя усилить отряды, оборонявшие ворота крепости. Враги ворвались в монастырь. Началось избиение застигнутых врасплох монахов и мирян. Воевода Михаил Волконский с мечом в руках в одиночку встал против врагов в воротах собора, в отчаянии пытаясь защитить святыни, молящихся монахов, стариков, женщин, детей. Он дрался как лев и пал под саблями врагов, изнемогая от усталости и ран у левого крылоса. Поляки, ворвавшиеся в собор, учинили там резню. Игумен Иоасаф вместе с другими принял мученическую смерть у гроба св. Пафнутия Боровского. В «Дневнике» сохранилась соб-

стенноручная помета Яна Сапеги: «Чернецов осталось 9 человек из 80, прочих убито 4000 человек». Наемники до нитки ограбили город и монастырь, не пощадив раки Пафнутия Чудотворца ⁷³.

После захвата Боровска отряды Лжедмитрия II открыли себе дорогу на Москву, стен которой могли достичь по Калужской дороге за несколько переходов. Однако вместо того, чтобы двигаться дальше по прямой дороге, войско самозванца неожиданно повернуло и вышло сначала на Серпуховскую, а затем и на Коломенскую дорогу, потеряв на продвижение к Москве обходными путями 10 дней ⁷⁴. Секретари Я. Сапеги постарались объяснить причину этого маневра стремлением гетмана разгромить приглашенное В. Шуйским 20-тысячное войско крымских татар во главе с царевичем Баты-Гиреем. В течение 11 (21) — 15 (25) июля 1610 г. гетман будто бы пытался навязать бой противнику, но крымцы, якобы испугавшись, ушли в степи ⁷⁵.

Секретари гетмана, по-видимому, таким образом постарались скрыть главную причину предпринятого маневра. В Боровске отряды самозванца вплотную приблизились к наступавшему к Москве из Можайска войску С. Жолкевского. Стало ясно, что у самозванца в борьбе за столицу имеется опасный соперник, и вот-вот могут вспыхнуть открытые столкновения между польскими и воровскими полками. Я. Сапегу и его солдат, надеявшихся в конце концов уладить отношения с королем и вернуться на родину, такое развитие событий явно не устраивало. Страсти настолько накалились, что, как видно из записей дневника Я. Сапеги, царик выступил из Боровска 8 (18) июля 1610 г., оставив свое наемное войско. Я. Сапега день спустя был вынужден его догонять. 10 (20) июля 1610 г. Я. Сапега созвал войсковое собрание ⁷⁶. Нам удалось обнаружить артикулы этого собрания среди бумаг Ску-Клостерской коллекции польских рукописей в Швеции. Солдат, как видно из артикулов, волновал только один вопрос: как получить заслуженное. Они прекрасно понимали, что дальнейшая служба самозванцу чревата для них разрывом всяких отношений с родиной, но и возвращение к Сигизмунду III ничего не решало, так как король уже неоднократно отказывался им платить. Выход солдаты видели в том, чтобы принудить самозванца «бить

челом» королю о вассалитете. Если русские люди признают Сигизмунда III, то «обманщик», как вассал короля, может получить удел в Польше или Литве и рассчитаться с солдатами. Если же русские люди признают царика, то его вассальная зависимость позволит избежать войны с королем и даст возможность выплатить наемникам их деньги. «Обманщик», выслушав эти речи, заявил солдатам, что не сможет расплатиться с ними, если не займет Москвы⁷⁷. Прекрасно понимая, что буквально у ворот столицы может остаться без доброй половины своего войска, царик дал солдатам ассекурацию — долговые обязательства. Документ также пока не отыскан, но, судя по записям дневника Я. Сапеги, он повторял сентябрьскую 1610 г. ассекурацию самозванца. Самозванец поклялся урегулировать отношения с королем, наградить солдат в течение десяти дней после взятия столицы, а если же произойдет задержка, передать солдатам доходы с Рязанской и Северской земель⁷⁸. По настоянию Я. Сапеги к С. Жолкевскому были отправлены послы наемного войска, которые должны были известить коронного гетмана, что вскоре к Сигизмунду III придет посольство Лжедмитрия II с просьбой не захватывать те крепости, которые «рыцарство добыло своею кровью»⁷⁹.

Неурядицы в наемном войске едва не привели к разгрому отрядов самозванца. Крымские татары, которых «наводили» посланные В. Шуйским бояре кн. И.М. Воротынский, кн. Б.М. Лыков и окольник А.В. Измайлов, 10 (20) июля 1610 г. атаковали Лжедмитрия II и его солдат. Воровские полки, по словам Нового летописца, «едва усидели в своих таборах на реке Наре». Стычки продолжались четыре дня. Затем татары, сославшись на то, что у них кончился корм, ушли за Оку⁸⁰. Новый летописец отметил, что бояре кн. И.М. Воротынский, кн. Б.М. Лыков и окольник А.В. Измайлов «отидоша к Москве, едва снаряд везоша от воровских людей»⁸¹. Секретари Я. Сапеги пояснили причину боярских затруднений. С уходом крымчаков правительственный отряд попросту развалился, и большая его часть 15 (25) июля 1610 г. явилась к Лжедмитрию II⁸². Стычки с крымчаками и их преследование помогли Я. Сапеге уклониться от столкновений с солдатами С. Жолкевского и выйти к Москве с юга по Коломенской дороге 16 (26) июля 1610 г.⁸³

Появление Вора у стен Москвы и известие о приближении войска С. Жолкевского вызвали волнения народа в столице. Все, кроме патриарха Гермогена, понимали, что царь Василий не может противостоять ни войску С. Жолкевского, ни отрядам самозванца и что нужно делать выбор между королевичем Владиславом и Лжедмитрием II, за которыми была реальная сила. Начались отъезды дворян и детей боярских в воровские таборы. Серпухов целовал крест Вору⁸⁴. Современники, находившиеся в то время в разных лагерях, — А. Палицын, информаторы Нового летописца, секретари Я. Сапеги — свидетельствуют, что между приверженцами самозванца и жителями Москвы шли спонтанные переговоры, в ходе которых воровские бояре предложили одновременно низложить В. Шуйского и Лжедмитрия II, а затем выбрать царя «всею Землею»⁸⁵. Как видно, они учли опыт многочисленных попыток свержения В. Шуйского и предложили решение, которое устраивало всех: и приверженцев царика, и королевича, и князей Голицыных. В Москве собрался импровизированный земский собор, в котором, в отличие от февральских событий 1609 г., приняли участие бояре во главе с кн. И.М. Воротынским. Царь Василий Шуйский, несмотря на протесты патриарха Гермогена, был низложен. Новый летописец целиком возложил ответственность за созыв собора и низложение царя на приверженцев Голицыных рязанских дворян Ляпуновых⁸⁶. Секретари Я. Сапеги указали, что в событиях самое активное участие приняли «думные бояре Масальский и Салтыков», которые 17 (27) июля 1610 г. сообщили приверженцам самозванца, что царь Василий свергнут, и предложили принять участие в обсуждении москвичами будущего Государства Московского⁸⁷. Этими «думными боярами», по всей видимости, были бывшие тушинцы, а ныне слуги короля кн. В.М. Рубец-Мосальский и М.Г. Салтыков, которые прибыли в столицу, чтобы посадить на трон своего кандидата.

Лжедмитрий II и его бояре поняли, что пробил их час, и, во избежание эксцессов, сделали шаг, который, по их мнению, должен был разрешить их проблемы с «рыцарством» и урегулировать отношения с королем. Самозванец написал письмо Я. Сапеге, в котором соглашался признать себя вассалом короля в обмен за помощь в занятии Московского престола.

Царик поклялся платить за это в течение десяти лет ежегодно 300 тыс. злотых королю, 300 тыс. злотых в казну Речи Посполитой, 100 тыс злотых королевичу, обязался «за свой кошт» завоевать для Речи Посполитой Ливонию, дать 15 тыс. воинов королю для завоевания Швеции и «стоять против любого врага» Польши и Литвы. Только о будущем Северной земли самозванец просил вести в дальнейшем переговоры⁸⁸. Самозванец и его окружение были готовы на все, лишь бы достичь заветной цели. Примечательна оговорка насчет Северной земли, которая свидетельствует, что ветераны повстанческого движения в войске царика являлись реальной силой, с которой приходилось считаться.

Наемное войско с энтузиазмом приняло предложение самозванца и устроило собрание, на котором постановило направить посольство к королю. Лжедмитрий II и Я. Сапега составили для него «Кондиции», из которых видно, что «рыцарство» поддержало предложенный самозванцем проект. Два дня спустя войско составило конфедерацию, которая постановила не отступать от принятых решений ни при каких условиях⁸⁹.

Весть о том, что воровские люди, вместо того чтобы низложить Лжедмитрия II, требуют, чтобы москвичи принесли ему присягу, вызвала 18 (28) июля 1610 г. замешательство в Москве⁹⁰. Патриарх Гермоген призвал москвичей вернуть престол царю Василию, но такое развитие событий не устраивало слишком многих. 19 (29) июля 1610 г. Василий Шуйский был насильно пострижен⁹¹. 20 (30) июля 1610 г. жители Коломны, ранее твердо стоявшие за В. Шуйского, несмотря на протесты епископа Иосифа, целовали крест самозванцу. Местные воеводы, в прошлом приверженцы Василия Шуйского, бояре кн. М.С. Туренин и кн. Ф.Т. Долгорукий вошли в Воровскую думу. Новым коломенским воеводой самозванец назначил «боярина» М.И. Колодкина-Плещеева⁹². Однако неоднократные попытки убедить жителей столицы принять царика ни к чему не привели⁹³.

22 июля (1 августа) 1610 г. к стенам Москвы по Смоленской дороге подошло войско С. Жолкевского. Между гетманом и московскими боярами начались переговоры, завершившиеся подписанием 17 (27) августа 1610 г. договора об избрании королевича Владислава⁹⁴ В день прихода коронного гетмана к сто-

лице в стан «рыцарства» вернулись послы, отправленные наемниками к С. Жолкевскому еще из окрестностей Боровска. Они сообщили, что гетман и его солдаты не собираются нападать и занимать замки, отвоеванные солдатами у приверженцев В. Шуйского, и что он уважает заслуги войска⁹⁵. Ответ гетмана успокоил солдат. На войсковом собрании 23 июля (2 августа) 1610 г. они выбрали новых послов: Яниковского, Казимирского и Билинского, которые должны были передать «Кондиции» Лжедмитрия II относительно будущего России⁹⁶. Я. Сапега написал письмо С. Жолкевскому, в котором просил гетмана пропустить послов к королю без задержки и извещал, что убедили царя пойти на большие уступки Речи Посполитой⁹⁷. Гетман заявил в ответном послании, что рад желанию «рыцарства» быть с ним и с королем в совете и согласии, что немедленно отправит послов к Сигизмунду III и надеется, что они будут приняты хорошо⁹⁸. Я. Сапега тотчас написал еще одно письмо, в котором просил С. Жолкевского высказать свое мнение относительно предложений рыцарства и их нынешних действий⁹⁹. Дипломатичный С. Жолкевский в день начала переговоров с московскими боярами в ответном письме Я. Сапеге заявил, что в принципе не возражает против предложенных сапежинцами проектов принятия Лжедмитрием II вассальной зависимости от короля. Решать королю и москвичам. Лично его не устраивает неопределенность статуса Северной земли. Нужно, чтобы самозванец передал ее Речи Посполитой¹⁰⁰. 28 июля (7 августа) 1610 г. Я. Сапега предложил С. Жолкевскому разграничить места сбора продовольствия для обоих войска. Его «рыцарство» должно было собирать «корм» к югу от столицы, а солдаты коронного гетмана — к северу¹⁰¹.

Иначе складывались отношения между приверженцами самозванца и московскими властями. После обмана 17—18 (27—28) июля 1610 г. москвичи несколько дней отказывались принять гонца Я. Сапегу Лозовского с письмом, в котором гетман призывал горожан целовать крест Лжедмитрию II. Стоило у стен столицы появиться войску С. Жолкевского, как бояре 23 июля (2 августа) 1610 г. дали Лозовскому письмо, в котором написали, чтобы наемные солдаты «перестали воровать в их земле и чтобы пошли в Литву»¹⁰². С этого момента отношения Лжедмитрия II и воровских бояр с москвичами окончательно

испортились. Начались стычки между москвичами и приверженцами самозванца, 31 июля (10) августа 1610 г. гарнизон Симонова монастыря неожиданно атаковал лагерь сапежинцев ¹⁰³.

Отношения между цариком и рыцарством резко изменились, когда из таборов С. Жолкевского бежал атаман И. Заруцкий, раздосадованный тем, что коронный гетман назначил командиром находившегося под его знаменами русского войска не его, а И.М. Салтыкова ¹⁰⁴. Видимо, атаман рассказал Лжедмитрию II и его боярам о том, что переговоры С. Жолкевского с московскими боярами идут весьма успешно и к чему могут привести теплые отношения между солдатами коронного гетмана и сапежинцами. Тотчас между Лжедмитрием II и рыцарством начались размолвки. На войсковом собрании 29 июля (8 августа) 1610 г. присланный цариком Г. Сумбулов обвинил некоторых солдат в том, что они замышляют выдать его С. Жолкевскому, что сапежинцы свободно ездят в обоз его врагов и даже поставляют туда продовольствие и фураж. «Рыцарство» было вынуждено послать своих представителей к царiku с объяснениями. Собрание запретило солдатам ездить в таборы С. Жолкевского и доставлять туда продукты и фураж ¹⁰⁵.

Уладив конфликт, Лжедмитрий II и Я. Сапега предприняли попытку захватить Москву. Они прекрасно знали, что мнения москвичей разделились. Бояре, дворяне и верхи посада, по свидетельству находившегося в коронном войске С. Маскевича, стремились заключить договор с С. Жолкевским об избрании королевича Владислава. Чернь же хотела присягнуть самозванцу ¹⁰⁶. Царик и его окружение надеялись, что, ворвавшись в город, можно будет решить исход борьбы в Москве в свою пользу. Предполагалось, что часть наемных полков под командованием Й. Будилы на рассвете 2 (12) августа 1610 г. атакует Серпуховские ворота столицы и отвлечет внимание москвичей. Тем временем Лжедмитрий II, совершив ночной переход к Троицкой дороге, должен был ворваться в Москву через Красное Село. Приверженцы самозванца вновь пытались использовать тот же маневр, что казаки атамана Корелы в 1605 г., И.И. Болотников в 1606 г. и сам царик в 1608 г. Вероятно, автором этого плана являлся И.М. Заруцкий.

Замысел Лжедмитрия II и его советников не удался. Царик и русские отряды его войска не успели к назначенному

сроку выйти на исходные позиции. С рассветом фактор внезапности был утрачен. Находившиеся в Москве правительственные отряды отбили нападение воровских отрядов. Воеводы И.М. Салтыков и Г. Валуев, командовавшие русскими полками в войске С. Жолкевского, несмотря на запрет коронного гетмана, пришли на помощь москвичам и помогли отбросить сапежинцев от стен столицы¹⁰⁷.

Нападение И.М. Салтыкова и Г. Валуева всерьез раздосадовало Я. Сапегу и его солдат. Они направили к С. Жолкевскому послов с инструкцией, в которой с возмущением писали, что коронный гетман вопреки прежним договоренностям позволил русским отрядам напасть на «рыцарство» и тем самым нарушил добрые отношения между земляками в обоих войсках. Наемники потребовали, чтобы С. Жолкевский, если хочет в дальнейшем сохранить с ними добрые отношения, письменно подтвердил «заслуги рыцарства»¹⁰⁸. Коронный гетман ответил, что у него и в мыслях не было покушаться на свою «братию». Всему виной И.М. Салтыков и Г. Валуев, которые действовали вопреки его запрету, и он готов был за это их покарать, но его упростили не делать этого. С. Жолкевский вновь подтвердил, что если москвичи признают Владислава, то король даст удел Лжедмитрию II, а если столица сдастся царю, то король примет предложенные наемниками условия. В своем ответе коронный гетман назвал Лжедмитрия II царем и заявил, что готов дать письменные гарантии «рыцарству» в «заслуженном»¹⁰⁹. Ему удалось усыпить бдительность сапежинцев и форсировать переговоры с боярами.

Неудачная попытка Лжедмитрия II и его солдат ворваться в Москву, по данным, собранным секретарями Я. Сапеги, вызвала волнения народа в столице. Однако боярам удалось довольно быстро овладеть ситуацией. 6 (16) августа 1610 г. в лагерь сапежинцев явились из Москвы до 3 тыс. холопов, которых гетман самозванца приказал загнать в столицу обратно¹¹⁰. Прошло три дня, и холопы явились вновь. На этот раз солдаты их разобрали¹¹¹. Из Москвы в стан сапежинцев приходили противоречивые сведения. Перебежчики то сообщали, что москвичи не хотят Лжедмитрия II и вот-вот станут целовать крест Владиславу, то давали совершенно противоположные сведения¹¹². 10 (20) и 14 (24) августа 1610 г. Лжедмитрий II и его солдаты

вновь пытались прорваться в Москву, но правительственные отряды неизменно давали им отпор. В одной из стычек был ранен И.М. Заруцкий¹¹³. В конце концов Лжедмитрий II и сапежинцы проиграли борьбу за Москву. С. Жолкевский и бояре заключили 17 (27) августа 1610 г. договор об избрании королевича Владислава на русский престол. Москва присягнула королевичу¹¹⁴. Парадокс заключался в том, что к тому времени Лжедмитрию II присягнуло население многих городов и сел, в том числе ранее упорно боровшихся с ним Серпухова, Коломны, Каширы, Суздаля, Владимира, Юрьева-Польского, Галича, Ростова. Подтвердили готовность стоять за него до конца жители Пскова, Великих Лук, Ивангорода¹¹⁵. К началу сентября 1610 г. северяне отбили у поляков Козельск, Мещевск, Почеп и первую столицу самозванца Стародуб¹¹⁶. Русская провинция видела в царике и его солдатах единственную силу, способную спасти страну от вторжения иноземцев.

В соответствии с договором С. Жолкевский должен был добиться ухода от Лжедмитрия II Я. Сапеги и его солдат и отогнать царика от Москвы. Но выполнить эту статью договора коронному гетману оказалось не просто. 18 (28) августа 1610 г. он прислал к сапежинцам послов — ротмистров Олизара и Малицкого. Я. Сапега, опасаясь, что Шкловский бродяга, узнав о прибытии послов С. Жолкевского, даст деру, тотчас отправил к нему войскового маршалка Чарнецкого, который должен был убедить его остаться. Царик согласился, но на всякий случай укрылся в Николо-Угрешском монастыре. Его внезапный отъезд вызвал панику в русских таборах. Воровские бояре и дворяне начали отъезжать в Москву. Я. Сапега был вынужден срочно послать в Николо-Угрешский монастырь пана Побединского, чтобы упротить царика вернуться, но тот уже сам поспешил в свои таборы и успокоил своих воинов¹¹⁷. В тот день произошел еще один инцидент, который обострил и без того непростые отношения между наемниками и русскими тушинцами. Самозванец, заметив, что наемники вступили в переговоры с вышедшими из Москвы дворянами, приказал своим служилым людям и казакам дать по ним залп и атаковать. Произошла стычка, которая сорвала намеченное на тот день войсковое собрание¹¹⁸.

Я. Сапеге удалось созвать войсковое собрание только 20 (30) августа 1610 г. Послы С. Жолкевского объявили солда-

там об избрании королевича Владислава и уведомили солдат, что в соответствии с прежними договоренностями коронный гетман не будет претендовать на их «заслуги». Они просили сапежинцев отступить от Москвы. Но солдаты не хотели об этом и слышать до решения вопроса о расчете. После долгих споров, в которых приняли участие думные дьяки Лжедмитрия II П.А. Третьяков и Н.В. Лопухин¹¹⁹, сапежинцы решили не уходить от Москвы, пока не будут урегулированы отношения с королем, и потребовали, чтобы царик сделал это как можно быстрее¹²⁰.

Строптивость сапежинцев поставила С. Жолкевского в чрезвычайно затруднительное положение. Московские бояре настоятельно требовали, чтобы гетман отогнал царика и его солдат от столицы, в противном случае только что подписанное соглашение могло превратиться просто в бумагу. Коронный гетман, по-видимому, решил подтолкнуть сапежинцев выполнить его требования, устроив демонстрацию силы, а заодно показать боярам свою готовность соблюдать достигнутое соглашение. Он вывел свое войско в поле перед таборами Лжедмитрия II. Из Москвы к нему на помощь вышел кн. Ф.И. Мстиславский с 15 тыс. русских воинов. Я. Сапега в ответ приказал своим отрядам построиться в боевой порядок, демонстрируя коронному гетману и боярам желание стоять на своем вплоть до вооруженной схватки. Демонстрации едва не переросли в сражение, так как между русскими отрядами с той и с другой стороны начались стычки. Чтобы избежать боя, С. Жолкевский предложил Я. Сапеге встретиться перед войсками и решить вопрос миром. Между обоими гетманами произошли бурные объяснения. В конце концов С. Жолкевский и Я. Сапега договорились и отдали приказ своим войскам вернуться в свои лагеря, а сами продолжили переговоры с участием А. Гонсевского, маршалка Чарнецкого и полковников. Убеждая сапежинцев отойти от столицы, С. Жолкевский написал Я. Сапеге и его солдатам рескрипт: если Лжедмитрий II присягнет королю, то тот его может пожаловать уделом в Самборе или Гродно. В случае отказа коронный гетман предлагал Я. Сапеге захватить царика и передать ему, чтобы он мог отвезти «обманщика» к королю, как братьев Шуйских¹²¹. С. Жолкевский явно блефовал, пытаясь любой ценой выпроводить сапе-

жинцев из-под столицы. Он прекрасно знал, что король и сенаторы на переговорах под Смоленском потребовали возвращения солдат на службу на прежних условиях¹²². Сапежинцы приняли предложение С. Жолкевского и отправили к Лжедмитрию II послов Быховца и Побединского, которые должны были его убедить смириться с избранием на русский престол королевича Владислава и принять условия, предложенные ему коронным гетманом. Царик, по словам секретарей Я. Сапеги, гордо ответил послам, что «лучше ему служить холопом, добывая трудом кусок хлеба, нежели получать его из рук короля»¹²³. М. Мнишек, как свидетельствует С. Жолкевский, с издевкой заявила: «Пусть король уступит царю Краков, а царь отдаст королю Варшаву»¹²⁴.

Усыпив бдительность сапежинцев переговорами, С. Жолкевский 27 августа (6 сентября) 1609 г. с наступлением сумерек провел своих солдат по улицам Москвы и вплотную подступил к монастырю¹²⁵. Я. Сапега, как видно из записей его секретарей, ничего не подозревал. Ему в самый последний момент донесли, что из Москвы вышло русское войско, которое намеревается напасть на Николо-Угрешский монастырь. Гетман самозванца тотчас отправил к нему на помощь два полка, но в дороге солдаты встретили В. Велевского, который сообщил, что самозванец с М. Мнишек и своим двором бежал¹²⁶. С. Жолкевский вспоминал в своих записках, что его замысел сорвал некий москвич, вовремя предупредивший самозванца¹²⁷. Почувствовав себя хозяином положения, С. Жолкевский вызвал к себе Я. Сапегу для объяснений. Гетман самозванца имел возможность лично убедиться, что на царика нападали не москвичи, а полки коронного войска¹²⁸. В сложившейся ситуации сапежинцам ничего не оставалось, как договариваться с королем и коронным гетманом.

К. Буссов сообщил, что в Калугу Лжедмитрий II явился с несколькими сотнями донских казаков и романовских татар¹²⁹. Большая часть русского воровского войска осталась брошенной в Коломенском лагере и должна была решать, как быть дальше. Сюда тотчас явился М.Г. Салтыков, который стал убеждать воинов самозванца присягнуть королевичу Владиславу¹³⁰. Мнения воровских людей, как отметил Й. Будила, разделились: знать склонялась к тому, чтобы присягнуть Владиславу, а

небогатые дети боярские и казаки хотели вернуться к Лжедмитрию II¹³¹. С. Жолкевский вспоминал, что на следующий день после бегства царика к нему пришли воровские бояре, которые изъявили готовность целовать крест Владиславу и умоляли гетмана оставить их «в сенаторском» звании, так как были уверены, что столичные бояре лишат их думных чинов¹³². Источники позволяют установить имена воровских думцев, вернувшихся на московскую службу: бояре кн. М.С. Туренин, кн. Ф.Т. Долгорукий, кн. А.Ю. Сицкий, А.А. Нагой, окольные кн. Ф.П. Засекин, Ф.К. Плещеев-Смердов, Г. Сумбулов и думный дьяк П.А. Третьяков¹³³. Опасения думцев самозванца вскоре подтвердились. Все они были включены в Боярский список 1610/11 гг. в званиях, которые они имели в государевом дворе до бегства в Тушино или Калугу¹³⁴. Московские бояре обратились с письмом к гетману Я. Сапеге с просьбой не препятствовать проведению присяги находившихся в его таборах русских людей¹³⁵. Секретари Я. Сапеге отметили в дневнике, что донские казаки, присягнув королевичу Владиславу 6 (16) сентября 1610 г., уже 11 (21) сентября 1610 г., улучив момент, ушли в Калугу¹³⁶. Прочих служилых людей боярин М.А. Нагой и постельничий С. Шапкин привели к кресту 10 (20) сентября 1610 г.¹³⁷

После бегства самозванца города и уезды, жители которых присягнули Лжедмитрию II, вслед за Москвой целовали крест Владиславу. Характеризуя ситуацию в России на момент своего отъезда из Москвы, С. Жолкевский указал, что царика поддерживали только некоторые Северские города. Позиция Астрахани, по его данным, не была ясна, а Псков колебался¹³⁸. Нарисованная гетманом картина не совсем точна. Царика поддерживала Калуга и другие Заокские города¹³⁹, Польские города¹⁴⁰, Арзамас и некоторые Низовые города¹⁴¹, Астрахань¹⁴². Вплоть до конца 1610 г. приверженцами царика были жители Пскова, Великих Лук, Ивангорода с близлежащими крепостями¹⁴³.

По возвращении в Калугу Лжедмитрия II тут же была воссоздана Воровская дума. Ее члены в Боярский список 1610/11 гг. не попали, что дает возможность определить, кто из воровских думцев сохранил верность самозванцу. Это «бояре» кн. Ф.П. Барятинский, М.М. Бутурлин, И.М. Заруцкий,

кн. И.П. и С.П. Засекины, кн. С.Г. Звенигородский, И.Ф. Наумов, И.В. Глазун-Плещеев, Ф.М. Плещеев (воевода Великих Лук и Пскова), М.И. Колодкин-Плещеев, кн. Д.Т. Трубецкой, кн. И.Д. Хворостинин (воевода в Астрахани), кн. Д.М. Черкасский, кн. Г.П. Шаховский; окольные кн. Д.И. Долгорукий, Б.И. Сутупов; думные дворяне И.В. Бегичев-Дубина, И.И. Загряжский, думные дьяки Н.В. Лопухин, И.Л. Луговской (дьяк в Пскове), Д.Т. Рындин¹⁴⁴. В результате происшедших изменений из Калужской думы окончательно ушли люди, связанные с Филаретом Романовым, М.Г. Салтыковым и кн. В.М. Рубец-Мосальским, а также бывшие приверженцы В. Шуйского, пытавшиеся найти свое место при воровском дворе. В думе самозванца явно возобладали представители родов, хранивших традиции опричной среды. Вождями Воровской думы остались кн. Г.П. Шаховский, Д.Т. Трубецкой, С.Г. Звенигородский, М.М. Бутурлин. Видное место при дворе царика заняли И.В. Глазун-Плещеев и П. Урусов¹⁴⁵.

Первое, что сделали Лжедмитрий II и его бояре, оказавшись в Калуге, — вновь взялись за воссоздание своего войска. Его первоначальный костяк, по-видимому, составили служилые люди и казаки, ушедшие из Коломенского лагеря в Калугу¹⁴⁶. 19 (29) сентября 1610 г. к Лжедмитрию II отъехал Касимовский царь¹⁴⁷. Стали скапливаться в Калуге наемники. В источниках упоминается полковник Я. Кернозицкий¹⁴⁸. Новым гетманом самозванца стал В. Валевский, которого С. Жолкевский отправил в Калугу, чтобы убедить царика пойти на соглашение с королем¹⁴⁹. К исходу осени самозванец, по сведениям секретарей Я. Сапеги, располагал 3 тыс. русских ратников, 500 татарами и 1 тыс. наемников¹⁵⁰.

Какое-то время царик и его жена надеялись, что им удастся вернуть на службу сапежинцев. Согласившись поступить на службу королю, сапежинцы, по данным дневника Я. Сапеги и запискам С. Жолкевского, на своих совещаниях выдвигали все новые и новые требования. Они настаивали на том, чтобы гетман полностью уравнивал их в правах со своими воинами и разрешил войти в столицу¹⁵¹. Фуражиры наемников беззастенчиво грабили жителей окрестных сел и деревень. В ответ в Подмосковье начало разворачиваться партизанское движение шишей. В записи 30 августа (9 сентября) 1610 г. секретари Я. Сапе-

ги сообщили о настоящем бое между наемниками и шишами, в котором «легло» до двухсот человек¹⁵². Ситуация могла вообще выйти из-под контроля 31 августа (10 сентября) 1610 г., когда послы войска Яниковский с товарищами вернулись от короля из-под Смоленска. Они привезли неутешительный для солдат ответ. Сигизмунд III и сенаторы решительно отвергли предложенные «рыцарством» проекты. Они по-прежнему отказывались иметь дело со Шкловским бродягой и требовали, чтобы солдаты вернулись на королевскую службу без всяких условий¹⁵³. Жесткие требования Сигизмунда III и его советников фактически дезавуировали все обещания солдатам С. Жолкевского, что грозило новым бунтом и уходом «рыцарства» в Калугу. В сложившейся ситуации коронный гетман не упустил инициативу из своих рук. Он убедил наемников, что ответ короля — результат его неинформированности и недоразумений. Гетман предложил наемникам направить новых войсковых послов к Сигизмунду III уже с теми предложениями, которые были согласованы после бегства царика, и обещал личное содействие в решении всех вопросов после своего отъезда из Москвы под Смоленск¹⁵⁴. Ссылаясь на то, что под Москвой уже осталось мало продовольствия, С. Жолкевский предложил сапежинцам уйти в одну из менее разоренных областей России, чтобы там получать все необходимое до урегулирования отношений с королем. Когда сапежинцы собрались идти в Рязанскую землю, гетман угрозами и шантажом убедил бояр дать солдатам отступного — 10 тыс. злотых из Московской казны и направил сапежинцев в окрестности Мещевска и Мосальска. Этим маневром С. Жолкевский разъединил отряды самозванца и королевские войска¹⁵⁵. Я. Сапега, в свою очередь, получил возможность торговаться как с Сигизмундом III, так и с Лжедмитрием II.

Узнав о походе сапежинцев из-под Москвы на Северщину, Лжедмитрий II тотчас обратился к своему бывшему гетману с письмом, предлагая вернуться к нему на службу¹⁵⁶. М. Мнишек прислала Я. Сапеге обширное послание, в котором уверяла, что настойчиво убеждает Лжедмитрия II не верить клеветникам, обвиняющим сапежинцев в измене¹⁵⁷. Войско, судя по записям секретарей Я. Сапеги, дало отповедь царикю, который дважды его бросал. Я. Сапега оставил письма Лжедмитрия II и М. Мнишек без ответа, предпочитая вступить в переписку с

гетманом самозванца В. Велевским¹⁵⁸. Тогда Лжедмитрий II разразился гневным посланием, в котором в оскорбительной форме обвинил Я. Сапегу в измене¹⁵⁹. Царик потребовал от местных воевод принять меры предосторожности против сапежинцев и категорически запретил давать им продовольствие и фураж¹⁶⁰. Вскоре, однако, выяснилось, что сапежинцы не думали нападать на Калугу, так как самозванец нужен был им как пугало на переговорах с Сигизмундом III о найме войска на королевскую службу. Уже 6 (16) октября 1610 г. Лжедмитрий II и маршалок его наемного войска отправили Я. Сапеге новые послания, в которых заявляли, что самозванец «не держит зла на сапежинцев», но было уже поздно¹⁶¹.

Прибыв в окрестности Мосальска и Мещевска, сапежинцы, так же как два года назад в Замосковье и Поморье, поделили города и села между полками и ротами, учредив там приставства. Немногочисленные документы той поры, отложившиеся в архиве Я. Сапеге, как две капли воды, напоминают челобитные посадских и крестьян северо-восточных уездов страны. К примеру, жители села Волосова Козельского уезда староста С. Окулев с товарищами жаловались бывшему гетману самозванца: «Правит, государь, на нас, сиротах твоих, на тебе, государь, твой государев кухмистр пан Христоп Свуч по три рубли денег, да по две куницы, да по лисице, и сыр, и масла, яиц. И нам, государь, взяти негде, того у нас нет. А доправил, государь, на нас Савыч по рублю. И мы, государь, теда маючи в добрых людех в кобылы заплатили». Крестьяне молили Я. Сапегу, чтобы он разрешил им платить поборы хлебом, а не деньгами¹⁶². Так же как в Замосковье, наемники не брали в расчет пожалования Московского правительства. К примеру, Я. Сапега оставил без внимания письмо князя В.М. Рубец-Мосальского с просьбой ввести его во владение пожалованными Сигизмундом III 4 (14) ноября 1610 г. «старой их вотчиною» — городком Мосальском «с посадом и уездом», а также поместьями в Козельском уезде¹⁶³. Не помогало даже заступничество гетмана С. Жолкевского, просившего Я. Сапегу потребовать от ротмистра Э. Стравинского вывести его солдат и их слуг из имений протопопа московского Архангельского собора в Боровском уезде¹⁶⁴. К. Буссов, черпавший свою информацию у немцев, живших в Калуге и ее окрестностях, свидетельствует,

что призывы самозванца расправляться с иноземцами попали на подготовленную почву. Против сапежинцев и их слуг вспыхнула самая настоящая народная война, в которой царик вновь начал превращаться в героя и заступника. В Калугу, по словам ландскнехта, то и дело доставляли от 6 до 10 поляков, над которыми устраивались жестокие расправы. Особенно в нападениях на поляков усердствовали татары¹⁶⁵. В середине октября 1610 г. сапежинцы, обеспокоенные таким оборотом событий, направили к Лжедмитрию II войсковое посольство, а Я. Сапега написал ему письмо, в котором потребовал отпустить захваченных фуражиров и не брать их в дальнейшем в плен¹⁶⁶. На этот раз царик стал в позу. Письма к Я. Сапеге отныне писали М. Мнишек и В. Валевский¹⁶⁷.

В начале декабря 1610 г. вернулись войсковые послы, которые наконец привезли ответ короля. Сигизмунд III и его советники, понимая, что в России назревает антипольское народное восстание, пошли на уступки сапежинцам, чтобы привлечь их под свои знамена. Они согласились выплатить наемникам «заслуженное» в течение полугода жалованье после занятия им Московского престола, а в случае задержки — предоставить в распоряжение «рыцарства» Северскую и Рязанскую земли. Однако в расчетах «заслуженного» король обязался исходить из ставок, принятых в Речи Посполитой, а не обещанных самозванцем, и требовал строгого учета личного состава сапежинских полков и рот. После этих уступок короля наемники уверились, что находятся на правильном пути и могут добиться всего, чего хотят¹⁶⁸.

Политика Сигизмунда III, А. Гонсевского и их единомышленников фактически дезавуировала договор между московскими боярами и С. Жолкевским. Правящие круги Речи Посполитой встали на путь окончательного завоевания России. Их действия вызвали острое недовольство в широких слоях населения страны. С. Жолкевский весьма чутко уловил, что пропаганда царика начала находить отклик у москвичей. В связях с самозванцем были заподозрены кн. И.М. Воротынский, кн. А.В. Голицын, которых взяли под стражу¹⁶⁹. Выступления народа против иноземцев в провинции, особенно против сапежинцев в Мещевском, Козельском, Боровском уездах, казалось, давали Лжедмитрию II шанс на гребне зреющего народного дви-

жения против поляков и литовцев достичь своих целей. Провинция явно начала склоняться на его сторону. Весьма показательны в этом отношении события в Казани и Вятке, которые прежде никогда не держали сторону Вора. В начале 1611 г. казанцы и вятичи, еще не зная о смерти царика, принесли ему присягу¹⁷⁰. В день смерти самозванца псковитяне прислали в Калугу весть, что они продолжают верно служить «царю Дмитрию»¹⁷¹.

К. Буссов, получавший информацию от пастора М. Бера и других немцев, находившихся в Калуге и ее окрестностях, отметил, что самозванец и его бояре после стольких «измен» никому не доверяли. Царик уверился, что сможет добиться своего с помощью татар и турок, и даже сделал некоторые практические шаги в этом направлении. Он приказал воеводе кн. И.М. Барятинскому собрать в Воронеже отряды своих приверженцев из Рязани, Арзамаса, Шацка и подготовить в этой крепости свою новую столицу¹⁷². Одновременно в Астрахань отбыл Я. Кернозицкий с приказом боярину кн. И.Д. Хворостинину подготовить город на случай отступления сюда самозванца¹⁷³. Недоверие и подозрительность пронизали все стороны жизни Калужского двора. Заподозренных в неблагонадежности подвергали нечеловеческим мучениям и казнили без всякой жалости. Волна репрессий захлестнула уезды, контролируемые приверженцами самозванца. В кровавом угаре гибели и правые и виноватые¹⁷⁴. В качестве примера все современники приводят случай с Касимовским царем, которого, судя по намекам С. Жолкевского и прямому указанию его ротмистров С. Маскевича и М. Мархоцкого, коронный гетман отпустил из-за находившегося в калужском плену сына¹⁷⁵. Ураз-Магмет, вероятно, предложил сыну бежать, но тот предал отца, рассказав обо всем царю. Разгневанный Шкловский бродяга приказал утопить Касимовского царя, а пытавшегося за него заступиться кн. П. Урусова бросил в тюрьму¹⁷⁶. К. Буссов чутко уловил поразительное сходство между калужскими порядками и опричными временами царя Ивана Грозного, назвав их по аналогии «Тиранией Дмитрия»¹⁷⁷. В строгом соответствии с законами террора кровавые расправы в конце концов сгубили самого Лжедмитрия II. Именно террор, развязанный в Калуге, а не случайная месть, как думали историки, явился главной причиной гибели царика и краха его режима.

Обстоятельства гибели Лжедмитрия II хорошо известны как по русским, так и иностранным источникам¹⁷⁸. Среди бумаг Ску-Клостерского собрания нам удалось отыскать воспоминания неизвестного поляка, возможно гетмана В. Валевского, об обстоятельствах смерти Лжедмитрия II. Рассказ в основном подтверждает известную в литературе версию гибели Вора, но содержит существенные детали¹⁷⁹.

Все известные нам источники сходятся на том, что Лжедмитрий II пал жертвой заговора, подготовленного кн. П. Урусовым. Крещенный ногайский князь был глубоко возмущен предательством сына Ураз-Магмета и хотел ему отомстить, но вместо него убил другого человека. Разгневанный царик приказал бросить его в тюрьму¹⁸⁰. Автор записки о смерти самозванца вспомнил, что потомка ногайских князей, бывшего зятя Шуйских, Шкловский бродяга приказал публично высечь кнутом¹⁸¹. С этого момента кн. П. Урусов затаил злобу и сделал все, чтобы через несколько дней выйти на волю и усыпить бдительность царика преданной службой¹⁸². Автор записки свидетельствует, что это ему вполне удалось после разгрома роты пана Чаплинского и захвата в плен многих его солдат¹⁸³.

Источники называют разную дату смерти Лжедмитрия II. С. Жолкевский указал в своих мемуарах, что царик был убит 10 (20) декабря 1610 г.¹⁸⁴ К. Буссов и автор рассказа о смерти самозванца отметили, что это событие произошло 11 (21) декабря 1610 г.¹⁸⁵ Секретари Я. Сапеги и Й. Будила записали в своих сочинениях, что царик погиб 12 (22) декабря 1610 г.¹⁸⁶ Большого доверия, на наш взгляд, заслуживают свидетельства К. Буссова и автора рассказа о смерти самозванца, которые черпали информацию из первых рук, в то время как Я. Сапега, Й. Будила и С. Жолкевский узнали о гибели Вора только несколько дней спустя и потратили немало усилий, чтобы выяснить ее обстоятельства¹⁸⁷.

В день смерти Лжедмитрий II, по данным автора обнаруженного нами рассказа о его гибели, получил хорошие известия из Пскова, чему был весьма рад. По этому поводу был устроен праздничный обед, после которого царик отправился на прогулку вместе с шутом П. Кошелевым, «боярином» И.В. Глазун-Плещеевым и несколькими детьми боярскими и их слугами. Следом за цариком и боярами везли двое саней,

груженных «разного рода питьем, медом, водкой». Кorteж охранял кн. П. Урусов и его отряд татар. Изрядно подогретая вином компания травила специально пущенных зайцев, горланила и выпивала. Больше всех захмелевший царик привечал кн. П. Урусова. Часть татарских воинов по знаку своего командира незаметно окружила русских и оттеснила от саней самозванца. Тотчас кн. П. Урусов напал на Лжедмитрия II и зарубил его саблей. Бросив тело самозванца, татары ушли в степи¹⁸⁸. Свита, по свидетельству автора рассказа, была частью перебита, частью бежала в Москву. Среди погибших он упоминает И.В. Глазун-Плещеева, шута Н. Кошелева и его брата¹⁸⁹, но эти данные не подтверждаются показаниями других источников. И.В. Глазун-Плещеев впоследствии принял активное участие в аванюре с Псковским вором¹⁹⁰, а шут П. Кошелев, по свидетельству К. Буссова, принес в Калугу весть о гибели царика¹⁹¹. Вероятно, более достоверными являются показания Й. Будилы, что татары не тронули моливших о пощаде русских спутников самозванца¹⁹².

Гибель Лжедмитрия II вызвала волнения в Калуге и привела к распаду движения самозванца. Казаки, по свидетельствам К. Буссова и автора рассказа о смерти самозванца, устроили бойню татарам, не успевшим бежать из Калуги¹⁹³. Тело самозванца положили в церкви, где оно долго лежало без погребения, так как между воровскими боярами и казаками возникли раздоры по поводу, как быть дальше. Кн. Д.Т. Трубецкой и другие бояре настаивали на присяге королевичу Владиславу¹⁹⁴. И.М. Заруцкий и донские казаки, по данным М. Мархоцкого, настаивали на присяге М. Мнишек, которая вот-вот должна была родить¹⁹⁵. «Царица», став заложницей в чужой игре, прислала Я. Сапеге спрятанную в свече записку, в которой умоляла выручить ее из беды¹⁹⁶. Бывший гетман самозванца и его воины, узнав о происшедшем в Калуге только 15 (25) декабря 1610 г., попытались вмешаться, но бояре самозванца и калужане видели в них заклятых врагов и отказались вступить с ними в переговоры¹⁹⁷. Рождение «царевича» Ивана Дмитриевича, вошедшего в русскую историю с прозвищем Воренок, на какой-то момент повысило шансы И.М. Заруцкого и его друзей¹⁹⁸. В Калуге были устроены пышные похороны самозванца, во время которых М. Мнишек рыдала над

телом «мужа»¹⁹⁹. В конце концов верх одержали сторонники присяги королевичу Владиславу. В Москву с вестью о гибели царики отправились М.М. Бутурлин и Б.И. Сутупов²⁰⁰. Московские бояре тотчас прислали приводить калужан к присяге на верность королевичу Владиславу стольника кн. Ю.Н. Трубецкого²⁰¹. Тем временем сапежинцы захватывали и грабили города, ранее сохранявшие верность царю: Перемышль, Алексин, Белев, Одоев, Воротыньск и др.²⁰² Дележ новой добычи вызвал соперничество между полками и ротами бывшего наемного войска самозванца, которое в конце февраля — начале марта 1611 г. переросло в открытые столкновения между полками. «Рыцарство» на глазах превращалось в неуправляемую толпу мародеров²⁰³. Бесчинства и насилия, чинимые наемниками, довольно быстро склонили чашу весов в другую сторону. Движение против сапежинцев в Украинных городах вспыхнуло с новой силой²⁰⁴. Уже в начале февраля 1611 г. из Калуги к Я. Сапеге бежали бывший «боярин» самозванца кн. Д.М. Черкасский, «спальник» Иг.И. Михнев и Д. Микулин, которые сообщили о намерениях И.М. Заруцкого и калужан присоединиться к движению первого земского ополчения. Но они не решились требовать от своих соратников присяги Воренку и М. Мнишек и были вынуждены согласиться на то, чтобы выбирать государя «всею Землею» после освобождения Москвы²⁰⁵. Впервые с начала гражданской войны открылась реальная возможность объединения всех земских сил для борьбы за освобождение страны от иноземцев и их приспешников.

После распада Тушинского лагеря движение Лжедмитрия II, как показывает его изучение, пережило короткий период подъема и только после этого распалось. Вопреки сложившимся представлениям, по которым основной движущей силой его считались казаки, в действительности ею по-прежнему были служилые люди южных, юго-восточных и северо-западных уездов страны и казаки. Ведущую роль в руководстве движением играли воровские бояре, происходившие из знатных московских родов, хранивших традиции опричной среды. Благодаря бегству в Калугу они смогли освободиться от вмешательства иноземцев и придать новый импульс движению самозванца. В Калуге был создан альтернативный московскому государственный режим в традиционных для России формах:

царь, Боярская дума, государев двор, воеводское управление на местах и пр., но и он в конечном счете оказался нежизнеспособным. Самозванец и его бояре, преследуя исключительно корыстные интересы, не смогли объединить под своими знаменами земщину даже тогда, когда русский народ после Клушинского поражения и падения Василия Шуйского оказался на грани национальной катастрофы, а отряды самозванца являлись реальной силой, способной противостоять иноземному вторжению. Установившиеся в Калуге порядки, сильно напоминавшие опричные, подорвали доверие к самозванцу и его окружению даже у поддерживавших его жителей южных и юго-западных уездов страны. Запущенная боярами Лжедмитрия II машина террора в конечном счете погубила самого самозванца и привела к краху его движение. Сделанные наблюдения подтверждают справедливость выводов Р.Г. Скрынникова, что в начале XVII ст. Россия пережила первую в своей истории гражданскую войну, которая была осложнена вторжениями иноземцев.

Примечания

¹ См.: *Долинин Н.П.* Подмосковные полки («казацкие таборы») в национально-освободительном движении 1611—1612 гг. Харьков, 1958; *Любимиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения 1611—1613 гг. М., 1939; *Мальцев В.П.* Борьба за Смоленск (XVI—XVII вв.). Смоленск, 1950; *Станиславский А.Л.* Гражданская война в России XVII в.: Казачество на переломе истории. М., 1990; *Шепелев И.С.* Освободительная и классовая борьба в Русском государстве в 1608—1610 гг. Пятигорск, 1957; и др.

² См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // *Соловьев С.М.* Соч. М., 1989. Кн. IV. Т. 7—8. С. 534, 563—564, 600.

³ См.: *Костомаров Н.И.* Смутное время Московского государства в начале XVII столетия // *Костомаров Н.И.* Собр. соч. СПб., 1904. Кн. 2. Т. 5. С. 447—449; Т. 6. С. 476—477, 510—513.

⁴ См.: *Платонов С.Ф.* Очерки по истории Смуты в Московском государстве XVI—XVII столетия. М., 1995. С. 268—269, 273, 286, 305—306, 313.

⁵ См.: Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV — начало XVII в. М., 1955. С. 542, 549—550, 552; *Зимин А.А.* Вопросы истории Крестьянской войны в России в начале XVII в. // Вопросы истории. 1958. № 3. С. 135—159.

⁶ См.: *Скрынников Р.Г.* Минин и Пожарский. М., 1981; *Его же.* Россия накануне «Смутного времени». 2-е изд. Л., 1985; *Его же.* Социально-политическая борьба в Русском государстве в начале XVII в. Л.,

1985; *Его же*. Самозванцы в России в начале XVII в.: Григорий Отрепьев. Новосибирск: Наука, 1987; *Его же*. «Смута» в России в начале XVII ст.: Иван Болотников. Л., 1988; *Его же*. Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988; *Его же*. Спорные проблемы восстания Болотникова // История СССР. 1989. № 5. С. 92—110; *Skrynnikov R.* The Time of Troubles: Russia in Crisis, 1604—1618. Academic International Press, 1988; *Skrynnikov R.* The Civil War in Russia at The Beginning of the Seventeenth Century (1603—1607): its Character and Motive Forces. London, 1993.

⁷ См.: *Тюменцев И.О., Тюменцева Н.Е.* Русский архив гетмана Яна Сапеги 1607—1611 гг.: опыт реконструкции. [В печати].

⁸ См.: Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГ и Д). М., 1819. Ч. 2. № 208. С. 451; № 280. С. 480; № 257. С. 543; Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные Археологической комиссией (далее — АЗР). СПб., 1851. Т. 4. С. 305, 323—329, 346, 348, 372, 375, 379, 392, 394, 401, 403, 406; *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 18; Боярский список (далее — БС) 1610/11 г. // Чтения в обществе истории и древностей Российских (далее — ЧОИДР). 1909. Кн. 2. От. 3. С. 73—103. С. 77, 90; Памятники обороны Смоленска 1609—1611 гг. М., 1912. С. 253; *Маскевич С.* Дневник 1594—1624 гг. // Сказания современников о Дмитрие Самозванце. СПб., 1859. Ч. 2. С. 31, 49; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). СПб., 1910. Т. 14. С. 87.

⁹ См.: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией (далее — АИ). СПб., 1841. Т. 2. № 124. С. 157; Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археологической экспедицией (далее — ААЭ). СПб., 1836. № 104.2; Новый летописец. С. 88, 149; Акты времени правления царя Василия Шуйского, 1606—1610 гг. М., 1915. С. 31; Земельные пожалования в правление царя Владислава. М., 1911. С. 335; *Sapieha J.P.* Dziennik // *Hirschberg A.* Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwów, 1901. S. 197.

¹⁰ См.: БС 1610/11 г. С. 76; *Белокуров С.* Указ. соч. С. 104, 125; Псковские летописи. Т. 1. М.; Л., 1941. С. 135; Т. 2. М.; Л. 1955. С. 269—270.

¹¹ См.: АИ. Т. 2. № 280. С. 339. № 285. С. 344; ААЭ. Т. 2. № 165. С. 281; Окружная грамота боярина Ф.И. Мстиславского 4 (14) сентября 1610 г. // СГГ и Д. Ч. 2. № 204. С. 441; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 18, 25, 57, 217, 226, 256—257, 264; Новый летописец. С. 87, 104, 128, 149; List S. Mniszecza do S. Domoradskiego 8 (18) lutego 1609 г. Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины (далее — ОР ЛНБ НАНУ). Ф. 5. Оссолинеум. № 5998/III. Л. 385 об.; Ф. 103. Собр. Сапег из Красишина. Оп. 5. № 556/Ва. Л. 192; Четвертики Смутного времени. М., 1912. С. 241, 258; Арза-

масские поместные акты 1578—1618 гг. М., 1915. С. 344—346; Акты Подмосковных ополчений и земского собора 1611—1613 гг. М., 1911. С. 67, 69; Акты времени междуцарствия 1610—1613 гг. М., 1915. С. 52, 53, 92; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 193, 195, 256, 297; Псковские летописи. Т. 2. С. 276; БС 1610/11 г. С. 76; *Буссов К.* Московская хроника 1584—1613 гг. М., Л., 1961. С. 169; *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 287—288; *Веселовский С.Б.* Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975. С. 522.

¹² *Marchocki M.* *Historya wojny moskiewskiej.* Poznań, 1841. S. 62.

¹³ См.: Окружная грамота боярина Ф.И. Мстиславского... ; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 256.

¹⁴ См.: *Буссов К.* Указ. соч. С. 163; Новый летописец. С. 94—95.

¹⁵ *Буссов К.* Указ. соч. С. 162, 168.

¹⁶ См.: List S. Mniszecha do S. Domoradskiego 8 (18) lutego 1609 г... Л. 383—387; Арзамасские поместные акты. С. 52, 53, 92.

¹⁷ См.: Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе Ф.А. Кирееву в январе 1610 г. об отказе поместья Ив. Чертову // Арзамасские поместные акты. С. 344; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 522.

¹⁸ См.: *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 217, 257; Новый летописец. С. 104, 128, 149; *Карамзин Н.М.* История Государства Российского. М., 1989. Т. 12. Стб. 96; Прим. 475.

¹⁹ См.: Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе С.П. Засекину в мае 1610 г. об отказе вотчины Ив. Обуткову // Арзамасские поместные акты. С. 345; Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе С.П. Засекину в мае 1610 г. об отказе поместья А. Алишеву // Там же. С. 346.

²⁰ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 271.

²¹ См.: List S. Mniszecha do S. Domoradskiego 8 (18) lutego 1609 г... Л. 385 об.; АИ. Т. 2. № 285. С. 344; ААЭ. Т. 2. № 165. С. 281; Окружная грамота боярина Ф.И. Мстиславского... С. 441; Новый летописец. С. 94—95; *Буссов К.* Указ. соч. С. 163; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 193, 195, 297; *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 287—290.

²² См.: АИ. Т. 2. № 280. С. 340; Арзамасские поместные акты. С. 344; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 246, 356, 416.

²³ См.: Арзамасские поместные акты. С. 344—347, 359, 361, 367—368, 420—421, 423, 429; СГГ и Д. Ч. 2. № 237. С. 508; АИ. Т. 2. № 208. С. 340; Акты времени междуцарствия. С. 30, 41; АЗР. Т. 4. С. 204, 322; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 25, 57, 217, 226, 256; Памятники обороны Смоленска. С. 253; Докладная выписка о вотчинах и поместьях 121 (1613) г. М., 1895. С. 9—10.

²⁴ *Буссов К.* Указ. соч. С. 164.

²⁵ См.: БС 1610/11 г. С. 76, 86; Арзамасские поместные акты. С. 344; Земельные пожалования в правление царя Владислава. С. 21; АИ. Т. 2. № 88. С. 120; № 280. С. 339; № 285, С. 344; № 302; АЗР. Т. 4. С. 331, 334; Псковские летописи. Т. 1. С. 138; Т. 2. С. 276.

²⁶ См.: Отписка великолуцких воевод Я. Сапеге 7 (17) мая 1610 г. // Сб. кн. Хилкова (далее — СХ). СПб., 1879. № 12.72; Псковские летописи. Т. 2. С. 272—273.

²⁷ См.: List S. Stadnickiego do Zygmunta III 9 (19) stycznia 1610 г. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; *Буссов К.* Указ. соч. С. 162; *Будила Й.* История ложного Дмитрия 1603—1613 гг. // Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1872. Т. 1. Стб. 163—164.

²⁸ См.: List S. Mniszeha do S. Domoradskiego 8 (18) lutego 1609 г... Л. 383—387.; *Marchocki M.* Op. cit. S. 63—64; *Буссов К.* Указ. соч. С. 163.

²⁹ *Sapieha J.* Op. cit. S. 253.

³⁰ См.: *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 543; *Платонов С.Ф.* Указ. соч. С. 268—269.

³¹ *Буссов К.* Указ. соч. С. 163—164.

³² См.: Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе Ф.А. Кирееву... С. 344; Грамота Лжедмитрия II арзамасскому воеводе С.П. Засекину... С. 346; *Болтин Б.* Записки // Изборник славянских и русских сочинений и статей, внесенных в хронографы русской редакции. М., 1869. С. 345; *Власьев Г.А.* Потомство Рюрика. СПб., 1906. Т. 1. Ч. 1. С. 197—198.

³³ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 253.

³⁴ См.: *Делавиль Ж.* Записки // Русский вестник. СПб., 1841. Т. 1. С. 750; *Marchocki M.* Op. cit. S. 73.

³⁵ *Жолкевский С.* Записки о Московской войне. СПб., 1871. С. 38.

³⁶ Поход его королевского величества в Московию 1609 г. // РИБ СПб., 1872. Т. 1. Стб. 596.

³⁷ См.: Бельский летописец // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). Т. 34. М., 1978. С. 254; Новый летописец. С. 95.

³⁸ *Буссов К.* Указ. соч. С. 160; Псковские летописи. Т. 1. С. 122, 137—138; Т. 2. С. 275—276; Новый летописец. С. 102.

³⁹ См.: List zaporošców do Zygmynta III w marce 1610 г. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Поход его королевского величества в Московию в 1609 г.. Стб. 570—571.

⁴⁰ См.: List Zaporskiego do Zygmynta III 18 (28) marta 1610 г. // Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Поход его королевского величества в Московию в 1609 г. Стб. 570—571.

⁴¹ Поход его королевского величества в Московию в 1609 г. Стб. 570—571.

⁴² Там же. Стб. 587.

⁴³ Там же. Стб. 570—571.

⁴⁴ *Буссов К.* Указ. соч. С. 162—163.

⁴⁵ См.: Письмо Лжедмитрия II наемному войску 9(19) февраля 1609 г. об условиях возвращения на службу // Временник Московского общества истории и древностей Российских (далее — ВМОИДР). М., 1855. Кн. 19: Смесь. С. 9; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 178—184.

⁴⁶ Будила Й. Указ. соч. Стб. 186.

⁴⁷ Там же. Стб. 188—189.

⁴⁸ См.: Punkty instrukcji A. Zborowskiemu i posłom z wojska Cara do króla poslanym. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Respons Zymunta III posłom z wojska Cara 2 (12) kwietnia 1610 r. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Respons Zymunta III posłom z wojska Cara w maju 1610 r. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; Assecuratia Zymunta III 19(29) maja 1610 r. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 37, 40; *Маскевич С.* Указ. соч. Ч. 2. С. 32.

⁴⁹ *Маскевич С.* Указ. соч. С. 32.

⁵⁰ Будила Й. Указ. соч. Стб. 193.

⁵¹ Там же. Стб. 193—194.

⁵² *Буссов К.* Указ. соч. С. 164; Будила Й. Указ. соч. Стб. 195.

⁵³ List Dmitra Falszywego do J. Sapiehi 21 (31) maja 1610 r. Oddział Rękopisów Biblioteki Polskiej Akademii Naukowej w Krakowie (далее — ОР ВРАН). Ms. 345. № 83.

⁵⁴ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 253.

⁵⁵ *Масса И.* Краткое известие о Московии начала XVII столетия. М., 1939. С. 176; *Буссов К.* Указ. соч. С. 164.

⁵⁶ Будила Й. Указ. соч. Стб. 194.

⁵⁷ List M. Mniszchowny do J. Sapiehi 6 (16) czerwca 1610 r. // *Kognowicki K.* Życie J.P. Sapiehi. T. 1. № 7. Wilno, 1791. (Życie Sapiehów).

⁵⁸ List Dmitra Falszywego do J. Sapiehi 7 (17) czerwca 1610 r. // *Ibid.* № 8.

⁵⁹ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 256.

⁶⁰ List Dmitra Falszywego do J. Sapiehi 19 (29) czerwca 1610 r. // *Kognowicki K.* Op. cit. № 9.

⁶¹ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 256; АЗР. Т. 4. С. 392, 393, 395.

⁶² *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 256—257; Будила Й. Указ. соч. Стб. 194—195.

⁶³ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 257.

⁶⁴ *Ibid.* S. 257—258.

⁶⁵ В записках Й. Будилы указано 6000 пятигорцев и 1000 гусар, но это, по-видимому, описка переписчика. Такого количества пятигорцев в тушинских полках никогда не было. (Ср.: Rejestr wojska polskiego, które jest przy Caru na Moskwie. ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 5998/ III Уа. Л. 323—324; Список полковников и ротмистров «царя Дмитрия» // РИБ. Т. 1. Стб. 713—716). Гетман, по данным Й. Будилы (см.: Будила Й. Указ. соч. Стб. 195), привел на Угру 1000 человек, то есть как раз столько, сколько числится в его полку, если принять предложенный нами вариант прочтения.

⁶⁶ Будила Й. Указ. соч. Стб. 198.

⁶⁷ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 258—259, 261.

⁶⁸ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 37, 40; *Маскевич С.* Указ. соч. С. 32.

⁶⁹ Rejestr wojska polskiego...

- ⁷⁰ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 446—447.
- ⁷¹ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 258—261.
- ⁷² *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 258.
- ⁷³ Новый летописец. С. 98—99; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 198—200; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 258—259.
- ⁷⁴ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 259—261.
- ⁷⁵ Ibid. S. 260—261; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 200—201.
- ⁷⁶ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 260.
- ⁷⁷ Konfideracja wojska Cara . Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.
- ⁷⁸ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 260; Assecuratia Dmitra Falszywego 10 (20) wrzesnia 1609 г. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.
- ⁷⁹ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 260
- ⁸⁰ См.: Ibid. S. 260—261; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 201; Новый летописец. С. 98.
- ⁸¹ Новый летописец. С. 98.
- ⁸² *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 261.
- ⁸³ Ibid; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 201; Новый летописец. С. 98.
- ⁸⁴ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 262.
- ⁸⁵ Ibid; Новый летописец. С. 99—100; *Палицын А.* Сказание. М.; Л., 1955. С. 207.
- ⁸⁶ Новый летописец. С. 99—100.
- ⁸⁷ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 262.
- ⁸⁸ Письмо Лжедмитрия II Я. Сапере 18 (28) июля 1610 г. // *Жолкевский С.* Указ. соч. Прил. № 33. Стб. 99—102.
- ⁸⁹ Кондycji wojska Cara do Zygmunta III 18 (28) lipica 1610 г. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 263.
- ⁹⁰ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 262.
- ⁹¹ Новый летописец. С. 99—100; *Палицын А.* Указ. соч. С. 207; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 262—263.
- ⁹² Ibidem; Новый летописец. С. 99.
- ⁹³ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 264.
- ⁹⁴ *Костомаров Н.И.* Указ. соч. С. 463—472 и др.
- ⁹⁵ Respons S. Żókiewskiego posłom z wojska Cara. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 264.
- ⁹⁶ Кондycji wojska Cara do Zygmunta III 18 (28) lipica 1610 г...; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 264.
- ⁹⁷ Ibid.
- ⁹⁸ List S. Żókiewskiego do J. Sapiehi 24 lipica (3 sierpienja) 1610 г. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8604 (оригинал); E. 8597 (копия); *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 264.
- ⁹⁹ List S. Żókiewskiego do J. Sapiehi 25 lipica (4 sierpienja) 1610 г. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 264—265.

- ¹⁰⁰ Ibid.
- ¹⁰¹ Ibid.
- ¹⁰² Ibid.
- ¹⁰³ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 264—266; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 203.
- ¹⁰⁴ *Маскевич С.* Указ. соч. С. 44; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 265.
- ¹⁰⁵ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 265—266.
- ¹⁰⁶ *Маскевич С.* Указ. соч. С. 43; *Буссов К.* Указ. соч. С. 176.
- ¹⁰⁷ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 267; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 203—205.
- ¹⁰⁸ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 267—268; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 205—207.
- ¹⁰⁹ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 267—268; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 207—209.
- ¹¹⁰ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 268.
- ¹¹¹ Ibid. S. 269.
- ¹¹² Ibid. S. 268—269.
- ¹¹³ Ibid. S. 259; *Буссов К.* Указ. соч. С. 176.
- ¹¹⁴ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 76.
- ¹¹⁵ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 262—263, 265, 270—272; Новый летописец. С. 99.
- ¹¹⁶ List niewiadomego z pod Smolenska 14 (24) wrzesnia 1610 г. ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. № 5998/III. Л. 485.
- ¹¹⁷ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 270.
- ¹¹⁸ Ibid. S. 271.
- ¹¹⁹ В дневнике они ошибочно названы Иваном Третьяковым и Неходошим. (См.: *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 271).
- ¹²⁰ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 272—273.
- ¹²¹ Ibid. S. 274; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 209—210; *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 80—82.
- ¹²² Rozmowa posłów z wojska Cara i senatorów pod Smolenskóm w sierpnie 1610 г. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.
- ¹²³ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 274—275.
- ¹²⁴ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 83.
- ¹²⁵ Там же; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 275; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 210; *Маскевич С.* Указ. соч. С. 45.
- ¹²⁶ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 275.
- ¹²⁷ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 83.
- ¹²⁸ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 275.
- ¹²⁹ *Буссов К.* Указ. соч. С. 176.
- ¹³⁰ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 279.
- ¹³¹ *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 210.
- ¹³² *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 84.
- ¹³³ Грамота боярина Ф.И. Мстиславского с товарищами в Сибирские города 4 (14) сентября 1610 г. с призывом хранить верность королевичу Владиславу // СГГ и Д. Ч. 2. № 204. С. 441.
- ¹³⁴ Боярский список 1610/11 г. С. 89; и др.

¹³⁵ Грамота московских бояр Ф.М. Мстиславского с товарищами Я. Сапеге с просьбой не препятствовать присяге русских людей на верность королевичу Владиславу // АИ. Т. 2. № 289. С. 351.

¹³⁶ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 278.

¹³⁷ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 279.

¹³⁸ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 85—86.

¹³⁹ *Буссов К.* Указ. соч. С. 177—178.

¹⁴⁰ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 110.

¹⁴¹ Арзамасские поместные акты. С. 358—370.

¹⁴² *Буссов К.* Указ. соч. С. 177.

¹⁴³ Псковские летописи. Т. 1. С. 139; Т. 2. С. 275.

¹⁴⁴ См.: АИ. Т. 2. № 280. С. 339; № 285. С. 344; ААЭ. Т. 2. № 165. С. 281; Окружная грамота боярина Ф.И. Мстиславского... С. 441; *Белокуров С.А.* Указ. соч. С. 18, 25, 57, 217, 226, 256—257, 264; Новый летописец. С. 87, 104, 128, 149; List S. Mniszecha do S. Domogadskiego... ; Четверщики Смутного времени. С. 241, 258; Арзамасские поместные акты... С. 344—346; Акты Подмосковных ополчений и земского собора... С. 67, 69; Акты времени междуцарствия... С. 52, 53, 92; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 193, 195, 256, 297; Псковские летописи. Т. 2. С. 276; БС 1610/11 г. С. 76; *Буссов К.* Указ. соч. С. 169; *Любомиров П.Г.* Указ. соч. С. 287—288; *Веселовский С.Б.* Указ. соч. С. 522.

¹⁴⁵ Zabicie Dmitra Falszywego pod Kalugoj 12 (22) grudnia 1610 r. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

¹⁴⁶ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 278.

¹⁴⁷ Ibid. S. 280.

¹⁴⁸ *Буссов К.* Указ. соч. С. 177.

¹⁴⁹ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 92; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 283, 288.

¹⁵⁰ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 283.

¹⁵¹ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 90; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 275—279.

¹⁵² *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 276.

¹⁵³ Rozmowa posłów z wojska Cara i senatorów pod Smolenskóm w sierpnie 1610 r. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.

¹⁵⁴ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 91; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 276—281.

¹⁵⁵ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 91; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 276—281.

¹⁵⁶ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 281.

¹⁵⁷ List Mariny Carowy do J. Sapiehi 29 wrzesnia (9 października) 1610 r. // *Kognowicki K.* Op. cit. № 12.

¹⁵⁸ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 281, 283.

¹⁵⁹ Ibid. S. 284.

¹⁶⁰ Грамота Лжедмитрия II белевскому воеводе Ф. Желябовскому 2 (12) октября 1610 г. о принятии осторожности против литовских людей // АИ. Т. 2. № 302. С. 358.

¹⁶¹ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 284.

- ¹⁶² Челобитная крестьян с. Волосова Козельского уезда Я. Сапеге с просьбой взыскивать поборы хлебом, а не деньгами. Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории Российской академии наук (далее — АСПБФ ИРИ РАН). К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 407.
- ¹⁶³ Письмо боярина кн. В.М. Мосальского Я.П. Сапеге 4 (14) ноября 1610 г. о высылке из пожалованных ему вотчин и поместий литовских людей // СХ. № 12.11. С. 23. Издатель документа кн. Хилков неверно датировал его 1608—1609 гг.
- ¹⁶⁴ List S. Zółkiewskiego do J. Sapiehi 13 (23) wrzesnia 1610 r. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8604.
- ¹⁶⁵ *Буссов К.* Указ. соч. С. 177—178.
- ¹⁶⁶ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 285—286.
- ¹⁶⁷ *Ibid.* S. 288—290.
- ¹⁶⁸ См.: Ответ его королевского величества послам войска Я.П. Сапеге в декабре 1610 г. // *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 213—219; Ассексурация Сигизмунда III войску Я. Сапеге // Там же Стб. 219—220.
- ¹⁶⁹ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 109—110.
- ¹⁷⁰ Отписка вятчан к пермичам с приложением отписки казанцев о признании парем в Вятской и Казанской землях второго самозванца в январе 1611 г. // ААЭ. Т. 2. № 170. С. 291—293.
- ¹⁷¹ Zabicie Dmitra Falszywego pod Kalugoj 12 (22) grudnia 1610 r. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597.
- ¹⁷² *Сухотин Л.М.* Земельные пожалования при царе Владиславе. М., 1911. С. XXIII—XXV.
- ¹⁷³ *Буссов К.* Указ. соч. С. 177.
- ¹⁷⁴ Там же.
- ¹⁷⁵ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 112; *Маскевич С.* Указ. соч. С. 44; *Marchocki M* Op. cit. S. 105.
- ¹⁷⁶ Zabicie Dmitra Falszywego pod Kalugoj 12 (22) grudnia 1610 r. Riksarkivet. Skoklostersamlingen. E. 8597; *Буссов К.* Указ. соч. С. 177; Новый летописец. С. 104—105.
- ¹⁷⁷ *Буссов К.* Указ. соч. С. 177.
- ¹⁷⁸ Новый летописец. С. 104—105; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 221—222; *Буссов К.* Указ. соч. С. 178.
- ¹⁷⁹ Zabicie Dmitra Falszywego...; *Буссов К.* Указ. соч. С. 177.
- ¹⁸⁰ Новый летописец. С. 104—105; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 221—222; *Буссов К.* Указ. соч. С. 178.
- ¹⁸¹ Zabicie Dmitra Falszywego...
- ¹⁸² Новый летописец. С. 104—105; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 221—222; *Буссов К.* Указ. соч. С. 178.
- ¹⁸³ Zabicie Dmitra Falszywego...
- ¹⁸⁴ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 112.
- ¹⁸⁵ *Буссов К.* Указ. соч. С. 178; Zabicie Dmitra Falszywego...

- ¹⁸⁶ Будила Й. Указ. соч. Стб. 222; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 292.
- ¹⁸⁷ Там же; *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 112.
- ¹⁸⁸ *Zabicie Dmitra Falszywego...*
- ¹⁸⁹ *Zabicie Dmitra Falszywego...*
- ¹⁹⁰ Новый летописец. С. 115, 118.
- ¹⁹¹ *Буссов К.* Указ. соч. С. 178.
- ¹⁹² *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 222.
- ¹⁹³ *Буссов К.* Указ. соч. С. 178; *Zabicie Dmitra Falszywego...*
- ¹⁹⁴ *Жолкевский С.* Указ. соч. С. 113.
- ¹⁹⁵ *Marchocki M.* Op. cit. S. 108.
- ¹⁹⁶ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 293.
- ¹⁹⁷ *Ibid*; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 222—224.
- ¹⁹⁸ *Marchocki M.* Op. cit. S. 108.
- ¹⁹⁹ *Буссов К.* Указ. соч. С. 178; *Zabicie Dmitra Falszywego...*
- ²⁰⁰ *Белокуров С.* Указ. соч. С. 217.
- ²⁰¹ Отписка кн. Ю.Н. Трубецкого Я. П. Сапеге около 6 (16) января 1611 г. о приведении к присяге на верность королевичу Владиславу // АИ. Т. 2. № 313. С. 371—372; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 294.
- ²⁰² Отписка калужского воеводы кн. Ю.Н. Трубецкого Я. Сапеге в январе 1610 г. с требованием запретить солдатам грабить Калужский, Воротынский и Перемышльский уезды // АИ. Т. 2. № 317. С. 374—375; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 293—295; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 223—224
- ²⁰³ List E. Strawinskiego do J. Sapiehi 27 grudnia (6 stycznia) 1610 г. ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Оп. 1. № 47; List A. Chróslinskiego do J. Sapiehi 12 (22) stycznia 1610 г. ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Оп. 1. № 61.
- ²⁰⁴ Отписка Я. Сапеге и Ф.К. Плещеева одоевским воеводам в феврале 1611 г. с требованием выпустить захваченных донскими казаками фуражиров // АИ. Т. 2. № 144.1, 144.2.
- ²⁰⁵ Письмо Ю.Н. и Д.Т. Трубецких Я. Сапеге с просьбой сохранять мир до приезда в Россию королевича Владислава // *Жолкевский С.* Указ. соч. Прил. 41; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 297; *Будила Й.* Указ. соч. Стб. 225—226.

Summary

The article studies one of the less worked out episodes of Time of Troubles in Russia at the beginning of the XVIIth century: the Kaluga's period of the Lzhedmitry II's movement. This study is based on the earlier unknown documents from Hetman Jan Sapiega's archive. The author for the first time comes to the conclusion that the major moving forces of the False Demetrius' movement were the

service class and Cossacks from Southern, South-Eastern and North-Western areas of Russia, but not only Cossacks. The main role in the movement's leadership played the so-called «bandit» boyars descended from the noble Moscow stocks which preserved the traditions of oprichnina. Due to their escape to Kaluga they managed to free themselves from the intervention of foreigners and gave a new impulse to the False Demetrius' movement. The observations given in the article prove the correctness of R.G. Skrynnikov's conclusions that at the beginning of the XVIIth century Russia experienced the first in its history civil war which was complicated by the foreigners' invasions.

А.П. Павлов

БОЯРСКИЕ СПИСКИ 30—40-х гг. XVII в.*

Боярские списки как оперативные учетно-служебные документы являются важнейшим, первостепенным источником для изучения состава и структуры правящей верхушки служилого сословия — государева двора. Видная заслуга в их изучении принадлежит А.Л. Станиславскому. Анализ материалов 22 боярских списков за период с 1624 г. по 1631 г. позволил ему впервые в литературе дать четкую классификацию боярских списков, вскрыть принципы и механизмы их составления. Исследователь пришел к выводу о существовании в XVI—XVII вв. двух основных типов боярских списков — боярских списков «подлинных», составлявшихся с целью учета всего состава государева двора, и боярских списков «наличных», основное предназначение которых состояло в учете состава дворовых, находящихся на столичной службе¹.

В недавнее время источниковедческое изучение боярских списков последней трети XVII в. (1660-х — начала 1680-х гг.) принял П.В. Седов, который отметил некоторые изменения в типологии и практике составления боярских списков в связи с наметившимися переменами в самом государевом дворе².

Ввиду исключительной важности боярских списков как источников для исследования состава и структуры государева двора необходимо дальнейшее изучение этой разновидности документов, распространение исследований на весь период XVII — начала XVIII в. Данная работа, посвященная боярским спискам 30—40-х гг. XVII в., хронологически продолжает исследования А.Л. Станиславского.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант № 99-01-00479а.

Выявление и атрибуция боярских списков даже для XVII в. задача отнюдь не простая. Подавляющее большинство списков изучаемого нами периода (и, очевидно, XVII века вообще) дошло до нас без начала, а порой лишь в виде фрагментов. Следует отметить, что уже в XVII в. сохранность боярских списков была далеко не идеальной. В Описи архива Разрядного приказа, составленной в 1668 г. под руководством думного дьяка Д.М. Башмакова, значительная часть боярских списков упомянута без начала («с начала отодрано» и т. д.). Так, при описании боярского списка 7139 (1630/31) г. здесь говорится: «Список 139-го году, а подлинной ли или наличной — не ведомо, с начала отодрано стольника по князь Алексеево имя князь Иванова сына Воротынского»³. Относительно плохая сохранность боярских списков объясняется, как отметил А.Л. Станиславский, прежде всего самим их характером как рабочих, «внутренних» документов Разрядного приказа. Вплоть до 1667 г. боярские списки создавались в столбцовой форме и не имели дьячих помет, что способствовало утрате частей документов, путанице листов. В силу указанных обстоятельств боярские списки XVII в. остаются весьма плохо описанными. В XI томе «Описания документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции» (далее — ОМAMЮ), содержащем описание столбцов Московского стола, многие боярские списки обозначены без дат, далеко не всегда даются указания на тип боярского списка, нередко приводится неверная их атрибуция. Все это значительно затрудняет их использование и побуждает к новому сплошному обследованию столбцов Разрядного приказа (в том числе недатированных), содержащих тексты боярских списков.

Всего в результате произведенного нами исследования выявлено и атрибутировано около 70 боярских списков за период с 1630/31 по 1650 (7139—7158) гг. (в их числе 13 «подлинных»), из которых 25 были указаны в описаниях столбцов Разрядного приказа без даты, а 4 были датированы неверно⁴. Некоторые суждения о репрезентативности полученного материала можно сделать на основе сопоставления состава известных нам боярских списков с данными «Башмаковской» Описи архива Разрядного приказа 1668 г., которая содержит перечень и краткое описание боярских списков, хранившихся в Разряде в

60-х гг. XVII в., и выделяет при этом различные типы боярских списков («подлинные» и «наличные»). Следует, правда, отметить, что в силу указанного выше характера использования боярских списков и их плохого хранения сама Опись 1668 г. содержит некоторые лакуны и не дает исчерпывающе полной картины периодичности составления боярских списков.

Рассмотрим подробнее сохранившиеся материалы боярских списков 30—40-х гг. XVII в. Начнем с анализа так называемых «подлинных» списков, дающих наиболее полное представление о составе и структуре государева двора.

Анализируя боярские списки конца XVI — начала XVII в. и 1620-х гг., А.Л. Станиславский пришел к выводу о ежегодном составлении «подлинных» списков⁵. Данные Описи архива Разрядного приказа 1668 г. и других источников полностью подтверждают мнение ученого. За рассматриваемый нами период (7139—7158 гг.) Опись упоминает «подлинные» боярские списки практически за каждый год⁶. Исключение составляют лишь списки за 7141 (1632/33), 7142 (1633/34), 7144 (1635/36) и 7151 (1642/43) гг., а также список 7139 (1630/31) г., характер которого приказные люди определить не смогли. Отсутствие здесь сведений о «подлинных» боярских списках за указанные годы не свидетельствует, однако, о том, что этих списков вообще не существовало. Как отмечалось выше, плохая сохранность боярских списков не всегда позволяла составителям Описи 1668 г. четко атрибутировать весь имеющийся под рукой материал. Между тем в столбцах Разрядного приказа встречаются прямые указания на «подлинные» боярские списки за 7142 и 7151 гг.⁷ До нас дошли и сами тексты «подлинных» списков 7141 и 7151 гг. (о них см. ниже). Каждый год создавалось, как правило, по одному «подлинному» списку. Исключение составляет 7136 (1627/28) г., когда было составлено 2 «подлинных» боярских списка. Тексты этих списков сохранились, и оба они значатся в Описи 1668 г.⁸

Из всех известных нам «подлинных» боярских списков 30—40-х гг. полностью сохранился и имеет заглавие («Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков нынешнего 152-го с сентября подлинной») только один список — 7152 (1643/44) г. Все прочие списки данной разновидности дошли без начала. Этим в

значительной степени объясняется то обстоятельство, что в архивных описях практически не содержится упоминаний о «подлинных» боярских списках за рассматриваемое нами время. Исключение составляет упоминание во внутренней описи РГАДА (ф. 210, оп. 24, № 24) фрагмента «подлинного» боярского списка 7141 (1632/33) г. Почему-то составители XI тома ОМАНЮ не указали на «подлинность» боярского списка 7152 г., несмотря на то, что прямые сведения на этот счет содержатся в его заглавии. В силу отмеченных обстоятельств выявление и атрибуцию «подлинных» боярских списков 1630-х — 1640-х гг. нам пришлось осуществлять практически заново, исходя, главным образом, из внешних признаков, характерных для данной разновидности документации. Важнейшими из этих признаков являются: фиксация полного состава государева двора (его чинов); наличие помет как о «московской» службе, так и о пребывании на службе в городах; отсутствие разделений на «московскую», «отпускную» и «служебную» части; перечисление в конце чиновных разделов вновь пожалованных лиц; роспись дьяков по приказам и городам.

Исходя из указанных выше критериев, можно выделить из общего состава сохранившихся боярских списков этого периода следующие «подлинные» боярские списки. Среди них наиболее ранним является боярский список 7139 (1630/31) г.⁹ Он сохранился без начала, с конца перечня патриарших стольников. Листы сильно перепутаны. На л. 1—6, 8, 10—32 идет перечень имен стольников патриарха Филарета (листы перепутаны); на л. 33—41, 62, 112 (начало рубрики — на л. 112) перечисляются имена стряпчих (листы перепутаны); на л. 9, 42, 43—61, 63—111, 113—117, 120 (начало рубрики — на л. 42) — списки дворян московских и иноземцев (листы перебиты); на л. 118—119, 121—122 — списки дьяков; на л. 7 располагается конец боярского списка (заканчивается именами шатерничих). Первоначальную структуру боярского списка 7139 г. можно восстановить путем его сопоставления с сохранившейся в столбцовой форме боярской книгой того же года¹⁰. «Подлинный» характер списка установлен А.Л. Станиславским¹¹.

«Подлинный» боярский список сохранился и от 7140 (1631/32) г.¹² Начало списка утрачено, его текст начинается с середины списка патриарших стольников, с имени кн. [Михаила]

Семенова Шаховского. Не сохранились списки членов Боярской думы и стольников. В ОМAMЮ данный источник не атрибутирован — он обозначен как «Список стольников, стряпчих, дворян, дьяков и шатерничих», составленный после 7140 (1632) г. Датировка списка устанавливается по пометам, а «подлинный» его тип — по наличию перечней лиц, вновь пожалованных в чины в 7140 г., и росписи дьяков по приказам и городам. Источник содержит полные списки дворовых чинов (110 стряпчих и 1015 дворян московских). Он являлся действующим документом на протяжении всего 7140 г.: в нем упоминаются пожалования в чины с 1 сентября 1631 г. по 15 августа 1632 г.

От 7141 (1632/33) г. до нас дошла часть «подлинного» боярского списка¹³. В архивной описи он датирован сентябрем 1632 г. и обозначен как боярский список “подлинный”. Об этом свидетельствует роспись дьяков по приказам и городам, а также наличие перечней лиц, вновь пожалованных в московские дворяне в 7141 г. Текст списка сохранился всего на 36 листах, сильно выцвел, листы перепутаны. Как показывает его сопоставление с предыдущим (7140 г.) и последующим (7146 г.) «подлинными» боярскими списками, а также с боярской книгой 7144 г., до нас дошла последняя часть списка 7141 г., содержащая конец списка дворян московских, перечни дьяков и шатерничих. При этом листы в списке 7141 г. расположены точно в обратной последовательности. Лист 1 в действительности представляет собой конец документа. Первыми листами являются здесь л. 36—35 (перечень имен дворян московских), затем следуют л. 34—20 (продолжение списка московских дворян), на л. 19 указаны пожалования «141-го году» в московские дворяне с сентября по декабрь, на л. 18 (продолжение предыдущего) — пожалования января—февраля, на л. 17 — пожалования февраля, на л. 16 — марта, на л. 15 — апреля—июля, на л. 13 имеется заголовок «Иноземцы и новокрещены, которые по государеву указу написаны в список с 130-го году», на л. 12 — продолжение списка иноземцев и начало перечня дьяков «по приказам», на л. 11—1 идет продолжение списков дьяков (по приказам, городам и «не у дел»), а заканчивается документ списком лиц, бывших «у государя в передней у крюка из житья», и списком шатерничих (л. 1). Расположенный в такой последовательности сохранившийся текст боярского списка по

структуре и порядку перечисления лиц совпадает с текстом предыдущего «подлинного» боярского списка 7140 г. Сравнение обоих списков позволяет в значительной мере восстановить утраченные (стертые) имена в боярском списке 7141 г.

Следующим по времени сохранившимся «подлинным» боярским списком является список 7146 (1637/38) г.¹⁴ Начало списка утрачено, текст начинается с перечня думных дьяков. Сохранность достаточно хорошая. Лишь в конце текста между списками дьяков оказалось окончание списка «иноземцев» (л. 349). В архивной описи документ указан просто как боярский список и ошибочно датирован 7147 (1638/39) г., однако пометы относятся к 7146 г. О «подлинном» характере списка свидетельствуют приведенный в нем полный состав дворовых чинов (365 стольников, 187 стряпчих и 1280 дворян московских), наличие перечней вновь пожалованных (пожалования в чины отмечены с октября по август) и роспись дьяков по приказам и городам.

«Подлинный» боярский список 7147 (1638/39) г.¹⁵ сохранился также без начала. Первые 8 листов перепутаны. На обрывке л. 1 читаем: «Стольники. Князь Яков, княж Куденеков сын Черкасской»; на л. 2—3 идут списки стряпчего с ключом, московского ловчего, ясельничего, постельничего и думных дьяков; на л. 4—8, как выясняется из сопоставления с предшествующим «подлинным» списком 7146 г., перечисляются имена дворян московских (с середины списка; по перечню 7146 г. — № 177—218). С л. 9 порядок восстанавливается и соответствует списку 7146 г.: продолжается перечень стольников (с имени кн. Ф.А. Телятевского — № 7 по списку 7146 г.); с л. 40 идет список «стряпчих с платьем»; с л. 55 — дворян московских; на л. 154—157 следует список «иноземцев»; на л. 158—170 — список дьяков по приказам и городам; завершается текст документа традиционным перечислением шатерничих (л. 170). В архивной описи список неверно датирован 7149-м г., не указано здесь и на его «подлинный» тип. Датировка источника однозначно устанавливается по пометам и датированным спискам вновь пожалованных лиц, а его «подлинность» — по полноте списков дворовых чинов (около 370 стольников, 194 стряпчих, 1250 дворян московских), наличию списков вновь пожалованных в чины (зафиксированы пожалования с октября

по 29 августа; упоминается также пожалование в дворяне из стряпчих от 2 октября 7148 г.), росписи дьяков по приказам и городам.

«Подлинный» боярский список 7148 (1639/40) г.¹⁶ начинается со списка окольныхчих (с имени Л.И. Долматова-Карпова), начало и заголовок утрачены. В ОМАНЮ источник не обозначен как «подлинный» список и лишь предположительно датирован 7148 г. Между тем многочисленные пометы позволяют твердо отнести его составление к данному году. «Подлинность» списка традиционно устанавливается по полноте состава дворовых чинов (около 400 стольников, 175 стряпчих, около 1300 дворян московских¹⁷), наличию перечней вновь пожалованных (с сентября по июль) и росписи дьяков по приказам и городам.

«Подлинный» боярский список 7149 г.¹⁸ сохранился без начала, листы перепутаны. На л. 1 стоит заглавие «Стряпчие с платьем». Список стряпчих продолжается до л. 11, а затем (на л. 12—27, 29—46 и л. 53—57, 60—63, 67—74, 76—81, 85—91) идут, судя по сопоставлению с другими боярскими списками, перебитые списки (перепутаны листы) стольников; начало списка стольников и заголовки не сохранились. На л. 47—49, 51—52, 58, 65, 66, 82, 84 продолжают перебитые списки стряпчих. На л. 52 следует конец списка стряпчих с указанием вновь пожалованных в этот чин в 7149 г. и начало списка дворян московских с заголовком «Дворяне». Далее списки дворян московских продолжают на л. 59, 64, 75, 83, 92—226, а также имеются выше, на л. 28 и 50. Списки перебитые; более или менее последовательно дворяне перечисляются на л. 92—226, хотя и здесь целый ряд листов перепутан. На л. 224 следуют списки дворян московских, вновь пожалованных в этот чин. На л. 225—226 идет список иноземцев, служивших с московскими дворянами, но начала этого списка и заголовка нет. Порядок листов можно восстановить при сличении списка 7149 г. с другими списками, и прежде всего со списком 7150 г. Лист 227, где упомянуты имена московского ловчего И.Ф. Леонтьева и ясельничего И.В. Биркина, относится к начальной части документа. На л. 228—239 идут перечни дьяков по приказам, городам и «не у дел»; на последнем (239-м) листе после дьяков традиционно упоминаются имена лиц, бывших «у государя в

передней у крюка» и «шатерничие», то есть конец документа сохранился. «Подлинный» характер списка устанавливается по наличию перечней вновь пожалованных в 7149 г. и росписи дьяков по приказам и городам. В архивной описи данный документ почему-то обозначен как список боярский «черновой»¹⁹.

«Подлинный» список следующего, 7150 (1641/42) г.²⁰ также сохранился без начала, текст его начинается со списка стольников. В ОМAMЮ источник не атрибутирован — значит-ся как «список стольников, стряпчих, дворян и дьяков» «неизвестного года». Датировка устанавливается по пометам и спискам вновь пожалованных в чины «150-го года», а «подлинность списка» — по наличию списков вновь пожалованных, росписи дьяков по приказам и городам и полноте состава дворовых чинов (значится около 350 стольников, 200 стряпчих и 1220 дворян московских). Список 7150 г. сохранился достаточно полно, в нем отсутствует только начало — росписи думных людей. Путаницы листов не наблюдается.

«Подлинный» боярский список 7151 г. обнаружился совершенно неожиданно. О его существовании имеются прямые указания в столбце Разрядного приказа 1643 г.²¹ Однако известия о нем отсутствуют не только в ОМAMЮ, но и в Описи архива Разрядного приказа 1668 г. В обоих описаниях за 7151 г. упоминаются только «наличные» боярские списки, в том числе «наличный» список «с июля»²². Рассматривая документ, значащийся в ОМAMЮ как список боярский «с июля, налицо»²³, удалось обнаружить, что к тексту «наличного» июльского списка относится только первый лист. Здесь, действительно, содержится заголовок «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков нынешняго 151-го году с июля, налицо», а затем идет заглавие рубрики «Бояре», и текст обрывается. На л. 2 следует конец списка бояр (имена кн. Б.А. [Репнина], кн. Н.И. Одоевского, В.П. Шереметева, М.М. Салтыкова), потом следует заглавие «Окольных»; на л. 3 — продолжение списка окольных, далее значится кравчий и т. д. Внешне может показаться, что на л. 2—3 и далее идет продолжение июльского «наличного» списка. Однако в действительности текст, расположенный на л. 2—169, является текстом другого списка. Этот второй список, судя по пометам, также относится к 7151 г. Но его составление никак

не может датироваться июлем месяцем, так как здесь значатся пометы значительно более раннего времени. Так, на л. 2 над именем окольникового Л.И. Долматова Карпова значится помета: «151-го году декабря в 23 день умре», на л. 3 содержится запись: «151-го апреля в 6 день государь пожаловал из дворян в казначеи Богдана Минича Дубровского», на л. 4 стоит помета от 24 мая 7151 г. и т. д. Расположенный на л. 2—169 список не может рассматриваться и как «наличный» боярский список. В нем значатся пометы не только о московских службах, но и о службах в городах. На л. 2 над именем боярина кн. Б.А. Репнина стоит помета «В Астарахани», на л. 3 над именем окольникового кн. В.П. Ахамашукова Черкасского — помета «Во Пскове» и т. д. Источник содержит полные списки дворовых чинов (около 350 стольников, 210 стряпчих и 1220 дворян московских). На то обстоятельство, что рассматриваемый нами текст представляет собой не «наличный», а «подлинный» боярский список, указывает наличие в нем списков вновь пожалованных в чины и роспись дьяков по приказам и городам. Текст «подлинного» боярского списка 7151 г. сохранился, судя по сопоставлению с другими списками (7150 и 7152 гг.), довольно хорошо. В нем недостает только самого начала — начальной части перечня бояр. Начало «подлинного» списка 7151 г. было утрачено, очевидно, уже в XVII в. Может быть, к нему относится упомянутый в Описи 1668 г. список, о котором говорится: «с которого месяца неведомо; начало отодрано по бояр, 151-го году»²⁴.

Боярский список 7152 г.²⁵ является единственным «подлинным» списком 1630-х — 1640-х гг., текст которого сохранился с начала. Не хватает нескольких имен бояр из-за обрыва текста между л. 116—117. Сравнение перечня дворян московских в «подлинных» боярских списках 7151, 7152 и 7153 гг. показывает, что в списке 7152 г. после имени Г.Б. Нашокина (№ 213, последний на л. 190) отсутствует несколько имен, то есть, очевидно, была утрачена одна склейка. Этот недостающий небольшой фрагмент «подлинного» боярского списка 7152 г. (перечень 7 имен дворян московских) обнаруживается в столбцах Разрядного приказа²⁶. Всего боярский список 7152 г. содержит перечни около 350 стольников, 220 стряпчих и 1430 дворян московских. На первом листе (л. 115) имеется заголовок «Список бояр и окольников, и думных людей, и стольников, и стряп-

чих, и дворян московских, и дьяков нынешняго 152-го с сентября, подлинной». Однако в ОМAMЮ характер списка не обозначен. Неверно здесь указаны и листы списка (115—128 вместо 115—228)²⁷.

Начало «подлинного» списка 7153 г.²⁸ утрачено. Текст начинается перечислением имен стольников (именем П.П. Головина). Остальная часть списка сохранилась достаточно хорошо. Перепутано лишь несколько листов в списке дворян московских (л. 115—116 должны идти ранее л. 112—114). Заканчивается текст традиционным перечислением имен шатерничих, то есть доведен до конца. В ОМAMЮ характер списка не обозначен. На то, что он является «подлинным», указывает наличие списков вновь пожалованных, росписи дьяков по приказам и городам и полнота передачи состава дворовых чинов. Всего здесь упомянуто 217 имен стряпчих и 1380 дворян московских. В источнике значится 289 имен стольников, но следует при этом учесть, что этот перечень сохранился не полностью (недостает примерно 50 имен). Начало документа было утрачено еще в XVII в.: в Описи 1668 г. он упомянут как «Список подлинной 153-го году», у которого «с начала отодрано окольного по князь Васильево имя Ахамашуковича Черкасского»²⁹.

Следующим сохранившимся «подлинным» боярским списком является список 7156 (1647/48) г.³⁰ Начало его не сохранилось, текст начинается со стольников (с имени кн. В.Б. Волконского). Листы перепутаны: л. 417 и 416, 419 и 418; л. 444 (конец списка стольников) должен идти впереди л. 434; л. 474—481 (начало списка дворян московских) — впереди л. 456—473; л. 481 должен быть впереди л. 510. В ОМAMЮ источник не атрибутирован — значится как «Список дворян, иноземцев и дьяков (без начала и даты)»³¹. Датируется по пометам и спискам вновь пожалованных «156-го году» (л. 415—416, 418—419, 422, 431 и др.). «Подлинность» списка устанавливается по полноте передачи состава дворовых чинов (упомянуто около 270 стряпчих и 1350 дворян московских, а также, по неполным данным (в начале не хватает приблизительно 80 имен), около 320 стольников), пометам о службах вне столицы, наличию списков вновь пожалованных в чины и росписи дьяков по приказам и городам. Начало списка было утрачено еще в XVII в. — в Описи 1668 г. о нем говорится: «Список подлинной 156-го году, с

начала отодрано боярина по князь Юрьево имя Петровича Буйносова-Ростовского»³².

«Подлинный» список 7158 г.³³ сохранился без начала; текст начинается с окольных (с имени В.А. Чоглокова). В ОМAMЮ он значится как боярский список 7158 (1650) г. без указания на его характер³⁴. «Подлинность» списка устанавливается традиционно по содержащимся здесь полным спискам членов двора (упомянуто около 440 стольников, 340 стряпчих и 1430 дворян московских), наличию перечней вновь пожалованных в чины в 7158 г. и росписи дьяков по приказам и городам.

Данные о степени сохранности «подлинных» боярских списков за 30—40-е гг. XVII в. можно представить в таблице (табл. 1), где сопоставляются сведения Описи архива Разрядного приказа 1668 г. и других источников с реально сохранившимися (известными нам) текстами «подлинных» списков.

Из данных таблицы видно, что к настоящему времени сохранилось подавляющее большинство «подлинных» боярских списков 30—40-х гг. XVII в. Тексты «подлинных» списков отсутствуют только за 7 лет (7142, 7143, 7144, 7145, 7154, 7155, 7157 гг.). Если учесть при этом существование целого ряда «наличных» списков за эти «недостающие» годы, а также боярских книг за 7144 и 7155 гг.³⁵, то можно констатировать, что в нашем распоряжении имеется достаточно репрезентативный материал для изучения состава и структуры государева двора 1630-х — 1640-х гг.

Сохранившиеся тексты «подлинных» боярских списков, фиксирующих полный состав государева двора (исключение составляют лишь жильцы, учет которых велся особыми жилецкими списками), позволяют проследить перемены, происшедшие в структуре этого важнейшего социально-политического института на протяжении 30—40-х гг. XVII в. Главной из структурных перемен двора явилось прекращение призыва на дворовую службу и, соответственно, прекращение записи в боярские списки выборных городовых дворян. Как показал А.Л. Станиславский, окончательное исключение выборных дворян из состава государева двора произошло на рубеже 20—30-х гг.³⁶ Имеющиеся в нашем распоряжении данные позволяют несколько уточнить эти наблюдения.

Таблица 1*

Годы	Опись 1668 г.	Сохранились	Примечания
7139	(?) «Список 139-го году, а подлинной ли, или наличной не ведомо, с начала отодрано стольника по князь Алексеево имя княж Иванова сына Воротынского»	РГАДА, ф. 210, М.С., № 55, столбик 3, л. 1-126.	
7140	«Список подлинной»	РГАДА, ф. 210, М.С., № 1084, столбик 3, л. 1-120.	
7141	-	РГАДА, ф. 210, оп. 24, № 24.	
7142	-	-	Упоминается «подлинной боярский список 142-го году» (РГАДА, ф. 210, М.С., № 189, столбик 2, л. 2).
7143	«Список подлинной 143-го году, с начала отодрано, стольника по князь Петрово имя Пожарского»	-	
7144	-	-	
7145	«Список подлинной 145-го году»	-	
7146	«Список подлинной 146-го году»	РГАДА, ф. 210, Д.О., № 4, столбик 4.	
7147	«Список подлинной»	РГАДА, ф. 210, Д.О., № 4, столбик 5.	
7148	«Список подлинной 148-го году»	РГАДА, ф. 210, М.С., № 155, столбик 2.	
7149	«Список подлинной 149-го году»	РГАДА, ф. 210, Д.О., № 45, л. 1-239.	
7150	«Список подлинной 150-го году, с начала отодрано думного дворянина по Иваново имя Васильевича Биркина».	РГАДА, ф. 210, М.С., № 1064, столбик 1, л. 1-142.	
7151	-	РГАДА, ф. 210, М.С., № 182, столбик 2, л. 2-169.	Упоминается «подлинной боярский список 151-го году» (РГАДА, ф. 210, М.С., № 190, столбик 5, л. 42).
7152	«Список подлинной 152-го году»	РГАДА, ф. 210, М.С., № 216, л. 115-288.	
7153	«Список подлинной 153-го году, с начала отодрано окольничего по князь Васильево имя Ахамашуковича Черкаского».	РГАДА, ф. 210, М.С., № 184, л. 1-151.	
7154	«Список подлинной 154-го году»	-	
7155	«Список подлинной 155-го году, с начала отодрано боярина по князь Дмитриево имя Мамстрюковича Черкаского»	-	
7156	«Список подлинной 156-го году, с начала отодрано боярина по князь Юрьево имя Петровича Буйносова-Ростовского»	РГАДА, ф. 210, М.С., № 217, л. 411-547.	
7157	«Список подлинной 157-го году»	-	
7158	«Список подлинной 158-го году»	РГАДА, ф. 210, М.С., № 1106, столбик 3.	

* Курсивом выделяются списки, датированные нами впервые. Здесь и далее используются сокращения: М.С. — Столбцы Московского стола; Д.О. — Столбцы Дополнительного отдела.

В приказном столбце Разряда 7140 (1631/32) г. встречаются указания на то, что списки выборных дворян имелись еще в «подлинном» боярском списке 7140 г.: «Да в боярском же в подлинном списке нынешняго 140-го году написано: “Служат государеву службу из городов по выбору...”» (далее упоминаются имена выборных по Серпейску и Боровску); «Родства его в боярском подлинном списке написано в московских дворянях... В боярском же списке написано: “Служат государеву службу из городов по выбору...”» (называются имена выборных по Мещовску и Серпейску); «В боярском подлинном списке нынешняго 140-го году написаны в московских дворянях... В боярском же списке написано: “Служат государеву службу из городов по выбору...”» (упоминается выборный дворянин по Мещовску)³⁷. В то же время нельзя не отметить, что в ряде случаев, когда речь идет о выборных дворянах, в столбце 7140 г. содержатся ссылки не на «подлинный» боярский список 7140 г., а на «подлинные списки» уездных дворян. Так, в деле по челобитной Ю.С. Кузенева написано: «А родства его сыскано в боярском списке 140-го году: во дворянях московских Елизарей Васильев сын Кузенев. Да во брянском подлинном списке 140-го году написано: “Выбор. 700 чети. Савелей Васильев сын Кузенев”»³⁸. Подобные случаи приводятся здесь и относительно выборных дворян других городов (Тулы, Алексина, Болхова, Каширы и др.)³⁹. По-видимому, в перечне выборных дворян боярского списка 7140 г. значились дворяне далеко не всех городов. Обращает на себя внимание и необычно пространный заголовок перед перечнями выборных городских дворян боярского списка, упоминаемый в приведенных выше цитатах: «Служат государеву службу из городов по выбору». В боярских списках 20-х — начала 30-х гг. данная рубрика обозначалась, как правило, более кратко: «Дворяне выборные из городов» (списки 7134 и 7135 гг.), «Дворяне из городов. Выбор» (списки 7136 г.), «Из городов выбор» (список 7137 г.), «Из городов служат по выбору» (список 7138 г.)⁴⁰. В дошедшем до нас тексте «подлинного» боярского списка 7140 г. перечни выборных дворян отсутствуют; список оканчивается именами шатерничих. Но это не означает, что их здесь не существовало. В боярских списках конца XVI — первой трети XVII в. перечни выборных помещались в конце текстов, и в боярском списке 7140 г. они могли быть про-

сто утеряны. Не оказалось перечня выборных дворян и в дошедшем до нас тексте боярской книги 7139 г., хотя известно, что первоначально он входил в состав книги ⁴¹. Можно предположить, что перечни выборных были утрачены и в «подлинном» боярском списке 7139 г., который являлся одним из вероятных источников при составлении упомянутой боярской книги того же года. Правомерность данного предположения усиливает относительно плохая сохранность боярского списка 7139 г. в целом. Таким образом, есть основания полагать, что выборные дворяне продолжали сохранять связи с государевым двором (точнее, остатки этих связей) до 1632 г., вплоть до начала Смоленской войны. С прекращением призыва выборных дворян на московскую службу происходит окончательное оформление чиновной структуры двора и его обособление от уездных дворянских организаций. Система служилых чинов Московского государства принимает законченную форму: чины думные, чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы), дьяки, составлявшие государев двор, и чины городовые (выборные дворяне, дворовые и городовые дети боярские).

Другая важная перемена в структуре государева двора начала 1630-х гг. была связана с расформированием после смерти патриарха Филарета (1633 г.) состава патриарших стольников как особого чина государева двора. Вхождение патриарших стольников в состав двора и запись их имен в «подлинные» боярские списки были связаны с особым статусом патриарха Филарета как «великого государя» и отца царя Михаила Федоровича ⁴². Характерно, что упоминаемые в источниках (в боярских книгах 7144 и 7148 гг.) стольники царицы Евдокии Лукьяновны ⁴³ в боярские списки не заносились и, следовательно, не рассматривались как члены государева двора. В боярских списках 20-х — начала 30-х гг. стольники патриарха Филарета записывались вслед за «государевыми» стольниками и стояли выше стряпчих и дворян московских, что, однако, не вполне соответствовало их реальному положению при дворе. По своему составу стольники патриарха были значительно более однородными не только по сравнению с «государевыми» стольниками, но и с дворянами московскими; на практике патриаршие стольники жаловались в московские дворяне и стряпчие, а не наоборот. В ноябре 1633 г. был произведен разбор бывших пат-

риарших стольников, численность которых к моменту смерти Филарета достигала свыше 500 человек и значительно превышала численность «государевых» стольников. В результате разбора бывшие стольники патриарха Филарета в соответствии с их происхождением и службой были переведены в различные чины двора (в стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы) и частично — в городовые дворяне⁴⁴.

После 1633 г. структура государева двора заметно упростилась и приобрела довольно устойчивый вид: чины думные и придворные, чины московские (стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы) и дьяки. Думные и придворные чины располагаются в «подлинных» боярских списках 30—40-х гг. в следующем достаточно стабильном порядке: бояре, окольниковые, кравчие, казначеи, постельничие, думные дворяне, печатники, думные дьяки, стряпчие с ключом, московские ловчие, ясельничие⁴⁵. Не наблюдается по боярским спискам существенных структурных изменений и внутри чиновных рубрик столичного дворянства (стольников, стряпчих и дворян московских). Можно отметить лишь, что, начиная с боярского списка 7151 г., внутри рубрики «Дворяне» (дворяне московские), наряду с традиционным разделом «Иноземцы новокрещены, которые по государеву указу написаны в список с 130-го году»⁴⁶, выделяется новый раздел — «Дворяне ж за старость и увечье от государевы службы отставлены».

Техника составления «подлинных» списков на материалах 1620-х гг. исследована А.Л. Станиславским. Ученый показал, что при составлении нового «подлинного» боярского списка за основу брался текст предыдущего. Порядок расположения имен внутри чиновных перечней совпадал, как правило, с текстом предшествующего «подлинного» списка. Имена лиц, вновь пожалованных в состав двора, заносились обычно в конец чиновных перечней. В то же время составители «подлинных» боярских списков при перечислении имен дворовых явно стремились к приведению их в соответствие с происхождением и положением при дворе служилого человека. Имена вновь пожалованных в дворовые чины представителей знатных княжеско-боярских родов и видных придворных фамилий записывались не в конец, а в начальные части соответствующих списков. Так, в перечне дворян московских боярского списка 7160 (1651/52) г. первым значится знатный кн. И.А. Голицын, пожалованный в

данный чин только 17 июля этого года⁴⁷. Рассматривая боярские списки второй четверти XVII в., можно наблюдать постепенное перемещение в начальные части чиновных перечней имен видных придворных — Стрешневых, Милославских и др. Однако основная часть пожалованных в дворовые чины лиц (в том числе выходцев из видных по отечеству и службе родов, представителей второстепенной служилой знати) записывалась в конец списков. Это приводило к тому, что в конце перечней дворовых чинов зачастую оказывались имена более знатных лиц, чем в начале и середине списков, то есть нарушался принцип расположения имен в соответствии со служебно-местническим положением служилых людей. Данное обстоятельство заставляло составителей боярских списков не ограничиваться только частными перемещениями имен внутри чиновных рубрик, а периодически радикально менять и общий порядок расположения имен в боярских списках. Один из таких случаев указан А.Л. Станиславским, — это существенные изменения порядка расположения имен дворовых в «подлинном» боярском списке 7139 (1630/31) г. по сравнению с предыдущим «подлинным» списком 7138 (1629/30) г.⁴⁸ Начиная с боярского списка 7139 г., устанавливается иной по сравнению с «подлинными» боярскими списками предшествующих лет (7134—7138 гг.) порядок расположения имен внутри чиновных перечней. Листы в самом боярском списке 7139 г. сильно перепутаны, однако их порядок легко восстанавливается по тексту боярской книги того же года (см. выше). При сравнении текстов «подлинного» списка и боярской книги 7139 г. с текстом «подлинного» боярского списка следующего, 7140 г. обнаруживается практически полное совпадение в порядке перечисления имен внутри чиновных разделов. Сходный порядок перечисления имен отмечается и в «подлинном» списке 7141 г., судя по сохранившимся его фрагментам. В целом совпадает со списками 7139—7140 гг. (за исключением отдельных перестановок) порядок расположения имен в следующем сохранившемся «подлинном» боярском списке — списке 7146 г. В нем обнаруживаются небольшие сбои, связанные с путаницей отдельных листов (л. 257 и 256). На листах 297—298 и 300—301 в середине списка дворян московских появляются перечни ряда новых, по сравнению с боярским списком 7140 г., имен (№ 575—593 и 621—638). Эти имена лиц, пожалованных в

московские дворяне, были вписаны на данное место, очевидно, еще составителями «подлинных» списков предшествующих годов (7142—7144): они значатся здесь и в боярской книге 7144 г. Близким к боярскому списку 7146 г. по структуре и последовательности расположения имен является «подлинный» список следующего, 7147 г. За исключением нескольких первых перепутанных листов в начале (см. выше), его состав и структура практически полностью повторяют состав и структуру боярского списка 7146 г. В основном совпадает со списками 7146 и 7147 гг. порядок перечисления имен «подлинного» боярского списка 7148 г. В то же время анализ содержания боярского списка 7148 г. обнаруживает, что его первоначальный текст, близкий по составу и структуре к «подлинным» спискам предыдущих лет, подвергся определенному редактированию. В списке дворян московских имена целого ряда лиц записаны дважды. При этом в одних случаях эти имена перечисляются в той же последовательности, что и в предшествующих «подлинных» списках (списках 7140—7147 гг.), а в других они записаны в нарушение прежнего порядка (л. 62, № 260—266; л. 64, № 313—322; л. 70, № 414—430; л. 72, № 446—456; л. 85—86, № 595—632; л. 91, № 692—701; л. 120, № 1114—1128; л. 122, № 1148—1193; л. 126, № 1213—1229). Эти вторые записи относятся, несомненно, к более позднему времени, чем первые, принадлежащие первоначальному тексту боярского списка 7148 г. Характерно, что в первых случаях имена дворян зачеркнуты, а во вторых — нет; в боярской книге 7148 г., в основу которой был положен, очевидно, первоначальный текст боярского списка 7148 г., порядок перечисления интересующих нас имен в основном совпадает с традиционным (как в предшествующих боярских списках и в первых записях списка 7148 г.). Редакторы «подлинного» боярского списка 7148 г. явно намеревались произвести пересмотр порядка перечисления дворянских имен в соответствии с их знатностью и положением при дворе. Показательно, что имена всех лиц, недавно пожалованных в московские дворяне из других московских чинов (стольников и стряпчих), представителей знатных и видных при дворе родов, которые первоначально были занесены в конец списка дворян московских, были затем еще раз записаны выше, в начало и середину данного раздела.

Кардинальному пересмотру порядок перечисления имен дворовых подвергся в «подлинных» боярских списках последу-

ющих лет, начиная со списка 7149 г. Листы в боярском списке 7149 г. сильно перепутаны. Однако если рассмотреть порядок перечисления имен дворовых по отдельным листам, то становится видно, что он значительно расходится с предыдущим боярским списком 7148 г. и практически полностью совпадает с «подлинным» боярским списком следующего, 7150 г. Анализ структуры «подлинного» списка 7150 г. обнаруживает, что последовательность расположения в нем имен стольников, стряпчих и дворян московских существенно изменена по сравнению с «подлинными» списками 1630-х гг., в том числе и списком 7148 г. При этом составителями списка 7150 г. были учтены перестановки имен дворян, сделанные редакторами списка 7148 г. Порядок перечисления имен в «подлинном» списке следующего, 7151 г. практически полностью совпадает с порядком их следования в списке 7150 г. Как показывает сопоставление «подлинного» боярского списка 7152 г. со списками 7150—7151 гг., в них совпадает последовательность перечисления имен стольников и стряпчих. В целом совпадает и последовательность перечисления имен дворян московских, хотя заметны перестановки ряда имен. В частности, около 50 имен дворян московских упомянуты дважды, что несколько нарушает общую структуру перечня. В «подлинном» списке 7153 г. последовательность перечисления имен практически полностью повторяет последовательность предыдущего списка, списка 7152 г., в том числе учтены сделанные в нем перестановки имен дворян московских. В сохранившемся «подлинном» боярском списке 7156 г. заметны значительные изменения в порядке перечисления имен стольников, что было связано, очевидно, с изменениями в раскладе политических сил в верхах государева двора в связи с воцарением Алексея Михайловича. Изменениям (хотя и в меньшей степени, чем в перечне стольников) подверглась между 7153 и 7156 гг. и последовательность передачи имен стряпчих. Что же касается перечня дворян московских, то его порядок в боярском списке 7156 г. по сравнению со списком 7153 г. остался без существенных нарушений. В «подлинном» боярском списке 7158 г. порядок перечисления имен дворовых (стольников, стряпчих и дворян московских) в целом совпадает с порядком боярского списка 7156 г.

Таким образом, мы наблюдаем периодические серьезные изменения порядка перечисления имен внутри чиновных руб-

рик «подлинных» боярских списков, связанные со стремлением привести этот порядок в соответствие с происхождением и реальным положением при дворе служилого человека. Для второй четверти XVII в. (1626—1650 гг.) выявляется определенная цикличность этих изменений — примерно один раз в 10 лет. Если в боярских списках 1620-х гг. (1625/26—1629/30 гг.) внутри чиновных рубрик сохраняется довольно устойчивый порядок перечисления имен, то в 7139 (1630/31) г. (боярский список этого года) этот порядок подвергается значительным изменениям. Установившийся с боярского списка 7139 г. новый порядок расположения имен дворовых сохраняется без существенных изменений в боярских списках на протяжении 1630-х гг. (1630/31—1639/40 гг.). Дальнейшим кардинальным изменением порядок перечисления имен дворовых подвергся в боярском списке 7149 (1640/41) г., и на протяжении десятилетия, с 7149 (1640/41) г. по 7158 (1649/50) г., он оставался в целом (за отмеченными выше исключениями) достаточно стабильным.

Власти явно придавали большое значение приведению списков дворовых в соответствие с их служебно-местническим положением, хотя боярские списки и не имели, как отметил А.Л. Станиславский, местнического значения⁴⁹. Подобное стремление к расположению имен в иерархическом порядке обуславливалось не только средневековым менталитетом, но и чисто практическими потребностями. Запись имен дворовых в боярские списки (основной вид документации для учета личного состава государева двора) в соответствии с их «отечеством» и служебной годностью давала правительству возможность лучше ориентироваться при росписи дворян на службу. Действительно, имена стольников, стряпчих и дворян московских, участвовавших в различного рода придворных церемониях, царских походах и т. д., перечисляются в разрядных книгах, как правило, в том же порядке, как они зафиксированы в «подлинных» боярских списках соответствующих годов. Соблюдение принципа иерархичности при записи имен дворовых в «подлинных» списках имело большое значение при распределении «служебных половин», для обеспечения более или менее равномерного состава лиц в этих чередующихся на службе «половинах».

Анализ порядка расположения имен дворовых в «подлинных» боярских списках в совокупности с данными других источников может позволить, как представляется, достаточно

точно и объективно судить о самой придворной иерархии, о реальной расстановке политических сил при государевом дворе. Дальнейшие исследования в этом плане представляются весьма плодотворными и перспективными.

Установление периодичности изменений распределения имен дворовых внутри чиновных рубрик дает новые возможности для реконструкции самих текстов боярских списков, восстановления порядка следования их листов и утраченных фрагментов. Так, реконструкцию порядка расположения листов боярского списка 7149 г. можно осуществить лишь на основе его сопоставления со списками последующих годов (списком 7150 г. и т. д.), а не с предыдущими списками (списком 7148 г. и др.), поскольку в плане порядка передачи имен список 7149 г. входит в круг боярских списков нового десятилетия (7149—7158 гг.). С другой стороны, мы можем с большой долей уверенности на основе сопоставления с предшествующими и последующими списками восстанавливать первоначальный порядок боярских списков, находящихся в рамках определенного десятилетнего цикла (7134—7138, 7139—7148, 7149—7158 гг.).

Подобную методику можно применить и для реконструкции первоначального порядка расположения листов (тетрадей) боярских книг, источником при составлении которых служили «подлинные» боярские списки. Результаты сравнения порядка расположения имен дворян московских⁵⁰ и листов в «подлинных» боярских списках 7140, 7146 и 7148 гг. и боярских книгах 7144 и 7148 гг. представлены нами в таблице 2. В графах таблицы указываются порядковые номера расположения имен дворян и номера страниц источника. Курсивом выделены порядковые номера дворян и листов в боярских книгах, которые оказались перепутанными по сравнению с первоначальным текстом. Сопоставление текстов боярских книг 7144 и 7148 гг. и боярских списков 7140, 7146 и 7148 гг. обнаруживает, что если порядок расположения листов и имен в боярских списках в целом совпадает⁵¹, то в боярских книгах имеются существенные сбои порядка следования листов (тетрадей) и самих дворянских имен. При этом в боярских книгах 7144 и 7148 гг. обнаруживаются и общие сбои листов (см. строку 2). Данное обстоятельство свидетельствует о том, что при составлении текстов боярских книг в качестве источника могли использоваться не только современные им «подлинные» боярские списки, но и тексты предыдущих боярских книг.

Таблица 2

№ п/п	Боярский список 7140 г.	Боярская книга 7144 г.	Боярский список 7146 г.	Боярский список 7148 г.	Боярская книга 7148 г.
1	№ 1-259 (л. 44-60)	№ 1-219 (л. 99-130 об.) ^I	№ 1-185 (л. 252-268)	№ 1-160 (л. 43-54)	№ 1-163 (л. 168-202 об.)
2	№ 260-319 (л. 60-65)	№ 281-335 (л. 139-146 об.)	№ 186-230 (л. 268-272)	№ 161-208 (л. 54-57)	№ 208-253 (л. 212-222 об.)
3	№ 320-383 (л. 65-70)	№ 220-280 (л. 131-138)	№ 231-277 (л. 272-276)	№ 209-255 (л. 57-61)	№ 164-207 (л. 202 об.-212)
4	№ 384-414 (л. 70-71)	№ 338-364 (л. 147-150 об.)	№ 278-298 (л. 276-278)	№ 256-282 (л. 61-62a)	№ 254-272 (л. 223-227 об.)
5	№ 415-464 (л. 71-73)	№ 365-409 (л. 150 об.-157)	№ 299-331 (л. 278-280)	№ 283-325 (л. 62a-65)	№ 306-336 (л. 236-243 об.)
6	№ 465-529 (л. 73-77)	№ 410-465 (л. 157-165)	№ 332-371 (л. 280-283)	№ 326-358 (л. 65-66a)	№ 273-305 (л. 228-236)
7	№ 530-571 (л. 77-80)	№ 466-500 (л. 165 об.-170 об.)	№ 372-400 (л. 283-284)	№ 359-382 (л. 66a-67)	№ 337-361 (л. 244-249 об.)
8	№ 572-801 (л. 80-93)	№ 928-1124 (л. 213-240)	№ 401-574 (л. 284-296)	№ 383-566 (л. 67-81)	№ 362-518 (л. 250-289)
9	-	№ 1125-1141 (л. 240-242)	№ 575-593 (л. 297-298) ^{II}	№ 567-573 (л. 81-83)	№ 519-536 (л. 289 об.-293 об.)
10	№ 802-835 (л. 93-95)	№ 1142-1167 (л. 242-244 об.)	№ 594-620 (л. 298-300)	№ 574-637 (л. 83-87)	№ 537-562 (л. 294-300 об.)
11	-	№ 1168-1185 (л. 245-246 об.)	№ 621-638 (л. 300-301) ^{III}	№ 638-655 (л. 88)	№ 563-580 (л. 300 об.-305)
12	№ 836-1007 (л. 95-107) ^{IV}	№ 501-632 (л. 171-183 об.)	№ 639-775 (л. 302-311)	№ 656-792 (л. 88-97)	№ 581-708 (л. 305-336 об.)
13	-	№ 633-927 (л. 183 об.-212 об.)	№ 776-1084 (л. 311-333)	№ 793-1084 (л. 97-117)	№ 709-991 (л. 337-407)
14	-	№ 1186-1326 (л. 247-261)	№ 1085-1242 (л. 333-344) ^V	№ 1085-1306 (л. 117-131)	№ 992-1206 (л. 407-460 об.)
15	-	№ 1327-1341 (л. 261 об.-262 об.) ^{VI}	-	№ 1307-1332 (л. 131-134)	№ 1207-1234 (л. 461-467)
16	-	-	-	№ 1333-1378 (л. 134-138) ^{VII}	упомянуты выше
17	-	№ 1386-1639 (л. 268-310) ^{VIII}	-	-	-
18	-	-	-	-	№ 1235-1488 (л. 467 об.-517 об.) ^{IX}
19	-	-	-	-	№ 1533-1552 (л. 525 об.-531 об.) ^X

Точно так же, путем сопоставления с текстами предшествующих и последующих «подлинных» боярских списков, можно восстановить первоначальный порядок расположения листов боярской книги 7155 г.⁵² Из данных таблицы 3 мы видим, что первоначально листы в боярской книге должны были располагаться в следующем порядке: 1—15, 121—158, 173, 167—172, 159—166, 97—120, 16—96 об., 174—221 об.

Таблица 3

№ п/п	Боярский список 7153 г.	Боярская книга 7155 г.	Боярский список 7158 г.
1	№ 1-93 (л. 35а-43)	№ 1-62 (л. 1-15)	№ 1-54 (л. 46-49)
2	№ 94-285 и 292 (л. 43-58)	№ 488-646 (л. 121-158)	№ 55-194 и 200 (л. 49-56)
3	№ 287-291 (л. 58)	№ 704-707 (л. 173)	№ 195-199 (л. 56)
4	№ 293-324 (л. 58-60)	№ 680-703 (л. 167-172)	№ 201-220 (л. 56-57)
5	№ 325-367 (л. 60-62)	№ 647-679 (л. 159-166)	№ 221-249 (л. 57-58)
6	№ 368-492 (л. 62-72)	№ 391-487 (л. 97-120)	№ 250-331 (л. 58-62)
7	№ 493-862 (л. 72-101)	№ 63-390 (л. 16-96 об.)	№ 332-627 (л. 62-78)
8	№ 863-1079 (л. 101-117)	№ 708-899 (л. 174-221 об.)	№ 628-801 (л. 78-86)

Выявленные выше закономерности порядка записи имен дворовых внутри чиновных рубрик (периодичность его обновления — примерно 1 раз в 10 лет) важны и в плане публикации текстов «подлинных» боярских списков. Думается, что в целях скорейшего введения в научный оборот этого ценнейшего источника есть смысл передавать в виде документальных таблиц содержание «подлинных» боярских списков целыми группами текстов, внутри которых существует устойчивый порядок передачи имен дворовых (списки 7134—7138 гг., 7139—7148 гг. и 7149—7158 гг.). Перспективность такого рода изданий видится в том, что одновременно здесь могут решаться и задачи реконструкции текстов боярских списков.

Важной разновидностью боярских списков наряду с «подлинными» являются списки «наличные». Как убедительно показал А.Л. Станиславский, основная цель составления «наличных» списков состояла в учете состава дворовых, находившихся на столичной службе, а само появление этого типа боярских списков было связано с практикой регулярной сменяемости (на протяжении одного года) службы членов двора на Москве в результате чередования «половин» («московской», «отпускной») и провинциальных назначений⁵³.

В отличие от «подлинных» боярских списков, которые, как правило, составлялись один раз в год (исключением является 7136 г., когда было составлено два «подлинных» списка), в его начале⁵⁴, и действовали на протяжении всего года, «наличные» списки, фиксировавшие очередность службы дворовых на Москве и сменяемость различных «половин», составлялись в течение года неоднократно, а срок их действия ограничивался несколькими месяцами.

Выявление и атрибуция «наличных» боярских списков вызывают определенные трудности. Следует прежде всего отметить некоторые особенности «наличных» боярских списков рассматриваемого нами периода по сравнению с «наличными» списками 1620-х гг. С начала 1630-х гг. меняется сама форма «наличных» боярских списков. Если «наличные» списки 20-х гг. обычно включали в свой состав перечни дворовых всех трех частей — «московской», «отпускной» и «служебной» (то есть содержали полные, хотя и по-иному организованные, чем в «подлинных» списках, перечни членов двора)⁵⁵, то в «наличных» боярских списках 30—40-х гг. фиксировалась, как правило, только «московская часть» (состав дворовых, призванных на очередную службу в Москву). Соответственно, в списках 30—40-х гг. отсутствуют (за отдельными исключениями⁵⁶) деление на части и какие-либо особые заголовки, помимо обычного разделения на чины. Внешне «наличные» боярские списки рассматриваемого времени во многом походили на «подлинные»: и в тех, и в других роспись членов двора дается исключительно по чинам. В то же время ряд признаков позволяет безошибочно отличить «наличный» боярский список от «подлинного»: в «наличных» списках представлены неполные перечни дворовых, отсутствуют пометы о службах на воеводствах в городах и в других «дальних» посылках, нет списков вновь пожалованных в дворовые чины, не содержится росписей дьяков по отдельным приказам. Сложность атрибуции «наличных» боярских списков за рассматриваемый нами период обуславливается тем обстоятельством, что большая их часть сохранилась без начала и заглавий; нередко в них вообще отсутствуют датированные пометы. Зачастую их датировку приходится осуществлять на основании лишь косвенных данных (сведений о персоналиях и т. д.). Не случайно значительная часть сохранившихся текстов «наличных» боярских списков 30—40-х гг. вовсе не атрибутирована в архивных описаниях. Данное обстоятельство заставило нас наряду с изучением известных списков провести сплошное обследование недатированных столбцов Разряда.

Данные о периодичности составления и степени сохранности «наличных» боярских списков 30—40-х гг. XVII в. представлены нами в таблице 4. В первой колонке приводятся сведения о «наличных» списках, содержащиеся в Описи архива Разрядного приказа 1668 г., во второй — данные о реально дошедших до нас текстах.

Таблица 4 *

Годы	Опись 1668 г.	Сохранились к настоящему времени
1	2	3
7139	[3 списка наличных:] с сентября	РГАДА, ф. 210, М.С., № 68, столпик 3, л. 1-78 ^{XI}
7139	?	РГАДА, ф. 210, М.С., № 1070, столпик 5, л. 1-71 (октябрь?) ^{XII}
7139	с февраля	-
7139	с мая 139-го ж году.	РГАДА, ф. 210, Столбцы разных столов, № 139, л. 14-65 ^{XIII}
7140	[4 списка наличных:] с сентября	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 83, столпик 4, л. 1-80 ^{XIV}
7140	с февраля	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1057, столпик 4, л. 40-127 ^{XV}
7140	с мая	-
7140	с июля 140-го году.	-
7141	[2 списка наличных:] 3 декабря	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1088, столпик 1 ^{XVI}
7141	да с июня 141-го году	РГАДА, ф. 210, М.С., № 356, столпик 1 ^{XVII}
7141	Список 141-го году, а подлинной ли или наличной, того в начале не написано	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 86, столпик 3 (в ОММЮ – ошибочно столпик 4), л. 1-20 ^{XVIII}
7141	Список дворян московских, с начала отодрано по князь Богданово имя князь Васильева сына Ростовского, а по помете над Богдановым именем Белкина 141-го году. С одного краю подран и погнул, а подлинной ли или наличной – не ведомо.	-
7142	[2 списка наличных:] с сентября	-
7142	да с января 142-го году	-
7142	2 списка, что остались за смоленскую службою, 142-го ж году, а которого месяца, того не написано.	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1149, столпик 2, л. 1-25 (март-апрель?) ^{XIX} , РГАДА, ф. 210, М.С., № 91, столпик 1 (январь?) ^{XX}
7143	[3 списка наличных:] с сентября	РГАДА, ф. 210, М.С., № 111, столпик 1, л. 1-31 ^{XXI}
7143	с октября	РГАДА, ф. 210, М.С., № 111, столпик 2, л. 1-26 ^{XXII}
7143	с августа 143-го ж году	РГАДА, ф. 210, М.С., № 111, столпик 3, л. 1-113 ^{XXIII}
7143	Список, по пометам в стряпчих над Кириловым именем Бешенцова, да над Федором Нестеровым 143-го ж году, а подлинной ли или наличной – не ведомо: с начала отодрано боярина по князь Андреево имя Васильевича Жилкова.	-
7143	Список, по пометам над имяны 143-го ж году, начало отодрано кравчего по князь Васильево имя Яншеевича Сулацова, погнул.	-
7143	Список 143-го ж году, а подлинной ли или наличной – не ведомо, с начала отодрано думного дьяка по Иваново имя Гавренева	-

* Курсивом выделяются списки, датируемые впервые.

Продолжение табл. 4

1	2	3
7143	?	РГАДА. Ф. 210, М.С., № 119, л. 1-126 (осень) ^{xxxiv} .
7144	[2 списка наличных:] с сентября по январь,	(?) РГАДА. Ф. 210, Д.О., № 37, л. 1-50 ^{xxxv} , (?) РГАДА. ф. 210, М.С., № 1098, столбик 2, л. 1-47 ^{xxxvi}
7144	да с мая 144-го году.	РГАДА, ф. 210, М.С., № 117, столбик 2, л. 1-147 ^{xxxvii} .
7144	Список, по пометам над именами 144-го ж году, с начала отодрано боярина по князь Иваново имя Борисовича Черкасского.	-
7144	2 списочка, с сентября месяца декабря по 25-е число, которым быть на Москве, 144-го ж году, а з генваря быти в отпуску.	(?) РГАДА. ф. 210, М.С., № 117, столбик 1, л. 1-91 ^{xxxviii} , (?) РГАДА. Ф. 210, М.С., № 1129, столбик 3, л. 1-62 ^{xxxix} .
7145	[2 списка наличных:] с сентября	РГАДА, ф. 210, М.С., № 122, столбик 3, л. 1-67 ^{xxxix} , (?) РГАДА, ф. 210, Столбцы разных столов, № 139, л. 66-166 ^{xxxxi} .
7145	да с мая 145-го ж году.	-
7146	[3 списка наличных:] з генваря	РГАДА, ф. 210, М.С., № 1161, столбик 1, л. 1-73 ^{xxxxi} .
7146	с ъноня	РГАДА, ф. 210, М.С., № 131, столбик 2 (в ОМАМОЮ ошибочно – столбик 1), л. 1-69 ^{xxxxi}
7146	да с августа 146-го ж году.	РГАДА, ф. 210, М.С., № 130, столбик 2, л. 1-76 ^{xxxiv} .
7146	Список боярской же, а подлинной ли или наличной – не ведомо, начало отодрано печатника по Иваново имя Тарасьевича Грамотина.	(?) ^{xxxv} .
7146	Список с сентября по январь 146-го году.	(?) РГАДА. ф. 210, М.С., № 132, столбик 3, л. 1-54 ^{xxxvi} .
7147	[4 списка наличных:] с сентября	(?) РГАДА. ф. 210, М.С., № 1073, столбик 1, л. 3-93 ^{xxxvii} .
7147	з генваря	(?) РГАДА. ф. 210, М.С., № 1086, столбик 2, л. 1-90 ^{xxxviii} .
7147	с апреля	(?) РГАДА. ф. 210, М.С., № 1062, столбик 6, л. 1-119 ^{xxxix} .
7147	да с ъноня 147-го году.	(?) РГАДА. ф. 210, М.С., № 1094, столбик 5, л. 5-44 ^{xl} .
7147	Список, по пометам над именами 147-го ж году, начало отодрано печатника по Иваново имя Тарасьевича Грамотина.	(?) ^{xli} .
7148	[3 списка наличных:] с сентября	РГАДА, ф. 210, М.С., № 154, столбик 3, л. 1(4)-79 ^{xlii} .
7148	з генваря	РГАДА, ф. 210, М.С., № 155, столбик 1, л. 1-124 ^{xliii} .
7148	да с мая 148-го ж году.	РГАДА, ф. 210, М.С., № 155, столбик 3, л. 1-95 ^{xliiv} .
7148	Да список ж, кому жить на Москве з генваря.	(?) ^{xliv} .
7149	[6 списков наличных:] 2 с сентября	РГАДА, ф. 210, М.С., № 166, столбик 6, л. 1-101 ^{xlvi} .
7149	да с февраля	РГАДА, ф. 210, М.С., № 166, столбик 4, л. 1-50 ^{xlvii} .
7149	с апреля	-

Продолжение табл. 4

1	2	3
7149	да с ьноня	-
7149	с августа 149-го году.	РГАДА, ф. 210, М.С., № 165, столпик 1, л. 1-82 ^{XLIII}
7149	Да список того ж году наличной же, з генваря.	-
7150	[4 списка наличных:] с сентября	РГАДА, ф. 210, М.С., № 174, столпик 3, л. 1-89 ^{XLIX}
7150	з генваря	РГАДА, ф. 210, М.С., № 171, столпик 1, л. 1-131 ^L
7150	с апреля	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1130, столпик 1, л. 1-89 ^{LI}
7150	с мая 150-го ж году.	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1098, столпик 5, л. 1-59 ^{LII}
7151	[5 списков наличных:] с сентября	РГАДА, ф. 210, М.С., № 182, столпик 1, л. 1-97 ^{LIII}
7151	з генваря	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1124, столпик 2, л. 1-107 ^{LIV}
7151	с апреля	-
7151	с июля	РГАДА, ф. 210, М.С., № 182, столпик 2, л. 1 ^{LV}
7152	[5 списков наличных:] 2 с сентября,	РГАДА, ф. 210, М.С., № 186, столпик 3, л. 1-74 ^{LVI} ; (?) РГАДА, ф. 210, Столбцы разных столов, № 26, л. 1-70 ^{LVII}
7152	2 ж с генваря	-
7152	да с мая	РГАДА, ф. 210, М.С., № 186, столпик 1, л. 3-104 ^{LVIII}
7152	и з генваря один с одну сторону погнил, 152-го ж году.	-
7152	Да список, а которого месяца, того не ведомо, начало отодрано боярина по князь Дмитреево имя Мамстрюковича Черкасского.	-
7153	[4 списка наличных:] 2 с сентября	РГАДА, ф. 210, М.С., № 189, столпик 7, л. 1-105 ^{LIX} ; РГАДА, ф. 210, М.С., № 189, столпик 1, л. 1-57 ^{LX}
7153	з генваря	-
7153	с мая 153-го ж году.	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1071, столпик 1, л. 1-65 (май?) ^{LXI}
7154	4 списка наличных: з генваря	-
7154	с марта	РГАДА, ф. 210, М.С., № 202, столпик 2, л. 1 (?) ^{LXII}
7154	2 с ьноня 154-го ж году.	РГАДА, ф. 210, М.С., № 202, столпик 3, л. 1-77 ^{LXIII}
7154	Список, начала нет, с которого месяца, того не ведомо, отодрано по бояр.	-
7154	-	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1121, столпик 2, л. 1-62 (октябрь?) ^{LXIV}
7155	[3 списка наличных:] с октября	-
7155	з генваря	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1144, столпик 2, л. 1-42 ^{LXV}
7155	да с ьноня 155-го году.	-

Продолжение табл. 4

1	2	3
7155	Список наличной же, с начала отодрано боярина по князь Петрово имя Ивановича Пронского.	-
7156	[4 списка наличных:] 2 з генваря	РГАДА, ф. 210, М.С., № 1103, столпик 4, л. 27-139 ^{LXVI}
7156	Да 2 с ьюля 156-го ж году.	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 216 л. 1-114 ^{LXVII}
7157	[3 списка наличных:] с сентября	-
7157	да с октября	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1142, столпик 2, л. 1-9 ^{LXVIII}
7157	Да з генваря; у одного с начала отодрано боярина по князь Борисово имя Александровича Репнина; 157-го ж году.	РГАДА, ф. 210, М.С., № 1124, столпик 4, л. 1-106 ^{LXIX}
7157	?	(?) РГАДА, ф. 210, М.С., № 1137, л. [148-164, 179-183, 185-187, 191-221] (апрель и июль?) ^{LXXX}
7158	?	РГАДА, ф. 210, М.С., № 1064, столпик 2, л. 1-88 (март?) ^{LXXXI}

Всего в Описи 1668 г. за 7139—7158 гг. упоминается 84 «наличных» боярских списка, включая 14 списков без обозначения месяца составления. За этот же период нам удалось выявить тексты 60 «наличных» боярских списков. Хотя это, очевидно, далеко не все реально дошедшие до нас «наличные» списки, мы все же располагаем текстами подавляющего их большинства (более 70 %).

Согласно данным Описи 1668 г. и приведенным выше сведениям о сохранившихся текстах боярских списков, в среднем за год в 30—40-е годы XVII в. составлялось не менее 4 «наличных» списков. Как отмечалось выше, «наличные» боярские списки фиксировали периодическую сменяемость службы членов государева двора на Москве. По установившейся традиции смена состава дворовых, призываемых для несения службы в столице, происходила каждую треть года. В течение каждой трети года одна часть («первая половина») дворовых (стольников, стряпчих и дворян московских⁵⁷) несла службу на Москве, а другая их часть («вторая половина») находилась в отпусках; затем очередь менялась: дворовые, составлявшие ранее «отпускную половину», призывались на московскую службу, а «московская половина» отправлялась в «отпуска». Кроме того, определенная часть членов двора находилась «по службам» — на воеводствах в городах, в посольствах и т. д.⁵⁸ Обычно чередование

«московской» и «отпускной» «половин» происходило в следующие сроки: сентябрь—декабрь, январь—апрель, май—август. Это видно из заголовков, стоящих перед списками стольников, стряпчих и дворян московских в «наличных» боярских списках⁵⁹: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские 1-й половины, жити им на Москве с сентября генваря по 1 число» (сентябрьский «наличный» список 7145 г.); «Стольники и стряпчие, и дворяне московские, быти на Москве генваря с 1 числа по май» (январский список 7144 г.); «Стольники и стряпчие, и дворяне московские 153-го году сентября быти им на Москве в 1-й половине по генварь месяц» (январский список 7155 г.) и т. д. В «наличном» списке 7146 г. сохранились названия следующих разделов: 1) «В прошлом в 145 году были в другой половине, а в нынешнем в 146-м году в 1-й половине»; 2) «...на Москве в первой [половине] с сентября генваря по 1 число. А в нынешнем 14[6] году быти во 2-й полови[не] генваря с 1-го числа до весны». Имена дворян, ошибочно записанные в «наличные» «московские» списки, вычеркивались, и над ними ставилась помета: «В отпускной половине»⁶⁰. Цикличности прохождения службы дворовых на Москве соответствовала и определенная цикличность составления «наличных» боярских списков. Как правило, они составлялись в сентябре, январе и мае. По мере надобности (в связи с необходимостью уточнить состав дворовых «налицо» и редактированием текста «наличного» списка⁶¹, с изменениями сроков службы дворовых на Москве и т. д.) «наличные» списки могли изготовляться и в другие месяцы, что, однако, являлось, скорее, исключением из общего правила. Всего за период с 7139 г. по 7158 г. месяцы составления известны для 78 «наличных» списков (см. табл. 4); из них 19 было составлено в сентябре, 5 — в октябре, 1 — в декабре, 20 — в январе, 3 — в феврале, 2 — в марте, 5 — в апреле, 8 — в мае, 7 — в июне, 5 — в июле, 3 — в августе (за ноябрь месяц «наличных» списков не упоминается). Из этих данных мы видим, что максимальное количество «наличных» списков приходилось именно на сентябрь, январь и май (всего 47 списков, или 60 % от общего состава). Чередование службы дворовых не всегда, однако, укладывалось в эти традиционные три срока. В связи с ростом численности государева двора правительство в XVII в. не раз предпринимало попытки установить

иную периодичность чередования службы дворовых на Москве, равную четверти года вместо традиционной трети года. Согласно этому новому порядку, смена «московской» и «отпускной» «половин» должна была происходить чаще — раз в три, а не в четыре месяца. Подобного рода попытки наблюдаются уже в 40-х гг. XVII в. Характерно в этом отношении само заглавие одного из «наличных» списков 7156 (1648) г.: «Стольники, стряпчие и дворяне московские всех четырех четьи оприч тех, которые по службам, налицо»⁶². До нас дошли фрагменты текстов двух «наличных» боярских списков 7157 г., сохранивших свои заголовки: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские. Быть им на Москве апреля с 1 числа июля по 1 число нынешняго 157-го году» и «Стольники и стряпчие, и дворяне московские. По государеву указу быть на Москве с ыюля 157-го году по октябрь 158-го году»⁶³. Согласно этим заглавиям, чередование службы дворовых (1 апреля — 1 июля, июль — октябрь) осуществлялось через три, а не четыре месяца, т. е. смена состава дворовых на Москве происходила каждую четверть года. Этот новый порядок, по-видимому, не прижился надолго, и впоследствии власти вернулись к традиционному порядку службы по «третям» — вопрос об изменении сроков службы дворовых поднимается вновь уже в 70-е гг. XVII в. В 1676 г. была составлена докладная выписка о том, следует ли расписать московских чинов на трети или на четверти. В начале выписки приведены итоговые данные о московских чинах за вычетом тех, кто был в отсылках и на Москве у дел: стольников — 308, стряпчих — 370, дворян — 340, жильцов — 1460, всего — 2478 чел. «И будет великий государь укажет жить им по четвертям, итого будет в четьях»: стольников по 77 чел., стряпчих — по 92 чел., дворян — по 85 чел., жильцов — по 365 чел., всего по 621 чел. в четверти. «А будет те чины расписать в трети, и в трети будет»: стольников по 103 чел., стряпчих — по 126 чел., дворян — по 113 чел., жильцов — по 487 чел., всего по 829 чел. в трети⁶⁴.

Механизм составления «наличных» боярских списков на материалах 1620-х годов хорошо показан А.Л. Станиславским: «отпускная часть предыдущего «наличного» списка ложилась обычно в основу московской части последующего, а московская часть — в основу отпускной»⁶⁵. Изучить технику составления «наличных» списков и конкретную практику сменяемости

состава дворовых на Москве в 30—40-е годы XVII в. значительно сложнее. Как уже отмечалось выше, разделение «наличных» списков на части («московскую», «отпускную» и «служебную») в рассматриваемое нами время обычно не практиковалось, и боярские списки фиксировали, как правило, лишь имена дворовых, подлежащих призыву на службу в столицу. Кроме того, сам состав лиц, перечисляемых «наличными» боярскими списками даже одного года, далеко не всегда сопоставим между собой — перечни дворовых отдельных «наличных» списков существенно разнятся в количественном отношении. Так, в сентябрьском «наличном» списке 7143 г. перечислены имена 70 стольников, 39 стряпчих и 193 дворян московских, а в августовском списке того же года значатся уже 293 стольника, 158 стряпчих и 840 дворян московских⁶⁶, осенью же 7143 г. был составлен «наличный» боярский список, в котором перечисляются имена более 310 стольников, около 200 стряпчих и около 1050 дворян московских⁶⁷.

Наряду с обычными («московскими»⁶⁸) «наличными» списками, фиксирующими состав дворовых, призванных на очередную службу в столицу, распространение в 30—40-х годах получила практика составления боярских списков более широкого состава, в которых перечислялись имена дворовых (как «московской», так и «отпускной» половин), свободных от дальних служб. К этой последней группе боярских списков относятся: сентябрьский список 7139 г.⁶⁹, в котором перечислены имена 244 стольников, 100 стряпчих и 730 дворян московских (против 283 стольников, 103 стряпчих и 959 дворян московских, упомянутых в «подлинном» списке этого года⁷⁰); майский список 7139 г. (725 дворян московских)⁷¹; сентябрьский список 7140 г. (260 стольников, 100 стряпчих, 712 дворян московских — против упомянутых в «подлинном списке этого года 110 стряпчих и 1015 дворян московских»)⁷²; декабрьский список 7141 г. (свыше 250 стольников, 100 стряпчих и 755 дворян московских)⁷³; сентябрьский список 7143 г. (более 310 стольников, 200 стряпчих, 1047 дворян московских)⁷⁴; майский список 7144 г. (305 стольников, 170 стряпчих, 1020 дворян московских)⁷⁵; сентябрьский 7145 г. (322 стольника, 169 стряпчих, 1080 дворян московских)⁷⁶; апрельский 7147 г. (216 стольников, 167 стряпчих, 1012 дворян московских — против 370 стольников, 187 стряпчих и

1278 дворян московских, упомянутых в «подлинном» списке этого года)⁷⁷; январский 7148 г. (308 стольников, 141 стряпчий, 1121 дворянин московский — против 403 стольников, 175 стряпчих и 1378 дворян московских, упомянутых в «подлинном» списке этого года)⁷⁸; январский 7150 г. (284 стольника, 156 стряпчих, 1065 дворян московских — против 349 стольников, 201 стряпчего, 1220 дворян московских)⁷⁹; майский 7152 г. (261 стольник, 150 стряпчих, 1000 дворян московских — против 348 стольников, 221 стряпчего и 1432 дворян московских в «подлинном» списке этого года)⁸⁰; сентябрьский 7153 г. (248 стольников, 145 стряпчих, около 1000 дворян московских — против 217 стряпчих и 1380 дворян московских в «подлинном» списке этого года)⁸¹; январский 7156 г. (314 стольников, 219 стряпчих, 1023 дворянина московских — против 323 стольников, 270 стряпчих и 1350 дворян московских в «подлинном» списке этого года); июльский 7156 г. (352 стольника, 227 стряпчих, 1015 дворян московских); мартовский список 7158 г. (1189 дворян московских)⁸². Внешне списки данной группы во многом напоминают «подлинные» боярские списки, и лишь некоторые признаки (отсутствие помет о службе в городах, росписей дьяков по приказам и городам, выделение списков вновь пожалованных) не позволяют отнести их к разряду «подлинных». Порядок перечисления имен дворовых внутри чиновных рубрик в них в целом совпадает с порядком перечисления в «подлинных» списках, опускались лишь имена лиц, находившихся на воеводствах в городах, в посольствах, в писцах и прочих «отсылках», бывших в опале и ссылке, умерших к моменту составления боярского списка. Рассматриваемая группа списков не является при этом каким-то особым типом боярских списков наряду с «подлинными» и «наличными» списками, а представляет собой разновидность именно «наличных» боярских списков. Об этом свидетельствуют сами заголовки данных документов: «Список бояр... с сентября 139-го году, налицо», «Список бояр... нынешнего 148-го году, с генваря налицо» и т. д. Составление «наличных» боярских списков этой разновидности (условно ее можно обозначить как «московско-отпускную») вызывалось особыми обстоятельствами, когда возникала потребность присутствия в столице максимального числа членов государева двора. Такими случаями могли быть, например, торжественные встре-

чи «великих» посольств иностранных государств. В частности, в разряде встречи «великих послов» Польско-Литовского государства в феврале 7143 (1635) г. только среди расписанных по сотням значится 455 стольников и стряпчих и 894 дворянина московских⁸³, то есть на Москве находились практически все дворовые, свободные от «дальних» служб. В столбцах Разрядного приказа сохранились многочисленные материалы, свидетельствующие о том, как осуществлялся на практике созыв в Москву дворовых, находившихся в отпусках в своих имениях (посылка в уезды специально назначенных приставов и т. д.).

Существенная разница в плане передачи численности дворовых наблюдается нередко и в самих «московских» боярских «наличных» списках, то есть списках, фиксировавших состав лиц, несших очередную службу на Москве. Некоторые списки данной группы вели учет всего состава дворовых, призванных на столичную службу (в том числе и для охраны южных подступов к Москве), другие учитывали лишь состав дворовых, служивших непосредственно в Москве, «оприч тех, которые... на государеве службе на Туле и по иным местам»⁸⁴. «Наличные» боярские списки могли составляться в связи с чередованием «дневальной» (охрана царского дворца) и «походной» (сопровождение царя во время его выездов на богомолье в монастыри) служб дворовых⁸⁵. Некоторые «наличные» списки рассматриваемого периода содержат пометы об участии стольников, стряпчих и дворян московских в царских «походах» на богомолье («В поход», «В походе»)⁸⁶, хотя для большинства других «наличных» боярских списков 30—40-х годов подобные пометы не характерны. Данные списки несколько отличаются от других «московских» «наличных» списков и численностью упомянутых имен дворовых. Так, если в первой части сентябрьско-январского списка 7146 г., содержащего пометы о «походной» службе, значится всего 66 имен стольников, а во второй — 115 стольников, 53 стряпчих и 410 дворян московских, то в остальных «московских» «наличных» списках этого года (январском, июньском и августовском) перечисляется от 158 до 167 стольников, 75—110 стряпчих и 605—650 дворян московских⁸⁷. Количество дворовых, призываемых на столичную службу, зависело от конкретной военной обстановки. Во время больших войн, когда значительная часть членов государева двора участвовала

в боевых действиях, на службе в столице находилось намного меньше дворовых, чем в обычное время. Так, в «Списке бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, которые остались за смоленскою службою со 142-го году налицо» значатся имена всего 55 стольников, 16 стряпчих и 172 дворян московских⁸⁸ (менее 17 % от общего состава стольников, 13 % стряпчих и 15 % дворян московских). Обычно же в «московских» «наличных» списках перечисляется примерно половина (несколько больше или меньше) от общего состава служилых людей московских чинов, не занятых на «дальних» службах. Таким образом, изучение истории составления «наличных» боярских списков, особенностей каждого из них, состава записанных в них имен возможно лишь в контексте общей внутри- и внешнеполитической ситуации в стране, с привлечением дополнительно других документов Разряда (полковых росписей, смотренных списков, разрядных книг, записных книг Московского стола и т. д.).

«Наличные» боярские списки, сохранившиеся за каждый год (причем, как правило, одновременно по нескольким спискам за год), существенно дополняют данные «подлинных» списков о персональном составе и службе дворовых. Использование в совокупности материалов «подлинных» и различных типов «наличных» боярских списков дает возможность погодно и практически во всех деталях проследить изменения состава и структуры государева двора в XVII в. Большой интерес представляют пометы боярских списков⁸⁹, в которых, помимо данных собственно о службах членов двора, содержатся сведения о самых различных сторонах государственной и придворной жизни. Выявление максимально полного числа текстов боярских списков позволит значительно расширить круг источников по социально-политической истории XVII в. и, в частности, на основании помет боярских списков пополнить данные существующих справочников о персональном составе государственного аппарата России (воеводах, приказных судьях и т. д.⁹⁰).

Примечания к таблицам

¹ Л. 99—106 расположены в обратном порядке; л. 130—130 об. (№ 212—219) ошибочно расположены между л. 122 об. и л. 123.

^{II} Имена дворян вписаны впервые по сравнению с боярским списком 7140 г.

^{III} Имена дворян вписаны впервые по сравнению с боярским списком 7140 г.

^{IV} Далее идет список иноземцев, служивших с московскими дворянами [№ 1008—1115 (л. 95—104)], а после — списки дьяков.

^V Далее идет список иноземцев, служивших с московскими дворянами [№ 1243—1286 (л. 345—347 и 349)], а после — списки дьяков.

^{VI} Здесь под № 1328, 1337 и 1341 фигурируют даты 7146—7149 гг. Далее идет список иноземцев, служивших с московскими дворянами [№ 1342—1385 (л. 263—267 об.)].

^{VII} Здесь идут дворяне под рубриками: «Из стольников по московскому списку 147 году сентября в 1 день писаны все выше» (л. 134) и «Из стряпчих» (л. 134). Далее следует список иноземцев, служивших с московскими дворянами [№ 1379—1423 (л. 138—143)], затем — список дьяков.

^{VIII} Здесь идут имена лиц, записанные вторично (упоминаются выше в разных местах). Далее идет список дьяков.

^{IX} Здесь идут имена лиц, пожалованных после 7148 г. Далее идет список иноземцев, служивших с московскими дворянами [№ 1489—1532 (л. 518—525)].

^X Здесь перечисляются лица, пожалованные в 7156—7158 гг. Далее следуют списки дьяков.

^{XI} Сохранился полностью. Заголовок: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков, с сентября 139-го году, налицо». См. о нем: *Станиславский А.Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // *Актовое источниковедение: Сборник статей.* М., 1979. С. 138.

^{XII} Начало не сохранилось, начинается со списка стольников (с имени кн. Б.А. Репнина). Вторая («отпускная») часть списка озаглавлена: «По государеву указу быть в отпуске в деревнях с осени по генварь нынешняго 139-го году» (л. 43). Датированных помет нет. Был составлен не ранее октября 1630 г., т. к. среди дьяков упомянут Федор Витовтов (л. 40), который, согласно «подлинному» списку 7139 г., был пожалован в этот чин из подьячих в октябре этого года (л. 119), и не позднее января 1631 г., т. к. среди дворян упоминается кн. А.Д. Примков-Ростовский (л. 58), умерший 20 января 1631 г. (Вел. князь Николай Михайлович. Московский некрополь. СПб., 1907. Т. II. С. 464). Среди патриарших дьяков упомянут Григорий Иванов (зачеркнут, с пометой «На Алатар» — л. 41). В «подлинном» списке 7139 г. (л. 127) он значится с пометой: «139-го октября в 28 день отставлен». В конце перечня дворян московских первой «половины» (л. 36—37) упоминаются лица, которые, согласно «подлинному» списку 7139 г. (л. 113—114), были пожалованы в чин с сентября по 6 октября 1630 г. (кн. М.М. Жеряпин, Т.Г. Хотунский, Т.Ф. Караулов, Ф.К. Елизаров, А.И. Сумароков, С.А. Извольский, Е.Ч. Челищев, Т.С. Владычкин,

И.А. Колобов, И.И. Крюков, В.Н. Александров, Л.Г. Житов, И.Г. Шапилов). На одну строку с кн. М.М. Жеряпиным (пожалован 5 сентября) был вписан Г.Я. Купшелев, пожалованный в московские дворяне 7 декабря. И.И. Крюков первоначально был записан в числе пожалованных 1 октября, но затем был вычеркнут и написан среди пожалованных 2 декабря. Вероятно, список был составлен в октябре и оставался действующим документом еще в декабре. Не упоминается у А.Л. Станиславского.

^{xiii} Начинается с середины перечня стряпчих (с имени Ф.Т. Племянникова). А.Л. Станиславский относит его к 1630 г. (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. М., 1979. Ч. I. С. 43). Более точно список можно датировать по пометам «139-го умре», стоящим над именами дворян Д.П. Свечина, К.М. Ивашкина, А.Б. Измайлова и Г.И. Скобелыцына (л. 38—39, 42, 49). Согласно данным «подлинного» списка 7139 г. (л. 83, 84, 91, 104), первый из них умер 12 июля, второй — в мае, третий — 2 августа, четвертый — в июне (июле?). Возможно, это упомянутый в Описи 1668 г. список «с мая 139-го году».

^{xiv} В ОМAMЮ не датирован, между тем в его тексте встречаются пометы от ноября и 12 декабря 7140 (1631) г. Возможно, перед нами сентябрьский список, указанный в Описи 1668 г. Список начинается с имени боярина Ф.И. Шереметева. В нем отсутствуют склейки со списками окольных и думных дворян; на л. 76 (перепутан) значатся списки постельничего, думных дяков и ясельничего.

^{xv} Ошибочно датирован в ОМAMЮ 7130 г. (вероятно, по заголовку списка иноземцев — «Иноземцы новокрещены, которые... написаны в список с 130-го году»). Датированных помет в списке нет, однако ряд признаков позволяет отнести его к 7140 г. — над именем Р.Я. Лодыгина (зачеркнут) стоит помета «В Кашине». Согласно разрядным книгам, он служил там воеводой в 7140 г. (Книги разрядные. СПб., 1855. Т. II. Стб. 685). Дворянин Я.С. Волошенинов упоминается в списке с пометой «умре» (л. 53); с пометой «140-го умре» он упоминается и в «подлинном» боярском списке 7140 г. (л. 98). Можно уточнить датировку данного списка. В.В. Волынский упомянут здесь с пометой «У немецкого суда» (л. 98); согласно данным разрядов, он находился «у немецкого суда» в феврале 7140 г., а в апреле того же года был сослан за местничество в Казань (ДР. Т. II. С. 250, 270, 272—273). Возможно, перед нами февральский «наличный» список, упомянутый в Описи 1668 г.

^{xvi} Начинается с перечня стольников (с имени В.И. Стрешнева); в ОМAMЮ не датирован. Датировка устанавливается по пометам 7141 г. и, в частности, пометам от февраля 7141 (1633) г. (л. 21, 87). Возможно, это декабрьский список, упомянутый в Описи 1668 г.

^{xvii} Верхний край первого листа надорван, из заглавия читается: «141-го году с июня». В конце списка несколько листов перепутано. Есть пометы от июня и августа (л. 4, 63).

^{xviii} В заглавии не указан месяц составления: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков нынешняго 141-го году». Датированных помет нет. Вероятно, к нему относится указание Описи 1668 г.: «Список 141-го году, а подлинной ли или наличной, того в начале не написано». Был составлен после октября 7141 (1632) г. — среди думных дьяков упоминается И.К. Грязев, пожалованный в этот чин 1 октября 7141 г. В списке перечислены думные чины, стольники, дворяне (московские), дьяки, но почему-то нет стряпчих. Список этот весьма краткий — всего здесь упомянуты имена лишь 23 стольников и 136 дворян московских.

^{xix} Начало и заголовок списка не сохранились, начинается с имени боярина Б.М. Салтыкова. В ОМAMЮ список не датирован. Его составление можно отнести ко времени между 1 марта (упоминаются бояре И.В. Морозов и Л.С. Стрешнев, пожалованные 1 марта 1634 г.) и 14 мая 1634 г. (упоминается думный дьяк И.К. Грязев с пометой «умре»; он умер 14 мая 1634 г.).

^{xx} Сохранился целиком и имеет заглавие: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, которые остались за смоленскою службою со 142-го году налицо». Был составлен после 10 января 7142 г. — среди бояр упоминается С.В. Головин, умерший 10 января 1634 г.

^{xxi} Заглавие: «[Список] бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян [московских], и дьяков [нынешняго] 143-го году с сентября налицо». Был действующим документом до февраля 1635 г. — над именем окольного В.Г. Коробина стоит помета: «143-го февраля в 6 день умре».

^{xxii} Верхний край оборван, начало заголовка не сохранилось: «которые ост...(?)... и дьяков 143 [-го году] с октября». Листы перепутаны. На л. 19 — перечисление имен печатника и думного дьяка И.Т. Грамотина, думного дьяка И.А. Гавренева и ясельничего И.В. Биркина. На л. 20 начало раздела «Стольники», которое должно располагаться выше. Над именем кн. П.Ф. Волконского стоит помета: «142-го июля в 8 день государь пожаловал в окольные» (л. 20).

^{xxiii} Заголовок: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков нынешняго 143-го году с августа налицо».

^{xxiv} Начало утрачено. Список начинается с раздела «Стольники»; листы в нем сильно перепутаны. О времени составления и действия данного документа можно судить по пометам: над именем дво-

рянина московского Ф.И. Игнатьева стоит помета: «143-го декабря в день велено быть в постельничих»; над именем дьяка Михаила Данилова стоит помета: «В Литву в послех» (был отправлен в посольство с октября 1634 г.).

^{xxv} Начала нет, начинается со списка стольников (с имени кн. Я.К. Черкасского). На л. 1 об. содержится надпись: «Столпик стольников... московских, дьяков, которым велено быти на Москве сентября, декабря по 25 число 144-го году». Над именем дворянина А.И. Болшева (зачеркнут) стоит помета: «В отпускнуой половине» (л. 43).

^{xxvi} Начала нет, начинается с имени печатника И.Т. Грамотина. В ОМAMЮ не датирован. Датируется по помете «144-го октября умре» над именем дьяка Ивана Костюрина (л. 41), а также по помете «В Думе» над именем дворянина московского Т.Ю. Луговского (л. 20), который стал думным дворянином 21 декабря 1635 г. Возможно, это наличный список с сентября по январь.

^{xxvii} Заголовок: «Список бояр и окольничих, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков, с мая нынешнего 144 году».

^{xxviii} Состоит из двух частей; первая часть озаглавлена: «1-й половины [стольники и стряпчие, и дворяне московские быти на Москве (вписано над строкой)] сентября нынешняго 144-го году по Рождество Христово, декабря по 25 число [быти на Москве (зачеркнуто)], а декабря з 25-го числа быти в отпуске» (л. 1); вторая часть — «Декабря з 25-го числа нынешнего 144-го году быти на Москве» (л. 48).

^{xxix} Начала не сохранилось (начинается с конца списка окольничих — с имени [кн. А.Ф. Литвинова] Мосальского). В ОМAMЮ не датирован (указано лишь, что составлен после 7130 г.). Между тем на л. 2 содержится заголовок, позволяющий точно определить характер документа: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские, быти на Москве генваря с 1 числа по май». Любопытно при этом, что состав стольников, стряпчих и дворян московских совпадает с первой, а не второй частью упомянутого выше «наличного» списка 7144 г. (см.: примеч. XXV), хотя в том списке эти лица с 25 декабря по май предназначались не в «московскую», а в «отпускнуую» половину. Список был составлен до 21 декабря 7144 г. — среди думных дворян отсутствует имя Т.Ю. Луговского, пожалованного в этот чин 21 декабря 1635 г. Листы перепутаны. Так, внутри перечня стольников ошибочно оказался л. 6, содержащий конец списка стряпчих и начало раздела «Дворяне»; начало рубрики «Стряпчие» находится ниже, на л. 15, а с л. 19 под этой рубрикой идет перечень дворян московских.

^{xxx} На л. 1 заглавие: «Список бояр и окольничих, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских нынешняго 145-го году с сентября налицо»; на л. 4: «Стольники и стряпчие и

дворяне московские 1-й половины, жити им на Москве с сентября генваря по 1 число».

^{xxxI} Без начала. Начинается с бояр (с имени И.Н. Романова). Датированных помет нет. А.Л. Станиславский относит его к 1635—1636 гг. (Боярские списки. Ч. I. С. 43). Датировку можно уточнить. Боярин И.В. Морозов и дьяк Н. Талызин (оба зачеркнуты) упомянуты с пометами «В Казань» (л. 67, 165). 8 сентября 7145 (1636) г. они были «у государя... у руки» и им велено было быть в Казани «прежним боярину и воеводам и дьяком на перемену» (Записная книга Московского стола 7145 года // Русская историческая библиотека (РИБ). СПб., 1886. Т. X. С. 10). В конце перечня стряпчих упомянут З.В. Наумов (л. 103), который был пожалован в этот чин из жильцов 1 сентября 7145 г. (Записная книга Московского стола 7145 года. С. 8). Среди дворян с пометой «умер» упоминается Е.Г. Телепнев (л. 107); он умер (был отпет патриархом) 8 декабря 7145 (1636) г. (Вел. князь Николай Михайлович. Московский некрополь. СПб., 1908. Т. III. С. 195). Таким образом, список был составлен осенью, очевидно в сентябре 7145 г.

^{xxxII} Начало: «Список бояр и окольныхчих, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков нынешнего 146-го году, з генваря». На л. 5 (после списков думных людей) следует заголовок: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские, быть им на Москве генваря с 1-го числа по май».

^{xxxIII} Начало: «Список бояр и окольныхчих, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков ныня[шнего] 146-го году, с б[ы]оня». На л. 70 об. запись: «Список бояр и окольныхчих, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков 146-го московского списка». На л. 70 — отрывок из позднего (второй половины XVII в.) боярского списка (списка стряпчих).

^{xxxIV} Заглавие: «Список бояр и окольныхчих, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков нынешняго 146-го году с августа». Был действующим документом до конца сентября следующего 7147 г., т. к. над именем боярина кн. А.А. Голицына стоит помета: «147-го сентября в 22 день умре», а над именем печатника И.Т. Грамотина — «147-го сентября в 27 день умре» (л. 1, 4).

^{xxxV} С имени печатника И.Т. Грамотина начинается боярский список с сентября по январь 7144 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1098. Столпик 2. Л. 1—47). См. о нем выше.

^{xxxVI} Заголовок первой части: «В прошлом в 145 году были в другой половине, а в нынешнем в 146-м году в 1-й половине» (л. 1—6); вторая часть озаглавлена: «...на Москве в первой [половине] с сентября генваря по 1 число. А в нынешнем 14[6] году быти во 2-й полови[не] генваря с 1-го числа до весны» (л. 7—54). На л. 1 об. содержится запись: «Список стольников, стряпчих половинный с сентября по

генварь 146-го году». В первой части перечислены лишь имена стольников (66 человек), во второй — 115 стольников, 53 стряпчих и 410 дворян московских. Возможно, конец первой части списка утрачен. Над именами большинства стольников первой части и значительной доли дворовых второй части списка стоят пометы «В поход».

^{xxxvii} Начала нет, начинается со списка стольников (с имени Ф.Б. Бутурлина). В ОМAMЮ не датирован. Датировку можно определить по помете над именем дьяка Дементия Образцова: «147-го сентября в день постригся» (л. 92). Действие документа прекратилось до января 7147 г. — в списке без пометы упомянут дьяк Ф. Кунаков (л. 91), который в «подлинном» списке 7147 г. значится с пометой: «147-го умре генваря в 29 день» (л. 161). Вероятно, это сентябрьский список.

^{xxxviii} Начала нет, начинается со списка стольников (с кн. И.Ф. Лыкова). В ОМAMЮ не датирован. Датировка по помете над именем дворянина И.И. Чичерина: «147-го в декабре по челобитью отпущен в Шаровкин монастырь постритца». Составлен до начала февраля. В «подлинном» списке 7147 г. над именем того же И.И. Чичерина стоит помета: «147-го февраля в 9 день отпущен постритца в Шаровкин монастырь. Умре» (л. 62). Возможно, это январский список.

^{xxxix} Начала нет, начинается со списка стольников (с имени кн. Ф.Ю. Хворостинина). В ОМAMЮ не датирован. Датировка устанавливается по помете над именем дворянина кн. Ф.Ю. Коркодинова: «147-го апреля в 17 день постригся» (л. 40). Встречаются, впрочем, пометы от января, февраля, марта (л. 46, 116, 118). Возможно, это апрельский список.

^{xl} Начала нет, начинается со списка дворян московских (с имени кн. Федора Еналея Мурзина с Шейдякова). В ОМAMЮ — неизвестного года. Датировка устанавливается по пометам над именами дворянина Г.Л. Квашнина («147-го июня в день умре» — л. 20) и дьяка Петра Овдокимова («147-го июня в 17 день умре» — л. 43). Возможно, это июньский список.

^{xli} См. выше: примеч. XXXV.

^{xlii} На л. 1 заголовок: «Список бояр и окольничих, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диаков нынешнего 148-го году, с сентября налицо». Датированные пометы относятся к сентябрю—январю 7148 г. С пометой «В Новгород» упоминается боярин кн. А.В. Хилков (л. 3), посланный в Новгород в феврале 1640 г. (*Барсуков А.П.* Списки городских воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902. С. 153). Над именем боярина И.Н. Романова стоит помета: «148-го июля в 18 день умре» (л. 2), но она, возможно, была поставлена уже позже того времени, когда список был действующим документом.

^{XLIII} Заглавие: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диаков нынешнего 148-го году, с генваря налицо».

^{XLIV} Заглавие: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диаков нынешнего 148-го году, с мая».

^{XLV} До нас дошел фрагмент боярского списка 7148 г. с именами дьяков (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 59. Ч. I. Л. 1—5). О нем см: *Лукичев М.П.* Обзор боярских книг XVII в. // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 260. Однако связать его с известными нам боярскими списками 7148 г. не представляется возможным — все они полно сохранили перечни дьяков.

^{XLVI} Заглавие: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диаков 149-го году, с сентября налицо».

^{XLVII} Заголовок: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков нынешняго 149-го году, с февр[аля] налицо». Порядок листов перепутан. Между перечнями стольников располагаются листы со списками дьяков (л. 21, 42—43) и дворян московских (л. 22—41).

^{XLVIII} Начала нет, с бояр (с имени Ф.И. Шереметева). На л. 4 находится заголовок: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские, опричь тех, которым в нынешнем 149-м году велено быть на Туле». Пометы от августа 7149 г. (л. 2, 20 и др.). Вероятно, августовский список.

^{XLIX} Начало: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских и диаков нынешнего 150-го году с сентября, налицо».

^L Начало: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских и диаков нынешнего 150-го году з генваря, налицо».

^{LI} Начала нет. На л. 1 перечень окольных (с имени кн. А.М. Львова). На л. 90 — перечень бояр (с имени Б.М. Салтыкова). В ОМAMЮ не датирован. Датировка устанавливается по пометам. Над именем дьяка Ивана Нестерова стоит помета: «150-го мая в 10 день умре». Возможно, апрельский список.

^{LII} Начала нет, с конца списка стряпчих (с имени И.И. Панина). В ОМAMЮ не датирован. Датируется по пометам над именами дьяков Г. Нечаева («150-го августа в 5 день умре» — л. 56), Ф. Панова («150-го августа 29 умре» — л. 57), Л. Полуехтова («150-го августа 17 умре» — л. 58), П. Лучникова («умре июля в день» — л. 58). Возможно, майский список.

^{LIII} Заглавие: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских и диаков нынешняго

151-го году, с сентября налицо». На л. 5 заголовок: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские, оприч тех, которые нынешнего лета на государеве службе на Туле и по иным местам».

^{LIV} Начала нет, со стряпчих. В ОМAMЮ не датирован. Датируется по пометам над именами дворян Я.Ю. Башмакова («151-го февраля в 16 день отпущен на Соловки» — л. 72) и Г.Д. Башмакова («151-го февраля в 16 день отпущен на Соловки» — л. 88). Возможно, январский список.

^{LV} К июльскому «наличному» списку относится лишь самое начало документа (1-й лист), где содержится заглавие: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских и диаков нынешнего 151-го году, с июля налицо», а также заголовок рубрики «Бояре». С л. 2 идет текст другого документа — «подлинного» боярского списка того же года (см. выше).

^{LVI} Заглавие: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские, быти им на Москве в первой половине с сентября месяца генваря по 1 число нынешнего 152-го году». Начала нет, начинается с раздела «Стольники». На л. 3 — фрагмент перечня думных и придворных чинов (думных дьяков, стряпчего с ключом, московского ловчего и ясельничего), относящихся к тому же списку (упоминается думный дьяк Г.В. Львов, пожалованный в этот чин 1 сентября 7152 г.). Данный список, очевидно, был действующим документом до конца года — над именем дворянина Я.И. Уварова (зачеркнуто) стоит помета: «152-го июля в день умре» (л. 50).

^{LVII} Начала нет. Листы перепутаны. На л. 1—3 идут списки дворян московских, затем — перечни стряпчих (начало рубрики не сохранилось). На л. 13 — начало рубрики «Дворяне», на л. 64 — списки иноземцев и новокрещенцов, на л. 67—70 — перечни дьяков. В архивной описи (ОМAMЮ. М., 1921. Т. XX. № 26) датируется 7151 г. Датировку можно уточнить на основании помет. Над именем дьяка Григория Львова стоит помета: «152 (последняя цифра «2» — после исправления, первоначально стояла цифра «1») сентября в 1 день государь пожаловал [в] думные диаки» (л. 67). Г.В. Львов был действительно пожалован в думные дьяки 1 сентября 7152 (1643) г. (Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. II. Стб. 711). Над именем дьяка М. Бухарова стоит помета: «151-го августа отставлен». Очевидно, документ был составлен либо в конце 7151 г., либо в начале 7152 г. Вероятно, это один из сентябрьских «наличных» списков, упомянутых в Описи 1668 г.

^{LVIII} Начала нет, начинается с конца списка бояр (с имени кн. Ю.А. Сицкого). Встречаются пометы с мая по август 7152 г. (л. 3, 66, 102 и др.).

^{LIX} Начало: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диаков нынешнего 153-го году, с сентября налицо». Конец списка утрачен.

^{LX} Заглавие: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские 153-го году сентября быти им на Москве в 1-й половине по генварь месяц» (л. 1 об.).

^{LXI} Заголовок: «Стольники, стряпчие и дворяне московские, которые остались за тульской службою». На л. 14 (перепутан) — списки стряпчего с ключом, московского ловчего и ясельничего. Встречаются пометы от июля и августа 7153 г. (л. 1, 4, 6). Над именем дворянина кн. А.Н. Трубецкого стоит помета: «154 сентября в 7 день сказано боярство» (л. 23). В документе содержатся пометы о службе дворовых в Москве. Возможно, перед нами текст майского «наличного» боярско-го списка 7153 г.

^{LXII} На л. 1 заголовок: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диаков нынешняго 154-го году, с марта налицо», далее идет начало рубрики «Бояре» (названы имена бояр кн. Д.М. Черкасского, кн. Б.М. Лыкова, над которым стоит помета: «154-го июня в 2 день умре», а также кн. И.А. Голицына). Однако далее, с л. 2, идет текст другого, более позднего списка, относящегося, судя по пометам, к 7168 (1659/60) г.

^{LXIII} Заголовок: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диаков нынешняго 154-го году, с июня налицо». Сохранился до конца. Содержит пометы от августа 7154 г. (л. 3—4).

^{LXIV} Начала нет, с окольных (с имени кн. В.П. Ахамашукова Черкасского). В ОМAMЮ не датирован. Время составления можно определить примерно началом октября 7154 г.: среди окольных упомянуты кн. Д.П. Львов, кн. П.Ф. Волконский и Ф.Б. Долматов-Карпов, пожалованные в этот чин в конце сентября 1645 г., а также Н.С. Собакин, получивший этот чин 1 октября 1645 г., но отсутствуют имена кн. С.Р. Пожарского, получившего околичество 6 октября 1645 г., и других лиц, пожалованных в околичие позже, в марте 1646 г.

^{LXV} Начала нет, со списка дворян московских (с имени В.Ф. Чоголокова). В ОМAMЮ не датирован. Датировка определяется по следующим фактам. Над именем дворянина Б.Ф. Болтина стоит помета «В Датцкую» (л. 16). Он получил назначение ехать послом в Данию 21 января 7155 (1647) г. (*Бантыш-Каменский Н.Н.* Обзор внешних сношений России (по 1800 год). М., 1894. Ч. 1. С. 227). Назарий Чистого упоминается в документе в общем списке дьяков, без помет (л. 39). Известно, что он был пожалован в думные дьяки 6 января 7155 (1647) г. Возможно, это январский «наличный» список, упомянутый в Описи 1668 г.

^{LXVI} Начало: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и диаков нынешняго 156-го году, з генваря налицо». На л. 31 (после перечней думных людей) заголовок: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские и с

теми, которые были во 155-м году на государеве службе на Ливнах, налицо ж». Пометы от 7156 г. В ОМAMЮ список ошибочно датирован 7157 г.

^{LXVII} Заглавие: «Стольники, стряпчие и дворяне московские всех четырех четьи оприч тех, которые по службам, налицо». Датировка определяется по пометам. Всего в списке встречаем 25 датированных помет, из которых 4 относятся к июлю, 13 — к августу 7156 г., 7 — к сентябрю и 1 — к октябрю 7157 г. (л. 1, 14—16, 23, 27, 30, 37, 40, 43, 45, 47, 54, 57—58, 64, 73, 75, 82, 89, 92, 102). Возможно, перед нами один из июльских «наличных» списков 7156 г.

^{LXVIII} Начала нет, с конца списка стольников (с имени Ф.М. Рчинова). В ОМAMЮ — неизвестного года. Датировка по пометам. Над именем дворянина московского Б.Ф. Нарбекова стоит помета: «157-го думный дворянин» (л. 25). Он был пожалован в думные дворяне 22 октября 7157 (1648) г. Над именами стряпчих И.Е. Самарина, Г.Я. Дашкова и В.И. Доможирова стоят пометы о пожаловании их в «157 году» в стольники (л. 10, 14). Эти пожалования относятся к октябрю—ноябрю 7157 (1648) г. (Записная книга Московского стола 1648—1649 гг. // РИБ. СПб., 1886. Т. X. С. 419—420). Вероятно, это октябрьский «наличный» список.

^{LXIX} Начала и конца нет. Начинается со списка стольников (с имени К.Г. Лодыгина). В ОМAMЮ — неизвестного года. Датировка по пометам над именами дворян Ф.Д. Погожего («157-го генваря умре») и М.И. Зубова («157-го в феврале постригся») и другим пометам. Среди дворян московских упоминается кн. И.Н. Хованский. Известно, что он был пожалован в бояре 1 апреля 1649 г. Вероятно, перед нами январский список.

^{LXX} Столбец (л. 1—369) включает в свой состав разновременные (7157 г., 7162 г. и др.) и разнообразные (смотреные списки, списки отставных дворян, списки дворовых на Москве и т. д.) списки служилых людей московских чинов (стольников, стряпчих, дворян московских, жильцов) и дьяков. Среди этих разнообразных, перепутанных между собой документов обнаруживаются фрагменты текстов боярских списков с пометами от апреля 7157 г. (л. 148—164, 179—183, 185—187, 191—221). Из прочих документов, содержащихся в столбце, их выделяет наличие помет о московских и иных службах (службы в приказах, объездах на Москве, различного рода посылках). Над именем дворянина П.С. Молвянинова стоит помета: «Апреля в 20 день по его челобитью велено написать в осеннюю половину» (л. 154). Сохранились и заголовки, относящиеся к данным фрагментам текстов боярских списков: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские. Быть им на Москве апреля с 1 числа июля по 1 число нынешняго 157-го году» (л. 220) и «Стольники и стряпчие, и дворяне московские. По государеву указу быть на Москве с июля 157-го году по октябрь

158-го году» (л. 183). Очевидно, мы имеем здесь дело с текстами «наличных» списков, составленных в апреле и июле 7157 (1649) г. и фиксирующих московскую службу дворовых весенне-летней и осенней «половин».

^{LXXI} Начало списка не сохранилось, начинается с раздела «Стряпчие». В ОМAMЮ не датирован. По всей видимости, был составлен в марте 7158 г. Список дворян оканчивается именами Ф.И. Хитрово, А.А. Шепелева и Б.А. Маракушева (л. 84). Согласно «подлинному» списку 7158 г. (л. 109), они были пожалованы в этот чин 15 и 17 марта 7158 г. Над именем стряпчего С.В. Полтева стоит помета «Во дворяне» (л. 5). Согласно «подлинному» боярскому списку 7158 г., он был пожалован в дворяне московские 12 марта 7158 г. (л. 109). Над именем дворянина В.Ф. Янова значится помета «У патриарха» (л. 25). Впервые он упоминается как патриарший боярин 27 марта 1650 г. (Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. II. Стб. 676). Список был действующим документом еще в июне, т. к. над именем дворянина Ф.Д. Мезецкого стоит помета «Умре» (л. 23); а умер он примерно в июне 1650 г. (Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М., 1987. С. 51). Наблюдается некоторая путаница в порядке листов. Так, между списками стряпчих можно встретить листы со списками стольников (л. 11).

Примечания

¹ *Станиславский А.Л.* Боярские списки в делопроизводстве Разрядного приказа // *Актовое источниковедение: Сборник статей.* М., 1979. С. 123—152. Можно несколько пополнить сведения о сохранившихся боярских списках 1620-х гг.: 1. Текст сентябрьско-декабрьского «наличного» списка 7133 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1103. Столпик 3). В архивной описи не атрибутирован и значится как «Отрывки разных списков служилых людей». Начало первой части («московской» половины) не сохранилось, начинается со списка дворян московских (с имени П.В. Вольнского — л. 11—25); на л. 38—39 идет список дьяков (без начала) и пшатерничих. На л. 40 содержится заголовок второй, «отпускной», части: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские во 132-м году сентября з 20 числа были на Москве генваря по 1-е число, а 133-го году с сентября быти им в отпуске генваря по 1-е число»; перечни стольников, стряпчих и дворян московских идут на л. 40—49. В столбце содержатся также фрагменты других документов: на л. 1—10, 51—53 — фрагменты боярского списка (боярских списков?) второй половины XVII в. (на л. 9 — начало рубрики «Стряпчие»; на л. 52 — отрывок перечня думных людей; на л. 26—28 — отрывок дела о верстании служилых людей (жильцов?); на л. 29, 36—37 — фрагменты материалов разбора жильцов (7151 г.?); на л. 30 — отрывок списка служилых людей неизвестного года; на л. 31, 35 — отрывки из жилецкого списка 7136 г.; на

л. 32—34 — фрагменты списка служивых людей (жильцов?) примерно 7169 г.; на л. 50 — фрагмент списка думных людей второй половины XVII в. с указанием числа лошадей и военных холопов. 2. «Наличный» боярский список, составленный примерно в январе-феврале 7136 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1067. Столпик 2. Л. 1—66). В архивной описи не датирован (ОМАНЮ. М., 1899. Т. XI. С. 417). Начала нет, начинается с имени ясельничего Б.М. Глебова. Над именем дворянина московского П.Г. Дашкова стоит помета: «136-го февраля в 22 день постригся» (л. 44). На л. 47 упоминается дворянин С.Л. Хрушов с пометой «постельничей»; был пожалован в постельничие 12 февраля 7136 г. На л. 48 упомянут дворянин Д.И. Чаплин с пометой «умре»; умер 8 марта 7136 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 33. Л. 137). Над именем А.Р. Уварова стоит помета «136-го февраля в день постригся» (л. 52). Очевидно, к данному списку относится запись в Описи архива Разрядного приказа 1668 г.: «Список, с начала отодрано, ясельничего по Богданово имя Глебова. А в нем над Петровым имянем Дашкова 136-го ж году» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. № 221. Л. 3). 3. «Наличный» список весны-лета 7138 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1102. Столпик 1. Л. 1—70). Начала нет, начинается с имени кравчего В.Я. Сулешова. В архивной описи не датирован. Датируется по помете «умре» над именем стольника кн. Ф.И. Волконского (л. 28). Он умер 18 июля 138 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 51. Столпик 3. № 65).

² *Седов П.В.* Изменение структуры «государева двора» во второй половине XVII в. (по боярским спискам 1667—1682 гг.) // Сословия и государственная власть в России, XV — середина XIX в. // Чтения памяти акад. Л.В. Черепнина: Тезисы докладов международной конференции. М., 1994. Ч. II. С. 91—98; *Он же.* К вопросу о достоверности данных боярских списков // Вспомогательные исторические дисциплины (ВИД). СПб., 2000. Т. XXVII. С. 53—63.

³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. № 221. Л. 4 об.

⁴ Мы не считаем данные разыскания исчерпывающими. Для более полного выявления текстов боярских списков, восстановления утраченных частей необходимо произвести сплошной просмотр столбцов Разрядного приказа за весь XVII в., включая столбцы раннего и позднего времени.

⁵ *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 130.

⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. № 221. Л. 4 об.—13.

⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 189. Столпик 2. Л. 2; № 190. Столпик 5. Л. 42—43; *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 152.

⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 32. Столпик 2. Л. 1—168; № 33. Л. 2—166; РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. № 221. Л. 2 об. Об этих списках см.: *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 129.

- ⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 55. Столпик 3. Л. 1—126.
- ¹⁰ Там же. № 62. Л. 1—257; *Лукичев М.П.* Обзор боярских книг XVII в. // Археографический ежегодник за 1979 год. М., 1981. С. 266.
- ¹¹ *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 130, 134.
- ¹² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1084. Столпик 3. Л. 1—120.
- ¹³ РГАДА. Ф. 210. Оп. 24. № 24. Л. 1—36.
- ¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Дополнительного отдела. № 4. Столпик 4. Л. 1—163.
- ¹⁵ Там же. Столпик 5. Л. 1—172.
- ¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 155. Столпик 2. Л. 1—151.
- ¹⁷ Многие имена дворян московских повторяются в списке дважды, что свидетельствует об определенной редакторской обработке документа.
- ¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Дополнительного отдела. № 45. Л. 1—239.
- ¹⁹ Разрядный приказ. Опись столбцов Дополнительного отдела. М., 1950. С. 11.
- ²⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1064. Столпик 1. Л. 1—142.
- ²¹ Там же. № 190. Столпик 5. Л. 42—43; *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 152.
- ²² РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. № 221. Л. 11; ОМAMЮ. Кн. XI. С. 93.
- ²³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 182. Столпик 2. Л. 1—169.
- ²⁴ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. № 221. Л. 11.
- ²⁵ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 216. Л. 115—288.
- ²⁶ РГАДА. Ф. 210. Оп. 24. № 41 (1 л.). Над именами И.П. Вельяминова и Д.В. Плещеева стоят пометы «152-го году умре», над именем кн. Ф.П. Збарецкого — помета «В Осташкове». Эта последняя помета, фиксирующая воеводскую службу вне Москвы, подтверждает принадлежность данного фрагмента именно к «подлинному» списку.
- ²⁷ ОМAMЮ. Т. XI. С. 103—104.
- ²⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 184. Л. 1—151.
- ²⁹ РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. № 221. Л. 11 об.
- ³⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 217. Л. 411—547.
- ³¹ ОМAMЮ. Т. XI. С. 104.
- ³² РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. № 221. Л. 12 об.
- ³³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1106. Столпик 3. Л. 1—125.
- ³⁴ ОМAMЮ. Т. XI. С. 430.

³⁵ РГАДА. Ф. 210. Боярские книги. № 3; РГАДА. Ф. 210. Оп. 22. Кн. 8; Лукичев М.П. Обзор... С. 259—261.

³⁶ *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 147—148.

³⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Севского стола. № 1. Л. 77, 122—123, 728.

³⁸ Там же. Л. 15.

³⁹ Там же. Л. 257, 275, 464 и др.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 22. Столпик 1. Л. 83; № 1129. Столпик 2. Л. 15; № 32. Столпик 2. Л. 111; № 33. Л. 104; № 25. Столпик 2. Л. 119; № 1135. Столпик 2. Л. 158.

⁴¹ *Лукичев М.П.* Сведения о боярских книгах в архивных описях XVII—XVIII веков // Источниковедческие исследования по истории феодальной России. М., 1981. С. 55.

⁴² Подробнее о патриарших стольниках см.: *Люткина Е.Ю.* Стольники патриарха Филарета в составе двора Михаила Романова (1619—1633) // Социальная структура и классовая борьба в России XVI—XVIII вв. М., 1988. С. 97—114.

⁴³ РГАДА. Ф. 210. Боярские книги. № 3. Л. 60—62 об.; № 4. Л. 126—128 об.

⁴⁴ Разборные списки патриарших стольников 30 ноября 7142 (1633) г. см.: РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 844. Л. 164—218; РГАДА. Ф. 210. Дела десятиен. № 151. Л. 1—34.

⁴⁵ В боярском списке 7158 г. (№ 1106, столпик 3, л. II об.), в отличие от предыдущих списков, московский ловчий стоит ниже ясельничего.

⁴⁶ В боярских списках 7153 и 7156 гг. — «Иноземцы новокрещены, которые по государеву указу написаны в список с московскими дворяны с 130-го году», в списке 7158 г. — «Иноземцы, которые служат с московскими дворяны».

⁴⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 245. Столпик 1. Л. 53.

⁴⁸ *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 134.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Списки стольников полностью сохранились не во всех сопоставляемых источниках.

⁵¹ Мы не отмечаем здесь случаи отдельных частных перестановок имен; нас интересует прежде всего общая последовательность их передачи.

⁵² Сохранилась лишь вторая часть боярской книги 7155 г., содержащая перечень дворян московских, а также фрагмент первой части, сохранивший списки членов Боярской думы (см.: *Лукичев М.П.* Обзор... С. 260—261).

⁵³ *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 137.

⁵⁴ Реже они составлялись в середине года — «Список боярский подлинной с марта месяца 137-го году» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 20. № 221. Л. 3—3 об.).

⁵⁵ *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 138—139.

⁵⁶ В одном из списков 7139 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1070. Столпик 5) вторая («отпускная») часть озаглавлена: «По государеву указу быть в отпуске в деревнях с осени по генварь нынешняго 139-го году» (л. 43); начало списка и заглавие первой части не сохранились. Из двух частей состоит один из «наличных» списков 7144 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 117. Столпик 1). Первая его часть озаглавлена: «1-й половины [стольники и стряпчие, и дворяне московские быти на Москве (вписано над строкой)] сентября нынешняго 144-го году по Рождество Христово, декабря по 25 число [быти на Москве (зачеркнуто)], а декабря з 25-го числа быти в отпуске» (л. 1); вторая часть — «Декабря з 25-го числа нынешнего 144-го году быти на Москве» (л. 48). Разделение на части («половины»), выделенные особыми заголовками, прослеживается и в одном из боярских списков 7146 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 132. Столпик 3). Первая часть озаглавлена: «В прошлом в 145-м году были в другой половине, а в нынешнем в 146-м году в 1-й половине» (л. 1), вторая имеет заголовок: «На Москве в первой [половине] с сентября генваря по 1 число, а в нынешнем 14[6] году быти в 2-й половине генваря с 1-го числа до весны» (л. 7—54). На л. 1 об. содержится запись: «Список стольников, стряпчих половинный с сентября по генварь 146-го году».

⁵⁷ Члены Боярской думы и дьяки делению на служебные «половины» не подлежали (см.: *Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 138).

⁵⁸ Механизм чередования «половин» обстоятельно раскрыт в работе А.Л. Станиславского (*Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 137—146).

⁵⁹ Поскольку думные люди не разделялись на «половины», «наличные» боярские списки имели одновременно как общий заголовок, так и отдельный заголовок (стоящий после перечисления думных чинов) для стольников, стряпчих и московских дворян с указанием срока их службы на Москве. Так, в сентябрьском «наличном» списке 7145 г. на л. 1 стоит общее заглавие: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских нынешняго 145-го году с сентября налицо», а на л. 4 — частный заголовок: «Стольники и стряпчие, и дворяне московские 1-й половины, жити им на Москве с сентября генваря по 1 число» (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 122. Столпик 3).

⁶⁰ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Дополнительного отдела. № 37. Л. 43.

⁶¹ Пример составления в сентябре, октябре и декабре 7135 г. трех редакций текста одного и того же сентябрьско-декабрьского «наличного» списка приведен в статье А.Л. Станиславского (*Станиславский А.Л.* Боярские списки... С. 143—144).

- ⁶² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 216. Л. 1.
- ⁶³ Там же. № 1137. Л. 183, 220.
- ⁶⁴ Там же. № 525. Л. 124—125. Сведения об этом документе любезно предоставлены автору П.В. Седовым.
- ⁶⁵ *Станиславский А.Л.* Боярские списки. С. 139.
- ⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 111. Столпик 1. Л. 1—31; № 111. Столпик 3. Л. 1—113.
- ⁶⁷ Там же. № 119. Л. 1—126. См. также: табл. 4, примеч. XXIV.
- ⁶⁸ Название «московский список» употреблялось самими приказными людьми. На л. 70 об. «наличного» июльского списка 7146 г. содержится запись: «Список бояр и окольных, и думных людей, и стольников, и стряпчих, и дворян московских, и дьяков 146-го московского списка».
- ⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 68. Столпик 3. Л. 1—78.
- ⁷⁰ Подсчеты числа дворян московских произведены по «подлинному» боярскому списку, а стольников и стряпчих — по данным боярской книги 7139 г., сохранившейся в столбцовой форме (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 62).
- ⁷¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы разных столов. № 139. Л. 14—65. Список начинается лишь с середины перечня стряпчих.
- ⁷² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 83. Столпик 4. Л. 1—80.
- ⁷³ Там же. № 1088. Столпик 1. Л. 1—89.
- ⁷⁴ Там же. № 119. Л. 1—126.
- ⁷⁵ Там же. № 117. Столпик 2. Л. 1—147.
- ⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы разных столов. № 139. Л. 66—166.
- ⁷⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1062. Столпик 6. Л. 1—119.
- ⁷⁸ Там же. № 155. Столпик 1. Л. 1—124.
- ⁷⁹ Там же. № 171. Столпик 1. Л. 1—131.
- ⁸⁰ Там же. № 186. Столпик 1. Л. 1—104.
- ⁸¹ Там же. № 189. Столпик 7. Л. 1—105. В «подлинном» списке 7153 г. начало перечня стольников не сохранилось.
- ⁸² РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1064. Столпик 2. Л. 1—88. Списки большей части стольников с заголовком не сохранились, отдельные листы со списками стольников расположены после заголовка «Стряпчие».
- ⁸³ Дворцовые разряды. СПб., 1851. Т. II. Стб. 415—416.
- ⁸⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 182. Столпик 1. Л. 5; № 165. Столпик 1. Л. 4 и др.
- ⁸⁵ А.Л. Станиславский обратил внимание на тесную связь сентябрьского наличного списка 7137 (1628) г. с современными ему спис-

ками «дневавших и ночевавших» на государевом дворе, а также участников Троицкого похода царя Михаила Федоровича (*Станиславский А.Л. Боярские списки... С. 151*).

⁸⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 132. Столпик 3. Л. 1—54 (см. о нем: табл. 4, примеч. XXXVI); РГАДА. Ф. 210. Столбцы Дополнительного отдела. № 37. Л. 1—50 (см. о нем: табл. 4, примеч. XXV).

⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1161. Столпик 1. Л. 1—73; № 131. Столпик 2. Л. 1—69; № 130. Столпик 2. Л. 1—76.

⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 91. Столпик 1. Л. 1—27. Столь же немногочисленный состав находившихся на Москве дворовых (57 стольников, 33 стряпчих и 145 дворян московских) значится и в другом «наличном» списке 7142 г. (РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 1149. Столпик 2. Л. 1—25).

⁸⁹ Как отметил А.Л. Станиславский, пометы, содержащиеся в «подлинных» и «наличных» боярских списках, не лишены некоторой специфики и часто уточняют и конкретизируют друг друга (*Станиславский А.Л. Боярские списки... С. 142*).

⁹⁰ *Барсуков А.П.* Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия. СПб., 1902; *Богоявленский С.К.* Приказные судьи XVII века. М.; Л., 1946.

Summary

Boyars' records are the major sources for studying a staff and a structure of the service class' ruling clique — the Court. The author for the first time analyses the boyars' records of 1630—40s. He concludes that the use of boyars' records of different types gives the possibility to trace back changes in a staff and a structure of the Court in details. The further work will help to enlarge essentially data of the existing reference books about a personnel of the machinery of the State.

С.В. Лобачев

ПАТРИАРХ НИКОИ И ЦЕРКОВНАЯ ИЕРАРХИЯ *

Деятельность патриарха Никона рассматривается в историографии, как правило, в связи с проведенной им церковной реформой. По мнению большинства исследователей, эта реформа спровоцировала конфликт патриарха со своими прежними единомышленниками из числа ревнителей благочестия, которые в первые годы царствования Алексея Михайловича оказывали значительное влияние на церковную политику. Наиболее видные фигуры из числа ревнителей: протопопы Иван Неронов, Аввакум, Логгин Муромский, Даниил Костромской и др. — были сосланы в отдаленные области и монастыри. История этого конфликта довольно подробно изложена в трудах С.В. Соловьева, Н.Ф. Каптерева, С. Зеньковского, В.С. Румянцевой и других историков¹. Гораздо меньше внимания исследователи уделяли отношениям Никона с церковными иерархами. Между тем этот вопрос имеет крайне важное значение. Епископы, в отличие от представителей белого духовенства, были наделены реальной властью. Именно они, а не священники определяли церковную политику и принимали активное участие в заседаниях церковных соборов, на которых обсуждались важнейшие вопросы жизни клира. История отношений Никона с архиереями не менее драматична, чем история конфликта с ревнителями благочестия.

В середине XVII в. церковная иерархия в основном состояла из епископов, выдвинувшихся во времена патриарха Филарета либо вскоре после его смерти в 1633 г. Почти все они занимали свои кафедры уже долгие годы и были людьми преклон-

* Статья написана при финансовой поддержке Института «Открытое общество» (грант 908/1999).

ного возраста. После воцарения Алексея Михайловича церковная иерархия в значительной степени обновилась. При содействии царского духовника Стефана Вонифатьева в архиереи были рукоположены несколько человек, которые разделяли взгляды ревнителей и проявляли немало усердия в деле церковного обновления. Среди них был Новгородский митрополит Никон, будущий патриарх (рукоположен в 1649 г.), Псковский архиепископ Макарий (1649 г.), Рязанский архиепископ Мисаил (1649 г.), Казанский митрополит Корнилий (1650 г.), Тобольский архиепископ Симеон (1651 г.)². Нужно отметить, что поставление этих архиереев происходило без участия престарелого патриарха Иосифа, который в последние годы своей жизни фактически не имел никакого влияния. При Никоне ситуация в корне изменилась. Царский духовник Стефан Вонифатьев, прежде определявший церковную политику, теперь был отстранен от принятия решений. Судьба епископов стала зависеть от воли одного патриарха, который сам назначал и смещал архиереев, не спрашивая мнения государя или церковного собора. Каких же людей предпочитал видеть Никон на епископских кафедрах? Рассмотрим, каким образом происходило формирование церковной иерархии после 1652 г.

Через несколько дней после поставления Никона на патриаршество, а именно 8 августа 1652 г., в Новгородские митрополиты был поставлен Макарий, бывший иеромонах казанского Спасского монастыря казначей Казанского митрополита Корнилия, одного из самых влиятельных людей из окружения патриарха³. Очевидно, Макарий занял вторую по значению архиерейскую кафедру по рекомендации Корнилия. О жизни Новгородского митрополита и о его отношении к Никону известно немного. По всей видимости, Макарий сохранял лояльность к патриарху вплоть до своей кончины в 1663 г. В 1660 г. он вместе с другими иерархами написал письмо царю о действительности проклятия, наложенного Никоном на Крутицкого митрополита Питирима. На фоне других отписок письмо Макария наиболее сдержанно. Митрополит ограничился лишь ссылками на церковные правила и в конце сделал робкий вывод, что «запрещение его несправедное и сего ради некрепкое»⁴.

Вторым ставленником Никона был Ростовский митрополит Иона, рукоположенный в сан 15 августа 1652 г. Иона был

сыном священника. Он принял пострижение в Угличской Воскресенской обители, а в 1646 г. стал настоятелем ростовского Богоявленского монастыря⁵. Возможно, именно в Ростове и встретил Иону Новгородский митрополит Никон, когда он проезжал через город во время своего путешествия в Соловецкий монастырь за мощами св. Филиппа⁶. После рукоположения в митрополиты Иона разослал по приходским церквям окружное послание, в котором наставлял прихожан и священников строго соблюдать церковные правила⁷. Послание выдержано в духе церковного обновления, за которое ратовали ревнители благочестия. По всей видимости, возвышение Ионы объясняется тем, что он разделял взгляды боголюбцев, влияние которых в 1652 г. было еще велико.

В 1653 г. Иона присутствовал на соборе, где разбиралось дело протопопа Логгина Муромского, который по доносу муромского воеводы был обвинен в оскорблении образа Спаса. Реальной причиной конфликта послужило то, что Логгин на званом обеде у воеводы стал публично укорять его жену в том, что она пользуется косметикой. На соборе в защиту Логгина выступил Иван Неронов. Во время жарких прений Никон позволил себе сказать, что ему царская помощь ненадобна, «да таки-де на нее плюю и сморкаю». Свидетель таких речей митрополит Иона передал эти слова патриарха Неронову, но потом, испугавшись гнева Никона, не стал свидетельствовать против патриарха. Этот инцидент характеризует Иону как человека малодушного, готового во всем угождать властям. Очевидно, именно такого послушного пастыря и хотел видеть Никон на митрополии в Ростове. Однако впоследствии эта покорность сыграла Ионе плохую службу. После ухода Никона с патриаршества Иона вместе с другими архиереями подал царю отписку о действительности клятвы Никона на Крутицкого митрополита Питирима. В ней он пустился в пространные рассуждения о неправомочности действий бывшего патриарха. Иона оправдывал Питирима, потому что тот действовал «великого государя повелением и по святым правилам», а о Никоне писал: «Сей человек смущай землю и потрясаяй царя, и сего ради повержен бысть в горах, яко мертвец»⁸. Однако спустя некоторое время Ионе пришлось пожалеть о своих словах. В 1664 г. Никон, еще не лишенный патриаршего сана, неожиданно при-

ехал в столицу и отслужил молебен в Успенском соборе, где в это время находился Иона, бывший в то время местоблюстителем патриаршего престола. Растерявшийся и напуганный митрополит принял у Никона благословение. За это церковный собор «судихом ево Иону митрополита блюстителем соборных апостольския церкви впредь не быти»⁹.

Пожалуй, единственным архиереем, открыто выступившим против Никона еще до оставления им патриаршего престола, был Коломенский епископ Павел. Павел (как и многие ревнители благочестия) был выходцем из Нижегородского края. Он приходился шурином строителю Флорищевой пустыни Илариону, будущему Суздальскому митрополиту¹⁰. Еще до своего поставления в епископы Павел сблизился с Иваном Нероновым. Очевидно, своим возвышением он был обязан протекции Казанского протопопа¹¹. Павел сразу же был назначен игуменом боровского Пафнутьева монастыря, одной из главнейших обителей России, но уже через год Никон рукоположил его в епископы Коломенские. Это произошло 17 октября 1652 г.¹² В Коломне Павел сменил престарелого епископа Рафаила, который был смещен со своей кафедры. В 1650 г. Рафаил возглавил делегацию духовенства на переговорах с восставшими псковитянами. Очевидно, Никон был недоволен действиями Рафаила и поставил на его место человека, разделявшего взгляды ревнителей благочестия¹³.

Возможно, Павел находился под сильным влиянием Неронова. Во всяком случае, после опалы протопопа на церковном соборе 1654 г., принявшем изменения церковных обрядов, он высказал особое мнение о том, как следует класть поклоны в церкви. В подписи к соборному деянию сказано: «Смиранный епископ Павел Коломенский и Коширский, а что говорил на святем соборе о поклонех и тот устав харатейной во оправдание положил zde, а другой писмяной»¹⁴. Мы не знаем, в чем была причина несогласия Павла с одним из соборных решений, но можем предположить, что епископ заступился за Неронова. Во всяком случае, достоверно известно, что он переписывался с протопопом, когда тот находился в ссылке в Спасо-Каменном монастыре¹⁵. Несогласие Павла с решением собора вызвало ярость Никона, который епископа Коломенского «из мантии обнажи жестоце, и на лютая биения и наказанния предаде»¹⁶. Старообрядческая традиция сделала из Павла

страдальца за старую веру. О Коломенском епископе было написано несколько сказаний. Согласно одному из них, Павел был сослан в пределы Великого Новгорода «и тамо повелением всезлобнаго Никона... в срубe бо, зделанном на то, яко агнец непорочен, огненной смерти немилостиво предаша в лето 7164 [1656]»¹⁷. По словам выговского писателя Семена Денисова, Павел был отправлен в заточение в Палеостровский монастырь на Онежском озере, где «священнаго епископа, несвященнии в срубe соделанном огненной смерти немилостиво предаша»¹⁸. Старообрядческие сочинения, написанные полвека спустя после смерти Павла, очевидно, зафиксировали легендарное предание о смерти епископа. Согласно представлениям старообрядцев, Павел был сожжен в срубe, то есть он погиб точно так же, как и многие другие страдальцы за старую веру. Однако массовые преследования раскольников начались только в 80-е гг. XVII в. Патриарх Никон хотя и был настоящим тираном по отношению к архиереям и священническому чину, все же не предал смерти даже самых непримиримых своих врагов. По всей видимости, Павел Коломенский был отправлен в ссылку, где и умер при невыясненных обстоятельствах. О причинах его смерти не знали даже участники церковного собора 1666 г. «Прилучися тому Архиереови изумитися и погибнути бедному кроме вести, от зверей ли снесен или в воду впад утопе, или иным коим обычаем погибе»¹⁹, — говорили они.

Выдвиженцем Никона являлся Сильвестр, архимандрит московского Богоявленского монастыря. 10 июля 1653 г. он был возведен в сан Крутицкого митрополита на место умершего Серапиона²⁰. Возможно, поставление произошло накануне или во время заседаний церковного собора, где разбиралось дело протопопа Логгина. Известно, что Сильвестр принял сторону Никона и укорял Ивана Неронова, что он ссорит епископов с патриархом. Однако Сильвестру суждено было недолго занимать свою кафедру. Он умер во время чумы 1654 года²¹. Еще одной жертвой эпидемии стал Суздальский архиепископ Софроний, рукоположенный в сан 29 января 1654 г. из архимандритов новгородского Хутынского монастыря. Софрония «не стало» 13 сентября²².

16 апреля 1654 г. в Тверские архиепископы был поставлен патриарший ризничий Лаврентий²³. С Никоном Лаврентий

встретился в Новгороде, где он был монахом новгородского Вяжицкого монастыря. Впоследствии он принимал участие в переносе в Иверский монастырь мощей местночтимого святого Якова Боровицкого²⁴. В 1655 г. Лаврентий сопровождал Алексея Михайловича во время похода против польского короля Яна Казимира²⁵. 26 июля 1657 г. архиепископ был рукоположен в сан Казанского митрополита на место умершего во время чумы Корнилия, одного из самых активных сторонников Никона, а его кафедру занял Иоасаф, архимандрит столичного Симонова монастыря²⁶. Таким образом, всего за несколько лет простой монах превратился в третьего по значению церковного иерарха. Хотя впоследствии Лаврентий вместе с другими иерархами принимал участие в деле Никона и суде над ним, все же, в отличие от того же Ростовского митрополита Ионы, он сохранил лояльность к бывшему патриарху, которому был обязан своим возвышением. Любопытно, что раскольники считали Лаврентия одним из врагов истинной веры. В одном из старообрядческих сочинений говорилось, что митрополит «по смерти восмерде zelo, глаголют, яко и всему граду носитися зловонию его смрадному, и носы затыкаху людие»²⁷.

Через год после смерти Крутицкого митрополита Сильвестра его место занял Питирим, уроженец Суздаля, в 1650—1654 гг. настоятель суздальского Спасо-Евфимиева монастыря. В 1654 г. Питирим был переведен в Москву, где получил сан Новоспасского архимандрита²⁸. Очевидно, во время эпидемии чумы он оставался в столице и оберегал царскую казну, которая была доставлена в монастырь по распоряжению патриарха. 12 августа 1655 г. Питирим был рукоположен в митрополиты Крутицкие. В ставленной грамоте ему предписывалось «показать послушание и отшед в прилучившуюся ему святейшую митрополию удержати ю со всею областею ея, и вами прилучившимися ей изначала пределы ж и всеми стяжати ж, и вещьми и прочими же праведными достоинствы, и наказати и научити сущих в ней христоименитых господних людей всем душеполезным и спасительным...»²⁹ Крутицкий митрополит по своему положению в церковной иерархии занимал четвертое место. Именно он считался местоблюстителем патриаршего престола во время отсутствия патриарха в Москве или в случае его внезапной кончины. В 1656 г. Питирим сопровождал царя

Алексея Михайловича в походе под Ригу. Когда царское войско проезжало через Полоцк, царя и его свиту приветствовал панегирическими стихами молодой поэт Симеон Полоцкий, который впоследствии поступил на службу к Алексею Михайловичу. В орации Симеона были строки, посвященные митрополиту Питириму:

*И твое святительство хвалим буди, Питириме,
Освященный митрополите всегда и ныне,
Яже на сей войне всячески потрудился еси,
Всегда утверждая воинство сладкими словесы,
Дабы несумненно шли воевати за веру,
Ты же о сем приносил всегда святую оферу*³⁰.

По словам поэта, деятельность Питирима во время похода заключалась в устной проповеди. Если вспомнить, какое значение придавали проповеди боголюбцы, да и сам Никон, а также учесть то обстоятельство, что церковные иерархи посылались на войну, с тем чтобы утверждать православие и патриаршую власть на покоренных землях, то можно предположить, что Симеон Полоцкий не погрешил против истины. Через год после возвращения из похода Питирим был переведен во вновь учрежденную Белгородскую епархию³¹. Правда, он так и не отправился на новое место. Во всяком случае, 7 февраля 1658 г. Питирим служил литургию в Успенском соборе еще в сане Крутицкого митрополита³².

По мнению американского историка Г. Михельса, Питирим оказывал покровительство Ивану Неронову, когда тот появился в Москве в 1657 г.³³ Это предположение основано на косвенных источниках и едва ли заслуживает доверия. Оказывать покровительство Неронову мог только решительный и волевой человек, к каковым ни в какой мере нельзя причислить Питирима. Случай, происшедший с митрополитом уже после оставления Никоном патриаршего престола, проливает свет на некоторые черты его характера.

После своего отъезда из Москвы Никон никому не передал свои полномочия, поэтому «правление патриаршеския власти» царь вверил Питириму в соответствии с его саном³⁴. В 1659 г. митрополит совершил обряд «шествия на осяята» в неделю Ваий, который по обычаю мог совершать только патриарх. В этом поступке Никон усмотрел покушение на свои права. Ни-

кон наложил церковное проклятие на Питирима. Нападки на Крутицкого митрополита были использованы противниками патриарха, с тем чтобы привлечь его к суду. От имени царя архиереям были направлены грамоты с вопросом о действительности Никоновых проклятий. В ответ государю было послано несколько отписок³⁵. Питирим послал челобитную Алексею Михайловичу с жалобой на наложенные на него клятвы. Хотя текст челобитной проникнут уничижительными формулами, характерными для древнерусской литературной традиции, в нем просматривается и личное отношение Питирима к происходящему. Митрополит тяготился неопределенностью своего положения. Он писал, что в свое время со слезами молил Никона «да не оставляет патриаршеския власти», а теперь просил царя «правилнаго и праведнаго соборнаго суда». «Сам же судия не хошу быти, ниже инако како себе прельщая, яко не касается мне оная клятва, но усердно к собору да приступаю и с душевным смирением и сокрушением сердца разрешения ищущу...»³⁶ По всей видимости, смиренность Питирима не была показной. Он был готов отдать себя на суд церковных властей, но сам проявлял нерешительность и безынициативность. Вероятно, эти качества послушного владыки импонировали не только Никону, но и царю Алексею Михайловичу. В 1664 г. Питирим был переведен в Новгородскую митрополию, а в 1672 г., уже после осуждения и ссылки Никона, он был рукоположен в патриархи Московские. Правда, владыка не долго держал в руках патриарший посох. Питирим умер в апреле 1673 г.

Пожалуй, самым известным ставленником Никона был Коломенский епископ Александр. Он был уроженцем Сольвычегодска. Приняв постриг в Николо-Коряжемском монастыре, Александр стал его игуменом в 1643 г. В 1651 г. он получил сан архимандрита Спасо-Каменного монастыря на Кубенском озере около Вологды, куда в августе 1653 г. был сослан Иван Неронов³⁷. Сначала архимандрит принял опального протопopa очень хорошо, «глаголя, яко страдалца видети господи сподоби мя Бог древняго, — даруя тому честь, и выше келаря поставляя его в церкви, новый войлок подложив тому под ноги; и в келий жити повелевая со отцем его духовным... и слугу ему дал для чести, и ис поварни прибавочныя ествы приносить к нему повелевая...»³⁸ Постепенно Неронов стал оказывать влия-

ние на Александра, и архимандрит установил в обители строгие порядки. Протопоп упросил его ввести в монастыре и в округе единоголосное пение. Он нередко укорял Александра, что монастырские старцы пьют по деревьям, а он их не унимает, что в церкви певчие поют «неисправно», а он только смеется. Поначалу архимандрит слушался Неронова и следовал его советам, но вскоре наставления протопопа стали вызывать у него, да и у всей братии крайнее раздражение. Из окрестных сел приходили в монастырь боголюбцы и говорили, что как приехал протопоп Иван, «так-де и пение стало большое, и свечам-де большой расход». В конце концов терпению архимандрита пришел конец. Однажды Александр в гневе набросился на Неронова, «ем его за власы, по трапезе влачаше и рукама по щекам бияше время довольно». В результате, по извету архимандрита, 1 июля 1654 г. протопоп Иван был «сослан за оток окияна моря, в Кандоложской монастырь»³⁹.

Донос на Неронова, безусловно, сыграл важную роль в судьбе Александра. 3 июля 1655 г. архимандрит был рукоположен в епископы Коломенские, на место лишённого сана Павла⁴⁰. Большинство исследователей считают, что Александр был близок к старообрядческой среде. Например, Н.Ю. Бубнов писал, что, «разобравшись в сущности церковной реформы, детально исследовав «исправления» богослужебных текстов, Александр постепенно пришел к неприятию реформы и сблизился со сторонниками старообрядческой культурной ориентации»⁴¹. В самом деле, Александр оказывал покровительство игумену Златоустовского монастыря Феокисту, который собрал большой архив писем и сочинений первых расколоучителей. Однако, по наблюдениям Г. Михельса, неприязнь к Никону со стороны епископа была вызвана не разногласиями по церковным вопросам, а обстоятельствами, связанными с учреждением новой — Вятской епархии⁴².

Как отмечает историк, после своего поставления и до рукоположения в сан Вятского епископа 5 декабря 1657 г. Александр был абсолютно лоялен к патриарху и его реформе. Он вместе с Никоном отправлял богослужения, а в 1656 г. присутствовал на соборе, предавшем анафеме Ивана Неронова. Однако после того, как патриарх упразднил Коломенскую епархию, присоединив ее к своим владениям, и создал вместо нее Вятс-

кую, назначив туда Александра, от прежней лояльности не осталось и следа. Александр превратился в яркого противника патриарха. Причины такой метаморфозы понять нетрудно. Из богатой Коломенской епископии он был отправлен в богом забытый край, фактически в ссылку, где ему пришлось жить в Успенском Трифоновом монастыре, так как в городе еще не было архиерейского дома. Игумен Феоктист писал в послании к боярыне Морозовой, что «епископу Александру келейной покой нужен зело нестроения ради епископии; а домовые его приказные и всяких чинов люди живут у посадских людей по подворьям; а месяц поживши, или два, на другой двор переходят по нужди, что градские люди в Хлынове грубы и самочинны, з бесчестьем ссылают епископлих людей з дворов: потому что епископия тут ново, а епископлим людем под дворы места не отведено, и чем им дворишка построить государьской милости нету; а на Коломне дворы их взяты на патриарха»⁴³.

Не удивительно, что в своей отписке по поводу правомерности клятвы Никона, наложенной на митрополита Питирима, Александр не сдерживал эмоций. Он не просто высказывался по вопросу о проклятии патриарха, но и обвинял Никона. Он писал, что оставление патриархом архиерейского престола «не бысть правильно, но дерзостно и самоволие», что Никон «люте напада на братию свою, и страдати многим устроил, и умиление плакати, яко ж и блаженнаго Павла, епископа Коломенскаго, по многих томлениих и несказанных ругательств до смерти муча». По мнению Александра, Никон действовал не по церковным правилам: «Отверже бо от себя страх и отгна пресвятаго и животворящаго духа благодать. Сего ради предаде его бог...»⁴⁴ Следует помнить, что эти слова были написаны всего через два года после ухода Никона с патриаршества.

История Вятского епископа Александра являет собой наиболее яркий пример отношения Никона к архиереям, которых он назначал и сменял по своему усмотрению. Как писал Павел Алеппский, «Никон возвысился над положением иерарха и стал ведать государственные дела, и все начали его бояться. Тогда как (прежде) всякий архимандрит поставлялся и сменялся только по приказанию царя, патриарх Никон уничтожил этот закон: стал ставить и сменять их без спроса»⁴⁵. Своеволие Никона проявилось при назначении епископов Суздальской епархии.

После смерти престарелого архиепископа Серапиона на его место 29 января 1654 г. был поставлен Хутынский архимандрит Софроний, который, как уже говорилось, умер несколько месяцев спустя во время морового поветрия. В 1655 г. Суздальскую кафедру занял ризничий Саввино-Сторожевского монастыря Иосиф. Всего через год он неожиданно был уволен и отправлен в ссылку в Казань⁴⁶. 10 августа 1656 г. его сменил инок Саввино-Сторожевского монастыря Филарет, который в 1657 г. был переведен на новую кафедру в Смоленск⁴⁷. Назначение в Смоленск было равносильно назначению Коломенского епископа Александра в Вятку. Едва ли Филарет с большим желанием покидал доходную Суздальскую епископию и уезжал в разоренный войной город, где ему пришлось жить в окружении враждебно настроенных католиков и униатов. Вместо Филарета в Суздальские архиепископы был поставлен Стефан, архимандрит основанного Никоном Воскресенского монастыря. Поставление Стефана состоялось 18 октября 1657 г., после освящения храма Воскресения Христова. Очевидно, Стефан принадлежал к ближайшему окружению патриарха, раз он был назначен первым настоятелем любимого детища Никона, обители, получившей название **Новый Иерусалим**. Уже после ухода Никона с патриаршества Стефан был обвинен духовенством своей епархии в нарушении церковных правил, за что был лишен сана. Характерно, что розыск по делу Стефана возглавил Вятский епископ Александр, ставший к тому времени непримиримым врагом Никона⁴⁸.

Еще одним ставленником Никона был Полоцкий епископ Каллист. В 1655—1657 гг. он был настоятелем витебского Маркова монастыря⁴⁹. 8 марта 1657 г. «было поставление во град Полоцк во епископы из Витепска наместнику Каллисту»⁵⁰. В Полоцке, который до его завоевания войсками Алексея Михайловича находился в пределах Речи Посполитой, Каллисту пришлось столкнуться с противодействием католического духовенства. В своем послании на имя Никона в июле 1658 г. епископ жаловался, что в Полоцке польские ксендзы «учали было свою римскую веру утверждать... ис Полши приезжают в Полоцк и в Полоцкой уезд и в ыные государевы города и в уезды и втай меня, богомолца твоего, с шляхтою приезжая в Полоцк, многих по своей римской вере исповедают и причащают

и тех наговаривают и под утверждают, чтоб мало потерпели покамест в Полше справятца...»⁵¹ Вероятно, Каллист также был недоволен своим назначением. Он предпочитал проводить время в Москве, а в Полоцке наказывал «чин наблюдать, и всякое безчиние искоренять, церкви и монастыри разсмотреть, суды духовные отправлять» своему генеральному наместнику игумену Богоявленского монастыря Игнатию⁵². В 1662 г. Каллист написал царю отписку о действе митрополита Питирима в неделю Вайй, в которой пускался в пристрастные и вызывающие рассуждения о Никоне: «Также вопрошу святейшаго Никона, какое есть правило, соизволяющее действо Вайя совершати преосвященному Макарию, митрополиту Новгородскому, запрещающее же преосвященному Питириму Сарскому и Подонскому, разве нелюбовь некая... Убо не подобающе святейшему Никону, самому за свою досаду месть воздати хотящу, противу правил святых отец судию себе и местника творити; никому же бо самого себе отмстити подобает, паче же на соборе суда подобаше взыскати о своей досаде»⁵³.

Как уже говорилось, назначение архиереев в удаленные епархии было равносильно ссылке. Жизнь в провинции была сопряжена с немалыми трудностями. Мало того, что она не приносила епископам ощутимого дохода, она еще могла обернуться столкновениями со светскими властями. Яркий пример тому — история Сибирского архиепископа Симеона, рукоположенного в сан еще в 1651 г. Когда Симеон прибыл в Тобольск, он обнаружил, что архиерейский дом находится в крайнем запустении. Архиепископ даже «не нашел никакой посуды ни в кельях, ни в поварне и нечем было воды зачерпнуть, а денег в казне не осталось ни одной деньги»⁵⁴. Плачевное положение архиерейского дома было следствием казнокрадства софийского дьяка Ивана Мильзина по прозвищу Струна, который доводился племянником прежнему архиепископу Герасиму и при нем фактически управлял делами епархии. О бесчинствах Струны писал в своем житии протопоп Аввакум: «Владыка съехал к Москве, а он <Струна> без нево научением бесовским и кознями напал на меня. Церкви моя дьяка Антония захотел мучить напрасно. Он же, Антон, утече от него и прибежал ко мне во церковь. Иван же Струна собрався с людьми во ин день, прииде ко мне во церковь, а я пою вечерню, и, вскоча во

церковь, ухватил Антона на крылосе за бороду... Сродницы же ево, попы и чернцы, весь град возмутили, како бы меня погубить. И в полнощи привезли сани ко двору моему, ломилися в ызбу, хотя меня взяв в воду свести. И Божиим страхом отгнани быша и вспять побегоша. Мучился я, от них бегаючи, с месяц»⁵⁵.

В Тобольске архиепископ столкнулся с произволом воевод князей И.А. Хилкова и А.И. Буйносова-Ростовского, которые не только вмешивались в духовные дела, но и проявляли крайнее непочтение к епископскому сану. Так, кн. А.И. Буйносов якобы говорил: «Я-де бивал не только архиепископских людей — и патриарших, и митрополичьих, и никто-де мне ничего не сделал! А вашему-де архиепископу и самому из головы мозг вышибу»⁵⁶. Воевода требовал, чтобы Симеон ведал только церковью, а не городом и уведомлял его памятью о каждом духовном деле.

Симеон стал писать челобитные в Москву на воеводу. Воевода ответил тем же. В конце концов в 1657 г. архиепископ по доносу «был от государя патриарха в запрещенье год 4 месяца — божественныя литургии не служил». Уже после ухода Никона с патриаршества Симеон самовольно поехал в столицу бить челом о своих делах. Он покинул Тобольск без государева указа, что считалось серьезным преступлением. В Москве Симеон выслушал от царя «гневное слово» и подал в свою защиту оправдательные статьи, в которых, в частности, писал: «И мне де от боярского гонения неведомо где стало жить, и для многих церковных вин и ныне доложить стало неково: патриарха на Москве нет! ... Да яж-де, богомolec твой, исперва был кроток и смирен, и того дня жил в монастыре, и себе единому внимал и ни до ково дела мне не было. А ныне, великий государь, молчаливым и кротким быть не в меру, и того же нрава и устроения держатися нельзя, потому что положено на нас бремя великое...»⁵⁷

Как уже говорилось, Симеон был поставлен в Сибирскую архиепископию еще при Стефане Вонифатьеве. Он был одним из сторонников ревнителей благочестия, так же как и Рязанский архиепископ Мисаил, проявивший необычайное рвение в искоренении язычества среди инородцев. В 1654 г. Мисаил был убит мордвой в Шацком уезде. В 1657 г. на его место был по-

ставлен Иларион. По свидетельству старообрядческого писателя дьякона Федора, Иларион служил попом в селе Лыскове, но, овдовев, постригся в монахи в желтоводском Макарьевом монастыре, где в свое время подвизался и Никон. В 1656 г. Иларион был поставлен игуменом Печерского монастыря в Нижнем Новгороде, а 26 апреля 1657 г. стал архиепископом Рязанским⁵⁸. Иларион известен как один из поборников церковной реформы патриарха. Он играл одну из ведущих ролей на соборе 1667 г., наложившем клятвы на старообрядцев. Однако на том же соборе вместе с митрополитом Павлом Крутицким Иларион отказался подписать постановление, из-за несогласия с формулировкой о превосходстве царской власти над патриаршей. Впоследствии обоим иерархам пришлось просить прощения у царя за свою дерзость⁵⁹. В 1662 г. Иларион вместе с другими архиереями подал царю отписку о недействительности клятвы Никона, наложенной на Крутицкого митрополита Питирима. Иларион писал, что клятва «противна божественных писаний», но в то же время он избегал резких выражений в адрес патриарха, лишь слегка укоряя его в том, что он «отступи своего престола и власти, и тою же силою паки хошет на других епископов, имущих своя престолы, власть имети»⁶⁰.

На соборе 1666 г., осудившем Никона, ни один епископ из рукоположенных патриархом не встал на его защиту. Некоторые архиереи сохраняли видимую лояльность к бывшему владыке, но другие, как, например, Александр Вятский, превратились в его заклятых врагов. Несмотря на то что все архиереи получили сан благодаря Никону, они не могли простить ему унижений, безмерных стяжаний и ссылки в отдаленные епархии.

О стяжаниях Никона нужно сказать особо. При нем и без того богатая патриаршая область стала еще богаче. Основанные Никоном монастыри — Иверский, Крестный и Воскресенский — благодаря покровительству патриарха приобрели колоссальные владения за счет приписок к ним более мелких обителей. Так, патриарх «взял к себе Тверския епархии монастыри и веле приписать ко Иверскому монастырю. На Твери на посаде Федоровской монастырь с вотчинами, да Тверския же епархии взял к Воскресенскому монастырю, в Клине — Успенской монастырь с вотчинами, Николы Чудотворца Страганской монастырь с вотчинами, Дудин монастырь с вотчинами, Зосимин

монастырь с вотчинами», в Бежецкой пятине — Боровицкий монастырь, в Торжке — Рождественский, в Новоторжском уезде — 30 церквей приходских, в Старой Руссе — Спасский монастырь, в Полоцкой епархии — Богоявленский монастырь и т. д. Всего 12 монастырей и 45 приходских церквей⁶¹. В 1653 г. во владения патриарха отошел учуг Комызяк в Казанском крае со всеми угодьями «безпошлинно, ввек не подвижно». В 1657 г. только что основанному Крестному монастырю были пожалованы волости в Каргопольском и Турчасовском уездах, рыбные ловли на реках Поное и Лахте⁶².

Самым внушительным «приобретением» Никона была приписанная к патриаршей области Коломенская епархия. Ее владения отошли к Воскресенскому монастырю. Впоследствии патриарх писал, что «еще в то время и початку Воскресенского монастыря не было»⁶³. Однако он погрешил против истины. Земли под строительства монастыря были пожалованы Никону в 1656 г., а 18 октября 1657 г. в обители состоялось освящение Воскресенской церкви в присутствии царя Алексея Михайловича⁶⁴. Любопытно, что в это же время и состоялся церковный собор, упразднивший Коломенскую епархию. Первоначально доходы Коломенской епископии были взяты на государя. «И после того государь пожаловал во свое государево богомолие, в Воскресенской монастырь».

Как писал дьякон Павел Алеппский, посетивший Москву в 1655 г. в свите Антиохийского патриарха Макария, Никон был истинный «тиран по отношению к архиереям, архимандритам и всему священническому чину»⁶⁵. Особенно страдало от своеволия владыки белое духовенство. При поставлении священнику приходилось нести большие расходы. Когда просители являлись к патриарху, Никон обходил их с какой-нибудь книгой и заставлял читать. Тем, кто читал хорошо, он делал помету на прощении «достоин», а тем, кто не умел прочесть, тех он прогонял. Провинившиеся в чем-нибудь священники или монахи подвергались суровому наказанию. «Если кто из настоятелей монастырей или важных священников совершит проступок, — писал Павел Алеппский, — тот, будучи заключен в оковы, должен просеивать муку ночью и днем при пекарне, пока не отбудет срок наказания; нам случалось видеть их в таком положении... В прежние времена сибирские монастыри были

пусты, но Никон в свое управление переполнил их злополучными настоятелями монастырей, священниками и монахами». Не прибавили популярности Никону и меры по борьбе с пьянством: «Прослышав о чьем-нибудь проступке, даже об опьянении, он немедленно того заточает, ибо его стрельцы постоянно рыщут по городу и как только увидят священника или монаха пьяным, сажают его в тюрьму, подвергая всяческому унижению»⁶⁶.

В конце концов, в 1657 г. духовенство написало царю челобитную с жалобами на притеснения Никона⁶⁷. Однако никто не отважился вручить ее государю, поэтому ее спрятали в Благовещенском соборе в Кремле, где она и была обнаружена. Челобитчики, очевидно, были хорошо знакомы с порядками на патриаршем дворе⁶⁸. В начале челобитной они полемизировали по поводу исправления богослужебных книг, но основное внимание уделили притеснениям духовенства, которые чинил патриарх.

Челобитчики жаловались, что Никон завел новые порядки, по которым священникам велено было привозить отписки от целовальников и поповских старост, где, кто, в какой десятине живет. Чтобы собрать все отписки, уходило две, а то и четыре недели, «да харчу станет рубль и два». В Москве ставленники жили по 15 и по 30 недель, платили по пять-шесть рублей, не считая расходов на пропитание и взятки архидьякону и приказным дьякам. Челобитчики писали, что в прежние времена ставленники, приезжавшие в Москву, ночевали в хлебне «безденежно», а в зимнюю пору дожидались в крестовой у патриарха, а «ныне и в сенях не велят стоять, зимою мучатся на крыльце». При прежних святителях в Казенный приказ можно было приходиться в любое время, а теперь и к воротам приблизиться страшно, потому что ворота одни, и те постоянно заперты. Особенно возмущал челобитчиков произвол патриарших дьяков, среди которых особенно злоупотреблял своим положением Иван Косошилов. При прежних патриархах поповских старост владыка принимал в крестовой палате и расспрашивал о всяких делах, «а ныне, за свои согрешения, всего того лишились». Никон велел переписать патриаршую область и обложил духовенство непомерными налогами: с попова двора по 8 денег, с дьяконова — по алтыну, с дьячкова, понома-

рева — по грошу, с четверти земли — по 6 денег, с копны сена — по две деньги и т. д. «Татарским абызам жить гораздо лучше!» — жаловались челобитчики⁶⁹.

Духовенство было возмущено тем, что патриарха больше волновали дела государства, а не церкви. Как уже говорилось, Никон лично наблюдал за снабжением армии, брал на государствену службу людей из монастырских и митрополичьих вотчин, посылал на войну провиант, подводы, лошадей и даже оружие⁷⁰. Челобитчики писали: «Видишь ли, свет премилостивый, что он возлюбил стоять высоко, ездить широко. Есть ли обычай святителям бранные потребности строить? Сей же святитель принял власть строить вместо Евангелия бердыши, вместо креста — топорки тебе на помощь, на бранные потребности»⁷¹.

Обстоятельства написания челобитной довольно точно передают иностранные источники. С 1645 г. в Швеции издавались почтовые листы, прообраз будущей газеты. В них публиковались отрывки из донесений дипломатов, а также сводки боевых действий. В одном из таких листков было напечатано донесение, посланное из Нарвы 9 августа 1658 г., в котором излагались причины падения патриарха Никона: «Дело с патриархом дошло до того, что простые люди, долго бывшие недовольными его действиями, написали царю прошение, в котором называли патриарха еретиком, содомитом и возмутителем спокойствия, исказившим религию, древние церковные одежды и обряды, и скорбно просили нового патриарха, благочестивого и истинного христианина. Но поскольку никто не решался передать прошение, то его положили в такое место, где оно попало в руки патриарха, который впал в сильный гнев и пришел к царю, требуя тотчас сыскать авторов, используя пытки и прочие подобные средства. Царь, напротив, сказал, что в этом деле надо разобраться, но подойти к нему со всей осторожностью, чтобы не вызвать бунта. Патриарх, будучи этим недоволен, тотчас собрался и отправился из Москвы. Царь попытался через князя Трубецкого и еще одного знатного господина отговорить его, но поскольку это не помогло, то он послал несколько сот стрельцов привезти его обратно и содержать под стражей, в то время как московское духовенство обязали расследовать это дело. Никто не верил, что он легко отделается, ибо вся страна ненавидела его»⁷².

Эти слова как будто подводят итог патриаршеству Никона, столь блестяще начавшемуся и столь бесславно закончившемуся. Надменное и даже пренебрежительное отношение Никона к духовенству вообще и к церковным иерархам в частности, которых он считал неравными себе по достоинству, а лишь безропотными исполнителями своей воли, привело к тому, что патриарх оказался в одиночестве, когда для него настали трудные времена. Тирания Никона по отношению к епископату обернулась равнодушием клира к судьбе своего владыки.

Примечания

¹ См.: *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. VI. М., 1991. С. 194—204; *Кантерев Н.Ф.* Патриарх Никон и царь Алексей Михайлович. Сергиев Посад, 1909. Т. 1. С. 113 и далее; *Зеньковский С.* Русское старообрядчество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970. С. 207—217; *Румянцева В.С.* Народное антицерковное движение в России в XVII веке. М., 1986. С. 95 и далее; *Meendorff Paul.* Russia, Ritual and Reform. The Liturgical Reforms of Patriarch Nikon in the 17 th Century. Crestwood, 1991. P. 39—42; и др.

² Об обновлении церковной иерархии в первые годы царствования Алексея Михайловича см. мою статью: *Patriarch Nikon's Rise to Power* // *Slavonic and East European Review* (в печати).

³ См.: *Строев П.* Списки иерархов и настоятелей монастырей Русской Православной Церкви. СПб., 1877. Стб. 36.

⁴ См.: *Полознев Д.Ф.* Письма русских архиереев царю Алексею Михайловичу (1662 г.): (К истории внутрицерковной борьбы в связи с «делом Никона») // *Проблемы истории и культуры.* Ростов, 1993. С. 68—69.

⁵ Биографические сведения об Ионе см.: *Титов А.А.* Митрополит Иона III (Сысоевич) и его постройки в Кремле Ростова Великого // *Исторический вестник.* 1885. Октябрь. С. 90—92; *Он же.* Летопись о ростовских архиереях. СПб., 1890. С. 13—14, 21—23; *Буланин Д.М.* Иона (Сысоевич) // *Словарь книжников и книжности Древней Руси.* Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2. СПб., 1993. С. 93—98.

⁶ См.: Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (далее — ОР РНБ). Ф. I. 337. Собр. Ф. Толстого. Л. 6—6 об.

⁷ См.: *Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею.* СПб., 1842. Т. 4. С. 172—177.

⁸ Цит. по: *Полознев Д.Ф.* Указ. соч. С. 71—72.

⁹ Дело о патриархе Никоне: Издание Археографической комиссии по документам Московской Синодальной (бывшей Патриаршей) библиотеки. СПб., 1897. С. 176.

¹⁰ См.: Житие преосвященного Илариона, бывшего Флорищевой пустыни строителя. Казань, 1868. С. 12.

¹¹ *Michels, Georg B.* At War with the Church. Religious Dissent in Seventeenth-Century Russia. Stanford, 1999. P. 79—80. См. также: *Michels, Georg B.* The first Old Believers in Tradition and Historical Reality // *Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas*. 1993. Bd. 41. H. 4. P. 484—488.

¹² См.: *Строев П.* Указ. соч. Стб. 1031, 571.

¹³ См.: *Michels, Georg B.* Op. cit. P. 260.

¹⁴ Государственный исторический музей (далее — ГИМ). Синодальное собрание. № 379. Л. 36 об.

¹⁵ См.: *Бубнов Н.Ю.* Старообрядческая книга в России во второй половине XVII в. СПб., 1995. С. 53.

¹⁶ Дело о патриархе Никоне... С. 450.

¹⁷ Цит. по: *Белокуров С.А.* Сказание о Павле Коломенском // Чтения в обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1905. Кн. 2. Отд. IV. С. 41.

¹⁸ Цит. по: *Денисов С.* Виноград российский, или Описание пострадавших в России за древлеперковное благочестие. СПб., 1906. Л. 14 об. — 15.

¹⁹ Цит. по: Дело о патриархе Никоне... С. 450.

²⁰ См.: *Строев П.* Указ. соч. Стб. 170, 1035.

²¹ См.: *Соловьев Н.А.* Сарайская и Крутицкая епархии // ЧОИДР. 1894. Кн. 3. Отд. I. С. 78—79.

²² См.: *Строев П.* Указ. соч. Стб. 656; *Гиббенет Н.* Историческое исследование дела патриарха Никона. Ч. 2. СПб., 1884. С. 482.

²³ См.: *Строев П.* Указ. соч. Стб. 443; Дворцовые разряды. Т. III. СПб., 1852. Стб. 407.

²⁴ См.: *Зиборов В.К.* Лаврентий // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2. С. 212—213.

²⁵ См.: Дворцовые разряды. Т. III. Стб. 471.

²⁶ См.: *Строев П.* Указ. соч. Стб. 288, 443.

²⁷ Цит. по: *Бубнов Н.Ю.* Указ. соч. С. 357; *Зиборов В.К.* Указ. соч. С. 212.

²⁸ См.: ЧОИДР. 1894. Кн. 3. Отд. I. С. 80—83.

²⁹ Цит. по: *Попов М.Г.* Материалы для истории патриарха Московского Питирима // Христианское чтение. 1890. Ч. 2. С. 490—492.

³⁰ Цит. по: *Поньрко Н.В.* Питирим // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 3. С. 38.

³¹ См.: Дополнения к III тому Дворцовых разрядов. СПб., 1854. Стб. 110.

³² См.: *Голубцов А.* Чиновники московского Успенского собора // ЧОИДР. 1907. Кн. 4. Отд. I. С. 299.

³³ См.: *Michels, Georg B.* Op. cit. P. 62.

³⁴ См.: *Гиббенет Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 535—536, 603.

- ³⁵ См.: *Полознев Д.Ф.* Указ. соч. С. 62—63.
- ³⁶ Цит. по: *Гиббенет Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 605, 608.
- ³⁷ См.: *Бубнов Н.Ю.* Указ. соч. С. 68—69.
- ³⁸ Цит. по: *Субботин Н.* Материалы для истории раскола за первое время его существования. М., 1875. Т. 1. С. 113.
- ³⁹ Цит. по: Там же. С. 113—115, 136.
- ⁴⁰ См.: *Строев П.* Указ. соч. Стб. 1031; ЧОИДР. 1898. Кн. IV. Отд. III. С. 18.
- ⁴¹ Цит. по: *Бубнов Н.Ю.* Указ. соч. С. 69—70.
- ⁴² См.: *Michels, Georg V.* Op. cit. P. 493—497.
- ⁴³ *Субботин Н.* Указ. соч. Т. 1. С. 311; Иерархия Вятская и Астраханская // ЧОИДР. 1848. №. 7. Отд. IV. С. 47—48.
- ⁴⁴ Цит. по: *Полознев Д.Ф.* Указ. соч. С. 73—78.
- ⁴⁵ ЧОИДР. 1898. Кн. 3. Отд. III. С. 162.
- ⁴⁶ См.: *Строев П.* Указ. соч. Стб. 656, 146.
- ⁴⁷ См.: Дополнения к III тому Дворцовых разрядов. Стб. 110.
- ⁴⁸ См.: *Леонид*, архимандрит. Стефан, архиепископ Суздальский, бывший в сане архимандрита настоятелем Воскресенского (Новый Иерусалим) монастыря // ЧОИДР. 1876. Кн. 1. Отд. V. С. 222—225.
- ⁴⁹ См.: *Строев П.* Указ. соч. Стб. 498, 502.
- ⁵⁰ Дополнения к III тому Дворцовых разрядов. Стб. 94; Дневальные записки приказа Тайных дел 7165—7183 гг. / Предисл. *С.А. Белокурова* // ЧОИДР. 1908. Кн. I. Отд. I. С. 6.
- ⁵¹ Цит. по: *Гиббенет Н.* Указ. соч. Ч. 2. С. 490.
- ⁵² См.: Витебская старина. Т. IV. Ч. 2. Витебск, 1885. С. 112—113.
- ⁵³ Цит. по: *Оболенский К.М.* Новые материалы для истории следственного дела над патриархом Никоном // Архив исторических и практических сведений, относящихся до России. 1859. Кн. 5. СПб., 1860. С. 6—7.
- ⁵⁴ Цит. по: *Оглоблин Н.Н.* Дело о самовольном приезде в Москву Тобольского архиепископа Симеона в 1661 г.: (Очерк из жизни XVII в.) // Русская старина. 1893. Окт. С. 172.
- ⁵⁵ Русская историческая библиотека. Т. 39. Л., 1927. Стб. 18—20.
- ⁵⁶ Цит. по: *Оглоблин Н.Н.* Указ. соч. С. 170.
- ⁵⁷ Цит. по: Там же. С. 174, 182—183.
- ⁵⁸ См.: *Строев П.* Указ. соч. Стб. 416; *Титов А.А.* Материалы для истории Русской Церкви. Рязанские иерархи // Чтения в обществе любителей духовного просвещения. 1891. Янв.—Февр. Отд. III. С. 37—41.
- ⁵⁹ См.: *Поньрко Н.В.* Иларион // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 3. (XVII в.). Ч. 2. С. 40—42.
- ⁶⁰ Цит. по: *Полознев Д.Ф.* Указ. соч. С. 80.
- ⁶¹ См.: РГАДА. Ф. 153. Оп. 1. № 48. Л. 1—2; Полное собрание законов Российской империи. Собрание первое (далее— ПСЗ). Т. 1. СПб., 1830. С. 367—368, 449.

⁶² См.: ПСЗ. Т. 1. С. 286, 437—449.

⁶³ Цит. по: *Tumins, Valerie, Vernadsky, George*. Op. cit. P. 169.

⁶⁴ См.: Дополнения к III тому Дворцовых разрядов. Стб. 111.

⁶⁵ Путешествие Антиохийского патриарха Макария в Россию в первой половине XVII века, описанное его сыном, архидьяконом Павлом Алепским // ЧОИДР. 1898. Кн. III. Отд. III. С. 47.

⁶⁶ Там же. С. 47, 160—161.

⁶⁷ РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. № 558. В настоящее время источник находится на реставрации и недоступен исследователям. (Цит. по: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен // Сочинения. Кн. VI. С. 201—203).

⁶⁸ Комментарий челобитной приводит Г. Михельс. (См.: *Michels, Georg B.* Op. cit. P. 30—31, 244).

⁶⁹ Цит. по: *Соловьев С.М.* Сочинения: В 18 кн. Кн. VI. С. 201—203.

⁷⁰ См.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской Академии наук. СПб., 1836 (далее — ААЭ). Т. IV. С. 123—126.

⁷¹ Цит. по: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VI. С. 203.

⁷² Extract Skrifwelse othur Narfwen then 9 Augusti // Post & Inkires Tidningar. 1658.

Summary

The article for the first time traces back the relations between Patriarch Nikon and the high church hierarchy during the period of reforms in the Russian Orthodox Church in 1650s. The author concludes that Nikon's arrogant and disdainful treatment of the clergy in general and the church hierarchy in particular led to his isolation when hard times came. Nikon's tyranny toward episcopacy turned out clergy's indifference toward him.

М. Перри

В ЧЕМ СОСТОЯЛА «ИЗМЕНА» ЖЕРТВ НАРОДНЫХ ВОССТАНИЙ XVII ВЕКА?

Литература об «идеологии» народных восстаний в России XVII—XVIII вв. и на русском, и на английском языках до сих пор сосредоточивается преимущественно на «народном монархизме» участников, то есть на вере повстанцев в «хорошего царя»¹. Все историки признают, конечно, что это были движения «во имя царя» против «изменников-бояр», но они уделяют сравнительно мало внимания народному понятию «измена» — может быть, потому, что в термине «изменники-бояре» они видят прежде всего трафаретную формулу, вроде постоянных эпитетов фольклора. Важным исключением в этом общем течении в историографии является прекрасное исследование Н.Н. Покровского о Томском восстании 1648—1649 гг., в котором автор уделяет немало внимания понятию «измена»².

Еще раньше, в статье о «слове и деле государеве», Н.Н. Покровский убедительно показал, что в XVII в., в соответствии с одновременным существованием двух противоположных представлений — официального и народного — монархизма, существовали также две противоположных концепции измены. С одной — официальной — точки зрения, не только народные восстания, но даже жалобы местных миров против злоупотреблений царских воевод представляли собой проявления «государева слова и дела». Но с другой — народной — точки зрения, сами воеводы своим угнетением местного населения являлись изменниками «государеву делу». Мирские челобитчики часто представляли государев интерес как неотличимый от народного, земского интереса³. Они стремились показать, что воеводские притеснения наносят ущерб не только городскому населению, но также и государству. Челобитчики

нередко обвиняли воевод в изменнических действиях, в предательстве интересов государства. Как объясняет Н.Н. Покровский, «незаконные поборы и взятки со служилых людей квалифицировались, например, как препятствие к выполнению ими государственной службы, то есть прямой урон обороноспособности страны»⁴.

В своей книге о Томске Н.Н. Покровский приводит немало примеров этого народного политического сознания. В челобитной апреля 1648 г. служилые люди жаловались на ущерб, наносимый государственному ясаку пушной торговой деятельностью воеводы кн. О.И. Щербатого, который «...приносить те лисицы велел ясашным людям себе за грозами мимо... государственной казны»⁵. Местное население в своей челобитной подтвердило это обвинение: «[Щербатый] чинил нам, сиротам твоим, обиды, и тесноты, и налоги, и гонение великое, и твоему государеву ясаку утерю делал»⁶. В крестьянской челобитной подчеркивалось, что корыстолюбие воеводы мешало им выполнять свой долг государству: «[Они] стали бесконны... и твоя государева пашня пахать стало не за чем»⁷. Все челобитные томицей против воеводы утверждали, что его действия вредят интересам не только самих челобитчиков, но и государственным интересам, то есть представляют собой измену, предательство⁸.

В нижеследующем кратком очерке исследуется вопрос, насколько выводы Н.Н. Покровского о народном понятии «измена», сделанные на примере Томского восстания 1648—1649 гг., можно распространить и на другие народные движения XVII в. В особенности мы будем рассматривать материалы московских мятежей 1648 и 1662 гг., восстаний в Новгороде и Пскове 1650 г. и казацко-крестьянского бунта под предводительством Стеньки Разина 1669—1671 гг. Во всех этих движениях, как известно, повстанцы называли своих врагов «изменниками». Эти враги — жертвы восстаний — были преимущественно «сильными» людьми: бояре, воеводы, приказные, богатые гости. В Москве в 1648 г. толпа требовала выдачи «изменников»: боярина Бориса Морозова, окольного Петра Траханиотова, думного дьяка Назария Чистого и судьи Леонтия Плещеева⁹. В 1662 г. прокламации восставших содержали список восьми «изменников»: бояр И.Д. и И.А. Милославских, окольных Ф.М. Ртищева и Б.М. Хитрово, дьяка Д.М. Башмакова и гостей В.Г. и Б.В. Шориных и С. Задорина¹⁰. Стенька Разин при-

зывал своих казаков «итти в Русь против государевых неприятелей и изменников, чтоб им из Московского государства вывести изменников бояр и думных людей и в городех воевод и приказных людей»¹¹. Важно заметить, однако, что, по народному мнению, не все «сильные» люди были «изменниками». Яркий пример «хорошего» боярина — Н.И. Романов, которого московские повстанцы 1648 г. считали заступником за народные интересы. В одной из вставок в расширенный текст «Лейденской брошюры» 1650 г. сообщается, что, когда Романов выступил перед людьми 3 июня, «народ, увидев его, собрался вокруг него, ликуя, склонился перед ним и закричал единодушно: “Он должен нами управлять вместе с царем и получить должности и чины, которыми облечен Морозов...”»¹². Такой популярностью Романов пользовался и в Пскове. В «большой» псковской челобитной горожане просили царя прислать в Псков для сыска «великого боярина Никиту Ивановича Романова», который «тебе, праведному государю, о всем радеет и о земли болит»¹³. Пленные, взятые под Псковом войсками боярина кн. И.Н. Хованского, утверждали, что псковитяне тотчас покорились бы, если бы в Псков приехал царь или Н.И. Романов¹⁴. Псковитяне так надеялись на Романова, что тайно послали к нему в Москву казака Мокея с копией городской челобитной¹⁵.

«Хороших» бояр мы находим и при других восстаниях. В Томске второй воевода И.Н. Бунаков был «излюблен» горожанами, в то время как они считали первого воеводу князя О.И. Щербатого изменником¹⁶. В Москве в 1662 г. повстанцы называли царского посланца боярина кн. И.А. Хованского «добрым» человеком¹⁷. Стенька Разин на круге в Паншином городке сказал, что хотя некоторые бояре «не добры де к ним, донским казакам» и «от них к ним на Дон государева жалованья не присылаетца», но существуют также хорошие бояре: «А добры де к ним, донским казаком, бояря князь Иван Алексеевич Воротынской, князь Григорей Сунчалеевич Черкасской; как де они бывают на Москве в станицах, и их де они кормят и поят»¹⁸. Разин считал астраханского воеводу князя И.С. Прозоровского врагом казаков и жестоко казнил его, но щадил жизнь его товарища кн. С.И. Львова: «Воеводу де адного спихнул с раската, а другой де воевода, названой отец Стеньки Разина, и ныне в Астарахани жив»¹⁹. Разинцы также отзывались с боль-

шой похвалой о бывшем патриархе Никоне, который «был им отец», в то время как «нынешнего патриарха бронят они, воровские козаки, матерны»²⁰. Существование таких положительных образов отдельных членов правящей элиты рядом с отрицательными характеристиками «злых» бояр показывает, что термин «изменник-боярин» был не только трафаретным, постоянным эпитетом, что народ умел различать «добрых» от «недобрых» правителей по определенным критериям.

Но какими были эти критерии? Ответить на этот вопрос не так легко. В чем именно состояла «измена» жертв народных восстаний XVII века, не всегда прослеживается в источниках. Кажется, иногда суть обвинений не была ясна даже современникам. Летописец 1624—1691 гг. рассказывает, что в 1662 г., когда московские мятежники пришли в Коломенское, «они же, несмысленнии народи, паки прилежаху, просяще изменников. Благочестивый же государь подвижеся и сам к ним изыде, глаголя им: “Кто есть изменники?...” — кто им надобен и что измена. Они же, яко неприязнь некая, непрестанно просящи: “Бояр-изменников даждь нам!” — глаголюще с невежеством, приступающе ко царю»²¹.

Очевидно, однако, что в большинстве случаев обвинения в измене были тесно связаны с жалобами народа на злоупотребления «сильных» людей. Шведский резидент Карл Поммеринг доносил королеве Христине, что в Москве 1 июня 1648 г. «простой народ стал жаловаться... на неправды и насилия, какия над ним учиняются»²². На следующий день толпа просила царя о выдаче «тех, которые у них [простолюдинов] высасывают кровь и безвинно их мучат»²³. В челобитной царю 2 июня москвичи жаловались о том, что «...властолюбивые нарушители крестного целования, простого народа мучители и кровопийцы и... губители, всей страны властвующие, ...всеми способами мучат, насилья и неправды чинят». Они добавили, что бояре не только «...бедных подданных... ныне пуше прежняго грабят, мучат и на правеже бьют каждого, кто их власти подчинен», но и «великаго князя казну и доходы уменьшают»²⁴. Таким образом, московские челобитчики июня 1648 г., как и томские челобитчики в апреле того же года, изображали бояр-изменников вредителями интересам и народа, и царя. Такие идеи мы находим и до восстаний 1648 г. В челобитной царю

1636 г. против нового городского воеводы Федора Левашова сольвычегодцы жаловались на то, что в результате его злоупотреблений «крестьяне из Усольского уезда бредут врозь, и твоя государева отчина пустеет»²⁵. В Рыльске в 1647 г. тюремный сиделец Федька Волк заметил, что государево жалованье донским казакам «неведомо куда идет», и что «государева де казна вольным людем напрасно теряется». В этом, по мнению Федьки, виноваты были бояре, которые пренебрегали государственными интересами: «Бояре де государевым делом и службою не радеют»²⁶. Возможно, жалоба Разина на то, что «недобрые» бояре не присылали государево жалованье донским казакам, также отражает идею, что жадность злых бояр наносит ущерб не только самим казакам, но и обороноспособности государства.

Кроме таких обвинений в измене «государеву делу», бояр обвиняли и в других, «обычных» формах измены, в особенности в покушениях на жизнь царя или членов царской семьи. В Новгород в июле 1648 г. пришли известия из Москвы, что бояре «хотят де царя извезть»²⁷. В июне 1650 г. посадский человек приехал из Ругодива в Псков и рассказал, что царя в Москве нет: под его палату подкатили порох, и он едва спасся²⁸. В речи на круге в Паншином городке в мае 1670 г. Стенька Разин обвинил бояр в подозрительных смертях царицы Марии Ильиничны и царевичей Алексея Алексеевича и Симеона Алексеевича²⁹, и в октябре 1670 г. в «прелестной грамоте» жителям города Харькова атаман Леска Черкашенин оправдал поход донских казаков к Москве на выручку царю тем, что «у него, великого государя, царевичев не стала и от них, изменников бояр»³⁰. Такие обвинения, конечно, были лишены всякого основания, но они служили оправданием поступков повстанцев против «изменников-бояр».

Иногда мы находим более конкретные обвинения против бояр. В Новгороде в 1648 г. объяснили убийство Назария Чистого восставшими москвичами как заслуженное наказание изменника за то, что он украл государеву печать из Посольского приказа³¹. Тот же самый слух был записан в Москве анонимным шведским автором, но по отношению к Траханиотову³². Шведский автор также пишет, что в доме Траханиотова после его убийства повстанцы нашли два монетных штемпеля. Из-за этого они подозревали многих членов правящей элиты, вклю-

чая Морозова, в подделке монет и убили их³³. В Новгороде в июле 1648 г. шли рассказы, что у гостя Василия Шорина во время Московского восстания были взяты чеканы³⁴. В Москве в 1662 г. мятежники также обвиняли бояр в подделке монет. Дьячок Демьян Филиппов «в роспросе» сказал, что «...чернь де собираетца и чают от них быть погрому двору боярина Ильи Даниловича Милославского да гостя Василья Шорина и иных богатых людей за измену в денежном деле, бутто он, Василей, да кадашавец... деньги делали»³⁵. Подделка монет являлась государственным преступлением, и кражу царской печати, кажется, также считали изменой. Деньги и печать представляли собой символы царской власти, и незаконное присвоение этих символов бесчестило самого царя, являясь узурпацией его прерогатив. Не ясно, имели ли эти обвинения какое-нибудь основание, но они служили полезным предлогом для народной расправы против «изменников-бояр».

Кроме обвинений бояр во «внутренней» измене, повстанцы часто заявляли и о их «внешней» измене, то есть в предательских сношениях с иностранцами — врагами России. Такие обвинения являлись особенно своевременными и правдоподобными, конечно, во время войны. Может быть, поэтому мы не находим их в Московском восстании 1648 г. Но в Томске уже в 1649 г. горожане настойчиво говорили об изменнических сношениях воеводы князя О.И. Щербатого с джунгарским контайшой Батуром, направленных против телеутского князца Коки, московского союзника³⁶. По мнению Н.Н. Покровского, это дело не вполне ясно, так как показания свидетелей часто противоречат друг другу, но вообще обвинения против Щербатого кажутся малообоснованными. Они пришлись очень кстати второму томскому воеводе И.Н. Бунакову, так как этим новым обвинением в измене он мог оправдать свой отказ повиноваться царским грамотам о временном возвращении Щербатова к власти³⁷.

Обвинения во «внешней» измене играли большую роль в восстаниях в Новгороде и Пскове. В 1649 г. русское посольство в Швецию договорилось, что вместо того, чтобы вернуть шведам перебежчиков из бывших русских прибалтийских областей, Московское государство уплатит за них 190 000 рублей и в то же время продаст в Швецию 12 000 четей ржи по ценам

псковского рынка. Правительство поручило закупку этой ржи псковскому купцу Федору Емельянову.

В условиях неурожая закупки Емельянова подняли уже высокие цены на хлеб на псковском рынке и тем самым вызвали сильное недовольство среди населения города. 28 февраля 1650 г. шведский посланник Логин Нумменс приехал в Псков из Москвы с денежной казной для приема хлеба. Его появление в городе служило толчком к восстаниям не только в Пскове, но также и в соседнем Новгороде. Во время этих мятежей ходили разные слухи о предательских сношениях со шведами со стороны не только местных гостей и воевод, но также и бояр в Москве³⁸.

В Пскове горожане обвиняли купца Федора Емельянова в дружбе со шведами³⁹. В челобитной на Емельянова псковитяне сказали, что он «недобрый человек, вор и изменник, преж сего... государю, изменил с немецкими ж свитцкими людьми, подо Псковом войною на осад был»⁴⁰. В Новгороде подозревали большого гостя Семена Стоянова в изменнических сношениях со шведами. В челобитной царю марта 1650 г. новгородцы жаловались на то, что он «ездит в Свейскую землю по многие годы... И немецких людей кормят и с ними советуют... Да он же, Семен Стоянов, с немецкими свейскими людьми и иных орд, которые приезжают в Великий Новгород, пьет и ест заодно и в дом к себе приводит...»⁴¹ Новгородцы также называли городского воеводу, окольного кн. Ф.А. Хилкова изменником⁴²: «Твоего государева указу и грамот не слушал, из Великого Новгорода в Свейскую землю твоих государевых торговых людей и немецких с хлебом, и с мясами, и свинными полтми... отпускал по ночем для своей бездельной корысти»⁴³. Новгородцы обвиняли воеводу в том, что он «свейским людем норовит, а твоих государевых людей, нас, холопов твоих, губит напрасно». По словам челобитчиков, Хилков послал 300 стрельцов и казаков на шведскую границу, «а для сберегания пороху и свинцу им ничево не дали»⁴⁴.

Обвинения в измене возводили также на псковского воеводу кн. В.П. Львова. Когда он отказал в выдаче псковитянам пороха и свинца для обороны города против нападения шведов (считая, не без основания, что они собираются скорее оборонять город против московских войск), его назвали «изменни-

ком государю», и он был вынужден передать ключи от города всегородным старостам⁴⁵. В июне 1650 г. царский воевода боярин кн. И.Н. Хованский подошел к Пскову с карательной экспедицией, и слухи распространялись в городе, что ему помогают шведы. В сентябре кн. В.П. Львов сообщил царю, что «псковичи жаловались на... государева боярина на князя Ивана Никитича Хованского, будто он подо Псков с ратными людьми пришел изменою, а не по... государеву указу»⁴⁶.

Действительно, жители Новгорода и Пскова были убеждены в том, что бояре в Москве устраивали огромный заговор со шведами. Во главе этого заговора, по их мнению, стоял ненавистный боярин Б.И. Морозов, который уже вернулся во власть после московских событий 1648 г. и вновь руководил государственными делами. Морозова обвиняли в намерении сдать Псков шведам без боя, соединиться с ними и, взяв Псков, «с немецкими людьми из Пскова идти под Новгород, а из под Новгорода под Москву»⁴⁷. Боярам приписали намерение пьянить новгородцев для того, чтобы способствовать сдаче города: «А тем де было немцам итти на пьяных людей под Новгород»⁴⁸. В своей «большой» челобитной псковитяне сообщили царю, что шведский посланник Нумменс сказал на допросе: «Дал де нам твою государеву денежную казну на Москву твой государев боярин Б.И. Морозов без твоего государева ведома, и с Москвы де его отпустил с тою казною в шестом часу ночи»⁴⁹. Такие слухи распространялись и в других городах. Дворянин Богдан Ушаков слышал от клинского посадского человека Трунила разговор об измене Морозова и готовящемся нападении немцев⁵⁰. Шведский агент Поммеренинг доносил королеве Христине из Москвы 7 апреля 1650 г.: «Обвиняют Морозова, как причину того, что ваше королевское величество получаете от великого князя такую большую сумму денег и много хлеба»⁵¹. В своей челобитной новгородцы жаловались царю, что шведы собираются тратить русские деньги на наем войск для нападения на Московское государство: «Те твои государевы недруги, свейские немцы, умышляют, взяв твою государеву казну, денги и хлеб, и тою твоею государевою казною и хлебом наймовать им с собою иных орд немец и иттить на твою государеву отчину, на Великий Новгород, и на Псков и тех городов на пригороды»⁵². В большинстве случаев восставшие обвиняли бояр

в изменнической передаче шведам денег и продовольствия, но некоторые считали, что сам царь несет ответственность за эти действия. Воевода князь Хилков написал Морозову, что новгородцы «говорят слова непригожие, что будто государь об них не радеет, денгами подмогает и хлебом кормит Немецкие земли»⁵³.

Но более настойчивыми были слухи о боярском заговоре против царя, который, спасаясь от него, бежал из Москвы в Польшу, там собирает войска и скоро вернется в Россию для того, чтобы искоренять измену и выручать псковитян от карательной экспедиции Хованского. 12 июня 1650 г. три литвина сказали русскому крестьянину около Пскова, что: «...де государя... в Московском государстве нет, а ныне он в Польше у литовского короля». 18 июня другой крестьянин также сообщил псковитянам, что царь приехал в Литву; 23 июня пришла весть, что он находится в Варшаве⁵⁴. В июле литовские торговые люди приехали в Псков и «говорят псковичам»: «...Вы стоите за правду, а в правду оне им, псковичам, вменяют то, что де на Москве от бояр измена:... а государь ныне в Литве наймует людей и к вам, псковичем, хочет с людми итти на помочь...»⁵⁵ Такие слухи, конечно, были абсурдными, но они служили псковитянам оправданием того, что они сами искали военную помощь из Польши в своей борьбе с русскими «изменниками» и их предполагаемыми шведскими союзниками. Горожане говорили московским дворянам, присланным к ним для переговоров: «У вас немцы, а им, псковичем, какая немера будет, и у них будут поляки для выручки»⁵⁶.

В Московском восстании 1662 г. мы также находим рассказы о «внешней» измене. Бояр обвиняли не только в разных злоупотреблениях, связанных с введением медных денег, но и в сношениях с Польшей. Григорий Котошихин сообщает, что в прокламациях восставших было написано: «...бояре ссылаются листами с полским королем, хотя Московское государство погубить и поддать полскому королю»⁵⁷. В день восстания сын большого гостя Василия Шорина в расспросе сознался, что отец его «побежал в Польшу з боярскими листами»⁵⁸. На следствии дьячок Демьян Филиппов был подвержен пытке и сказал: «Говорят де в миру, ...что де присланы ис Полпи листы воровские про околничего про Федора Михайловича Ртищева»⁵⁹. Шведский дипломатический представитель Адольф

Эберс писал, что в своих воззваниях мятежники жаловались на то, что в Москве мало войска и съестных припасов, солдаты умирают от голода из-за недостаточного жалования, получаемого медными деньгами; поэтому полякам, с которыми ссылаются богатые господа и гости, легко будет взять Москву⁶⁰. Другой иностранный источник сообщает, что, согласно прокламациям восставших, бояре продали Москву полякам и татарам⁶¹. Боярин Г.Н. Собакин писал, что в «воровском листе» мятежников было написано: «Великому государю изменяют бояря: ...отпускают ево, государеву, казну х королю полскому в Литву пороховую, а денежную многую и Московскому государству разорение делают болшое»⁶². В то же время среди войск ходили слухи о военном предательстве в форме вредительских действий приказных людей: вместо пороха присылают в армию из Стрелецкого приказа песок (по другим версиям, «в бочках песку, а сверх порох» или «который де порох на государеву службу с ними отпущен, и тот порох пополам с песком»)⁶³.

Итак, в менталитете восставшего населения Москвы в 1662 г. «внутренняя» измена «лихих» бояр, приказных людей и гостей была тесно связана и с изменой «внешней», то есть с сношениями с Польшей. Показательно в связи с этим, что царского посланца из Коломенского в Москву кн. И.А. Хованского жители столицы считали «хорошим» боярином именно из-за его военной верности. По Котошихину, в ответ на обращение Хованского к повстанцам «ис тех людей многие отвещали, что де ...Хованской человек доброй и службы его к царю против полского короля есть много. И им до него дела нет, но чтоб им царь выдал головою изменников бояр, которых они просят»⁶⁴. Кажется, что обвинения в сношениях с Польшей были лишены всякого основания, но, как замечает В.И. Буганов, И.Д. Милославский, Ф.М. Ртищев и другие поддерживали постоянный контакт с польскими дипломатами, и эти связи, может быть, придавали некоторое правдоподобие подозрениям в измене⁶⁵.

Итак, мы видим, что во всех этих народных восстаниях XVII в. повстанцы обвиняли своих врагов из правящей элиты не только в разных злоупотреблениях и притеснениях народа, но также и в государственных преступлениях, изображая «злых

бояр» как противников и государева, и народного интереса. Конечно, обвинения бояр в государственной измене служили оправданием действий мятежников. Но это был не просто легитимизирующий прием, как заметил Н.Н. Покровский, сочетание понятий государева и народного интереса характеризовало народное политическое сознание XVI века. Показательно, что такое сочетание мы находим и в официальной риторике XVI—XVII вв. Напомним летописный рассказ об учреждении опричнины. В царском послании митрополиту Афанасию были описаны «измены боярские и воеводские и всяких приказных людей» в несовершеннолетие Ивана Грозного: «...бояре и все приказные люди его государства людем многие убытки делали и казны его государьские тощили, ...и о государе и его государстве и о всем православном христианстве не хотя радети, и от недругов его от Крымского и от Литовского и от Немец не хотя крестьянства обороняти, наипаче же крестьяном насилие чинити...»⁶⁶ По мнению Р.Г. Скрынникова, царская апелляция к горожанам со словами о боярской измене и притеснениях вызвала «призрак народного восстания»⁶⁷. Действительно, в царском послании мы видим то же понятие урнов, причиняемых изменниками-боярами одновременно и государеву, и народному («крестьянскому») интересу, то же сочетание обвинений во внутренней и внешней (военной) измене, что мы видели и в лозунгах, и прокламациях участников народных восстаний XVII века.

Во время опричнины жертвы террора обвинялись не только во взяточничестве и коррупции, но и в покушениях на жизнь царя и в предательских сношениях с иностранными врагами. Во многих случаях, конечно, эти обвинения были совсем необоснованными, являясь предлогом для расправы с царскими недоброжелателями. Но царское преследование «изменников-бояр» XVI века служило удобным примером повстанцам XVII века. Они также не только изображали своих врагов притеснителями народа и вредителями государственному интересу, но и возводили на них вымышленные обвинения в преступлениях против личности царя и в заговорах с иностранными державами. В своем понимании «боярской измены» (как и в других отношениях), кажется, «народный монархизм» русских низов имел много общего с «монархическим народничеством» самого царя⁶⁸.

Примечания

¹ См., напр.: *Буганов В.И.* Московское восстание 1662 г. М., 1964; *Скрынников Р.Г.* Россия в начале XVII в. «Смута». М., 1988; *Его же.* «Смута» в России в начале XVII в. Иван Болотников. Л., 1988; *Kivelson Valerie A.* The devil stole his mind: the tsar and the 1648 Moscow uprising // *American Historical Review.* 1993. Vol. 98. P. 733—756; *Perrie Maureen.* Pretenders and popular monarchism in early modern Russia: the false tsars of the Time of Troubles. Cambridge, 1995.

² См.: *Покровский Н.Н.* Томск 1648—1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989.

³ См.: *Покровский Н.Н.* Сибирские материалы XVII—XVIII вв. по «слову и делу государеву» как источник по истории общественного сознания // *Источники по истории общественной мысли и культуры эпохи позднего феодализма.* Новосибирск, 1988. С. 25—26.

⁴ Там же. С. 27.

⁵ Цит. по: *Покровский Н.Н.* Томск... С. 97.

⁶ Цит. по: Там же. С. 117.

⁷ Цит. по: Там же. С. 107.

⁸ См.: Там же. С. 118, 208.

⁹ См.: *Городские восстания в Московском государстве XVII в.:* Сб. докл. / Сост. *К.В. Базилевич.* М., 1936. С. 54, 56—57, 61, 75.

¹⁰ См.: *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 44—47.

¹¹ *Крестьянская война под предводительством Степана Разина:* Сб. докл. Т. 1. М., 1954. № 171. С. 235.

¹² Цит. по: *Чистякова Е.В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы). Воронеж, 1975. С. 69—70.

¹³ Цит. по: *Тихомиров М.Н.* Классовая борьба в России XVII в. М., 1969. С. 70.

¹⁴ См.: Там же. С. 377.

¹⁵ См.: Там же. С. 72.

¹⁶ См.: *Покровский Н.Н.* Томск... С. 228—229.

¹⁷ См.: *Kotosixin Grigorij.* O Rossii v carstvovanie Alekseja Mixajlovica: Text and commentary / ed. A.E. Pennington. Oxford, 1980. P. 115.

¹⁸ *Крестьянская война...* Т. 1. № 171. С. 235—236.

¹⁹ Там же. № 172. С. 238, 280. Прим.

²⁰ *Крестьянская война под предводительством Степана Разина:* Сб. докл. Т. 2. Ч. 1. М., 1957. № 22, 29. С. 31, 44.

²¹ *Хрестоматия по истории СССР XVI—XVII вв.* М., 1962. С. 453—454.

²² Цит. по: *Городские восстания...* С. 35.

²³ Цит. по: Там же.

²⁴ Цит. по: Там же. С. 46—47.

²⁵ Цит. по: *Чистякова Е.В.* *Городские восстания...* С. 181—182.

- ²⁶ *Новомбергский Н.* Слово и дело государевы: (Процессы до издания Уложения Алексея Михайловича 1649 года). М., 1911. Т. 1. № 118. С. 195—196.
- ²⁷ Цит. по: *Бахрушин С.В.* Научные труды. М., 1954. Т. 2. С. 79.
- ²⁸ См.: *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 379.
- ²⁹ См.: Крестьянская война... Т. 1. № 171. С. 235.
- ³⁰ Крестьянская война. Т. 2. Ч. 2. № 60. С. 74.
- ³¹ *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 79.
- ³² См.: Городские восстания... С. 58.
- ³³ См.: Там же. С. 58.
- ³⁴ См.: *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 87.
- ³⁵ Восстание 1662 г. в Москве: Сб. докл. М., 1964. № 17. С. 53.
- ³⁶ См.: *Покровский Н.Н.* Томск... С. 199—208, 292—293, 305, 311—313, 341—342.
- ³⁷ См.: Там же. С. 204, 305.
- ³⁸ См.: *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 23—169, 234—396.
- ³⁹ Там же. С. 68, 248—249.
- ⁴⁰ Там же. С. 73. Прим. 30.
- ⁴¹ Цит. по: Там же. С. 349.
- ⁴² См.: Там же. С. 148.
- ⁴³ Цит. по: Там же. С. 345—346.
- ⁴⁴ Цит. по: Там же. С. 349.
- ⁴⁵ См.: Там же. С. 62—63, 68, 245, 363.
- ⁴⁶ Цит. по: Там же. С. 302.
- ⁴⁷ Цит. по: *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 81. Ср.: *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 254, 362.
- ⁴⁸ Цит. по: *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 250, 362.
- ⁴⁹ Цит. по: Там же. С. 67—68.
- ⁵⁰ См.: Там же. С. 161.
- ⁵¹ *Бахрушин С.В.* Указ. соч. С. 81. Прим. 187.
- ⁵² Цит. по: *Тихомиров М.Н.* Указ. соч. С. 348.
- ⁵³ Цит. по: Там же. С. 337.
- ⁵⁴ См.: Там же. С. 105, 379.
- ⁵⁵ Цит. по: Там же. С. 114, 282.
- ⁵⁶ Цит. по: Там же. С. 105, 378.
- ⁵⁷ См.: *Kotosixin G.* Op. cit. P. 114.
- ⁵⁸ Ibid. P. 115, 116.
- ⁵⁹ Восстание 1662 г... № 17. С. 53—54.
- ⁶⁰ *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 45.
- ⁶¹ Там же.
- ⁶² Хрестоматия. С. 449.
- ⁶³ Восстание 1662 г. № 218—220. С. 229—230.
- ⁶⁴ Цит. по: *Kotosixin G.* Op. cit. P. 115.
- ⁶⁵ См.: *Буганов В.И.* Указ. соч. С. 45.
- ⁶⁶ Полное собрание русских летописей. М., 1965. Т. 29. С. 342.

⁶⁷ *Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992. С. 211.

⁶⁸ О соотношениях «народного монархизма» и «монархического народничества», ср.: *Perrie Maureen.* Popular monarchism: the myth of the ruler from Ivan the Terrible to Stalin / Geoffrey Hosking and Robert Service, eds. London: Reinterpreting Russia, 1999. P. 156—169.

Summary

Studies of the ‘ideology’ of popular uprisings in early modern Russia have tended to focus on the ‘popular monarchism’ of the insurgents. Historians in both Russia and the West have recognised that these movements ‘in the name of the tsar’ were directed primarily against ‘traitor-boyars’, but little attention has been paid to the popular understanding of the concept of ‘treason’. An important exception to this generalisation can be found in the work of N.N. Pokrovskii, who argues that the popular concept of treason identifies the interests of the people with those of the state. In the Tomsk revolt of 1648–9, for example, the rebels’ petitions stressed that the actions of the governor damaged the interests of the state as well as those of the townspeople whom he oppressed.

The article tests the broader applicability of Pokrovskii’s ideas by examining evidence from the Moscow uprisings of 1648 and 1662, the revolts in Novgorod and Pskov in 1650, and the rebellion of Sten’ka Razin in 1669—71. In all of these cases, the insurgents described their enemies in the ruling elite as ‘traitors’. They were invariably accused of abusing those subject to their authority — townspeople, peasants and cossacks. In some cases, as in Tomsk in 1648—9, the ‘evil boyars’ were depicted as causing harm to the interests both of the people and of the state. But in other cases the boyars were also accused of plotting against the life of the tsar and other members of the royal family. They were also frequently accused of involvement in treasonous links with foreign powers — with the Swedes in the case of Novgorod and Pskov, and with the Poles in the Moscow rising of 1662.

In conclusion it is noted that the range of accusations made against the ‘traitor-boyars’ in the popular uprisings of the 17th century resembled the accusations made by Ivan IV against the victims of the oprichnina terror, and it is suggested that in this respect, as in various others, the ‘popular monarchism’ of Russian rebels had much in common with the ‘monarchist populism’ of their rulers.

Е.В. Анисимов

ТАИНСТВО РОЖДЕНИЯ ПЕТЕРБУРГА

На первый взгляд никакой тайны в появлении Петербурга нет — редкий город такого масштаба имеет столь точные данные в своей «анкете» — дату, место рождения, имя отца-основателя и даже имя небесного покровителя. В любом справочнике вы прочтете, что «16 мая (по старому стилю) 1703 г. на острове Заячий Петр Великий основал город Санкт-Петербург в честь Святого Петра». И тем не менее не все ясно в этой простой на первый взгляд истории. Есть некая тайна, туман неясности и недоговоренности в рождении Санкт-Петербурга.

Полным мраком неизвестности покрыта сама «ночь зачатия», идея строительства града Петрова. У кого, при каких обстоятельствах возникла идея строительства города именно здесь, на правом берегу Невы, кто предложил эту идею Петру, или она принадлежит лично ему? У нас есть только косвенные данные, свидетельствовавшие о понимании людьми того времени важности устья Невы как стратегической позиции, об общем намерении Петра основать на Балтике торговый порт, о желании заменить непригодный к обороне Ниеншанц новой крепостью и т. д. Но при этом нет и в помине хотя бы какого-нибудь клочка бумаги Петровской эпохи со словами, которые можно передать крылатой фразой Пушкина: «Здесь будет город заложен...». Поэтому все наши размышления и выводы по поводу идеи основания города так и останутся «конструкциями умственности», измышлениями, уязвимыми перед суждениями новых поколений историков.

Следующий неясный момент: присутствовал ли Петр при основании Петербурга, если таковым считать основание крепости на Заячьем острове? До сих пор живут легенды о торжественной закладке крепости им лично, хотя из исторических

документов известно, что накануне основания города Петр уехал на Ладогу. При этом в легендах моменту закладки сопутствует почти «чудесное явление» некоего парящего над сим местом орла — знака, которым высшие силы якобы выражали свое одобрение мероприятию на Заячьем острове. А.М. Шарымов посвятил доказательству того, что Петр был 16 мая на Заячьем острове, цикл исследований, но, похоже, так этого и не доказал: по-видимому, царя не было в тот день в устье Невы. Думаю, что все происходило довольно буднично. Царь приказал строить фортецию на острове, уехал на Ладогу, и солдаты начали валить лес, копать канавы, ставить первые колышки. При этом не было ни торжества по случаю закладки, ни царя, ни духовенства. Последнее кажется особенно важным, ведь в православной России ничего не признавалось легальным, утвержденным, если не было освящено церковью. Новорожденный становился человеком не в день своего рождения, а в день крещения, приобретения им имени небесного покровителя. Так что дата, которую мы празднуем как день основания города, строго говоря, является лишь датой закладки безымянной крепости, а не датой основания города Санкт-Петербурга. Не 16 мая, а лишь 29 июня, полтора месяца спустя, в Петров день, в торжественной обстановке, в присутствии Петра архиепископ Новгородский Иов освятил закладку внутри крепости на Заячьем острове деревянной церкви, названной в честь святых Петра и Павла. Именно с этого дня — 29 июня — миру стало известно имя города. До этого, как в свое время установил историк города П. Петров, у крепости на Заячьем острове не было вообще никакого названия, то есть полтора месяца город жил без имени.

И тут мы неизбежно входим в новую «туманную полосу». Первое упоминание названия города в документах — вовсе не привычные нам слова «Санкт-Петербург»! Как выяснил в 1903 г. Н.В. Голицын, впервые название города упоминается в письме сподвижника Петра и руководителя Посольского приказа Ф.А. Головина. Он писал 16 июля 1703 г.: «Сей город новоустроенный назван в самый Петров день Петрополь и уже онаго едва не с половиною соорили... Из Петрополя». И только в августе 1703 г. в письмах Головина впервые появляется близкое к нашему название «Санкт-Петробург». Позже как только не

писали название города в государственных бумагах: «Санкт-Питерсбург», «Петрополис», «Питерпол», «S. Петрополис», а затем уже «Санкт-Питер-Бурх» или «Санкт-Питербурх». Это последнее название характерно для начального периода его истории, а привычное нам наименование «Санкт-Петербург» пришло не сразу¹. Впрочем, в те времена никто не задумывался над написанием населенных пунктов. Обобщая, можно утверждать, что название «Санкт-Питербурх» при Петре I использовалось чаще всего, и, по существу, оно является подлинным, настоящим именем города, таким, как его называл на голландский манер сам Петр, который для себя и окружающих был не немецким Петером, а голландским Питером. При этом остается неясным, когда на смену голландскому написанию «Санкт-Питербурх» пришли немецкое написание «Санкт-Петербург».

Возвращаясь к письму Головина от 16 июля, отметим, что в письме название «Петрополь» первоначально относится не к городу, а к крепости, укреплению на Заячьем острове, поспешно возводимому и даже достроенному уже наполовину в середине июля 1703 г. Возникает вопрос: если Санкт-Петербургом называлась крепость на Заячьем острове, то когда же это название стало обозначать собственно город как населенный пункт? Неясно также, когда сама крепость стала называться Петропавловской? И почему тогда город называется Петербургом, а крепость — Петропавловской? И не логичнее было бы сказать, что город, основанный первоначально в виде крепости, в сердце которой стоит собор равноапостольных Петра и Павла, должен именовался не Петербургом, а Петропавловском?

Авторы «Очерков истории Ленинграда» решают эту проблему достаточно просто: «Крепость первоначально свое название **Санкт-Петербург** получила 29 июня того же года в церковный праздник Петра и Павла. Позже, когда в крепости был построен собор в честь Петра и Павла, она стала называться Петропавловской, название же **Санкт-Петербург** закрепилось за городом, возникшим вокруг крепости»² (выделено ред.). Что такое «позже»? Первый деревянный Петропавловский собор построили в 1704 г., и он многие десятилетия назывался как «Церковь апостолов Петра и Павла, что в Санкт-Питер-Бурге-

кой крепости» или «В Санкт-Петербургской крепости церковь Петропавловская»³. Сама же крепость при Петре I называлась нередко **городом**. Так в России всегда называли собственно крепость, кремль, детинец. Крепость на Заячьем называлась не только *городом*, но также и *гварнизонам*, *Санкт-Петербургской крепостью*, *Петропавловской крепостью*. На изображении крепости на Заячьем острове 1705 г. есть даже такое название: «Isles de Petersborg [Остров Петербург]»⁴. Как и в истории с названием города, это говорит о том, что название крепости устоялось и прижилось не сразу. Разночтения присутствуют не только в документах, но даже и в надписях на надгробиях Комендантского кладбища у стен Петропавловского собора, где один комендант назван «Петропавловской крепости комендантом», а другой — «комендантом С.-Петербургской крепости»⁵. По-видимому, перенос, «сползание» имени крепости — «Санкт-Петербург» — на имя города и появление у нее самостоятельного, ныне устоявшегося названия (по главному собору) «Петропавловская» были делом не одного десятилетия.

Приближимся к следующей «туманной полосе» и зададимся вопросом: чьим именем назван город — именем святого Петра или именем царя земного Петра Алексеевича Первого? Большинство историков считают, что город назван по имени небесного покровителя, к тому же ранее на берегу Азовского моря был основан форт Святого Петра. Однако заметка от 4 октября 1703 г. в газете «Ведомости», которую редактировал сам Петр, заставляет усомниться в этом. В ней сказано, что государь основал крепость, «...на **свое государское имянование** (выделено нами. — *Е.А.*) прозванием Питербургом обновити указал», то есть назвал крепость своим именем. В этом нет ничего удивительного для страны, где уже были города Царев-Борисов или Романов, а потом возникли Екатеринбург, Екатеринослав, Николаев. И все же Санкт-Петербург следует переводить как **город Святого Петра**, приоритет имени святого патрона царя над именем самого царя очевиден. Ведь символично, что на главных — Петровских — воротах крепости после их перестройки в 1717—1718 гг. была установлена фигура Святого Петра с двумя ключами. В 1720 г. очевидец рассмотрел на спинке трона Петра I изображение святого Петра с ключами, что подкрепляет аналогию с Римом — городом Святого Петра.

Следующая загадка: когда Петербург стал государственной столицей, официальной резиденцией царя, местом аккредитации иностранных дипломатов? Скажем откровенно: один Бог знает! Вразумительного ответа историки дать не могут, потому что Петр не оставил ни одного документа о перенесении своей резиденции на берега Невы. Вообще неясно, что же можно считать критерием переноса столицы: переезд царской семьи, двора, дипломатического корпуса, государственных учреждений? Немногочисленная семья Петра впервые появились в городе не раньше 1708 г., двора как такового у царя-путешественника никогда не было.

Первым из европейских послов в 1709 г. приехал на берега Невы датский посол Ю. Юль, в 1712 г. — английский посол Ч. Уитворт, в 1715 г. — француз Лави, в 1716 г. — голландец де Би. Нужно еще учитывать, что Петр не терпел официальных церемоний и избегал торжественных вручений верительных или отпускных грамот. При встрече с Петром Юль пытался заикнуться о верительной грамоте, подвыпивший царь ответил, «что о назначении посланником к его двору он получил письма непосредственно от короля [Дании], а потому примет меня и без верительной грамоты»⁶. В других случаях Петр принимал верительные грамоты в затрапезной обстановке, без всякого торжества, в Москве, Воронеже, Петербурге — словом, где придется. И все-таки один раз была аудиенция по полной, надлежащей форме. 24 ноября 1704 г. в Посольском доме на Петербургском острове был прием турецкого посла⁷. Возможно, эту дату и можно бы считать днем превращения Петербурга в официальную столицу, резиденцию монарха. Тем более что как раз в 1704 г., 28 сентября, царь писал А.Д. Меншикову о своем намерении «быть в столицу Петербурх». Однако настаивать, что Петербург — столица России уже с 1704 г., не хватает духу, все равно что признать невзрачный городок на Неве «парадизом», то есть «раем», — так государственный романтик Петр называл Петербург с самого начала!

Нет ясности и с переездом в Петербург учреждений. С основанием города многие приказы образовали на берегах Невы свои «походные» отделения — канцелярии. Руководители этих приказов все чаще жили там, где был Петр, то есть в Петербурге, и постепенно московские приказы превратились в отде-

ления петербургских учреждений в старой столице. Происходило это переселение и перетягивание власти постепенно, и с каждым учреждением нужно разбираться отдельно. Точно известно, что Правительствующий сенат переехал в новую столицу в 1712 г. Пожалуй, именно этот год можно было бы, хотя и с большими колебаниями, назвать датой превращения Петербурга в столицу. До этого пребывание и даже постоянная жизнь Петра на берегах Невы в официальных документах устойчиво называлось «походом». Так назывался любой выезд царя из Кремля. «Поход» затянулся на многие годы, и только с 1712 г. упоминание о «походе» исчезает из официальных документов.

Теперь коснемся, казалось бы, странного вопроса: где предполагал Петр строить собственно город Санкт-Петербург — городские кварталы? Нельзя думать, что это праздный, придуманный мною вопрос. Собственно датой основания города как поселения был день закладки первого дома города Санкт-Петербурга, то есть 24 мая 1703 г., когда солдаты начали рубить знаменитый Домик Петра I на острове Койвусаари, ныне Петроградской стороне. Но Петр так не считал. Проблема градостроительного будущего Петербурга весьма беспокоила его. Те слободы, которые были построены в первые десять лет на Петроградской и Адмиралтейской сторонах, не устраивали Петра. Все, что там строилось, выходило не так, как царь хотел, — Петербург не получался новым Амстердамом, где вдоль каналов сплошной «фасадой» стоят разноцветные островерхие дома, чьи жители всяким другим видам транспорта предпочитают суда. В Амстердаме, как и во всей Голландии, при всем пестром разнообразии жизни, прослеживалась внутренняя четкая система, лежали ясные градостроительные принципы, которые царь хотел воспроизвести в Петербурге. Поэтому к 1710 г., глядя на то, что уже было создано, он должен был решить: «Начать ли все перестраивать или создавать новый город где-то в другом, пока еще свободном месте»⁸. Петр пошел по второму пути: в 1709—1712 гг. появился так называемый котлинский вариант строительства столицы на острове Котлин (Ретусаари). Здесь присутствует весь «амстердамский» набор: каналы пересекают весь остров на равные отрезки, набережные — это одновременно улицы, небольшие уютные площади, главный канал, наподобие Канале Гранде в Венеции или Большого канала в Амстер-

даме. На Котлин предполагалось перенести административный центр города, поселить большую часть состоятельных граждан⁹. Тогдашние слободы на Петроградской и Адмиралтейской сторонах — поселения гарнизона и мастеровых — должны были остаться в устье Невы и со временем превратиться, вероятно, в прибрежный пригород типа венецианской Де-Местры на берегу Лагуны.

Решение Петра строить город на Котлине было твердым, и в январе 1712 г. был издан указ о принудительном заселении острова дворянами, купцами и ремесленниками¹⁰, а в 1713 г. для реализации плана пригласили известного берлинского архитектора Андреаса Шлютера. Пленный швед Эренмальм передает суть намерений Петра: «На этом острове царь намерен построить так называемый Новый Амстердам. Для этой цели уже приготовлено различное снаряжение, и проект должен приобрести такой же вид, что и Амстердам в Голландии, по той причине, что ни один город за границей не понравился царю так сильно»¹¹.

Но к 1714 г. Петр охладел к котлинскому проекту, хотя начатая стройка на Котлине не была свернута и в 1720-е гг. Конечно, в таком экстравагантном решении была доля державной романтики — царя воодушевлял сам образ столицы, плывущей на Запад, как корабль, впереди гигантской страны, тем более что в плане остров Котлин действительно похож на корабль. Тем не менее котлинский проект «завис» — войне конца не было видно (в 1712 г. Петр так и писал: «Войне еще не видать когда конец»¹²), ждать же царь не любил и не мог — он был слишком нетерпелив. Все это привело к тому, что около 1714 г. он вновь возвращается к идее строительства города на берегах Невы.

Историки архитектуры, опираясь на сохранившиеся документы, справедливо пишут об огромнейшей роли Петра в строительстве своей столицы. Царь многое планировал сам, делал наброски, непосредственно участвовал «в создании архитектурного образа» Петербурга (И.Э. Грабарь), был его «первейшим зодчим» (М.В. Иогансен)¹³. Однако не будем забывать, что Петр, несмотря на многие свои таланты, был прежде всего правителем и полководцем, архитектура все же не была его основной профессией, которой уже в то время учились годами.

А между тем перед Петром стояла уникальная градостроительная задача, с которой ни он сам, ни его весьма скромные по талантам архитекторы справиться не могли. Так получилось, что природная «сцена» устья Невы в начале XVIII в. оказалась слишком велика, грандиозна для тогдашнего архитектурного мышления. Это теперь, когда сложился, стал классическим величественный ансамбль города над Невой, мы видим и ощущаем его (говоря словами архитекторов) объемно-пространственную композицию, единый архитектурный образ. Тогда же, в начале XVIII в., предвидеть будущую гигантскую застройку Петербурга люди, конечно, не могли. В устье Невы Петр искал место не для центра столицы, а для регулярного **города**, в организации, структуре которого присутствовала столь необходимая барочному городу гармония публичного пространства, понимаемая несравненно более узко, чем теперь. В начале XVIII в. невозможно было представить, что маленькие слободы, разбросанные по берегам широкой реки, разрастутся в кварталы, заполнят почти все острова, сольются в единое городское пространство, а река, некогда разделявшая эти слободы, свяжет огромный город в единое целое, станет его естественным центром. Поэтому не следует искать в оставшихся от Петровской эпохи набросках и чертежах некий единый план, замысел застройки всего пространства устья Невы¹⁴. Их, скорее всего, не было.

В 1715 г. Петр выбрал василеостровский вариант строительства нового города и поручил его планировку нанятому за границей архитектору Ж.А. Леблону¹⁵. Петр требовал, чтобы «все каналы и по бокам их улицы дабы шириною были против эрег-рахта [главного канала] Амстердамского»¹⁶. Позже, по возвращении в Петербург в 1717 г., царь тщательно обследовал остров и тогда же решил перенести центр города ближе к стрелке Васильевского острова. Тогда же Петр приказал строить фортификационные сооружения по всему периметру острова, которые очень походили на подобные амстердамские бастионы. Однако осуществить эти планы не удалось. И все же Петр умер убежденный, что город Петербург будет на Васильевском острове похожим на Амстердам.

Наконец, кажется уместным коснуться и крайне неясного вопроса о той **цене**, которую заплатила Россия за строительство Петербурга. Известно, что при возведении столицы десят-

ки тысяч людей погибли от болезней, голода и непосильных работ. Сведения эти исходят преимущественно от иностранных путешественников и дипломатов, приехавших в Петербург много позже его основания. Так, Юль сообщал о Кроншлоте: «Говорят, при сооружении его погибло от голода, холода, морозов и изнурительных работ более 40 000 крестьян», а при строительстве Петропавловской крепости погибло не менее 60 тыс. человек¹⁷. Эти сведения подтверждает и Л.Ю. Эренмальм.

Однако чаще всего упоминается 100 тыс. погибших (с уточнением: «свыше», «около», «едва ли»), хотя есть упоминания и о 300 тыс. умерших на стройке¹⁸. Есть факты и соображения, которые говорят как за, так и против утверждений об огромных потерях рабочих людей. Сомнительно, чтобы при строительстве Кроншлота и первых сооружений будущего Кронштадта погибло 40 тыс. человек. Даже представить себе в тех местах фронт работ для подобного (точнее, для большего — ведь не все же умерли) количества людей весьма трудно. К тому же по-настоящему стройка Кронштадта началась в 1711 г. Но и тогда указы требовали высылки на Котлин не более 3 тыс. человек. Это и понятно: ведь большее число людей там негде было разместить. К тому же тут же находилось 2066 человек солдат гарнизона¹⁹.

То же можно сказать и о строительстве Петропавловской крепости. Кажется невероятным, чтобы с весны до осени 1703 г. на ее строительстве погибло 60 тыс. человек. В принципе, умерить в России 60 тыс. работников нетрудно, но трудно было доставить их на берега Невы в таком количестве. «Ведомости» от 4 октября 1703 г. сообщали, что на работах в крепости было занято 20 тыс. землекопов-«подкопщиков»²⁰, и эти цифры кажутся реальными, учитывая, что среди них была наверняка значительная часть 5-тысячного гарнизона крепости.

Но отмахиваться от данных, приводимых иностранцами, тоже не следует. В 1716 г., когда в городе была уже налажена более или менее сносная жизнь, А.Д. Меншиков писал кабинет-секретарю Петра I А.В. Макарову, что среди рабочих, занятых на строительстве Петергофа и Стрельны, «больных зело много, и умирают непрестанно, из которых нынешним летом больше тысячи померло». При этом генерал-губернатор сделал для Макарова приписку, что эти сведения царю сообщать обязательно, «понеже чаю, что и так неисправления здешние,

Его царское величество не по малу утруждают»²¹. Если гибель тысячи людей в течение одного лета только на двух загородных стройках не кажется Меншикову достойной внимания царя, то при каком количестве умерших его следовало «утруждать»? 28 ноября 1717 г. Петр писал начальнику стройки в Кронштадте М.М. Самарину, что «по улицам мертвые валялись, а от больных и ныне остаток вижу, милостыню просят». Мертвецы на улицах — явное свидетельство, мягко говоря, неблагополучия на стройке во времена уже не самые суровые. Приметим, что Стрельной, Петергофом и Кронштадтом стройка в тогдaшнем Петербурге не ограничивалась.

Проверить же, систематизировать сведения о причинах гибели людей, как и вообще дать сводные данные о потерях работных, практически невозможно, как неизвестна и статистика о причинах убыли. В 1704 г. Ф.М. Апраксин, сообщая о высокой смертности среди работных, меланхолически писал: «И отчего такой упадок учинился, не можем рассудить»²². Причина этой неизвестности кроется в организации системы учета работных. Власти вели учет числа прибывших на стройки и наплевательски относились к учету выбывших по разным причинам. Это был уже отработанный материал, и никого он уже не интересовал. Поэтому умерших никто и не считал. Система же оплаты труда (поденная или аккордная) также не позволяла учесть умерших и выбывших — ведь платили только тем, кто приходил в этот день на работу. Совершенно очевидно, что потери в начальный, самый трудный период строительства города должны быть выше, чем в последующие годы. Неустроенность, голод, болезни делали свое дело. Однако постепенно условия жизни в молодой столице улучшались — появилась городская инфраструктура, наладился подвоз провианта, развивалась торговля, люди сумели приспособиться к жизни в городе на краю Русской земли. Не будем забывать, что принудительные работы в Петербурге для каждой присланной по разнарядке партии рабочих продолжались хотя и в тяжелых условиях, но все же только два месяца. Как уже сказано, с 1718 г. городская канцелярия перевела многие стройки города на систему подряда, заменив им, как наиболее продуктивным, подневольный труд. Наконец, если бы к этому времени Петербург оставался «адам» на земле, то вряд ли десятки тысяч подряд-

ных рабочих добровольно отправлялись бы на его стройки. То же можно сказать о завербованных переселенцах, которые заселяли построенные для них избы²³.

Известно, что начиная с 1703 г. в Петербург предписывалось доставлять почти из всех губерний страны по 40 тыс. рабочих людей в год. Даже если мы остановимся на количестве ежегодно прибывавших работников 30—35 тыс. человек, то получим, что за первые 15 лет стройки (до отмены принудительного труда) в городе работали 525—450 тыс. мужчин. При таком количестве рабочих смерть 100 тыс. человек, то есть приблизительно каждого пятого, не кажется невероятной. Для гибели такого огромного числа рабочих было немало причин: людей гнали в Петербург со всей страны за сотни и тысячи верст, в городе их селили в шалашах, землянках, под открытым небом, пища была скудной, медицинское обслуживание отсутствовало. Труд рабочих — в основном земляные работы на тяжелом болотистом грунте, в холодной воде — был крайне тяжел и изнурителен. Почти все работы велись вручную, а масштабы их были грандиозны. Ни для кого не было секретом, что чиновники, заведовавшие строительством, воровали, для них эти работы были настоящей «серебряной копью».

Есть многочисленные сведения и о повальных болезнях рабочих. Г.И. Головкин в 1703 г. сообщал что у солдат и рабочих «болезнь одна: понос и цинга»²⁴. Иначе говоря, это могла быть дизентерия, от которой в те, чуждые гигиены времена люди умирали как мухи. 29 июля 1723 г. архитектор Трезини писал в Канцелярию от строений, что подчиненные ему каменщики и плотники болеют, «ис которых имеются больные разными скорбми, и лежат по квартирам... которые от лекарей ни от кого не врачуются». Трезини просил разрешить рабочим посещать лекаря, приписанного к батальону строительного ведомства²⁵. По-видимому, болезни среди строителей были особенно распространены. В инструкции стольнику Вердеревскому о достройке Зотова бастиона (май 1704 г.) особо сказано об изоляции больных: «Которые из тех данных ему рабочих людей будут больные и тех для отсылки из города в особые учрежденные им места, сказывать коменданту и отмечать имена в росписях имянно»²⁶. Приметим, что специально отведенные для больных места гошпиталем не назывались.

Когда читаешь у Н. Анцыферова, что город «стоит на костях человеческих», то не следует считать это лишь поэтическим образом. Действительно, под нашими ногами лежат кости строителей. О подобных фактах писали многие иностранцы. Смертность работников при строительстве Ладожского канала в 1718—1728 гг. была так велика, что через какое-то время окрестности стройки напоминали кладбище, и Б.Х. Миниху пришлось срочно снести все кресты, чтобы не пугать новых рабочих. Нужно учитывать и характерное для того времени (да и для других времен русской истории) пренебрежительное отношение к человеческой жизни. Академик Г.Б. Бильфингер в речи 1731 г., посвященной Петербургу, говорил о трудностях строительства новой столицы, о непосильных работах, голоде и холоде, косивших ее строителей: «Но работы должны были продолжаться, ибо упустить время значило бы отсрочить предприятие надолго или навеки. Во время войны минуты дороги и не зависят от нашей воли. Поэтому надобно было смотреть на народ, умирающий над работой, как на людей, убитых неприятелем»²⁷. Мнение академика вряд ли вызвало бы возражение Петра I, мыслившего о людях точно так же и никогда не считавшегося с жертвами во имя великой цели. Известно, что потери Русской армии, о которой Петр I всегда так заботился, в течение Северной войны составили около 500 тыс. человек, причем 80 процентов из них умерли от болезней. Так что не будет сильным преувеличением считать, что в начальный период строительства Петербурга погибло не менее 100 тыс. человек. Словом, захватив устье Невы, Петр устраивался здесь навсегда. Он не жалел для своей мечты ни денег, ни людей. Люди были для него лишь материалом, кирпичиками, с ними он никогда не считался, губя на непосильных работах десятки тысяч. Зато город на человеческих «дрожжах» рос быстро. Главное было сделано, а все туманные вопросы о происхождении великой столицы империи государь оставил нам, потомкам, — пусть разбираются!

Примечания

¹ См.: Сборник Русского исторического общества (далее — РИО). СПб., 1872. Т. 11. С. 45, 52 и др.

² Очерки истории Ленинграда. М.; Л., 1955. Т. 1. С. 32.

³ Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 7. Оп. 1. Д. 299. Л. 23; Деспозиция и церемония торжествен-

ного въезда императрицы Анны Иоанновны в С.-Петербург 16 января 1732 года // Русский архив (далее — РА). 1867. С. 338.

⁴ Цит. по: *Бутми В.А.* Начало строительства Петропавловской крепости // Научные сообщения Ленинградской государственной инспекции по охране памятников. Л., 1959. С. 12.

⁵ См.: *Бенуа И.Н.* Реставрация и благоустройство Комендантского кладбища // Краеведческие записки. Вып. 2. СПб., 1994. С. 355—356.

⁶ *Юль Ю.* Записки датского посланника. М., 1900. С. 97.

⁷ См.: Походный журнал 1704 года. СПб., 1911. С. 11.

⁸ *Луштов С.П.* История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л., 1957. С. 23.

⁹ См.: *Его же.* Неосуществленный проект петровского времени новой столицы России // Труды Библиотеки Академии наук и Фундаментальной библиотеки общественных наук. М.; Л., 1958. Т. 3. С. 306—308.

¹⁰ См.: Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). СПб., 1838. Т. 4. № 2467.

¹¹ *Эренмальм Л.Ю.* Описание города Петербурга // *Беснятых Ю.Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 94.

¹² Сборник РИО. Т. 11. С. 239.

¹³ См.: *Грaбарь И.Э.* Основание и застройка Санкт-Петербурга // Русская архитектура первой половины XVIII века: Исследования и материалы. М., 1954. С. 117, 113—116; *Иогансен М.В.* К вопросу об авторе генерального плана Петербурга петровского времени // От Средневековья к Новому времени: Сб. ст. М., 1984. С. 69.

¹⁴ См.: *Иогансен М.В.* Указ. соч. С. 58.

¹⁵ См.: Там же. С. 142.

¹⁶ ПСЗ. Т. 7. № 4469.

¹⁷ См.: *Юль Ю.* Указ. соч. С. 178, 193.

¹⁸ Подробнее см.: *Беснятых Ю.Н.* Петербург Анны Иоанновны в иностранных описаниях. СПб., 1997. С. 73—74.

¹⁹ См.: Доклады и приговоры Правительствующего сената. СПб., 1882. Т. 2. Кн. 1. С. 78 и др.

²⁰ Ведомости времени Петра Великого. СПб., 1903. С. 82.

²¹ Цит. по: *Луштов С.П.* История строительства... С. 94.

²² Материалы по истории русского флота. СПб., 1866. Ч. 3. С. 11.

²³ См.: *Луштов С.П.* История строительства... С. 87—88.

²⁴ См.: Письма и бумаги императора Петра I. СПб., 1889. Т. 2. С. 625.

²⁵ См.: Российский государственный исторический архив (далее — РГИА). Ф. 467. Оп. 4. Д. 39. Л. 14.

²⁶ Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН. Ф. 276. Оп. 1. Д. 108. Л. 110.

²⁷ *Бильфингер Г.Б.* Извлечение из речи, произнесенной в 1731 году о петербургских достопримечательностях // Ученые записки Императорской Академии наук по Первому и Третьему отделениям. СПб., 1855. Т. 3. С. 701.

Summary

The article raises questions which seem to be solved long time ago. These are the questions of plans, time and a place of founding the city on the Neva. This city as the author shows did not obtain the name «St.-Petersburg» at once. The author believes that all these questions need further elaboration.

ПУБЛИКАЦИИ

Н.А. Тупикова, Н.Е. Тюменцева, И.О. Тюменцев

ДОНЕСЕНИЯ ИНОЗЕМЦЕВ О СИТУАЦИИ В ЗАМОСКОВЬЕ И ПОМОРЬЕ В 1608—1609 ГОДЫ (ИЗ РУССКОГО АРХИВА ЯНА САПЕГИ)*

Изучение немногих сохранившихся архивных комплексов является одной из приоритетных задач источниковедения Российской Смуты начала XVII столетия. В литературе неоднократно высказывалось предположение, что некоторые коллекции подлинных документов начала XVII в. являются остатками **русского архива Яна Сапеги**¹. Будучи гетманом Лжедмитрия II, а затем Сигизмунда III, этот человек в течение 1608—1611 гг. находился в самой гуще событий, и ценность его бумаг для реконструкции и осмысления событий Смуты трудно переоценить.

В результате проведенного нами специального исследования удалось обнаружить важные аргументы в пользу выдвинутой исследователями гипотезы. Выяснилось, что после того, как архив был доставлен солдатами гетмана в Речь Посполитую, он был разделен между родственниками Яна Сапеги. Значительные коллекции документов гетмана попали в библиотеки и архивы Сапег в Рожане, Красилове и Березе, а также к его родственникам по линии матери — Ходкевичам. Впоследствии Рожанское собрание и бумаги Ходкевичей были переда-

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ (грант № 00-01-00044а).

ны в Библиотеку Польской академии наук в Кракове. Красиловское собрание было разделено на коллекцию документов на польском языке, которая попала в Львовскую научную библиотеку Национальной академии наук Украины (ЛНБ НАНУ), и коллекцию бумаг на русском языке, которая, пройдя через нескольких владельцев, попала в Архив Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН как **собрание Г.Д. Хилкова**. Березинское собрание Сапег было захвачено в середине XVII века шведами и до XIX в. хранилось в библиотеке Ску-Клостерского замка графов Брагге. Затем и оно было разделено. Значительная часть бумаг на русском языке была вывезена в 30—40 гг. XIX века в Россию историком С.В. Соловьевым и продана им Археографической комиссии (ныне это **Коллекции С.В. Соловьева и Акты до 1613 г.** в архиве СПб.ФИРИ РАН). Оставшиеся материалы вместе с библиотекой графов Брагге поступили в Государственный архив Швеции в Стокгольме ². Обнаружить документы Яна Сапег в других сапежинских архивных собраниях — **Варшавском** ³, **Киевском** ⁴, **Виленских** ⁵ — не удалось ⁶. Отдельные письма разных лиц к Яну Сапеге сохранились в копиях в составе рукописных сборников из библиотек Залуцких, Оссолинских, Бзостовского, Главного штаба и музея Чарторижских ⁷.

Сопоставление документов анализируемых коллекций с многочисленными упоминаниями в «Дневнике» о получении и отправке писем, челобитных, о прибытии и отправке гонцов и т. п. полностью подтвердили гипотезу о принадлежности к архиву Яна Сапеге не только писем, адресованных к нему, но и хранящихся вместе с ними многочисленных челобитных дворян, посадских и крестьян к Лжедмитрию II из Замосковья и Поморья. Последние сомнения на этот счет рассеялись, когда в ходе нашей работы в Государственном архиве Швеции в Стокгольме мы обнаружили письма к Яну Сапеге гетмана Станислава Жолкевского и ротмистра Сумы ⁸, существование которых ранее предполагали, по упоминаниям в «Дневнике» гетмана. Реконструкция архива гетмана обнаружила, что выявлен и введен в научный оборот значительный массив документов. Многого утрачено, но о содержании важнейших из найденных или погибших документов можно судить по цитатам и пересказам их содержания в «Дневнике».

Значительная часть документов архива Яна Сапеги опубликована в различных изданиях XIX—XX вв. В основном это отдельные материалы переписки гетмана с Лжедмитрием II и его окружением в Тушине и Калуге, королем Сигизмундом III, коронным гетманом С. Жолкевским, челобитные и отписки русских людей к нему и к Лжедмитрию II⁹. Все эти издания выполнены с различными целями на разном археографическом уровне, поэтому после реконструкции архива Сапеги на первый план выходит новая задача: изучение и издание отдельных фондов архива гетмана.

Анализ материалов архива Яна Сапеги показывает, что из поля зрения археографов и историков выпал важный пласт документов — донесения иноземцев о ситуации в Замосковье и Поморье в конце 1608 — начале 1609 г., которые в большинстве своем до последнего времени остаются неопубликованными. Исключением являются только несколько отписок на русском языке Петра Головича, Лоуренса Биугте и Микулая Уездовского из Ярославля, которые опубликованы еще в прошлом веке¹⁰. Между тем среди бумаг гетмана имеется несколько писем иноземцев на польском и испанском языках, которые содержат гораздо более ценную информацию о тушинском режиме в Замосковье и Поморье, обстоятельствах возникновения и развития земского движения, о которых историки судят главным образом по данным челобитных русских дворян, посадских и крестьян Лжедмитрию II, по расспросным речам правительственного архива Соликамской приказной избы, по сведениям, содержащимся в русских повестях, сказаниях, летописях и хронографах, а также по запискам иноземцев К. Бусова, М. Мархоцкого, Й. Будилы и А. Рожнятовского.

В источниках можно почерпнуть отдельные биографические данные авторов публикуемых посланий: Х. Крузати, И. Шмидте, К. Янушковского и К. Конвицкого.

К. Буссов отметил в своих мемуарах, что в начале октября 1608 г. Ян Сапега направил «испанца» (в действительности португальца) дона Хуана Крузати из лагеря у Троице-Сергиева монастыря в рейд во главе передового отряда из поляков, немцев и казаков в Переяславль-Залесский и Ростов¹¹. Наемники и казаки должны были приводить местных жителей к присяге самозванцу. Дворяне, посадские и крестьяне Переяславля-За-

лесского сразу после появления тушинцев целовали крест Лжедмитрию II. Жители же Ростова, по словам К. Буссова, оказали сопротивление, за что были перебиты, а их город разграблен и сожжен¹². Из двух публикуемых ниже писем наемника видно, что он с частью своих солдат добрался до Костромы, где выполнял обязанности коменданта иноземного гарнизона, собирал деньги и припасы для гетмана и его войска. Португалец прямо говорит, что восстание галичан, вологодцев и костромичей против тушинцев вызвано грабежами и насилиями, которые чинили над жителями иноземные солдаты, их слуги, русские тушинцы и освобожденные из плена поляки и литовцы. Выполняя поручение гетмана Х. Крузати, судя по его жалобам, вступил в острый конфликт с костромским воеводой кн. Д.В. Мосальским, которого обвинил в измене. Эти обвинения были явным наговором. Ветеран повстанческого движения кн. Д.В. Мосальский, попав в плен к ополченцам, до конца сохранял преданность Лжедмитрию II, за что был подвергнут пытке и казнен¹³. Незадолго до начала земского движения против тушинцев Х.Крузати вернулся в Переяславль-Залесский. В архиве имеется еще одно послание португальца Х. Крузати Яну Сапеге, написанное 30 января (9 февраля) 1609 г. из Риги. Содержание письма не оставляет сомнений, что здесь португалец выполнял еще более важное поручение гетмана. Он тайно собирал для Яна Сапегу сведения о планах руководителей Речи Посполитой и Швеции, о действиях польских и шведских войск в Ливонии и настроениях среди наемников в обеих армиях¹⁴. Последнее поручение свидетельствует о том, что португалец пользовался доверием у гетмана, и сообщенная им информация заслуживает особого внимания.

Автор донесения Яну Сапеге о ситуации, сложившейся вокруг Ярославля в апреле 1609 г., — Иоахим Шмидт, по данным Л.Б. Генкина, был богатым немецким купцом, который осел в Ярославле задолго до описываемых событий. Он сыграл не последнюю роль в организации присяги ярославцев Лжедмитрию II, за что получил какой-то пост в городском управлении¹⁵. Во время первой попытки отрядов ополчений захватить город в декабре 1608 г. И. Шмидт выручил из беды осевшего в Ярославле купца нидерландца Даниэля Эйлофа и его дочерей, ссудив им денег для выкупа из плена. Во время восстания в

Ярославле против тушинцев в апреле 1608 г. И. Шмидт вместе с другими тушинцами бежал из города, но затем был направлен Яном Сапегой обратно с поручением, используя свои связи на посаде, попытаться расстроить планы «мятежников» и ополченцев¹⁶. Публикуемое письмо, в котором купец сообщил о ситуации в Ярославле и Ростове и о своих планах, написано накануне его отъезда из Переяславля-Залесского в Ярославль навстречу гибели. Оно содержит ценную информацию, написанную по горячим следам событий, она существенно отличается от сообщений командиров земского ополчения, которые сохранились в архиве Соликамской приказной избы¹⁷. И. Шмидт не смог выполнить поручения гетмана, так как сразу же после появления в Ярославле был выдан Даниэлем Эйлофом, схвачен ярославцами и вскоре казнен. Его, по данным К. Буссова, бросили в кипящий котел, а затем опрокинули содержимое на головы штурмовавших город тушинцев¹⁸.

Написавший Яну Сапеге письмо из Ярославля ротмистр Кшиштоф Янушковский впервые упоминается в «Дневнике» гетмана 27 июля (6 августа) 1608 г. Перейдя русскую границу и приближаясь к Смоленску, Ян Сапега отправил его во главе передового отряда из 200 пятигорцев на разведку. Секретари Яна Сапеги отметили в «Дневнике», что он не справился должным образом с поручением: в качестве языка привел простого мельника¹⁹. В ноябре-декабре 1609 г. наемник, как видно из его письма, собирал деньги для сапежинцев в Пошехонье и Романове. Его рассказ подтверждает и существенно дополняет показания русских документальных источников о непомерных поборах и открытом грабеже имущества местного населения²⁰.

Главным соперником К. Янушковского по сбору денег в Пошехонье и Романове был Кшиштоф Конвицкий — автор еще одного публикуемого нами послания. В отличие от конкурента он был послан для сбора денежных налогов из Тушина, а не из лагеря у Троице-Сергиева монастыря. Узнав, что большая часть денег уже собрана сыном боярским Константином Благим и кн. Дмитрием Черкасским, К. Конвицкий их конфисковал, но тут же столкнулся с посланцем Я. Сапеги — К. Янушковским. Вероятно, последнему удалось отобрать у соперника деньги. В конце декабря 1608 г. К. Конвицкий, как видно из публикуемого ниже его письма, появился в Переяславле-

Залесском. Здесь он отобрал у посланного Лжедмитрием II сына боярского Ивана Редрикова окладные книги и попытался собирать налоги в пользу тушинских наемников²¹. Все закончилось острым конфликтом К. Конвицкого с ротмистром Сумой. Дальнейшая судьба тушинского сборщика налогов нам неизвестна. Вероятно, столкновения с сапежинцами не прошли для него даром.

Об авторе остальных помещенных ниже посланий — Ахмете Юшизыцком, Теодоре Крошинском, Эразме Бородиче — можно что-то узнать только из этих писем к Яну Сапеге. А. Юшизыцкий был участником захвата Ростова. На современников произвело сильное впечатление разграбление кафедрального собора, когда наемники и казаки взяли добычей много золота, серебра и драгоценностей. Поручик, нарушивший четкие инструкции начальника, в своем письме попытался оправдаться, почему вместо богатой добычи отправил в лагерь сапежинцев довольно скромные «дары». Возложив, как водится в таких случаях, ответственность за грабежи и насилия на других, А. Юшизыцкий сообщил важные подробности, которые позволяют существенно уточнить наши представления об обстоятельствах взятия Ростова, сформировавшиеся на основе сведений поздних мемуаристов.

Теодор Крошинский, судя по его письмам, был направлен Яном Сапегой в Юрьевский уезд собирать припасы и деньги для сапежинского войска. Здесь он столкнулся с безудержным грабежом и насилиями, которые чинили иноземные солдаты и их слуги над местным населением. Прекрасно понимая, что бесчинства наемников не позволят ему выполнить поручение начальника, Т. Крошинский подробно описал происходящее и запросил у гетмана дополнительных инструкций. Тон второго письма свидетельствует о том, что полтора месяца спустя порученец Яна Сапеги уже не испытывал никаких иллюзий относительно наведения порядка в Юрьевском уезде, а лишь старался оправдать свои действия и сообщить полученную информацию. Рассказы Т. Крошинского полностью подтверждают данные челобитных посадских и крестьян, а также отписок местного тушинского воеводы Ф.М. Болотникова о непомерных поборах тушинцев, разграблении приставств и открытом разбое солдат²². Эразм Бородич, как следует из его письма,

был доверенным человеком Яна Сапеги в направленном из Тушина к Устюжне-Железнопольской отряде ротмистра Казаковского. Его сообщение о боевых действиях в Кесьме и дальнейших планах тушинцев позволяют проверить и уточнить события вокруг Устюжны-Железнопольской, о которых до сих пор приходилось судить главным образом по литературному источнику «Сказанию об Устюжне-Железнопольской»²³.

Письма написаны из основных административных центров Замосковья и Поморья: Ростова Великого, Костромы, Юрьева, Ярославля, Переяславля-Залесского и др. В них содержится характеристика ситуации не только в этих центрах, но также в Галиче, Романове, Пошехонье и других городах. В октябрьских 1608 г. письмах А. Юшизыцкого и Д.Х. Крузати рассказывается об обстоятельствах утверждения власти тушинцев в Ростове, Костроме и Галиче. В ноябрьских 1608 — январских 1609 г. посланиях Т. Крошиньского, К. Янушковского, Д. Крузати, К. Конвицкого содержится ценная информация о тушинском режиме и обстоятельствах зарождения земского движения. В апрельских 1609 г. отписках И. Шмидта и Э. Бородича сообщается о боях тушинцев с отрядами ополчения.

Таким образом, публикуемые документы содержат важные сведения о тушинском режиме практически на всей территории Замосковья и части Поморья на протяжении почти всего времени его существования. Будучи написаны по горячим следам событий, донесения иноземцев, которые придерживались иных, нежели русские люди, взглядов на Смуту, позволяют проверить, дополнить и уточнить показания как русских документальных источников, так и дневников и мемуаров наемников.

Письма издаются на языке оригинала с параллельным переводом на русский язык. В конце каждого документа дается его палеографическое описание. К сожалению, с некоторыми документами, как, например, из Библиотеки Польской академии наук в Кракове, мы имели возможность познакомиться только в микрофильме, поэтому приводимые палеографические описания не всегда полны. Мы не всегда также имели возможность точно идентифицировать филигранные, поэтому ограничились только указанием на их тип.

Тексты оригиналов сверены с копиями XIX — начала XX в. Примечания, комментарии к письмам приведены в конце статьи.

№ 1

15(25) октября 1608 г. Письмо Ахмета Юшизыцкого Яну Сапеге из Переяславля о взятии Ростова Великого

J. W. Mój miłościwy panie a panie, służby moje na wszem powolne do miłościwej łaski W.M. m.m.pana pilnie zalecam.

A przy tym m.m.panie zadzieliśmy z towarzystwem swym, pamiętając rozkazanie W.M. m.m.pana, jako W.M.m.m. pan nam sługam swym rozkazać raczył: chętnych do chrzesta całowania przywozić a niechętnych a nieżyczliwych carowi J.M. przeciwników zmienników rozkazać W.M. nam sługam swym raczył ich walczyć i dostawać jako nieprzyjaciół cara J.M.

My też porozumieli się z rozkazaniem W.M. m.m.pana i poradziliśmy się z panem Hołowiczem, który był poddany od osoby W.M. m.m.pana czyniliśmy woli rozkazaniu jego jako starszego i jachaliśmy wszyscy wspólnie rotę trzy z Kosakami Zaporoskimi, którzy byli posłani od cara J.M., do tegoż miasta Rostowa, do przywiedzenia do chrzesta, a jeśli by też niechcieli do przywiedzenia do chrzesta, a jeśli by też niechcieli dobrowolnie, tedy mieli takie rozkazanie od cara J.M. wojować, bić, palić, brać. I chcieli jedni jechać do tego miasta; My nie

Ясновельможный господин мой, мой милостивый пан²⁴, с усердием заверяю о расположении добровольно служить во всем ради благосклонности В. М. м. м. пана!²⁵

А до сих пор, милостивый мой господин, действовал я со своим товариществом, помятуя приказание В. М. м. м. п., которое В. М. м. м. п. нам, слугам своим, изволил отдать: желающих — приводить к крестному целованию, а нежелающих и непокорных царю Его Милости²⁶ противников, изменников он, В. М., нам, слугам своим, соблаговолил приказать воевать и захватывать как неприятеля царя Е. М.

Согласились мы также с приказанием В. М. м. м. п. и посоветовались с паном Головичем¹, который был дан В. М. м. м. п., чтобы мы подчинялись его приказаниям как старшего, и поехали все вместе тремя ротами с запорожскими казаками, которые посланы были царем Е. М. в тот же город Ростов для приведения к кресту, а если бы те не захотели совершить крестное целование и если бы не захотели добровольно <присягнуть>, тогда они имели приказание от Е. М. царя — воевать, убивать, жечь, забирать. А они хотели ехать одни до того города. Мы, не

ustępując sławy W.M.m.m. pana musieliśmy z nimi jachać do tego miasta, którzy z nami czynili przeciwienie wielkie z miasta się bronili i bili się aż do upadu jako z jednymi nieprzyjacielemi, jakoż z łasky Bożej pan Bóg niedopomog choć ich wiele było bez liczby wzięliśmy przez gwałt za pomocą Bożej, a cośmy wzięli chorągwi i więźnic, odsyłamy W.M.m.m. panu.

A ze strony zdobyczy co się stało zdobyczy naszej, co ważniejszego posyłamy W.M.m.m. panu. Racz W.M.nasz m. Pan z łaski swej pańskiej od nas sług swych za wdzięcznie przyjąć te srebro podarek nasz zoldacki i te srebro odnieśliśmy gwałtem od kozaków Zaporozkich: więcej drogich rzeczy nie mamy.

Udano mi przed W. M. m. panem, żebym nie miał zostawić tam w Słoboce dwudziestu koni, a jam mój m. panie zostawił towarzyszów dziesięciu z pocztami; ja w tym nie winien co oni nie z pocztami tam i będę miał sprawę przed osobą W.M. m.m. Pan pisać do pana paczył Hołowicza narzekając ze strony pieniędzy tych co rozdał pan Ujazdowsky pacholikam naszym sam dobrowolnie, a jam się w to mój m. panie nie wstępował i nieuponinałem się. A tym powtórze służbami memi powolne mi uniżonemi do łaski W.M. m.m. pana pilnie zalecam.

уступая славы В. М. м. м. п., были вынуждены ехать с ними к тому городу, который оказал нам большое сопротивление: в городе оборонялись и бились против нас, пока не были побеждены, как с истинными врагами. Однако, к счастью, Бог им не помог, хоть и без числа, много их было, с Божиею помощью, мы их одолели силой, а знамена, что мы взяли, и пленных отсылаем В. М. м. м. п.

А что касается добычи, что стала нашей, то мы, что поважней, посылаем В. М. м. м. пану. Сблаготволи, В. М. м. м. п., принять с благосклонностью своей господской от нас, слуг своих, в качестве благодарности серебро как наш солдатский подарок, это серебро мы отняли у запорожских казаков силой. Больше дорогих вещей мы не имеем^{II}.

В. М. м. м. п. приказал мне, чтоб не пытался оставить там в слободе двадцать конников, а я, м. м. п., оставил десять конников с почтой, а в том я не повинен, что они там не с почтой, и буду по этому делу отвечать перед особой В. М. м. м. п.

В. М. м. м. п. сблаготволил написать пану Головичу относительно денег, которые самовольно выдал пан Уездовский^{III} нашим солдатам, а я, м. м. п., в то не вмешивался и не домогался этого. С тем еще раз повторю, что добровольно готов к услугам ради ласки В. М. м. м. п.

Datum z Pereslawia anno 1608 Поволны нанищины зичливы слуга В. М. мого милостивого пана Ахмет Юшицкий з поручник з роты В. М. м. м. пана.

Adres: J.W. memu młściwemu panu a panu Janu Piotru Sapiezie hetmanowi jego carskiej [Mci] do ręk jego włączyć należy.

Дано в Переяславле 1608 году. Добровольный, нижайше преданный слуга В. М. м. м. п. Ахмет Юшизыцкий, поручик роты В. М. м. м. п.

Адрес: Его Милости м. м. п. господину Яну Петру Сапеге гетману Его царской Милости лично в руки надлежит вручить.

Оригинал хранится в ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Собр. Сапег из Красилова. Оп. 1. № 41. 1 л. Бумага, черные чернила, был сложен пакетом. Филиграна нет.

Копия А. Прохазки — Там же. Оп. 5. № 556/Va. Л. 191—191 об.

№ 2

27 октября (8 ноября) 1608 г. Письмо Хуана Крузати Яну Сапеге из Костромы с донесением о начале восстания против тушинцев в Галиче

Illmo Sr. mi Sr. A Vtra Sra Illma embio a este hombre de bien, en compañía de Timofeo Goloft, seu subteniente. Alla va con cuerpo y anima y esta mañana lo hemos probado y es en aq.el particular cierto. Vsra Sra Issma aga con el w que fue servido y si es de alguna utilidad. Vsra Sra. Issma lo entretenga y que baya con Vsra Sra. Issma a tierra bendita de lytonia. Na hier he hallado aqui una carta del Sr. Sobolevski, por la qual esta en Susdel por orden de Vsra Sra Illma. Supplico a Vsra Sra Issma sea servido de sevricle

Истинный господин, мой господин. Послал Вашей Милости святейшей этого доброго человека в сопровождении Тимофея Голофта^{IV}, подпоручика. Он отправляется в здравом уме и теле, и сегодня утром мы его испытали, и он подтвердил свою верность. Ваша Светлость господин пусть сделает из него слугу, и если есть в том какая-то польза, то пусть Ваша Светлость господин его задержит, или пусть он едет в благословенную Литовскую землю.

Вчера дошло до меня письмо господина Соболевского^V, из ко-

que nie abise de lo que passa por
 alla, y si ay algo de nuevo me
 abise y yo de aqui hare lo proprio.
 Mi pluma no cessa de escribir a
 Vsra. Sra. Issma, mas no veo
 ningana respuesta que es onta,
 gran pena y trabaxo para mi. De
 noche y di[alerfa] ago[alerdo]
 alerta de mis pensamientos,
 engolpando me en aquas ondas y
 tempestuosas, no sabiendo que
 dar occazion[a] esta tardanza de
 respuesta. Supplico a Vsra Sra.
 Illma. Si se habla de la paga que
 se me pueda pagar tres cavallos
 en servizio de sua Cesarea
 Majestad y Vsre Sra Illma. Aqui
 ago lo que debo de servir a Vsra
 Sra Jssmi Yo aquardo los
 dozientos y setenta cavalleros
 Polakos, librados de la prison de
 Galits, y van con ellos los
 Boyarus y de la Republica della
 (sic) a su Cesarea Magestad y
 Vsra Sra Illma. Yo conpia que no
 van manos banas y vacuas. No se
 hasta aora lo que llevan pues
 hasta aora no han llegado. Por
 amor de un solo Dios me aga tan
 señalada merced a su menor
 criado de no olvidar me, pues,
 estoy entre qui tangunt manum in
 paropsidem, cui(!) nulla fides.
 Con esto cesso, y no de ruegar
 Ntro Sr. guarde a Vsra Ser Illma
 muchos años prosperos y largos
 en accrecentamiento de estado
 con todo el exercito de Vsra Sa.
 Illma come dezea.

Hecha a Costrom a 8 de
 Noviembre 1608. Besa a Vsra Sra

торого я понял, что он в Суздале
 по приказу Вашей Светлости
 господина. Умоляю господина
 Вашу Светлость, пусть он пишет,
 чтобы я был в курсе того, что
 происходит там, ведь если у меня
 произойдет что-нибудь новое, то я
 сделаю то же самое. Мое перо не
 перестает писать господину
 Вашей Светлости, но я не вижу
 никакого ответа, и это огорчение,
 тяжкое наказание и бремя для
 меня. Денно и ношно я в тревоге
 от этих мыслей, увлекающих меня
 в воды, где волны и бури, не зная,
 какую неожиданность принесет
 эта задержка ответа. Умоляю
 Вашу Милость: если речь идет об
 плате, то можно бы заплатить за 3
 лошади на службу Его
 Императорскому Величеству ^{VI} и
 господину Вашей Светлости. Я
 здесь делаю то, что и должен на
 службе господина Вашей
 Светлости: я ожидаю 270 поляков-
 всадников Речи Посполитой,
 освобожденных из тюрьмы в
 Галиче, а с ними бояр ^{VII}, к Его
 Императорскому Величеству и
 господину Вашей Светлости. Я
 Вас уверяю, что идут они не
 порожняком и не с пустыми
 руками. До сих пор я не знаю, что
 они везут, потому что до сих пор
 еще не прибыли. За мою любовь к
 Богу единому окажите такую
 милость не забывать меня, ибо
 здесь я среди таких, которые
 только и тянут руки к добыче и к
 которым никакого доверия.
 Кончаю на этом, но не прежде чем

Illma las manos su menor criado.

Don Joan Cruzate

Jo voy aparexando para Vsra Sra Illma pescados y con la primera ocasion les embiare, pues la Volga no esta aun cerrada y de aquellos partes donde hemos embiado en bienes del enemigo que estan en Moscovia. Por registrar lo que en ellos es, aun no han venido. Quando vengan, luego que vengan abisare a Vsra Sra. Illma. Supplico a Vsra Sra me abise si embiare los cavallos que estan en estos bienes, paes son del enemigo y pocos dias ha esta parte han embiado de aquel Monasterio de la Santa Trinidad del sitio de Vsra Sra Illma. Go he embiado por ocho cavallos si son buenos los embiare a Vsra Sra Illma; y es justa razon y ley de guerra y conviene a la persona de Vsra Sra Illma.

Adres: Al Illma Sr. mi Sr. Joan Piedro Sapiiha, Maestro de Campo de su Casarea Magestad y Starosta de Uswiat y Kerempets, Saucen Ozen y Hurdendi etc. En el de la Santa Trinidad.

помолу Господа нашего хранить господина Вашу Светлость долгие счастливые годы во временном лагере со всем войском Вашей Светлости, чего я и желаю.

Писано в Костроме 8 ноября 1608 года. Целует ручки господину Вашей Светлости. Меньший Ваш слуга.

Дон Хуан Крузати.

Р.С. Я готовлю для господина Вашей Светлости рыбу и отошлю ее первой же оказией, поскольку Волга еще не безопасна и некоторые группы, отсюда нами посланные, попадали в распоряжение врага, который располагается в Москве. Никто еще не пришел сообщить, что именно с ними было. Когда они придут, то тотчас сообщу господину Вашей Светлости место, куда придут. Прошу господина Вашу светлость сообщить мне, не послать ли лошадей, которые есть среди захваченного имущества, которое лишь несколько дней как было отправлено из монастыря Св. Троицы имени господина Вашей Светлости^{VIII}. Я послал за 8 лошадьми с тем, чтобы, если они хороши, доставить их господину, если на то есть справедливое основание, закон войны и личное согласие Вашей Светлости.

Адрес: Светлейшему господину моему, господину Яну Петру Сапеге, командующему войсками Его Императорского Величества и старосте Усвяцкому и Керепецкому, Саусен Озена и Хурдена и т.д. В лагерь при монастыре Св. Троицы.

Оригинал — Oddział rękopisów Biblioteki Polskiej Akademii Naukowej (OR BPAN) w Krakowie. Ms № 345. № 61. На испанском языке.

Копия А. Прохазски — ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103 № 556/Va Л. 195—196.

№ 3

24 ноября (4 декабря) 1608 г. Письмо Т. Крошиньского Яну Сапеге из Юрьева с донесением о ситуации в городе и уезде

Wielmożny a miłościwy panie panie mój! Przy posługach mych W.M.m.m. panu i powinności mei jako najpilniej zalecam.

Oznajmuję, W.M.m.m. panu że tu zahonczycy w tym Juriewskiem ujeździe wielką szkodę czynią i obronić się nie możemy, bo gromadą jeżdżą człowieka po 60, co tu popłandrowali i ludzię we wsiach pomuczylі a ze strach Bożyj i tu na Juriewej przyjachalo koni 60 i chcieli spalić i mnie zabić, cośmy się postrzegli jednak że. Za nimi przyjachali skarżąc się ludzie siła, że cerkiew w manastyrie wylupili i przy nich znaleźliśmy rzeczy i swieckie [i] cerkowne, które rzeczy do W. M.m.m. pana posyłano chociaż nie wszystkie, bo ja zwrócił nazad, a zwłaszcza świec najwięcej, bo było ciężko wozić. I między nimi herszty byli z Wisieziawej rotы слуга jego własny Adamowicz z towarzyszem swym, który ten Adamowicz i przystawstwo ma w Andrejewskiej slobodzie i przy

Вельможный и милостивый господин, пан мой! О службе моей и повиновении моем В. М. м. м. пана наиусердно заверяю.

Доношу В. М. м. м. пану, что в этом Юрьевском уезде загонщики большой вред причиняют, и мы оборониться не можем, так как они группами разъезжают человек по 60; сколько тут поразграбили и людей по деревням помучили, аж страх божий! И сюда в Юрьев приехало конных 60, и хотели они попалить и меня убить, о чем, однако, мы были предупреждены. После них приехало множество людей жаловаться, что церковь в монастыре разграбили, и у тех <загонщиков> мы нашли вещи, и светские, и церковные, которые посланы В. М. м. м. пану, хотя и не все, так как <часть> я вернул назад, а больше всего — свечей, поскольку было тяжело везти. А среди них главарями были из роты Висезава^{IX} его собственный слуга Адамович со своим товарищем; этот Адамович имеет приставство в Андреевской слободе; и при нем

nim dwa hajduków z tej że rotы. A z drugiej rotы był z Iwanowej Szalyszowej z Tatarskiej Rudzyński tatarzyn i drugi Bogdan Abramowicz tatarzyn przy którym i koni manastyrskie znaleźli i wrócił ich. A druga kupa człowieka 70 łupią męczą niesłychane, rzeczy niezbożne czynią których nie wiem co kazać i z której rotы jak się dowiem napiszę do W.M.m.m. pana. Tych co z Wisiszowej rotы ci zbytki niezbożno czyniły, na których idą i sami ludzie skarżyć się, przez których i te cerkowne rzeczy do W.M.m.m. pana posyłam, o czym sami ustnie dadzą sprawę. Jest też tu, którym W.M.m.m. pan dał przystawstwo na osobę jedną z rotы Mikulińskiej i Stawińskiej co stacyą wybiera wielką. Chłopi się skarżą z Niekomorna iż Simy wszystkiej włóści, nie wiem jeżeli za rozkazaniem W.M.n.m. pana. Racz mi W.M.m.m. pan nauczyć, co mam z tymy zahonczykami czynić, nie wierzę by co miało w obozie pacholików być, bo tu siła w zagonie. Raczy W.M.m.m. pan kasać do siebie posłać te trzydziecie(!) rublew co darowaną z Simyskie włóści skoro drożka się pokaże umyśle swego albo i sam odwiózę i wszystką, co się zebrało na W.M.m.m. pana bo daj zabitym był jeżeli by w tem koryścił chociaż w jednej dzenieske od dziengi, która na W.M.m.m. pana przychodzi i miodu przasnego nie odsyłam dla

два гайдука той же роты. А с другой роты, с татарской, Ивана Шальшова^x, был Рудзинский, татарин, и другой — Богдан Абрамович, татарин, у которого нашли монастырских коней, и он их вернул. А другое скопище 70 человек грабят, мучают неслыханно, чиня безбожные вещи, их не могу указать и какой роты, не знаю, как только разую — напишу В. М. м. м. пану. С теми, кто на убытки, от Висишовой роты безбожно сотворенные, сегодня идет жаловаться, пересылаю В. М. м. м. пану эти церковные вещи, о чем они сами устные дадут объяснения. Есть здесь также те, которым В. М. м. м. пан дал приставство из роты Микулинского^{xі} и Стравинского^{xіі}, чтобы собирать великую повинность содержания королевского двора. Крестьяне жалуются с Некоморны и всей Симской волости^{xііі}, а я не знаю, как поступить без приказа В. М. м. м. pana. Соблаговоли, В. М. м. м. пан, проинструктировать меня, что я должен с теми загонщиками делать, не поверю, чтобы это могло быть в солдатском лагере, потому что их тут в загоне очень много. В. М. м. м. пан, соблаговоли приказать послать тебе те 30 рублей, что мне даровали в Симской волости, если вскоре будет оказия, подумаю об этом или сам отвезу все, что собрано для В. М. м. м. pana, так как я скорее бы позволил себя

drogi z tej, owsa będzie dla W.M.m.m. pana ćwierci ze dwieście. Dla Boga mściwy panie racz W.M.m.m. pan temu jako zabiegać, aby tu zahonczycy nie lupili i nie męczyli ludzi bo wielkie niesłychane morderstwa czynią, strach Pański.

Skarżył się mnie posłaniec cara J.M. co korm wybierać na cara J.M., że tu z rotы Mikulińskiej niejakiś stralac zajachawszy powiat Simski wybiera stacyą wielką a nawet co było zgotowali korm oddać caru J.M. i ten zabrali i nie każą dawać imieniem W.M.m.m. pana. Nie wiem jeżeli to za wiadomością W.M.m.m. pana, racz mi W.M.m.m. pan nauczyć.

Za tem sam siebie i powinności moje w miłościwą łaskę W.M.m.m. pana oddawam.

Pisan w Juriewie Nowembra 24 dnia po staremu. Najniższy sługa W.M.m.m. pana Teodor Kroszyński.

Adres Teodor Kroszyński do Jana Sapieli

убить, нежели захотел себе корысти хотя бы в одной денежке от суммы, которая принадлежит пану В. М. Не отсылаю меду сотового из-за этого, оwsa будет для В. М. м. м. пана с 200 четвертей. Ради бога, милостивый пан наш В. М. м. м. пан, соблаговоли воспрепятствовать тому, чтобы тут загонщики грабили и мучили людей, ибо великие неслыханные издевательства учиняют, страх господень.

Жаловался мне посланец Е. М. царя, который повинность собирал Е. М. царя, что тут из роты Микулинской некий стрелец, въехавши в Симскую волость, собрал великую повинность и даже то, что было приготовлено отдать продовольствием Е. М. царю, забрали и именов В. М. м. м. пана приказывают не отдавать. Не знаю, с ведома ли В. М. м. м. пана, это соблаговоли, В. М. м. м. пан, разъяснить.

С тем приношу себя и свои добровольные услуги на милость В. М. м. м. пана.

Писано в Юрьеве 24 ноября по старому, нижайший слуга В. М. м. м. п. Теодор Крошиньский.

Адрес: Т. Крошиньский Я.П. Сапеге.

Оригинал — ОР ВРАН w Krakowie. Ms № 345. № 91. На польском языке.

Копия А. Прохазски — ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Оп. 5. № 556/Va. Л. 195—196.

После 28 ноября (8 декабря) 1608 г. Письмо К. Янушковского Яну Сапеге с донесением о ходе сбора налогов в Ярославском и Романовском уездах.

Miłościwy panie hetmanie służby swe w miłościwę łaskę W. Mci pilnie zalecam.

Posyłam do W. Mci mego miłościwego pana kasnę Romanowską rublów szest (sic!), którą nalazłem wybraną; posyłam do W. Mci m. m. pana przez pana Aleksandra tatarina porucznika p. Streniszewskiego zapieczetowawszy. I o tej ledwom się wywiedział kaźni bo już panowie bojarowie zamahlować chcieli. Pan Konecki miał też listy carskie także jako u mnie; przyjechał był do Romanowa do Poszechoń wybierać, ale zastał część wybraną kaźni Romanowskiej i Poszehonskiej: wybrał Kostaty Blahoy z Poszehoni, wybrał czternaście set rublów i osmdziesiąt rublów i pięć rublów bez grivny; Czerkaskoj Dmitr wojewoda Jeroslowski siedm set rublów trzidziescie rublów i piętnaście podrognich z Romanowa wibrał. Pan Konecki przed mnią za listami carskimi wziął tę kaźnię, jam go w drodze podkał napisawszy list do pana porucznika do pana Bihowca, za nim zaraz prosilem pana Uyazdowskiego żeby do obozy posłał, które pieniądze tam rozumiem że na wojsko W. M. m. m. pana doszły. Za ostatka tej

Милостивый пан гетман! С усердием заверяю в расположении своем служить В. М.

Посылаю к В. М. м. м. пану казну Романовскую 600 рублей, которую положено было собрать, посылаю В. М. м. м. пану с паном Александром татаринном поручиком п. Стернишевского^{XIV}, запечатавши. Я едва дознался об этой казне, так как господа бояре ее уже утаить хотели. Пан Конецкий^{XV}, имея такие же царские письма, как и у меня, приехал было в Романов и Пошехонье, но застал часть казны Романовской уже собранной: собрал Констат Благой^{XVI} из Пошехонья, собрал 1485 рублей без гривны, Черкасский Дмитрий^{XVII}, воевода Ярославский, 730 рублей и 15 подорожных собрал с Романова. Пан Конецкий передо мной по письмам царя взял эту казну. Я его задержал в дороге, написавши письмо пану поручику Быховцу^{XVIII}, после чего тотчас попросил пана Уздовского^{XIX}, чтобы он в лагерь послал <узнать>, по моему разумению, какая плата туда для войска В. М. м. м. пана дошла. Я буду добирать остаток той казны, но ее уже прячут, так как теперь трудно, и крестьян в деревнях нет: разбежались по лесам; в Пошехонье нужно было еще

każni będę dobrać, ale się aż uschroni, bo teraz trudno i cholo-pów po derewniach nie ma rozbiegli się po lasach; w Poszehoni przychodziło jeszcze kaźni reszty siedm set rublów, ale Poszehoni zmieniła; tam nie wiem jeżeli co będzie i w Romanowie ciężar wielki na tych ludzi posadz-kich i na cłkópów co po wsiach mieszkają bo i stacye nieznośne wybierają na rotę pana Rusieckiego i na cara samego większą stacją wybierają, dla tego też i zmieniam. Zmienników siła, koło Romanowa niebezpieczno bardzo. Murzowie z tatarami poszli prze-ciwko nich i z bojarami.

Z tym i powtóre służby swe w mościwą łaskę W.M. m.m. pana oddam.

Dan z Jeroślawia W.Mci nanizszy sługa Kszystow Janusz-kowski reka.

Adres: J. Mci m.m. panu Janowi Piotrowi Sapiezie hetmanowy i staroście Uświackiemu Kierepickiemu ma być dan.

остаток казны 700 рублей взыска-ть, но в Пошехонье перемене-ны^{XX}, там не знаю, еще что будет, и в Романове бремя великое на тех людях посадских и крестьянах, что в деревнях живут, так как не-посильные повинности собирают на роты пана Русецкого^{XXI}, и на самого царя большую повинность я собираю, потому и <говорю> об изменениях. Сила изменников велика, около Романова очень опасно. Мурзы с татарами пошли про-тив них и с боярами.

С тем повторно отдаю свои услуги на милость В. М. м. м. па-ну.

Подписано из Ярославля. В. М. рукой наинижайшего слуги Кшиштофа Янушковского.

Адрес: Е. М. м. м. пану Яну Петру Сапеге гетману и старосте Усвяцкому, Керепицкому надле-жит отдать.

Оригинал — в ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Оп. I. № 58. 1 Став, сложенный пакетом. Польская скоропись. Филиграни нет. Печать Красиловского архива Сапег. Помета киноварью 58.

Копия А. Прохазки — Там же. Оп. 5. № 556/Va. Л. 290.

**29 ноября (9 декабря) 1608 г. Письмо Дона Хуана Крузати
Яну Сапеге из Переяславля-Залесского с известием
о восстании в Костроме**

Illuskissimo Señor mi
Señior!

Con el portador desta Señor Andreas Bonchenski embio a Vuestra Señioria Illustrissima estos renglones, del qual sabra Vuestra Señioria Illustrissima la gran sinorden que Uban algunos senores soldados, que son embiados de parte del emperador y Vsra Sra Issma assi a Costrum a Vologda. Yo entiendo que el galan Iscariota Massalsky se quiere lavar las manos en aqua rozada y que llama scorro a Vsra Sra Issma, segundo Pilatus. Yo siempre escrivo a Vsra Sra Issma no en po rabilis mas al pie de la letra. Timeo ne eo magna (?) copia (?) militam ac cohortem exercitus Issmus Dminie mihat et ne postea circundantur ab Iscariotibus et in detrimentum veniant et inde diminuatur exercitus Issmi Dmni mei. Suppliciter deprecor Issmum Dnum meum ut dignetur me imponere et quid facere debeam in hac iniuria mihi facta et in violentia famuli mei Ioannis Ungari qui fuit a Iscariotibus detentus. Nie expecto responsum Issmi Dmni mei et quid debeam facere sciam. His valeat Issmus Dnus meus longeva et prospera vita Deo uti desiderat.

Светлейший господин, мой
господин!

С подателем сего, господином Андреем Бонхенским^{XXII}, посылаю господину Вашей Светлости эти строки, из коих господин узнает о великом беспорядке, который учинили некоторые солдаты, присланные императором и господином Вашей Светлостью, как здесь в Костроме, так и в Вологде. Я думаю, галантный Иуда Масальский^{XXIII} захочет, как второй Пилат, умыть руки «розовой водичкой» и пошлет к Вам за подмогой. Я всегда пишу господину Вашей Светлости не притчами, а буквально: боюсь, чтобы Господин Светлейший не послал большое количество войск, чтобы затем они были бы окружены искарриотами и были бы обречены на погибель, и уменьшилось бы войско моего господина. Нижайше прошу моего Светлейшего Господина оказать мне честь и сказать, что я должен делать в этой несправедливости, мне причиненной, когда совершили насилие над моим слугой Иоаном Унгари^{XXIV}, который был захвачен искарриотами.

Итак, жду ответа моего светлейшего господина, чтобы узнать, что я должен делать. Да будь

Datum Perislavia a 9 de
Diziembre 1608.

Besa a Vsra Sra Issma las
manos su menor criado Don Joan
Cruzate.

Yo tengo miedo que el em-
baxdor del Rey de Persia, el Sr
Don Roberto Charley sea partido
y que no tendre tiempo de poder
veer mecon el antes que parta,
pues seria gran detrimento mio

Adres: Al Illmo Sr. mi Sr. Joan
Pedro Sapieha. Maestro de
Campo de su Cesarea Magestad y
Starosta de Uswiat, Kerempets en
el sitio de da Santa Trinidad.

здрав, светлейший мой господин,
да пошлет тебе Бог долгую и сча-
стливую жизнь.

Писано в Переславле 9 де-
кабря 1608 года.

Целует ручки Господину
Вашей Светлости верный слуга
вам дон Хуан Крузати.

Р.С. Боюсь, что посол короля
Персии Роберт Чарли^{xxv} уедет, не
дождавшись времени, когда он
смог бы повидаться со мной, пре-
жде чем уехать, что было бы
крайне досадно для меня.

Адрес: Моему господину
Светлейшему Господину Яну
Петру Сапеге, командиру войск
Его Императорского Величества,
старосте Усвяти, Керепеца. В ла-
герь при монастыре Св. Троицы.

Оригинал — в OR ВРАН w Krakowie. Ms № 345. № 64. На
испанском.

Копия А. Прохазки — ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103 № 556/Va.
Л. 211—212 об. Перевод с испанского на русский выполнен
С.И. Исаевым.

Около 28 декабря 1608 г. (7 января 1609 г.).

Письмо К. Конвицкого Яну Сапеге из Переяславля-Залесского с донесением о ситуации в городе

Miłościwy panie hetmanie!

Raczyliśmy W.M. oznajmić m.m. iż tam skargą przekładał przed W.M. J.M. pan Suma na mię tedy ja spraw oddaję W.M. m.m. panu o sobie, gdyśmy przyjachali do Pereiasławia przyszło mieszczan nie mał, którzy, poczęli się skarżyć na pacholiki, że tam dziwy broją po mieście, chleb, żyto na targu sprzedają także i miód i świecę obrazy, co cerkwi połupili sprzedają i posłałem po nich pacholików kilku którzy ich z temi rzeczami przywieźli z targu i odebrał to jam obrazy powracał popowi, bo je poznał że jego cerkiew wylupiona była. Ci pacholikowie mieli się być z rotы pana Suminej, których rospytawszy komu służą, wcalem puścili, nie bijąc za niego jako mię tam przed osobą W.M. m.m. pana udali, teraz na rozkazanie W. Mci miód ten wróciłem iem co poń przyjachali; świece przy mnie są. Niedzielle przeszli przywieźli chłopi sani przy panu poruczniku wozów 7 żyta i jęczmienia na targ, którzy powiedali że ich przyjęto w służa J.M. pana Wielamowskiego siola z Koblіowa sprzedawać posłał tak tu pacholikowie broją i czym

Милостивый пан гетман!

Мы соблаговолили уведомить В. М. м. м. пана, что В. М. м. м. пану подал на меня жалобу пан Сума, о чем теперь я отчет даю В. М. м. м. п.; когда мы приехали в Переяславль, пришло немало горожан, которые начали жаловаться на солдат, что там чудное творят в городе, хлеб, жито на торгу продают, а также и мед, и свечи, иконы, что в церкви пограбили, продают, и я послал за ними несколько солдат, которые их с теми вещами привезли с тарга, и я отобрал это у них, иконы вернул назад попу, так как он их опознал, поскольку его церковь ограбили. Эти солдаты были из роты пана Сумы^{xxvi}, расспросив их, кому служат, я всех отпустил на свободу, не избывая, как меня там они перед вами изобразили; теперь по распоряжению В. М. тот мед я им возвратил, за которым они приехали; свечи сейчас при мне.

В прошлое воскресенье вели крестьяне сани пана поручника в семь возов жита и ячменя на торг, они сообщили, что они приняты в услужение пана Е. М. Виладомовского^{xxvii} из села Коблева, который послал продавать; так там солдаты бесчинствуют, чьи

panowie nie wiedzą i tak nam przystawstwo splondrowano, że wszystko pustki. Nie będzieli na nas łaski i baczenia W.M. n.m. pana o żywność nam będzie bardzo trudno bo się nam wszystko pustki dostały; konią czem był zatrzymali sługi Jego Mci pana Wieliamowskiego do wiadomości W.Mci. bo wziął tuż w naszym przystawstwie u popa rubli ósm, którzy pop i przed panem porucznikiem powiedział, że dał syna okupując że mu chciał szyję uciąć i tego konia na rozkazanie W.M. m.m. pana wróciłem sam pop ma tam być w obozie i skargą przed W.M. przelożyć.

Coś W.M. m.m. pan pisać raczył abym W. Mci dostatecznie oznajmili o żywności którą zboryczkowie zbierali tedy nic nie zastał tylko gorzałkę, którą na cara J.Mci zbierano i te iem nie brał, ale mu kazał jachać do W. Mci m.m. pana z tą gorzałką.

Z tem uniżone służby moje do łaski W.Mci m.m. pana pilnie zalecam.

Dan z Pereslawia. W. Mci m.m. pana powolny sługa Kszysztof Konwicki.

Adres: J.Mci m.m. panu a dobrodziejowi J. Mci Janowi Piotrowi Sapiezie...hetmanowi wojska cara J. Mci do rąk własnych.

они, не знают, и так нам приставство разграбили, что все пусто. В. М. м. м. пан, будьте милостивы и снисходительны к нам, так как живность нам будет собирать очень трудно, ибо нам досталось все пустым; коня, о котором речь, задержали слуги Е. М. пана Веламовского, довожу до вашего сведения В. М., что он взял также в нашем приставстве у попа 8 рублей, этот поп пану поручнику поведал, что дал сына в откуп, так как тот ему хотел голову отрубить, и я того коня по указу В. М. вернул, сам поп должен быть в лагере и подать жалобу В. М.

Извольте, В. М. м. м. пан, что-нибудь написать, чтобы В. М. определенно уведомили насчет живности, которую сборщики тогда собирали, я ничего не брал, только горилку, которую для царя взяли, и ее не брал, но приказал ехать с этой горилкой к В. М.

С тем еще раз нижайше выражаю готовность служить ради ласки В. М. м. м. пана.

Дано из Переяславля. В. М. м. м. пана добровольный слуга Кшиштоф Конвицкий.

Адрес: Его Милости пану и добродетелю Е. М. Яну Петру Сапеге, гетману войска царя Е. М. в собственные руки.

Оригинал — в ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Оп. I. № 45. 2 Става, сложенные пакетом, скор. Черные чернила. Филигрань — фрагмент герба. Печать Архива Сапег из Красилова.

Копия А. Прохазки — Там же. Оп. 4 № 556 /Va. Л. 291—291 об.

**8 (18) января 1609 г. Письмо Т. Крошиньского Яну Сапеге
из Юрьева об отправке к нему запасов**

Wielmożny a miłościwy panie p. Moje służby powolne w miłościwą łaskę W. M. m. m. pana jako najpilniej zalecam etc.

Raczy W. Mci m. m. pan pisać, abym do chorągwi jechał za rozkazaniem W. M. m. m. pana gotowem jakoż i posłałem (sam) swych koni i żywności trochę i dla poprawowania salaszcy, bo tam izby mościwy panie nie mam a salasz pożar pali [poszarpał]w niebytności mej. Przetoż W. Mci m.m.p. uniżenie proszę aby to nie obrażało W. M. m. m. pana, iż sam zaraz tam nie przyjechał, bo podwód nie mam na swych koniach rzeczy do obozy posłał i skoro się wróca zaraz stąd ze wszystkim wyjadę. Nowin żadnych tu nie słyhać strony pana Pobiedzickiego pacholika niezabito jedno nożem moskal chołop na wsi zadał nożem (sic) kilka ran. Daj pan Bóg będzie zdrowyi, będzie o tam sąd i sprawiedliwość, abo go do W. M. m. m. pana odesli. Za tem sam siebie i powolności moje w miłościwą łaskę W. Mci m. m. pana uniżenie oddawam.

Вельможный и милостивый господин, пан мой! Весьма расположен добровольно служить ради благосклонной милости В. М. м. м. пана и т. д.

Изволит В. М. м. м. пан писать, чтобы я к хоругви ехал, по приказу В. М. м. м. пана я готов и уже послал своих коней и немного живности; и для латания шалашей, так как изб, милостивый пан, я не имею, а шалаш спалил <разграбил> пожар в мое отсутствие. Поэтому, В. М. м. м. пан, униженно прошу, чтобы это В. М. м. м. пана не обижало, что я сам сейчас сразу туда не приехал, поскольку не имею подвод, на своих конях вещи в лагерь я послал, как только они вернутся, сразу отсюда со всем выеду. Новостей никаких не слышать, за исключением того, что одного солдата пана Побiedzickого ^{XXVIII} чуть не убил ножом, москаль крестьянин нанес несколько ран. Дай Господь Бог, будет он здоров, чтобы были по этому поводу суд и справедливость, когда его к Вашей Милости отошлют. С тем сам и добровольно низжайше готов служить ради В. М. м. м. п. благосклонной милостью.

Pisan w Juriowie jan(ua)ri
18 dnia.

W. M. m. m. pana nainiższy
sluga Teodor Kroszyński.

Adres: J. Wielmożnemu a
memu miłościwemu panu J. Mci
panu Janowi Piotrowi Sapiezic

Написано в Юрьеве 18 января.
В. М. м. м. пана наинижай-
ший слуга Теодор Крошиньский.

Адрес: Ясновельможному и
моему милостивому пану Е. М.
пану Яну Петру Сапеге, кастеляну

Оригинал. ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Оп. 1. № 48. 2 Става, сло-
женные пакетом. Польская скоропись. Остатки красной печати.
Филигрань — кувшин. Печать архива Сапег из Красилова.

Копия А. Прохазки — Там же. Оп. 5. № 556/Va. Л. 302.

№ 8

12 (22) апреля 1609 г. Письмо купца Иоахима Шмидта Яну Сапеге из Переяславля-Залесского о ситуации в Ярославле, Ростове и Переяславле после восстания ярославцев против тушинцев

Великому моему г(осу)д(а)рю гетману ²⁷ пану Яну Петру Павлови-
чю | Сапеге работникъ твой Ефимко Смит челомъ | бьет.

Апреля, г(осу)д(а)рь, въ 12 днь, приехав в Переславль, | у многих
людей слышел, что въ Ерославле Спаской | монастыр г(осу)д(а)рю прю и
великому кнзю Дмитрею | Ивановичю всяя Русии прямит, и многи воров-
ски | приступы отбили и прислали в Ростовъ к на|шим к г(осу)д(а)ревнымъ
людем: бью челом о помочи. | А пан Лисовской ^{xxix} вчера пришел в Рос-
товъ, а ска|зывают, добре болен. А пан Микулинской заф|тра поедет из
Переславля. А аз, г(осу)д(а)рь, сейчас | на подводах в Ростовъ, а думаю
любо мощно | мне которыми мерами прокрастся в ма|настыр, хотя одно-
му, толко будет с людми | нельзе. А чаю аз от Бога милости, что воромъ |
из Ерославля бежат, какъ наши станут насту|пат. И ты смилуйся, гдрь, от-
пиши ешо ко в|сей рати, чтоб оне насилства никоторо|во Ерославлю не
делали. А яз тебе, г(осу)д(а)рю своему, покорно ²⁸ челомъ бью.

Покорной твой гдревъ слуга | и работникъ | Ефимъ | Смит.

Адрес: Великому г(осу)д(а)рю гетману па|ну Яну Петру
Павловичю | Сапеге отдат.

Оригинал — в ОР ВРАН в Krakowie. Ms. 360. K. 690. 1 Став,
сложенный пакетом. Остатки черновосковской печати. Пометы
металлическим пером «249» и карандашом «609».

№ 9

30 апреля (10) мая 1609 г. Письмо Э. Бородича Яну Сапеге из Кесьмы о ее взятии

Mściwy i najjaśniejszy panie hetmanie! Służby me uniżone we wsem życzliwe do łaski W. Mci m.m. pana pilno zalecam.

Oznajmuję W.M.m.m. panu iż co stała straż nawiększa na Kiessme, J. Mci pan rotmistr Mikolaj Kosakowski za Bożą pomocą i szczęściem cara J. Mci (na co zarobili wzięli zapłatę) na głowę ich pobił a jam zaraz przybył po wszystkim przy tem z kilka set ludzi bojarzkich, dzień odpocznie koniom i pójdzie w imię pańskie do drugich zmienników do miasta Uszczęzna Zeleznapolski.

Za tym nie mając czasu wypisać dostatecznie i powtórnie oddaję się pilno łasce W.M.m.m. pana.

Dan z Kiessmy dnia 10 maja 1609. W. M. m. m. pana życzliwy przyjaciel sługa Erasmus Boro-dycz m.p.

Adres: Memu mościwemu panu hetmanowi cara J. Mci Janowi Sapie-zie staroście Uświackiemu m. m. a przyjacielowi do rąk własnych należy.

Милостивый и наияснейший пан гетман! С усердием заверяю о своем расположении во всем служить покорно Вашей Милости м. м. пану.

Сообщаю В. М. м. м. пану, что стоял в Кесьме большой сторожевой отряд, Его Милость пан ротмистр Миколай Козаковский¹ с божьей помощью и счастьем Е. М. царя (что заработали, то и получили) наголову их разбил, а я прибыл тотчас после всего с несколькими сотнями людей боярских, дадим коням день отдохнуть и именем Господа пойдем на других изменников в город Устюжну-Железнопольскую.

С тем, не имея достаточно времени для подробного письма, повторяю, что отдаю себя на благосклонность В. М. м. м. пана.

Дано из Кесьмы дня 10 мая 1609.

Вашей Милости м. м. пана доброжелательный приятель и слуга Еразм Бородич м. п.

Адрес: Моему милостивому пану гетману царя Е. М., пану Яну Петру Сапеге, старосте Усвяцкому, м. м. приятелю в собственные руки.

Оригинал — ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103. Оп. 1. № 52. 1 Став, сложенный пакетом. Польская скоропись. Филигрин нет. На обороте остатки красной печати. Печать архива Сапег из Красилова. Помета другим почерком выцветшими чернилами XVII в.: «Erasmus Boro-dicz daję znać że Kosakowski zmienników poraził» («Эразм Бородич дает знать, что Козаковский изменников разбил»).

Копия А. Прохазки — Там же. Оп. 5. № 556/Va. Л. 221.

Комментарии к письмам

^I Петр Голович впервые упоминается в источниках 7 (17) октября 1608 г., когда Ян Сапега направил его к ПереяславлЮ-Залесскому с 300 казаков. 14 (24) октября 1608 г. суздальцами ему в Переяславль-Залесский была направлена грамота с вестью, что Суздаль присягнул Лжедмитрию II. Принимал участие в захвате и разорении Ростова. Затем появился в ноябре-декабре 1608 г. в Ярославле, где вместе с воеводой И.И. Волынским конфликтовал с воеводой кн. Ф.П. Барятинским и его доверенным лицом купцом Лоуренсом Биугге. В марте 1609 г. находился в Романове, откуда был выбит отрядами ополчения. Три недели спустя нанес поражение земцам у Соли Рыбной. Далее сведения о нем в источниках исчезают. Возможно, он уезжал в Литву, откуда прибыл к Яну Сапеге 30 октября (9 ноября) 1610 г. [*Sapieha J.P. Dziennik // Hirschberg A. Polska a Moskwa w pierwszej polowie wieku XVII. Lwów, 1901. T. 1. S. 193, 287; Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею (далее — АИ): В 5 т. СПб., 1841. Т. 2. № 99, 164, 171. С. 131, 193—194, 198—199; Сборник кн. Хилкова (далее — СХ). СПб., 1879. № 12.06, 12.05].*

^{II} О взятии тушинцами Ростова см.: Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией (ААЭ). СПб., 1836. Т. 2. № 88. С. 180; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 194—195; *Буссов К.* Московская хроника 1584—1613 гг. М.; Л., 1961. С. 154; Новый летописец // Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1910. Т. 14. С. 82—83; *Дневник Марины Мнишек.* СПб., 1995. С. 127.

^{III} Микулай Уездовский, или Ездовский, впервые упоминается в публикуемом письме А. Юпизьцкого. После захвата тушинцами Ростова направил вместе с Лоуренсом Биугге в Романов сына боярского Т. Бирдюкина-Зайцева приводить местных жителей к присяге на имя Лжедмитрия II. Вскоре после этого перебрался в Ярославль, откуда 10 ноября 1608 г. М. Уездовский выехал к Яну Сапеге с ответственным поручением от воеводы кн. Ф.П. Барятинского. В декабре 1608 г. ему вместе с Л. Биугге было поручено ехать на Белоозеро собирать деньги и «кормы». (АИ. Т. 2. № 102. С. 134; № 108. С. 138; СХ. № 12.06).

^{IV} В источниках данных о нем нами не обнаружено.

^V Ян Соболевский — один из достаточно известных ротмистров из полка Яна Сапеги. Ездил 11—12 (21—22) августа 1608 г. в качестве посла сапежинцев договариваться с Лжедмитрием II об условиях поступления на службу. В октябре-ноябре 1608 г. был направлен командиром иноземного гарнизона в Суздаль. В ноябре 1608 г. ходил со своей ротой во Владимир. Затем 10—21 (20—31) декабря 1608 г. вместе с воеводой Ф.К. Плещеевым участвовал в подавлении восстания шуйцев. В январе 1609 г. вновь воевал с отрядами ополчений у Владимира и Муром. Был ранен и 23 января (2 февраля) 1609 г. вернулся с ро-

той в лагерь у Троице-Сергиева монастыря. 14 (24) февраля 1609 г. в расположении его роты вспыхнул пожар (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 180, 199, 206; СХ. № 12.16; АИ. Т. 2. № 161. С. 191—192; и др.).

^{VI} Наемник называет Лжедмитрия II императором, так как в свое время Лжедмитрий I принял этот титул.

^{VII} Здесь имеются в виду сосланные в Галич после убийства Лжедмитрия I Станислав Бонифаций Мнишек — староста Саноцкий, кн. Константин Вишневецкий с товарищами и слугами, по данным дневника Я. Сапеги, всего 300 человек, а также высланный на Каменное «боярин» кн. Г.П. Шаховский и некоторые болотниковцы. Позднее 4 (14) ноября 1608 г. они встретились в Переяславле-Залесском с поляками, сосланными на Вологду, и 9 (19) ноября 1608 г. прибыли в лагерь Я. Сапеги у Троицы (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 197; Дневник Марины Мнишек. С. 128; Новый летописец. С. 77).

^{VIII} Слова наемника подтверждают предположения историков, что богатейший в стране Троице-Сергиев монастырь был отдан руководством Тушинского лагеря на разграбление сапежинцам.

^{IX} Каких-либо данных об этом ротмистре полка Я. Микулинского в источниках не обнаружено.

^X Каких-либо данных об этом ротмистре полка Я. Микулинского в источниках не обнаружено.

^{XI} Ян Микулинский — полковник Лжедмитрия II, прибывший к нему на службу еще в конце 1607 г. под Брянск. Во время августовского кризиса в Тушинском лагере полковник присоединился к Яну Сапеге и отправился с ним осаждать Троице-Сергиев монастырь. В его полку в сентябре 1608 г. служило 700 конных копейщиков (из них в роте полковника — 200 человек) и 300 казаков. До конца апреля 1609 г. находился со своим полком в лагере у Троицы. В марте 1609 г. ненадолго выезжал в Тушино в качестве посла сапежинского войска к Лжедмитрию II. Выступил 13 (23) апреля 1609 г. из лагеря у Троицы со своим полком в поход против восставших ярославцев. После безуспешных попыток взять Ярославль 27 мая (6 июня) 1609 г. выступил к Угличу, который взял штурмом и сжег 20 (30) июня 1609 г. В первых числах августа 1609 г. кн. М.В. Скопин-Шуйский нанес ему поражение и отогнал от Калязина монастыря. Осенью 1609 г. вместе с Яном Сапегой участвовал в Калязинском сражении, затем совершил разведывательные рейды против правительственных войск. Информация о нем исчезает из источников после разгрома сапежинцев в Замосковье (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 189, 209, 212, 217, 222, 229, 233—238, 247—248; *Будила Й.* История ложного Дмитрия // Русская историческая библиотека (далее — РИБ). СПб., 1875. Т. 1. Стб. 129).

^{XII} Эразм Стравинский, служивший ротмистром в полку Я. Микулинского и получивший вместе с полковником приставство в Юрь-

евском уезде. Ян Сапега направил его с ротой 5 (15) декабря 1608 г. в восставший против тушинцев Углич. Он присоединился к полку А. Лисовского, и они вместе прошли огнем и мечом по Замосквовью, потопив стихийное восстание дворян, посадских и крестьян в крови. В январе-феврале 1609 г. вернулся с ротой в лагерь у Троицы. В марте-апреле 1609 г. вместе с Я. Микулинским ездил в Тушино в качестве посла сапежинцев. Осенью 1609 г. участвовал в боях с кн. М.В. Скопным-Шуйским. В 1610—1611 гг. служил в полку Яна Сапеги (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 197, 199, 209, 212, 245,—248, 317; СХ. № 18. С. 87).

^{xiii} Богатейшие дворцовые волости в Юрьевском уезде, которые стали яблоком раздора между различными группами наемников, а также русских тушинцев (Riksarkivet. E. 8610 (1). № 61; РИБ. Т. 2. № 92. Стб. 221—222; СХ. № 12.41).

^{xiv} Вероятно, это Трженишевский, служивший в полку Я. Сапеги и впервые упомянутый в «Дневнике» 5 (15) августа 1608 г. В январе-феврале 1609 г. он командовал казацкой ротой в боях у Троице-Сергиева монастыря. В октябре 1609 г. сообщил гетману о захвате правительственными отрядами Александровой Слободы (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 179, 246; СХ. № 18. С. 86).

^{xv} Вероятно, это К. Конвинский, чье письмо опубликовано под № 6.

^{xvi} По данным Боярских списков, Благие служили выборными дворянами во Ржеве (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. (далее — БС). М., 1979. Ч. 1. С. 136—139, 201, 203—204, 282). О Константине Благом никаких других данных обнаружить не удалось.

^{xvii} Известный тушинский боярин кн. Дмитрий Мамстрюкович Черкасский. (См. о его биографии: *Любомиров П.Г.* Очерки истории нижегородского ополчения. М., 1939. С. 297).

^{xviii} Ротмистр полка Я. Сапеги Дмитрий Быховец. Гетман направил его 5 (15) января 1609 г. послом от войска к Лжедмитрию II в Тушино. Через две недели 17 (27) января 1609 г. он уехал послом от войска к Сигизмунду III и на сейм. Вернулся обратно 30 августа (9 сентября) 1609 г. Год спустя, 27 августа (6 сентября) 1610 г. Я. Сапега посылал его к Лжедмитрию II с просьбой вступить в переговоры с Сигизмундом II (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 200, 202, 242, 274).

^{xix} См. коммент. III.

^{xx} К. Янушковский намекает на восстание в Пошехонье, которое произошло 28 ноября (8 декабря) 1608 г. (См.: Дополнения к Актам историческим, собранным и изданным Археографическою комиссиею (далее — ДАИ): В 12 т. СПб., 1846. Т. 1. № 158).

^{xxi} Ротмистр в полку тушинского гетмана кн. Романа Ружинского (Реестр войска самозванца // ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 5. Оссолинеум. № 5998/III. Л. 323).

^{xxii} Данных об этом наемнике в источниках обнаружить не удалось.

^{xxiii} Кн. Дмитрий Васильевич Горбатый-Мосальский — окольничий Лжедмитрия II. В 1604 г. принимал участие в троицком походе Бориса Годунова. В 1605 г. — первый воевода Лжедмитрия I в Калуге. В 1605—1606 гг. — второй воевода в Ливнах, затем второй воевода полка левой руки на Кашире, в войске, собранном самозванцем для турецкого похода. В 1606 г. принял участие в восстании И.И. Болотникова. В 1607—1608 гг. — окольничий и воевода Лжедмитрия II в Рославле. В ноябре-декабре 1609 г. — воевода Лжедмитрия II в Костроме. Убит ополченцами (*Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время. М., 1907. С. 7, 41, 80, 133, 136, 139, 155, 183, 205, 212; БС. Ч. 1. С. 255; Ч. 2. С. 57; АИ. Т. 2. № 75; Масловский архив // Чтения в обществе истории и древностей российских (далее — ЧОИДР). 1916. Кн. 2. № 91. С. 74—75; ААЭ. Т. 2. № 104.2; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 197).

^{xxiv} Каких-либо данных об этом человеке в источниках обнаружить не удалось.

^{xxv} Данных об этом посольстве нам обнаружить не удалось.

^{xxvi} Ротмистр Сума — довольно известный командир в полку Я. Сапеги. В конце 1608 — первой половине 1609 г. он и его рота принимали участие в осаде Троице-Сергиева монастыря. В июне — сентябре 1609 г. Сума командовал наемниками в боях у Суздаля. В ноябре 1609 г. ротмистр был отозван к Троице и принял участие в заключительных боях с войском кн. М.В. Скопина-Шуйского, которые закончились разгромом сапежинцев в Дмитрове. В сентябре 1610 — феврале 1611 г. Сума исполнял обязанности посла сапежинцев, отправленных к гетману С. Жолкевскому. В июле — сентябре 1611 г. принял активное участие в рейде сапежинцев в Замосковье, был ранен в стычке под Москвой, после чего данные о нем исчезают из источников. Вероятно, около этого времени он умер (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 201, 228, 235, 237, 242, 279, 290, 298).

^{xxvii} Марк Виладомовский — полковник в войске Яна Сапеги. По заданию Я. Сапеги привел к Лжедмитрию в Тушино передовой отряд взбунтовавшихся солдат инфляндского войска из Речи Посполитой. 1 (11) сентября 1608 г. перешел из Тушинского табора Р. Ружинского в лагерь Я. Сапеги. Во время похода гетмана к Троице командовал полком из 700 конных копейщиков и 200 казаков. 5 (15) января 1609 г. ездил послом от сапежинского войска к Лжедмитрию II. 16 (26) июня 1609 г. направлен на помощь А. Зборовскому из Троицкого лагеря к Твери. Принимал активное участие в последних боях сапежинцев в Замосковье осенью 1609 г. После разгрома полков Я. Сапеги известий о нем в источниках нет (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 184, 188—189, 200, 227, 279, 248—249; СХ. № 18. С. 86).

^{xxviii} Летом — зимой 1608 г. — ротмистр в полку В. Валевского. 19 (29) августа 1610 г. Ян Сапега посылал его к Лжедмитрию II с увеще-

ваниями не бежать из войска и вместе с ним продолжать бороться за Москву со С. Жолкевским и боярами. 27 августа (6 сентября) 1610 г. вновь ездил с посольством к самозванцу. 16 (26) июня 1611 г. был послом Яна Сапеги к П. Ляпунову. 25 августа (4 сентября) 1611 г. ранен (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 270, 374, 310, 325).

^{xxix} Александр Лисовский — полковник в войске Яна Сапеги. После поражения рокошан в Речи Посполитой был осужден. Бежал в Россию с отрядом из 200 человек. Именно он убедил Лжедмитрия II и его полководцев предпринять новый поход на Брянск. Вскоре после переворота Р. Ружинского в Орле весной 1608 г. был отправлен с крупным отрядом из бывших болотниковцев в Рязанскую землю. Оттуда безуспешно пытался пробиться через Коломну в Тушино с обозами продовольствия, но был наголову разбит правительственными войсками. Собравшись с силами, совершил глубокий рейд по южным украинным уездам и, выйдя в окрестности Муром и Владимира, прорвался в середине лета 1608 г. в Тушино мимо Троице-Сергиева монастыря. В Тушине присоединился к войску Яна Сапеги с отрядом из 6 тыс. русских служилых людей и казаков, с которым в сентябре 1608 г. прибыл к Троице-Сергиеву монастырю. В декабре 1608 — январе 1609 г. вместе с Э. Стравинским потопил в крови первые стихийные выступления против тушинцев в Замосковье и Поморье. В апреле 1609 г. был направлен в Суздаль для подавления восстания владимирцев, но уже через десять дней переброшен вместе с Я. Микулинским к восставшему Ярославлю с 3 тыс. донских казаков. В июне 1609 г. совершил рейд к Костроме, сжег Кинешму, однако во время попытки переправиться через Волгу был разгромлен судовой ратью боярина Ф.И. - Шереметева. В сентябре 1609 г. был отправлен Я. Сапегой к Ростову, откуда отступил со своим отрядом к Суздалью. После разгрома Я. Сапеги в Дмитрове совершил глубокий рейд по тылам правительственных войск и весной 1610 г. и вышел к Великим Лукам. По просьбе псковитан ходил со своим отрядом к Ивангороду и освободил эту крепость от осады шведами. По окончании экспедиции попытался занять Псков, но горожане, наученные горьким опытом первого пребывания лисовчиков в их городе, не захотели иметь с ними дела. В отместку А. Лисовский разграбил Псковщину. Разногласия в отряде привели к тому, что полковник распустил своих солдат, заменив их на немецких и шведских наемников. С ними он поступил на службу к Сигизмунду III и принял участие в походах королевских войск в Россию (*Dziedyszycycki M.* Krótki rys dzieiow i spraw lisowczyców. Lwów, 1843).

^{xxx} Микулай Казаковский — летом 1608 г. ротмистр в полку тушинского гетмана кн. Р. Ружинского. В апреле 1609 г. был направлен из Тушина с отрядом к Устюжне-Железнопольской, которую ему взять

не удалось, и он был вынужден отступить. 4 (14) августа 1610 г. Ян Сапега отправил его в рейд в обход Москвы (Реестр войска самозванца. Л. 323; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 320).

Примечания

¹ Протоколы заседаний Археографической комиссии (далее — ПЗАК) за 1835—1840 гг. СПб., 1885. Вып. 1. С. 328; *Флоря Б.Н.* Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря // История русского языка: Исследования и тексты. М., 1982. С. 319—321; Архив Санкт-Петербургского отделения Института российской истории РАН (далее — АСПБОИРИ). К. 124. Оп. 1; К. 145; К. 174. Оп. 2; Oddział rękopisów Biblioteki Polskiej Akademii Naukowej w Krakowie (далее — ОР ВРАН). № 345, 360; Отдел рукописей Львовской научной библиотеки Национальной академии наук Украины (далее — ОР ЛНБ НАНУ). Ф. 103; Riksarkivet. Stockholm. Skoklostersamlingen (далее — RSS). Polska brev. E8604; Ryska brev. E8610. 1 и 2; Российский государственный архив древних актов в Москве (далее — РГАДА). Ф. 1204. Шведские микрофильмы (новые поступления). Рул. 133. Ч. 2.

² АСПБФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1.; К. 145; К. 174. Оп. 2; ОР ВРАН. Ms. 345, 360; ОР ЛНБ НАНУ. Ф. 103; RSS. E. 8604; E. 8610 (1 и 2); РГАДА. Ф. 1204. Шведские микрофильмы (новые поступления). Рул. 133. Ч. 2.

³ Archiwum Główne Act Dawnych w Warszawie (далее — AGAD). Susky archiw Pranicich-Tarnowskich.

⁴ ЦДІА України. Ф. 48. Архів Сапєг. Оп. 1—2.

⁵ Архив истории Литовского государства. Ф. 1292. 1524—1830 гг.; Вильнюсская библиотека АН Литвы. Ф. 139. 1604—1831.

⁶ Авторы благодарны В.И. Ульяновскому и его ученикам за помощь, оказанную в обследовании киевского, львовского и виленского собраний бумаг Сапег.

⁷ *Kognowicki K.* Życie J.P. Sapiehi. T. 1. № 7. Wilno, 1791. (Życie Sapiehów). Noty.; *Malinowski M., Przędzeczki A.* Źródła do dziejów Polskich. Wilno, 1844. S. 345; Inwentarz rękopisów Biblioteki zakładu narodowego im. Ossolińskich we Wrocławiu. Warszawa, 1966. T. 3. № 1884; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 313; АСПБФИРИ РАН. К. 276. Оп. 1. Ед. хр. 120. Л. 138.

⁸ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 235, 237, 264, 281; Письма С. Жолкевского Я. Сапеге 24 июля (3 августа) и 13 (23) сентября 1610 г. и ротмистра Сумы Я. Сапеге 19 (29) июля 1609 г. Riksarkivet. E. 8604; E. 8610 (1).

⁹ Акты второй половины XIV — первой половины XVII в. Т. 2. СПб., 1875. Стб. 1228. (Серия: РИБ: В 33 т.); АИ. Т. 2; Грамота Лжедмитрия II Я.П. Сапеге // Московский телеграф. 1833. Ч. 51. № 9. С. 170—173; Два письма начала XVII в. из Троице-Сергиева монастыря / Публ. *Б.Н. Флоры* // История русского языка: Исследования и тексты: Сб. ст. / Под

ред. В.Г. Демьянова и В.Ф. Дубровина. М., 1982. С. 319—325; ДАИ. Т. 1.; [И.С.]. Выписка из «Дневника московского похода Яна Сапеги 1608—1611 гг.» // Сын отечества и Северный архив. 1838. Т. 1. № 1/2. Отд. 3. С. 29—64; Муханов П.А. Подлинные известия о взаимных отношениях России и Польши преимущественно во время самозванцев. М., 1834; Письмо Лжедмитрия II наемному войску 9 (19) февраля 1610 г. об условиях возвращения на службу // Временник Московского общества истории и древностей Российских (далее — ВМОИДР). 1855. Кн. 19. Смесь. С. 9—10; Сборник Муханова. 2-е изд. СПб., 1866; СХ; Три челобитные Лжедмитрию / Публ. А. Чумикова // ВМОИДР. 1855. Кн. 23. Смесь. С. 5—6; *Malewska H.* Listy staropolskie z epoki Wazów. Warszawa, 1977; *Malinowski M., Przędzecki A.* Op. cit.; *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 167—324.

¹⁰ СХ. 12.10, 12.05, 12.07; АИ. Т. 2. № 102. С. 134; и др.

¹¹ Судя по данным «Дневника» Яна Сапеги, командиром отряда гетман назначил Петра Головича (*Sapieha J.P.* Op. cit. S. 193). Х. Крузати, по всей видимости, был доверенным лицом Я. Сапеги в этом отряде.

¹² Буссов К. Указ. соч. С. 154, 286.

¹³ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 197—198; ААЭ. Т. 2. № 94. 3. С. 193.

¹⁴ Письмо Х. Крузати из Риги 30 января (9 февраля) 1609 г. о ситуации в Ливонии. ОР ВРАН. Ms. 345. № 67.

¹⁵ *Генкин Л.Б.* Ярославский край и разгром польской интервенции в Московском государстве в начале XVII века. Ярославль, 1939. С. 70. Утверждение К. Буссова (Указ. соч. С. 155), что он был вторым воеводой Ярославля, не подтверждается другими источниками.

¹⁶ Буссов К. Указ. соч. С. 155, 157, 287, 290—291.

¹⁷ ААЭ. Т. 2. № 178, 188.

¹⁸ Там же.

¹⁹ *Sapieha J.P.* Op. cit. S. 176.

²⁰ АИ. Т. 2. № 101, 108; СХ. 12.10, 12.6, 12.23, 15, 12.05; и др.

²¹ Отписка И. Редрикова Я. Сапеге с жалобой на К. Конвицко-го // АСПбФИРИ РАН. К. 124. Оп. 1. Ед. хр. 386.

²² АИ. Т. 2. № 117, 119; СХ. 12.41, 12. 54, 12.55; и др.

²³ Сказание об Устюжне-Железнопольской // РИБ. Т. 2. № 187.

²⁴ Далее — м. м. п.

²⁵ Далее — В. М.

²⁶ Далее — Е. М.

²⁷ Написано над строкой.

²⁸ Написано по слову «много».

Summary

For the first time the reports of foreigners who were the persons empowered to act for Hetman Jan Sapega are published. They reported about the situation in Moscow and White sea areas of Russia at the end of 1608-beginning of 1609 where the movement against the False Demetrius' adherents arose. Till recent time the circumstances of this movement contained generally in the petitions of Russian noble men, trade people and peasants to Lzhedmitry II, papers of the Solikamsk office' Government archive, Russian narratives, legends, chronicles and chronographs and also in the memoirs belonged to foreigners K. Bussov, J. Budila, A. Rozhniatovsky. The new published documents written by Sapega's men whose views about Troubles distinguished from the views of Russians give the possibility to check up the evidences contained in both Russian sources and memoirs of foreign mercenaries.

П.В. Седов

ОПИСЬ ГАРДЕРОБА БОЯРИНА КНЯЗЯ ВАСИЛИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ГОЛИЦЫНА *

До сих пор в распоряжении исследователей находилась одна опись гардероба боярина В.В. Голицына (1639—1714), сделанная в 1689 г. при конфискации его имущества¹. Публикуемая здесь другая опись одежды В.В. Голицына составлена на одиннадцать лет раньше и является самой ранней описью боярской одежды Московской Руси.

В 1689 г. В.В. Голицын с сыном были сосланы в Каргополь, а их имущество и архив конфискованы. Очевидно, тогда среди других бумаг домовая опись одежды 1678 г. была взята в Разрядный приказ. Отождествить отдельные вещи В.В. Голицына по домовой описи 1678 г. с казенной описью 1689 г. не удастся, поскольку за истекшее время гардероб боярина полностью изменился.

Опись 1678 г. до сих пор не была известна исследователям. Ее ценность увеличивается еще и потому, что она была составлена в доме В.В. Голицына и использовалась по крайней мере до октября 1680 г., о чем свидетельствуют сделанные на ней пометы. В эти годы происходили заметные перемены в придворном костюме: царский указ 22 октября 1680 г. впервые в истории России произвел изменения в одежде подданных.

В исследованиях по истории костюма допетровской Руси утвердилась точка зрения о том, что указ 22 октября 1680 г., отменяя старомосковское платье (охабни и однорядки), вводил при дворе короткое польское платье. Однако обращение к самому тексту указа позволяет с уверенностью утверждать, что суть реформы была иная: отменяя дорогую старомосковскую

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ (грант № 99-01-00479а).

одежду (охабни и однорядки) при дворе, указ носил вместе с тем охранительный характер и категорически запрещал носить иноземную одежду, в особенности короткие польские кунтуши и кафтаны. При дворе следовало носить долгополые и «турские» кафтаны². Изучение описи одежды В.В. Голицына 1678 г. позволяет проследить изменения одежды при дворе на примере гардероба одного из самых видных бояр конца царствования Федора Алексеевича.

В 1678 г., на момент составления первоначального текста описи, в гардеробе В.В. Голицына было: 4 зипуна, 15 кафтанов (в том числе 3 «турских» и 5 долгополых), 1 озям, 4 фerezи, 4 шубы, 8 охабней, 4 фerezеи, 6 шапок (в том числе 1 «калмыцкая»), 3 штанов и др. одежда. Как видим, в это время В.В. Голицын не носил польских кунтушей, зато имел три «турских» кафтана и «калмыцкую» шапку.

В публикуемой описи 30 датированных записей. Из них больше всего — восемь — относятся к 24 октября 1680 г., ко дню, с которого при дворе были отменены охабни, однорядки и было велено всем носить долгополые кафтаны. По три записи относятся к 10 марта и 10 апреля, две — к 1 ноября, остальные встречаются по одному разу. Таким образом, реформа 22 октября 1680 г. и ее введение при дворе с 24 октября были наиболее заметной вехой в перемене костюма боярина кн. В.В. Голицына.

Наибольшим изменениям 24 октября 1680 г. подверглись отмененные охабни. До этого в гардеробе В.В. Голицына было десять охабней. Ни один из них не остался в использовании после реформы. 24 октября 1680 г. с «охобня объяринного жаркого» было снято кружево, а «охобень изуфряной осиновой» был переделан в кафтан сыну боярина — Алексею. Остальные охабни были также переделаны в кафтаны боярину и его сыну или же с них сняли дорогие нашивки и тем самым отложили для хранения.

Не менее решительной переделке 24 октября подверглись и другие виды одежды, не отмененные царским указом. Среди них дорогие шубы: «шуба объяринная жаркая» была переделана в «кафтан короткие рукава», «шуба камчатая червчатая» отдана сыну Алексею «на кафтан», с «шубы тафтяной белой» спороли верх и нашивку. 24 октября 1680 г. были перекроены также «фerezи камчатые жаркие» в кафтан сыну Алексею.

В тот же день был изготовлен «кафтан длинной» из «гвоздишного» сукна. Эта запись подтверждает, что указ 22 октября 1680 г.

предписывал сохранение длиннополых кафтанов — один такой кафтан был специально пошит кн. В.В. Голицыну в день первого выезда ко двору, когда следовало явиться в указанном платье.

Всего в описи гардероба кн. В.В. Голицына зафиксировано семь долгополых кафтанов, и шесть из них в годы функционирования описи вышли из употребления: с «белого камчатого» сняли галун и бархатную подкладку, с «камчатого красного» сняли нашивку и отдали сам кафтан Степану Юшкову, с «отласного красного» также сняли нашивку и его боярин подарил Потапу Грузинцу, из-под «объяринного лимонного» вынули бархат — и он «ныне в казне», «камчатой таусинной» — «отдан Леонтию Крылову совсем». 10 июня 1680 г. на службе в Севске кн. В.В. Голицыну сделали «кафтан холодной долгополой» из камки «крапивной китайской»; там же, в Севске, боярин пожаловал этот кафтан дяку Петру Самойлову «по ево челобитью».

Следовательно, предписанные царским указом к ношению при дворе долгополые кафтаны не соответствовали личным вкусам кн. В.В. Голицына. Точнее, он носил их в 1679—1680 гг., но в это же время они и выходят из его обычного повседневного платья. Подчиняясь царскому указу, В.В. Голицын специально пошил себе 24 октября 1680 г. долгополый кафтан, зато остальные свои долгополые кафтаны либо раздарил своим держальникам, либо, сняв дорогие украшения, положил «в казну».

В подметном письме 1708 г. современник вспоминал, что указ Федора Алексеевича о реформе платья, в отличие от петровского, не вызвал сопротивления: «Как Федор Алексеевич приказал охабни переменить и в один месяц переменили и указу его не ругали. А твой указ ни во что ставят, в семь лет не переведут»³. На самом деле далеко не все сразу подчинились нововведению царя Федора: в кремлевских воротах с ослушников «здирали» неуказное платье и «клали в караульню до указу»⁴. Как видно из публикуемой описи, боярин В.В. Голицын принадлежал к тем послушным придворным, которые точно выполнили предписания царского указа 22 октября 1680 г., хотя узаконенный при дворе долгополый кафтан и не соответствовал, кажется, личным вкусам боярина.

Публикуемый документ хранится в фонде Разрядного приказа (РГАДА. Ф. 210. Оп. 21. № 419). Он представляет собой тет-

радь в лист, на 38 нумерованных листах, первые два нумерованных листа и л. 38 об. — чистые. Переплет утрачен. Три последних листа отделены от общего блока. Сохранность текста хорошая. Первоначальный текст сохранился полностью: он заканчивается на л. 38 об. записью «сафьян черной». Осенью 1679 г. к основному тексту разными чернилами были сделаны приписки, которые заполняют л. 38 об. до конца. Возможно, в рукописи было продолжение; если это так, то оно в деле не сохранилось. Приписки 1679—1680 гг. сделаны и к большинству статей основного текста. В публикации они набраны курсивом. Помимо приписок на полях рукописи против названий описываемой одежды почерком XVII в. выставлены пометы: «есть» (иногда сокращенно: «е»), «нет», «от» (то есть «отставлен»), «+» или «⊕».

Основной текст написан красивым, четким, приказным почерком, пометы — разными чернилами и почерками. Бумага односортная: Голова шута [Клепиков С.А. № 47, тип IV с литерами CR (1667 г.); Churchill. № 357].

1678—1680 гг. — Книга записная одежды боярина князя Василия Васильевича Голицына

Л. 1. Лета 7186-го июля в 15 де[нь] боярина князя Василя Васильевича Голицына книга записная платью. Переписывал Григорей Шеншин.

Л. 1 об. Зипун¹ алой отласной стеганой: подклатка киндяшная, красная, подпушка отласная цветная, нашивка вязаная серебряная, на нашивке 11 пугвиц обнизных, в пугвицах по бирюске, на нашивке ж по концам 22 места обнизные, на рукавах 6 гапель серебряных. *Зипун есть, а нашивки и гапельки² с него сняты и положены на желтой отласной зипун, по счету нашивки и гапельки все, а на том алом зипуне положена нашивки на шурке, обшита серебром.*

Л. 2. Зипун³ отласной, желтой, стеганой, подклатка киндяшная желтая, потпушка тафтяная красная, 8 пугвиц, вязаны волооченым серебром, а меж серебра золотом, да на том же кафтане 2 пугвицы обшиваны золотом.

Л. 2 об. Зипун⁴ отласной стеганой на бумаге, нашивки золото с серебром плетеная. *Отдан Петру Головкину.*

Л. 3. Зипун⁵ камчатой таусинной, стеган на бумаге, подклатка зенденнинная, нашивки шолковая черная. *На боярине.*

Л. 3 об. Кафтан⁶ долгополой камчатой белой, стеган, подложон косматым красным бархатом, нашивки золотная, галун злотной же. *Бархат ис под него вынят и подложен под изуфряной раманейной кафтан, галуну нет.*

Л. 4. Кафтан ⁷ отласной желтой, стеганой, подложен косматым красным бархатом, нашивка серебряная з золотом, цветная с узлы и с кистями серебряными. *Подбой бархот выпорот и нашивка снята, и бархот и нашивка в казне, а нашивка нашита с отласнова краснова кофтана и о том писано пот тем кофтаном, подложен киндяком тем-нозеленым, потпушен дорогами красными.*

Л. 4 об. Кафтан ⁸ долгополой камчатой красной, стеганой, подклатка киндяшная лимонная, подбой узорбатной, нашивка серебряная. ⁹*Нашивка снята и нашита на желтой отласной кофтан, и о том пот тем кофтаном писано* ⁹. *Отдан Степану Юшкову.*

Л. 5. Кафтан ¹⁰ долгополой отласной, красной, стеганой, подклатка киндяшная лимонная, потпушка камчатая цветная, нашивка плетеная серебряная з голубым шолком. *Нашивка снята на желтой отласной кофтан, и о том писано пот тем кофтаном. Отдан Потану Грузинцу.*

Л. 5 об. Кафтан ¹¹ долгополой обьяринной лимонной, подложен желтым косматым бархатом, опушен агонки соболями, нашивка серебряная с кистями, на нашивке дву кистей нет. *Бархат ис под него вынят, ныне в казне.*

Л. 6. Кафтан ¹² отласной белой опушен соболими, на опушке 34 соболи, подложен зеленым киндяком, подбит изарбатом. *Соболи с него сняты и изарбат вынят, соболи взял боярин, изарбатом потпушен обьяинной голубой кофтан.*

Л. 6 об. Кафтан ¹³ белой отласной на соболях, на нем две нашивки золотные с кистми, варворки обнизные, пугвицы канителные, в пугвицах по зернышку жемчужному, в пугвицах пяти зерен нет, галун золотной. *Мех соболей вынят и нашивка снята, мех взял боярин, а нашивка положена на обьяринной сахарной лапчатой кофтан.*

Л. 7. Кафтан ¹⁴ отласной кропивной на куницах, на нем полпяты нашивки золотные с кистями, галун золотной. *Ноября во 8 день нашивка с сево вышеписаннова кофтана снета и нашита на кофтан маковой суконной на куницах. Мех куней ис пот сево кофта[на] вынет и подложен пот кофтан бойберековой вишневой трафчетой и о том писано пот тем кофтаном, а нашивка достольная в казне, что осталось от ова кофтана суконнова. Отлас издержан на потпушки и на чулки, нашивка роздана держалникам и Федоту.*

Л. 7 об. Кафтан ¹⁵ долгополой камчатой таусинной стеганой подложен ценинным киндяком, подпушен камкою голубою, нашивка золотная да на рукавах нашивка шолковая черная. *Отдан Леонтию Крылову совсем.*

Зделан ¹⁶ вновь кофтан бойберековой вишневой трафчетой, мех под ним ис под отласнова кофтана кропивнова, кругом голун золотной, нашивка золотная широкая с узлами нашита, гнезды в пети местех по

две на прорехах по одной. Галун с него снят, а на што положен, помнит боярин

Купак¹⁷ полосатой, полосы золото с серебром и с шелками. Изношен.

Зделан вновь:

Озям¹⁸ отласной червчетой теплой и мех под ним лебязей белой, кругом ворота и на левой поле и на рукавах в четырех местах нашит таусинной бархат опушен пухом.

Л. 8. Ферезея червчатая бархатная двуморховая на соболях, мех пластинчатой, ожерелье соболье пластинчатое ж, аламы низаные, в аламах две запаны с ыскры яхонтовыми, в аламах же два яхонты да два лалы да два изомруды да пуговка изумрудная, закреплена бурминским зернышком, две завяски с кистьми, на завясках две варворки обнизные, кругом ферезеи круживо з городами серебряное. *Спорок ферезейной в казне, а собольми подбит байберековой кафтан, ожерелье изошло в походе — пушен вишневой кафтан, аламы и запаны у кнеини.*

Л. 8 об. Ферезея¹⁹ обьяринная осиновая на соболях, мех пупчатой, ожерелье соболье пластинчатое, нашивка золотная с кистми, у нашивки двенадцать пугвиц яшмовых в серебряных местах месты золоченыя, две пугвицы на прорешках розшибены. *И февраля первое число ис под сей ферезеи мех вынят и подложен под бархотной коришной кафтан, и круживо на нево ж нашито, нашивка и пугвицы нашита на ярмяшной кафтан, а спорок обьяринной отдан княгине Авдотье Ивановне, ожерелье в росходе.*

Л. 9. Ферезея алая суконная на соболях, мех пластинчатой, ожерелье пластинчатое соболье ж, нашивка золото с серебром с узлы и с кистми, кругом галун серебряной. *Спорок ферезейной есть, а мех издержан, ведает боярин, ожерелье издержано ж, нашивка положена на кафтан, а на которой — ведает боярин.*

Л. 9 об. Ферезея обьяринная лимонная, мех лапчатой лисей черной, ожерелье лапчатое ж лисье черное, нашивка золото с серебром с узлы и с кистми, кругом галун серебряной. *Ферезея зделана в кафтан, ожерелье издержано в прибавку, и галун на том же кафтане, нашивка нашита на кафтан, а на которой помнит боярин.*

Л. 10. Кафтан²⁰ турецкой, обьяринной червчатой, подложен объерью цветною, нашивка серебряная с кистми, у нашивки двенадцать пугвиц обнизных с волоченым золотом, в пугвицах одиннатцать изумрудов. *Ис пугвиц два изумруда пропали.*

Л. 10 об. Кафтан²¹ турецкой красновишневой зуфрянной, подбит жолтым чешуйчатым отласом, нашивка серебряная с узлами и с кистми веревчатая, у нашивки пугвицы канителные цветные, в пугвицах по четыре зернышка жемчужных, в семи пугвицах дватцати осми зерен нет, кругом галун серебряной. *С осмой пугвицы четыре зерна пропали.*

Л. 11. Кафтан ²² турецкой изуфряной кропивной, подбит дорогами двоелишневыми, нашивка золотная, кругом галун золотной. *Галун снят, а на што положен — помнит боярин.*

Приволока ²³ отглас золотной на горностаях, нашивка серебряная с кистми. *Апреля в 10 день мех вынет и подложен под фрезы золотные персицкие тафтяные, и про те фрезы писано пот тою кизылбаскою тафтою.*

Л. 11 об. Кафтан ²⁴ суконной маковой на куницах, нашивка золотная, галун кругом золотной. *Октября в 24 день мех куней ис под сево кофтана вынет пот суконной гвоздишной кофтан, а нашивка нашита на зуфряной лисей кофтан машиновой.*

Л. 12. Кафтан ²⁵ суконной темнозеленой, мех лапчатой лисей, нашивка золотная веревчатая, пугвицы. *Отдан креснику князю Ивану.*

Л. 12 об. Кафтан ²⁶ червчатой суконной, четыре гнезда нашивки золотной, подпушен тафтою голубою. *Отдан Ивану Боеву.*

Л. 13. Шуба ²⁷ камчатая жаркая, мех лисей хрептовой. ²⁸ *Верх отдан кнеши, а мех подложен под кафтан, помнит боярин* ²⁸.

Шуба ²⁹ камчатая вишневая, мех черевей песцовой белой. *Отдана княгине старой.*

Л. 13 об. Золото ³⁰ не нем десять образцов, низаны жемчугом, у образцов завяски с кистми з золотом, подложено тафтою зеленою, потпушка отглас желтой. *Иванова Лызлова, а образцы мои, золото отдано Ивану Лызлову, образцы у кнеши.*

Л. 14. Золото ³¹ подложено киндяком лимонным, потпушка отласная червчатая без образцов. *Спорок золотной есть, а киндяк и потпушка вынято и подложено под кафтан, помнит боярин.*

Шуба ³² обьяринная жаркая, круживо серебряное кованое, мех соболей пупчатой, ожерелье бобровое, кругом пух бобровой без нашивки. *И 189-го октября в 24 день ис той шубы переделан кафтан короткие рукава, а мех тот же и круживо спорото ³³-и пух ³³, взято вверх к боярину. И о том писано наперед под теми кафтаны имянно.*

Л. 14 об. Шуба ³⁴ камчатая червчатая, нашивка торочковая бес пугвиц, мех черевей лисей, ожерелье бобровое, кругом пух бобровой. *И 189-го октября в 24 де с той шубы верх спорот и отдан князь Алексею Васильевичю на кафтан, а мех подложен под кафтан осиновою обьяринной, а пугвицы нашиты на белой кафтан камчатой, что делан в Севску. И о том писано наперед под теми кафтаны имянно, абух с той шубы взято вверх к боярину.*

Л. 15. Шуба ³⁵ тафтяная белая, нашивка торочковая мех белей, кругом пух бобровой без ожерелья. *И 189-го октября в 24 де с той шубы верх спорот, а мех подложен под шубу полосатую дорогилную и пух тот же, ис той шубы нашивка взята вверх к боярину.*

Л. 15 об. Охобень ³⁶ обьяринной жаркой, круживо серебряное двенадцать образцов низаные с камением и с канителью, завяски с

кистми зеленой шолк з золотом, подпушка отласная зеленая. *Образцы Ивана Лызлова. И 189-го октября в 24 де с того охобня круживо взято вверх к боярину, а образцы с того охобня взято к княгине.*

Л. 16. Охабень³⁷ изуфряной малиновой, нашивка тройная серебряная волоченово серебра цветная, пугвицы обшиваны сканым волоченым серебром, подпушен отласом желтым. *Подпушка из под нево выпорота и взято х боярину.*

Л. 16 об. Охабень³⁸ кропивной изуфряной, нашивка тройная золото с серебром, отласом желтым потпушен. *Переделан в кафтан, нашивка в казне, потпушка взята х боярину.*

Л. 17. Охабень³⁹ кропивной изуфряной, нашивка тройная серебряная, пугвицы вязаны рядами золотом, меж вяски прошивано серебром, подпушка отласная алая. *Марта в 10 день снята нашивка и нашта на сливной охабень. А охабень переделан в кафтан князю Алексею Васильевичю и потпушка тут же.*

Л. 17 об. Охабень⁴⁰ сливной изуфряной, нашивка золотная тройная, подпушен отласом желтым. *Снята марта в 10 день и нашта на осиновою охабень, а на сей сливной охабень нашта с кропивнова охобня, и о том пот тем крапивным охобнем писано. Охабень переделан в кафтан князю Алексею Васильевичю и с потпушкою, а про нашивку ведает боярин.*

Л. 18. Охабень⁴¹ изуфряной коришной, нашивка золото с серебром, делана по вервям, подпушка желтая отласная. *Снята нашивка, а нашивка на кропивной охабень и о том писано пот тем охобнем именно. Охабень отдан, помнит боярин.*

Л. 18 об. Охабень⁴² изуфряной осиновою без нашивки, потпушен желтым травчатым отласом. *Нашта нашивка марта в 10 де, а снята с сливнова охобня золотная, и о том писано пот тем охобнем. И 189-го октября в 24 де с того охобня нашивка спорота и нашта на арманейной кафтан изуфряной, а в том охобне переделан кафтан князь Алексею Васильевичю.*

Охабень⁴³ обьяринной алой без образцов и бес кружива, подпушен камкою желтою. *Отдан князь Алексею Васильевичю. И 188-го в том охобне зделан охабень князь Алексею Васильевичю.*

Л. 19. Охабень⁴⁴ изуфряной темнозеленой, нашивка тройная тафтяная, пугвицы корольковые, пот пугвицы и пугвицы закреплены места серебряными с чернью 19 пугвиц, потпушен червчатым отласом. *Февраля в 12 день отдан Григорью Жданову бес пугвиц, а пугвицы в казне. Марта в 25 день пугвицы нашиты на охабень князю Алексею Васильевичю на вишневой.*

Л. 19 об. Ферези⁴⁵ камчатые жаркие, мех горностаевой, завяски шолк осиновою. *И 189-го октября в 24 де верх спорот и отдан княгине Овдотье Ивановне не⁴⁶ телогрею, а завяски⁴⁷-и пух⁴⁷ у ней же, мех отдан князь Алексею Васильевичю под кафтан червчатой камчатой.*

Ферези ⁴⁸ камчатые белые, мех черевей лисей, нашивка золотная двойная. *Верх снят, а покрыты камкою рудожелтою и нашивка та. И нашивка нашта на те ферези, а верх отдан княжне Ирине Васильевне.*

Л. 20. Ферези ⁴⁹ желтые отласные, отлас травчатой белой черевей, нашивка серебряная двойная. И те ферези изношены.

Ферези ⁵⁰ камчатые зеленые травы по червчатой земле, подложены киндяком лимонным, полы потбиты черевами белыми, нашивка серебряная, кругом пух бобровой.

Л. 20 об. Ферези ⁵¹ желтые отласные, отлас травчатой мех черевей белой, нашивка плетеная. И те ферези изношены.

Ферези ⁵² китайчатые вишневые, мех пупчатой соболей, нашивка торчочковая. *Взяты вверх совсем.*

Л. 21. Шапка бархатная червчатая с соболем с обручми з золотыми, в обручах искры яхонтные да изумрудные, четыре обруча, обручи обнизаны жемчюгом, тулейка у шапки соболя. *Обручи сняты и отданы вверх, а тулейка потшита под лимонную вершак, и о том верхке писано наперед, а окол соболей в казне и тот соболей окол положен под двоemorхую алую шапку. Верхек спорот и отдан князь Алексею Васильевичю, а обручи отданы княгине, а соболя под коришнюю бархатную, петли нашиты большие тут же.*

Л. 21 об. Шапка суконная гвоздишная с соболем, тулейка соболя, петли жемчужные. *Ноября в 1 де сняты и нашиты на гвоздишную шапку з душкою. И с той шапки петли отданы княгине, а тулейка подложена под алую шапку.*

Шапка суконная гвоздишная з душкою, тулейка соболя бес петель. ⁵³ *Нашивка* ⁵³. *Ноября в 1 день сняты з гвоздишной шапки и нашиты на сю вышеписанную шапку, и о том пот тою шапкою петлях писано* ⁵⁴.

Л. 22. Шапка серая с соболем, тулейка соболя бес петель. *Вершок отдан, а тулейка потшита под гвоздишную шапку з душкою и о том писана зади пот тою шапкою, что тулейка соболя* ⁵⁵.

Шапка темнозеленая с соболем, тулейка кунья бес петель. *Отдана.*

Л. 22 об. Шапка зуфреная малиновая с огонки соболя. *Спальная.*

Шапка калмыцкая с соболем. *И апреля в 11 день ис под сей шапки соболя один вынят и положен под бархатную темнокоришнюю шапку под новую,* ⁵⁶ *а испод вынят от лисья дуичатово околу* ⁵⁶, *и другой соболя взят х боярину.*

Л. 23. Изарбаф ⁵⁷ маковой цвет, по нем травы золотные, по мере семь аршин бес пяти вершков. *Апреля в 10 день зделаны ферези на горностаих, зовяски зеленой шолк з золотом, в пяти местех мех вынет ис пот приволоки золотной и о том писано на том листе* ⁵⁸, *где приволока писана. Ферези есть в казне.*

Отласу желтого девять аршин. *Октября 30 число 8 аршин подарено Симону дохтуру, аршин оставлен.*

Камка крапивная китайская 8 аршин. *Июня в 10 де из сей вышеписанной камки зделан кафтан холодной долгополой, подложен киндяком крапивным, подбит дорогами красными, нашивка серебряная, по краям полосы золотные. И 188-го на государеве службе в Севску боярин князь Василей Васильевич пожаловал тот кафтан диаку Петру Самойлову по ево челобитью.*

Л. 23 об. Зуфь анбурка коришная. *Зделан охобень. Охабень переделан в кафтан.*

Две ⁵⁹ зуфи малиновые анбурки, продоны; про одну изуфрь помнит боярин. Октября в 18 де в малиновой вышеписанной зуфи зделан кафтан с проймы ⁶⁰-теплой ⁻⁶⁰, а мех под ним лисей хрептовой, что был пот киевским суконцем, кругом голун серебряной опушен пухом, нашивка золота с серебром с макового кофтана, и о том пот тем кофтаном писано. ⁶¹-И о том меху писано пот тем писмом, где тот мех в сей книге написан ⁻⁶¹.

Спорок бархатной червчатой кафтанной. *Переделан в кафтан князю Алексею Васильевичю.*

Л. 24. Спорок ⁶² кафтанной обьярь серебряная по зеленой земле. *В казне есть.*

Сукно ⁶³ гвоздишное по мере четыре аршина пять вершков.

Октября ⁶⁴ 24 день скроен и зделан кафтан длинной, а мех вынет из-под маковава суконнова кофтана. А нашивка снета с крапивнова отласнова кунья кофтана. И о том писано под тем отласным кофтаном; об нашивке и об меху— под суконным маковым кофтаном. Голун на нем золотной, опушен огонки куньими корваши, подложены соболами, нашивки осталось длинной 6 гнезд, и та у кнеини.

Л. 24 об. Ожерелье алтабасное стоячее обнизное. Жемчуг снят на шапку, на петли. *Ожерелье взято х боярину.*

Ожерелье ⁶⁵ стоячее шитое золотом да серебром и розными цветными шолками по белому отласу. *Отдано диаку Семену Кареву, а в то место у него взято ожерелье оксамитное, взято вверх.*

Л. 25. Ожерелье ⁶⁶ стоячее шитое золотом да серебром и розными цветными шолками по белому ж отласу. *Взято вверх.*

Ожерелье ⁶⁷ стоячее алтабасное. *Взято вверх.*

Л. 25 об. Ожерелье ⁶⁸ стоячее обьяринное цветное травчатое. *Взято вверх.*

Ожерелье ⁶⁹ стоячее черное байберековое. *Взято вверх.*

Л. 26. Штаны камчатые жаркой цвет, камка китайчатая. *Вверху.*

Штаны камчатые ж камка китайчатая, стеганы на бумаге жаркой цвет. *Вверху.*

Л. 26 об. Штаны алые суконные, ушкалы камчатые осиновые. *Вверху. Чулки рудожелтые шолковые.*

Чюлки гвоздишные шелковые. *Вверху.*

Чюлки голубые шелковые. *Вверху.*

Л. 27. Чюлки голубые шелковые ж. *Вверху.*

Чюлки алые шелковые. *Вверху.*

Чюлки шелковые осиновые. *Вверху.*

Л. 27 об. Чюлки гарусные. *Вверху.*

Чюлки серые гарусные. *Вверху.*

Вновь.

2 чюлки алые новые, в казне.

Чюлки рудожелтые новые, в казне.

Чюлки нагой цыет новые, в казне.

Чюлки крапивные новые, в казне.

Подвяски тесмянные, тесма кизылбаская. *Вверху.*

Л. 28. Подвяски серебряные, пряшки двойные с наконешниками, набраны на ремешке. *Вверху.*

Остаток ⁷⁰ червчатого мохнатого бархату з двумя вершки, аршин. *Издержан.*

Остаток ⁷¹ мохнатого рудожелтого бархату, поларшина. *Издержано.*

Л. 28 об. Камки жаркой остаток. *Апреля в 10 де из сего вышеписанного остатка зделаны штаны.*

Остаток ⁷² бархату золотново травчатого лоскут на два ожерелья.

Взято вверх.

Л. 29. Завес ⁷³ изорбатной, подложен красным киндяком. *Вверху.*

Завес ⁷⁴ тафтяной полосатой, полосы розных тафт, сверж завесу грива дорогильная полосатая з бахрамою. *Вверху.*

Л. 29 об. Две завесы стамедные зеленые. *Взяты вверх г детям.*

Два ⁷⁵ завеса отласные оконные.

Л. 30. Одеяло камчатое травчатое полосатое. Грива бархат золотной стегано на бумаге, подложено темнозеленым киндяком. *Вверху.*

Одеяло дорогильное полосатое, грива отласная желтая, опушка камчатая цветная, стегано на бумаге. *Вверху.*

Л. 30 об. Одеяло кунье под отласом травчатым, грива отласная желтая. *Вверху.*

Одеяло песцовое хребтовое, песцы белые под отласом пот травчатым, грива дорогильная поласатая. *Вверху.*

Л. 31. Тритцать ⁷⁶ пугвиц серебряные золочены, 9 гапель и петелек. *Взяты вверх.*

Вершок ⁷⁷ лимонной бархатной. *Зделана шапка з душкою, и о том писана наперед.*

Л. 31 об. Вершок сшитой суконной серой. *Отдан.*

Окол душчатой ⁷⁸ лисей черной. *Пошит под лимонную, вершек тудейка ис пот червчатого вершка и петли, и о том писано пазади пот тем червчатым вершком.*

Окол дупчатой ⁷⁹ лисей черной. *Испод у него пришит шапочной соболей и тот испод отнят и подвнят и подшит под червчатую бархатную шапку, и о том писано назади под шапошною статьею.*

Л. 32. Нашивка ⁸⁰ золотная, что бывала на епанче. *Отдана.*

Емурлук суконной гвоздишной, подпушка дорогилная полосатая, десять пугвиц серебряные, вызолочены, на прорешках две половинки пуговошны. *Отдан емурлук, а пугвицы в казне, пять пугвиц.*

Л. 32 об. Емурлук ⁸¹ валяной кизылбаского валянья, плащи медные золочены да лопасти зеленые тафтяные. *А плащи нашиты князю Алексею Васильевичю на емурлук.*

Епанча ⁸² сукно крапивное, нашивка полковая зеленая.

Л. 33. Рукавицы ⁸³ червчатые бархатные теплые, испод соболей, опушены сободем. *Вверху.*

Рукавицы ⁸⁴ перчатые бархатные таусинные, исподы опушены. *Огонки соболы. Вверху.*

Рукавицы ⁸⁵ червчатые бархатные. *Спорки. Вверху.*

Чюлок голубой шолковой.

Л. 33 об. Чюлок алтой шолковой.

Ожерелье бархатное червчатое от ферезеи. *Взято вверху.*

Мех лисей хребтовой ис-под киевского суконца. *Ноября в 18 день подложен пот кофтан зурфреной и малиновой.*

Л. 34. Суконцо армяшное песошное, по мере шеснатцать аршин. *Декабря в 23 день отдан Ивану Федоровичю Стрешневу.*

Выдра ⁸⁶.

Л. 34 об. Ковер ⁸⁷ столовой триповой.

Ковер ⁸⁸, прибит в крестовой.

Ковер ⁸⁹, прибит в крестовой.

Л. 35. Калим ⁹⁰.

Попона постельная ⁹¹.

Два ⁹² зуба рыбьих целых да зуб ростерт вдоль, да два оттирка зубных толстых концов. *Изошли, взял боярин.*

Л. 36. Спорок ⁹³ кафтанной суконной киевского суконца. *Взят х боярину.*

Шапка ⁹⁴ суконная черная с сободем, тулейка соболя бес петель.

Л. 36 об. Вершок ⁹⁵ суконной черной, подложен отласом с нашивкою тафтяною.

Рукавицы ⁹⁶ черные суконные куньи, пушены соболми.

Л. 37. Охобень ⁹⁷ зурфряной черной, нашивка черна, шолковая, потпушка черная тафтяная. *Зделан кафтан.*

Кафтан ⁹⁸ турской изуфряной черной, нашивка черная шолковая. *Отдан Аверкею Головкину.*

Л. 37 об. Спорок обярянной черной ферезейной. *Отдан княгине.*

Спорок ⁹⁹ суконной черной ферезейной. *Зделан кафтан.*

Спорок отласной черной кафтанной. *Взят вверх и отдан княгине старой и продан.*

Л. 38. Две ¹⁰⁰ нашивки черные шелковые с узлы и с кистми.

Две ¹⁰¹ нашивки ж черные шелковые без узлов.

Л. 38 об. Сафьян черной.

Нынешняго 188-го году новые кафтаны зделаны:

Кафтан ¹⁰² коришной бархатной пунчетой соболей, опушен огонки, кругом круживо плетеное золотное и мех под него вынят ис-под кафтана турского обьеринново осинового, и круживо снято с него же; на нем по две петлицы обрушинные, обнизаны жемчугом большим, обручи с него и жемчюг снят — отдано кнеине.

Кафтан ¹⁰³ байберековой маковой на горностаях без выпушки, нашивка и галун золотная долгая да короткая.

Кафтан ¹⁰⁴ обьеринной черной на горностаях, короткие рукава без выпушки, галун и нашивка серебряные, одна долгая, другая короткая.

Список помет на полях рукописи

- 1 На левом поле написано: *е.*
- 2-2 Написано над строкой.
- 3 На правом поле написано: *е.*
- 4 На левом поле написано: *нет.*
- 5 На правом поле написано: *е.*
- 6 На левом поле написано: *есть.*
- 7 На правом поле написано: *нет.*
- 8 На левом поле написано: *от.*
- 9-9 Зачеркнуто.
- 10 На правом поле написано: *от.*
- 11 На левом поле написано: *есть.*
- 12 На правом поле написано: *есть.*
- 13 На левом поле написано: *есть.*
- 14 На правом поле написано: *нет.*
- 15 На левом поле написано: *нет.*
- 16 На левом поле написано: *есть.*
- 17 На левом поле написано: *нет.*
- 18 На левом поле написано: *есть.*
- 19 На левом поле написано: *нет.*
- 20 На правом поле написано: *есть.*
- 21 На левом поле написано: *есть.*
- 22 На правом поле написано: *есть.*
- 23 На правом поле написано: *есть.*
- 24 На левом поле написано: *есть.*
- 25 На правом поле написано: *нет.*
- 26 На левом поле написано: *нет.*

- 27 На правом поле написано: + *есть*.
- 28-28 Зачеркнуто.
- 29 На правом поле написано: *нет*.
- 30 На левом поле написано: *нет*.
- 31 На правом поле написано: + *есть*.
- 32 На правом поле стоит знак «+».
- 33-33 Написано над строкой.
- 34 На правом поле стоит знак «+».
- 35 На правом поле стоит знак «+».
- 36 На левом поле стоит знак «+».
- 37 На правом поле написано: + *есть*.
- 38 На левом поле написано: *нет* +.
- 39 На правом поле написано: + *нет*.
- 40 На левом поле написано: *нет* +.
- 41 На правом поле написано: *нет*.
- 42 На левом поле написано: *нет* +.
- 43 На левом поле написано: *нет*.
- 44 На правом поле написано: *нет*.
- 45 На левом поле написано: *нет*.
- 46 Так в тексте.
- 47-47 Написано над строкой.
- 48 На левом поле написано: *нет*.
- 49 На правом поле написано: + *нет*.
- 50 На правом поле написано: + *есть*.
- 51 На левом поле написано: *нет* +.
- 52 На левом поле написано: *нет* +.
- 53-53 Зачеркнуто.
- 54 В конце строки стоит знак «Е».
- 55 В конце строки стоит знак «Е».
- 56-56 Зачеркнуто.
- 57 На правом поле написано: *есть*.
- 58 Зачеркнуто: *в том мес*.
- 59 На левом поле написано: *нет*.
- 60-60 Написано над строкой.
- 61-61 Написано на правом поле.
- 62 На правом поле написано: *есть*.
- 63 На правом поле стоит знак «+».
- 64 На левом поле стоит знак «+».
- 65 На левом поле стоит знак «+».
- 66 На правом поле стоит знак «+».
- 67 На правом поле стоит знак «+».
- 68 На левом поле стоит знак «+».
- 69 На левом поле стоит знак «+».

- 70 На правом поле написано: *нет*.
71 На правом поле написано: *нет*.
72 На правом поле написано: *нет*.
73 На правом поле стоит знак «+».
74 На правом поле стоит знак «+».
75 На левом поле написано: *есть*.
76 На правом поле стоит знак «+».
77 На правом поле стоит знак «+».
78 На левом поле стоит знак «+».
79 На левом поле стоит знак «+».
80 На правом поле стоит знак «+».
81 На левом поле написано: *есть*.
82 На левом поле написано: *есть*.
83 На правом поле написано: *есть*.
84 На правом поле написано: *есть*.
85 На правом поле написано: *есть*.
86 На правом поле написано: *есть*.
87 На левом поле написано: *есть*.
89 На левом поле написано: *есть*.
90 На правом поле написано: *есть*.
91 На правом поле написано: *есть*.
92 На правом поле написано: + *нет*.
93 На правом поле стоит знак «+».
94 На правом поле написано: + *есть*.
95 На левом поле написано: *есть* +.
96 На левом поле написано: *есть*.
97 На правом поле написано: + *нет*.
98 На правом поле написано: + *нет*.
99 На левом поле стоит знак «+».
100 На правом поле написано: + *есть*.
101 На правом поле написано: + *есть*.
102 На левом поле написано: *есть*.
103 На левом поле написано: *есть*.
104 На левом поле написано: *есть*.

Примечания

¹ См.: Розыскные дела о Федоре Шакловитом и его сообщниках. Т. IV. СПб., 1893. Стб. 57—92.

² Подробнее об изменении придворного костюма в конце XVII в. см.: *Седов П.В.* Реформа служилого платья при Федоре Алексеевиче // Труды Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию юбилею отечественного флота. Вып. 1. Переславль-Залесский, 1992. С. 80 и сл.; *Седов П.В.* Распространение польской моды при

Московском дворе в начале 80-х годов XVII в. // *Феодальная Россия: Новые исследования*. Вып. II. СПб., 1998. С. 59—65.

³ Цит. по: *Соловьев С.М.* Сочинения. Кн. VIII: История России с древнейших времен. М., 1993. С. 331.

⁴ См. : *Тихомиров М.Н.* Записки приказных людей конца XVII в. // *ТОДРЛ*. Л., 1956. С. 446.

Summary

Till now the researches had only one list of clothes made while confiscating the property of boyar V.V. Golitsyn in 1689. Published here another list of V.V. Golitsyn's clothes was made by 11 years earlier than the first one. It is the earliest list of boyar's clothes of Moscow Russia.

СПИСОК АВТОРОВ

- Алексеев
Алексей Иванович* кандидат исторических наук,
доцент кафедры русской истории
Санкт-Петербургского
государственного университета
- Анисимов
Евгений Викторович* доктор исторических наук,
профессор, ведущий научный
сотрудник Санкт-Петербургского
филиала Института российской
истории РАН
- Дубаков
Андрей Валентинович* кандидат исторических наук,
преподаватель Волгоградского
колледжа нефти и газа
- Лобачев
Сергей Владимирович* кандидат исторических наук,
преподаватель факультета
международных отношений Санкт-
Петербургского государственного
университета
- Павлов
Андрей Павлович* доктор исторических наук, ведущий
научный сотрудник Санкт-
Петербургского филиала Института
русской истории РАН
- Перри Морин* доктор исторических наук,
профессор, руководитель семинара
восточно-европейских исследований,
Бирмингем (Великобритания)
- Седов
Павел Владимирович* кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник Санкт-
Петербургского филиала Института
русской истории РАН
- Тупикова
Наталья Алексеевна* доктор филологических наук,
профессор, заведующая кафедрой
истории русского языка и стилистики
Волгоградского государственного
университета

*Тюменцев
Игорь Олегович*

доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России,
декан исторического факультета
Волгоградского государственного
университета

*Тюменцева
Нина Егоровна*

кандидат исторических наук,
доцент кафедры романской
филологии Волгоградского
государственного университета

*Ульяновский
Василий Иринархович*

заведующий кафедрой истории
древней и новой истории Украины
Киевского национального
университета им. Тараса Шевченко
(Украина)

*Флоря
Борис Николаевич*

член-корреспондент РАН, доктор
исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института славяноведения РАН

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическую экспедицией Императорской Академии наук
- АЕВ — Астраханские епархиальные ведомости
- АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею
- АЗР — Акты Западной России
- Акты Юшкова — Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества
- АСПб. ФИРИ РАН — Архив Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории Российской академии наук
- АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси
- АЮЗР — Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России
- БАН — Библиотека Академии наук СССР
- БРАН — Библиотека Российской академии наук
- БС — Боярские списки
- ВВ — Византийский временник
- ВИ — Вопросы истории
- ВИД — Вспомогательные исторические дисциплины
- ВК — Вопросы краеведения
- ВМОИДР — Временник Московского общества истории и древностей российских
- ГААО — Государственный архив Астраханской области
- ГАВО — Государственный архив Волгоградской области
- ГИМ — Государственный исторический музей
- ДАИ — Дополнения к Актам историческим
- ИЗ — Исторические записки

ИСССР	— История СССР
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ЗС	— Знание — сила
ЛГПИ	— Ленинградский государственный педагогический институт
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ЛНБ НАНУ	— Львовская научная библиотека Национальной академии наук Украины
ЛОИИ	— Ленинградское отделение института истории
МА	— Морской атлас
НЖ	— Наука и жизнь
НР	— Наука и религия
ОИ	— Отечественная история
ОМAMЮ	— Описание Московского архива Министерства юстиции
ПЗАК	— Протоколы заседаний Археографической комиссии
ПСЗ	— Полное собрание законов Российской империи
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
РА	— Русский архив
РВ	— Русский вестник
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РГНФ	— Российский научный гуманитарный фонд
РИБ	— Русская историческая библиотека
РИО	— Русское историческое общество
РЛ	— Русская литература
РНБ	— Российская национальная библиотека
СГГД	— Собрание государственных грамот и договоров
СМ	— Сборник Муханова
СПбГУ	— Санкт-Петербургский государственный университет

- СХ — Сборник Хилкова
 ТК и ДТ — Тысячная книга и Дворовая тетрадь
 ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы
 Института русской литературы (Пушкин-
 ский Дом) Российской академии наук
- ЦДИА — Центральный державний історичний архів
 ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей
 российских при Московском университете
- AGAD — Archiwum Główne Act Dawnych w
 Warszawie
- ВРАН — Biblioteka Polskiej Akademii Naukowej w
 Krakowie

СОДЕРЖАНИЕ

К юбилею Руслана Григорьевича Скрынникова	5
Список основных печатных трудов профессора Р.Г. Скрынникова	17

Научные статьи

<i>Флоря Б.Н.</i> Податные привилегии светских феодалов в период образования единого Русского государства	28
<i>Алексеев А.И.</i> Царь Иоанн Васильевич Грозный и император Феодор II Ласкарис (об уместности одной исторической аналогии)	38
<i>Дубаков А.В.</i> Астраханская епархия в XVI—XVII вв.: спорные вопросы истории	49
<i>Ульяновский В.И.</i> Царское венчание Лжедмитрия I: между Западом и Востоком?	76
<i>Тюменцев И.О.</i> К истории калужского периода движения Лжедмитрия II	93
<i>Павлов А.П.</i> Боярские списки 30—40-х гг. XVII в.	136
<i>Лобачев С.В.</i> Патриарх Никон и церковная иерархия	186
<i>Перри М.</i> В чем состояла «измена» жертв народных восстаний XVII века?	207
<i>Анисимов Е.В.</i> Таинство рождения Петербурга	221

Публикации

Тузикова Н.А., Тюменцева Н.Е., Тюменцев И.О.

Донесения иноземцев о ситуации в Замосковье и Поморье
в 1608—1609 годы (из русского архива Яна Сапеги) 235

Седов П.В.

Опись гардероба боярина
князя Василия Васильевича Голицына 267

Список авторов 283

Список сокращений 285

Äÿ çàìàòîê

Äÿ çàìàòîê

Научное издание

РОССИЯ XV— XVIII СТОЛЕТИЙ

Сборник научных статей

Главный редактор *А.В. Шестакова*
Редакторы: *О.С. Кашук, Т.Ю. Лященко*
Технический редактор *Л.В. Субботина*
Художник *Н.Н. Захарова*

ЛР № 020406 от 12.02.97

Подписано в печать 03.01 2001 г. Формат 60×84/16.
Бумага типографская № 1. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 16,97.
Уч.-изд. л. 18,25. Тираж 100 экз. Заказ . «С» 1.

Издательство Волгоградского государственного университета.
400062, Волгоград, ул. 2-я Продольная, 30.